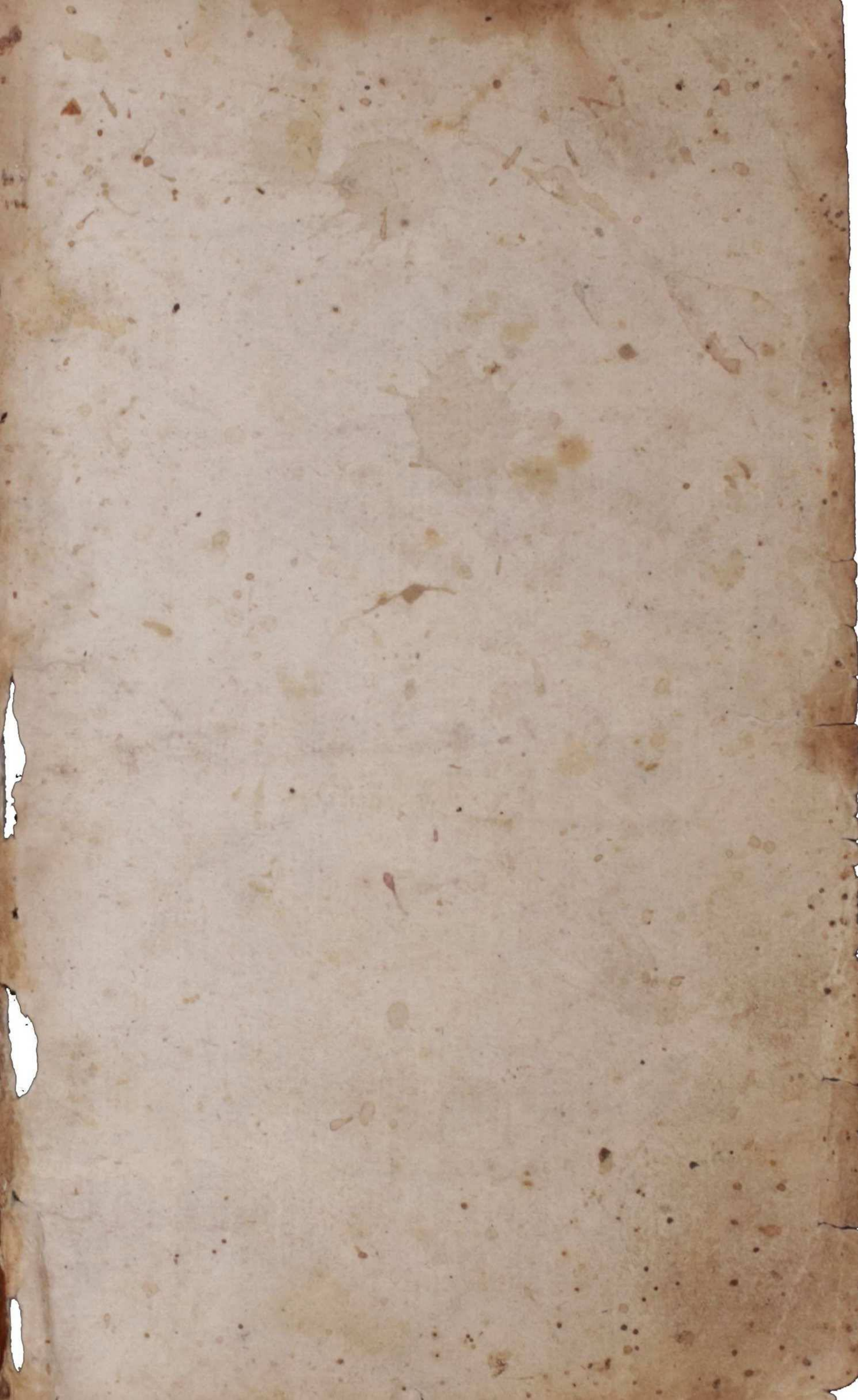
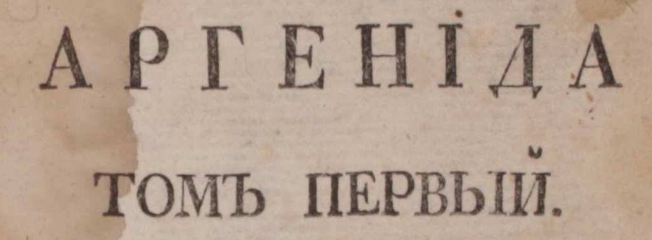

АРГЕНІДА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

№ л 45 изъ книгъ
Льва Архипова

АРГЕНІДА

ПОВѢСТЬ ГЕРОІЧЕСКАЯ

СОЧИНЕННАЯ

ІОАННОМЪ БАРКЛАІЕМЪ

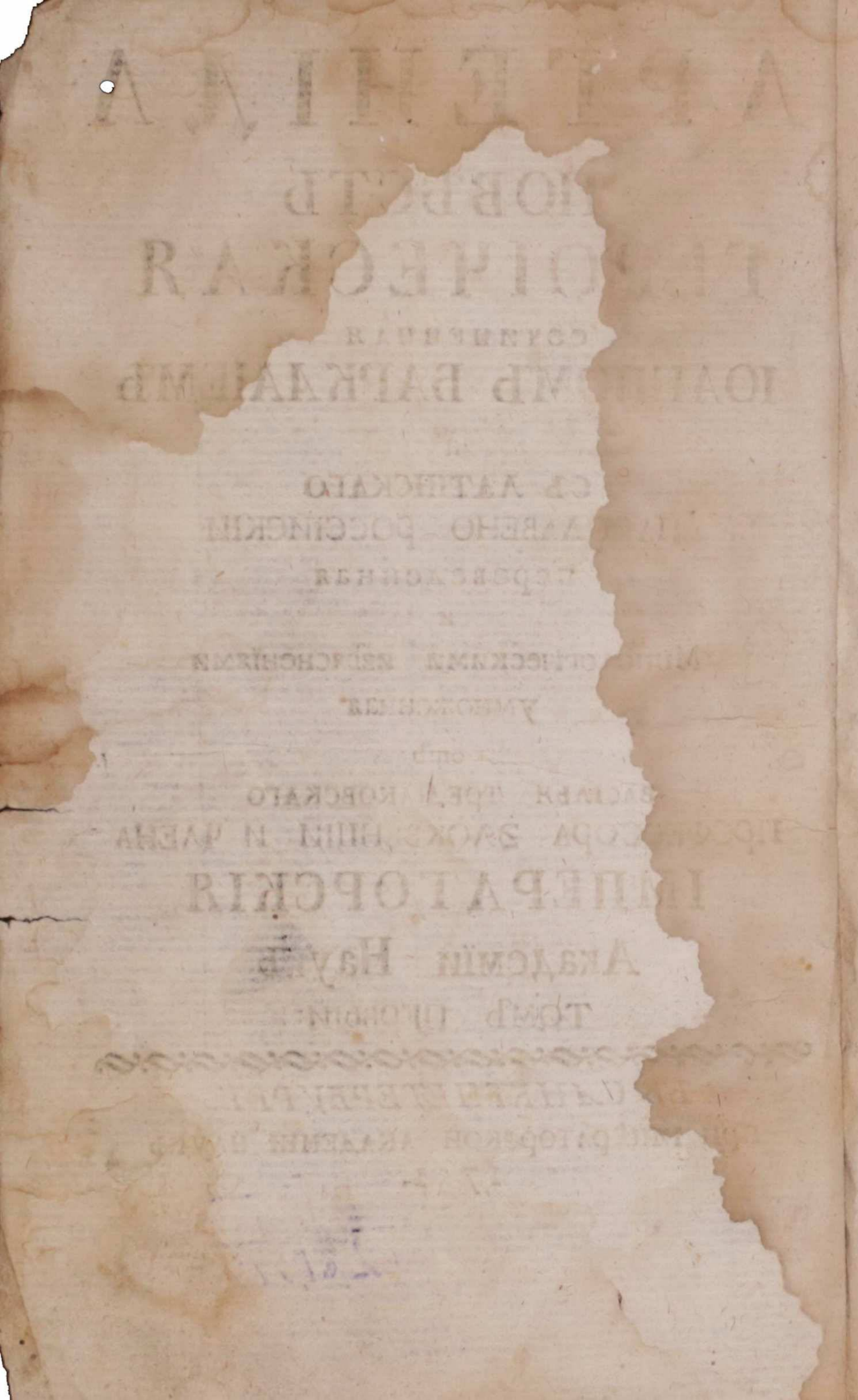
а

СЪ ЛАТІНСКАГО
НА СЛАВЕНО-РОССІЙСКІЙ
переведенная
и
Міѳологіческими изъясненіями
умноженная
отъ
ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО
ПРОФЕССОРА ЭЛОКВЕНЦІИ И ЧЛЕНА
ІМПЕРАТОРСКІЯ
Академіи Наукъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
при Імператорской Академіи Наукъ
1751.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЪ.

I.

Мелеандръ открываетъ Аргенідѣ намѣреніе, которое онъ предвоспріялъ, мстить за Царское достоинство. Дщерь похваляетъ въ немъ сіе, и отправляется въ замокъ Эпеіркту. Селенісса, съ зависти къ Тімоклеѣ, облыгаетъ ея, и дѣлаетъ подозрительною Государю своему.

II.

По отбытіи Аргенідіномъ съ Іббурраномъ, Мелеандръ и самъ также нарочно поспѣшаетъ въ Эпеіркту. На пути взбѣсившіися кони въ озеро его завозятъ, въ которомъ онъ едва не потонулъ: однако помощію Архомбротовою выхваченъ изъ воды. Эрістенъ Царскаго возницу, подъ видомъ мщенія за злоключеніе Царю, мечемъ прободаетъ: а жестокость сія разумнѣйшимъ не угодна была. О дѣлахъ Сіцілійскаго государства, и о призваніи назадъ Поліарха, Царь совѣтъ учинилъ.

III.

Архомбротъ несказаннымъ образомъ влюбился
Аргениду. Лікогенъ всѣми мѣрами привле-
етъ къ себѣ общество. Всѣ мнятъ, что онъ
о Гіперефанянъ къ согласію призываетъ. Но
люди Гіперефаняне, и кто былъ мудро-
заводчикомъ, о томъ Іббурранъ ска-
мброту.

IIII.

IIII.

Эрїстенъ и Архомбротъ сокрушаютъ себя печалїю: сей съ любви къ Аргенидѣ, а тотъ со ненависти на Мелеандра, которому онъ тайное ухищренїе, однако безъ успѣха, прїуготовляетъ. Аргенида въ двоякомъ попеченїи находится, сїежъ, какъ желая всякаго добра обществу, такъ и Полїарху богатое зарукавье на память себя готовя. Сей подарокъ для врученїя отдается Тїмонїду: однако Эрїстенъ оное зарукавье ядомъ прежде напоилъ; а Лїкогенъ, притворную возобновить хотя прїязнь съ Полїархомъ, увѣдомляетъ его письмомъ, и проситъ, чтобъ онъ хранилъ себя отъ Мелеандрова дара напоеннаго отравою.

V.

Когда Царь призываетъ къ себѣ Лїкогена, но втуне, а Олоодема и Эрїстена имѣетъ уже въ своихъ рукахъ; тогда Тїмонїдъ, посланный къ Полїарху, на́-морѣ находится: тамъ жалосное, недавно потопшаго су́дна, увидѣлъ онъ зрѣлище. Ибо цѣлая галера сѣла на дно, отъ которыя только верьхъ машты былъ видимъ: на сей живый еще досидѣлся мореплаватель. Тїмонїдъ приказалъ его снять, и взять въ свое судно; а увѣдомившись отъ него о приключенїи, привезъ его съ собою къ Арсїдѣ. Сей, увидѣвъ плавателя, вострепеталъ, и о потопленїи Полїарховомъ нимало не сомнѣвался.

VI.

VI.

Арсїда съ Тїмонїдомъ возвращаются въ Сї-цїлїю; гдѣ прежде всѣхъ Геланора они увидѣли, и увѣдомились отъ него, какъ, по разбиенїи судна, Полїархъ съ Геланоромъ на камни попалъ. Съ сихъ сняли ихъ въ свой стружокъ морскїи разбойники: но когда ихъ, какъ невольниковъ, хотѣли они въ желѣза сковать; то Полїархъ справедливо разгнѣвавшись, нѣкоторыхъ изъ нихъ убиваетъ, а другихъ самихъ сковать приказываетъ. При томъ же случаѣ, выкраденное ими у Маврїтанскїя Царицы сокровище, взялъ къ себѣ: а когда одного изъ разбойниковъ разули; то находитъ онъ тамъ письмо къ себѣ отъ Лїкогена, которымъ сей клевещетъ на Мелеандра, что буттобъ онъ былъ растворитель яда.

VII.

Приплывъ въ Афрїку Полїархъ, Маврїтанскую Царицу увѣдомляетъ о сокровищѣ ей принадлежащемъ; которая увидѣвши, что оное ея сокровище все было въ цѣлости, плачетъ отъ радости, и особливо нѣкоторый токмо ларчикъ такъ прижимаетъ къ сердцу, что буттобъ она снова родилась, и снова стала Царицею, говоря необыкновенно.

VIII.

Возвратившись къ своимъ дѣламъ Полїархъ, и Сїцїлїю всегда въ памяти имѣя, по договору съ мореплавателемъ поставить Геланора туда, и сюда назадъ, сего къ Мелеандру Царю отправляетъ: а самъ отъ Маврїтанскїя Царицы за

за возвращенное ей сокровище, ничего въ воздаяніе взять не хочетъ. Но непрестанно помышляя о Сіциліи, заболѣлъ. Въ Сициліи Геланоръ къ Аполлінову пришелъ храму, и тамъ, съ Антеноріемъ священноначальникомъ разговариваетъ. Тудажъ и Гіеролеандр[illegible], [illegible] чтобъ зговорившись, прибылъ, и объявляетъ о смерти [illegible]

IX.

Нікопомпъ, вымышленною повѣстію вѣка своего нравы описать, обѣщается въ наставленіе потомству; а чего ради тотъ родъ сочиненія онъ избралъ, тому даетъ причину. Въ то время Геланоръ съ Гіеролеандромъ въ Эпеіркту прибыли. Первый изъ нихъ письмо, отъ Лікогена къ Поліарху писанное, Царю вручаетъ. Но когда предателей коварство открылось; то, по Клеобулову совѣту, Олоодемъ и Эрістенъ ядомъ сами умерщвлены: отъ чего Лікогенъ получилъ случай къ начатію явныя войны.

X.

Архомбротъ Астролога, излишно о себѣ думающаго, во дворецъ привелъ. Но пустоши исполненную его науку о будущихъ приключеніяхъ отъ наблюденія свѣтилъ, Нікопомпъ предъ Царемъ, доказавъ ея суету, осмѣялъ.

XI.

Мелеандръ не только не подаривъ ничемъ, но еще и острыми словами принявъ Геланора, отпу-

отпущаетъ его отъ себя: тогдажъ Лїкогенъ взявши силою крѣпость Энну, войско свое по всѣмъ полямъ распространяетъ. Царь, будучи толь въ печальномъ состоянїи, усмотрѣлъ, что море его все было покрыто военными судами. Потомъ о милостивой [illegible] получаетъ вѣдомость. Вѣстникъ отъ Радїробана Сардїнскаго Царя, встрѣтившїйся съ Тїмонїдомъ, увѣдомляетъ его о прибывшей помощи Мелеандру.

XII.

Мелеандръ въ учрежденной великолѣпно шлюпкѣ встрѣчаетъ Сардїнскаго Царя, прїѣхавъ къ нему въ ней. Тамъ оба, съ великимъ оказанїемъ прїязни, другъ друга привѣчаютъ. По сей причинѣ, Сїцїлїйскїи обыватели отъ страха въ надежду, а отъ печали въ радость возбуждаются. Одинъ токмо Архомбротъ внутренно себя сокрушаетъ, длятого что не могъ онъ смотрѣть веселымъ окомъ на прибывшаго себѣ соперника.

XIII.

По разглашенїи о прибытїи Сардїнскаго войска, Лїкогенова сила начинаетъ колебаться. Мелеандръ бунтующимъ обѣщаетъ прощенїе. Первый Ацегоръ отважился Царскому слову повѣрить, и съ немалою частїю войска въ лагерь его прибѣжалъ. Чегоради, Лїкогенъ позволяетъ всѣмъ, которыебъ хотѣли отъ него отступить, итти куда имъ угодно: симъ въ немалый стыдъ привелъ онъ свое войско.

XIIII.

XIIII.

Изъ крѣпости Катаны съ письмомъ присланъ военный человѣкъ отъ Комменданта, которымъ онъ объявляетъ Царю, что когда Анаксімандръ, Лікогеновъ племянникъ, въ осадѣ держалъ помянутую крѣпость; то Этна гора, наглый выбросивши огонь, какъ бы нарочно, на его лагерь, весь оный разорила. И понеже принужденъ онъ былъ отступить: тогоради осажденные жестокою выласкою его поразили. Сіе подало случай къ разговору о породѣ Ціклоповъ, и о другихъ древнѣйшихъ Сіцілійскихъ дѣлахъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ
отъ
трудившагося въ переводѣ.

I.

Троякимъ сочиненіемъ, (*) изданнымъ отъ Автора моего, въ свое время славнаго, или лучше, рассуждая по важности предлагаемыхъ вещей, также и по высотѣ его стіля, писателя несравненнаго, ученый свѣтъ съ удивленіемъ понынѣ

А пользу-

(*) Сїе разумѣется о знатнѣйшихъ токмо трехъ Авторовыхъ сочиненїяхъ: ибо онъ больше издалъ; но прочїи его труды, описанныи ниже въ житїи его, не толь славны, коль предлагаемыи здѣсь три.

пользуется. Первое есть Сатірическое, названное Эвформіонъ. Въ семъ Авторъ предпріялъ (a) ,, порочить весь міръ съ незлобивою смѣлостію, и больше желая получить ,, себѣ славу, нежели ругать нравы ,, человѣческаго рода ,, ; какъ онъ самъ необиновенно тамъ признается. Второе, есть описаніе разумовъ и нравовъ, въ которомъ не вообще токмо разборъ и отдѣленіе внутреннихъ свойствъ одного отъ другаго Авторъ производитъ, но такъ онъ при точномъ указаніи того (b) ,, слѣдуетъ исправно за начерта-

(a) Totum orbem insonti violentia accusare, plus in spem propriae laudis, quam ignominiae aliorum.

(b) In qua, vt potui, fidelissime naturae lineamenta sequutus sum, et aliquot discrimina adumbraui, quae in hominum animis eadem natura constituit, siue terrarum, vbi oriuntur, spiritu, siue fortunae, in quam nascuntur, aut perueniunt, sorte, siue etiam variarum aetatum discrimine, aut illorum adfectuum, qui pene diuersi singulos agunt.

Слов. Автор.

„ чертаніями натуры, что нѣсколько „ разностей во всякомъ родѣ разу- „ мовъ и нравовъ, и въ каждомъ „ разумѣ и нравѣ въ особности нахо- „ дитъ, которыми ихъ тажъ сама „ натура различила, какъ по свойству „ земель, гдѣ такіи люди родятся, „ такъ и по состоянію, въ какомъ и „ для какова они родились, или въ „ которое происходятъ, а при томъ „ и по степенямъ возраста, имен- „ ножъ отроческаго, юношескаго, „ мужескаго, и состарѣлаго.„ Чего ради оное сочиненіе и названо отъ Автора (*) Изображеніемъ разумовъ и нравовъ. Третіе, есть сія повѣсть, отъ Героины Аргениды, названная Аргенидою. Въ семъ его последнемъ сочиненіи, нѣтъ ничего подлаго, нѣтъ нискаго, и народнаго; все вездѣ преславное, знатное, отмѣнное, и Царскія верьховности достойное:

(*) Icon animorum.

стойное : словомъ, (c) ,, наполнено ,, оно, при различномъ и премногомъ ,, пресладкихъ Музъ пѣнїи, Царскою ,, любовїю, Царскою недружбою, Царскою поступкою, и всеконечно точнымъ Царскимъ духомъ.

2.

Намѣренїе Авторово, въ сложенїи толь великїя повѣсти, состоитъ въ томъ, чтобъ предложить совершенное наставленїе, какъ поступать Государю, и править государствомъ, особливожъ Французскимъ. До того одного всѣ принадлежатъ правила, до того примѣры; къ тому клонится и самый способъ и весь порядокъ совѣтовъ, гдѣ оныи означаются пороки, которымъ наиболыие подвержено было Французскаго королевства состоянїе. Къ предпрїятїю сему подали ему причину

(c) Quem multiplici ſuauiorum Muſarum mixtura regii amores regia odia, ſpititus denique regii implent.

Слов. Автор.

чину многіи писатели, (*) бывшіи прежде его, которыи предлагали о правилахъ царствованія, и о прочихъ політическихъ искусствахъ, сами по большой части не бывши употреблены ни при какихъ дѣлахъ. И не довольно было сея единыя продерзости: собщились тогда съ неюжъ школьныя рассужденія и споры, коими злосовѣсныи сумозброды охрипнувши съ крику опредѣляли, что королевская власть долженствуетъ имѣть предѣлы, пребывая токмо въ тѣхъ своихъ границахъ, и прочее многое и неистовое. Сюдажъ принадлежатъ и

 папскіе

(*) Сіи писатели особливо 1.) Фр. Готоманнъ въ въ книгѣ названной Франкогаллія 1573 года. 2.) Сіп. Юн. брутъ въ Виндіціяхъ на тіранновъ 1577 года. 3.) Георгій-бухананъ въ діал. о правѣ царствованія у Шотландцовъ въ Эдінбург. 1593 года. 4.) нѣкто безъимянный въ книгѣ о праведной на нечестивыхъ Королей власти, и имъ наказаніи, въ Антверпенѣ 1592 5.) Ламб. Даней въ політикѣ Христіанской въ Женевѣ 1596 года. 6.) бухерій. 7) священныи союзники изъ Сорбоны и Іезуиты.

папскїе такъ названные максїмы [узаконенїя], въ Iезуитскомъ мозгу рожденные, между которыми есть одна толикаго нечестїя, что и воспомянуть объ ней ужасно. боже мой! что сїе есть иное, какъ токмо возбуждать подданныхъ къ лютому и ненависному возмущенїю, лишать сердца дражайшаго спокойствїя, законопреступствовать предъ тобою Царемъ вселенныя, и вверьхъ дномъ, безъ твоего благоволенїя, обращать государства? А однако, сїе противъ Помазанниковъ божїихъ послѣднее правило положено не отъ мїрскихъ людей. (*) „Можноль бы подумать, чтобъ „толикою желчїю наполнены были нѣкоторыя сердца служащїя олтарю„? Ненависная оная богу и человѣкамъ книга, бывши напечатана въ римѣ 1625 года, хотя слѣдующаго и перепечатана была въ Парижѣ, однако тамже, равно какъ и сочиненная

(*) Tantae ne animis caelestibus irae.

Aeneid. l. 1.

ная Iезуїтомъ Марїандю, (*) 1610 года, сожжена всенародно. Но въ защищенїе, и утвержденїе непоколебимыя верьховныя власти, какъ основательно, такъ и непреодолѣемо потщались писать Гвїлїелмъ Барклай, (**) отецъ моего Автора, равнымъ образомъ и многїи другїи преславныи науками, искусствомъ, и добродѣтелїю люди. Чтожъ до свойства бунтовъ и мятежей, до подлоговъ, какїи приводятъ возмутители, до ихъ хитрости, до ихъ коварнаго намѣренїя; также, чего они особливо надѣются, и чего боятся; напослѣдокъ, какими средствами злосердныи бездѣльники обессилены, истреблены, и высокомѣрныя ихъ надменїя сокрушены быть могутъ: то всю толикую важность Iоаннъ Барклай въ сей своей Аргенїдѣ живо, ясно, подробно,

 справе-

(*) Томъ 1. Iсторїя Лудовика XIII. чрезъ Мїшела Ле-Вассоръ.

(**) De regno et regali potestate aduersus Monarchomachas.

справедливо, твердо, сладко, и великолѣпно представилъ къ неописанной и бессмертной себѣ на вѣки славѣ, а къ несказанной Государей и народовъ пользѣ. Я притомъ признаваюсь, что я только нѣкоторую часть Авторова намѣренія предложилъ: тогоради, лучше самому ему повѣрить въ семъ, и слышать отъ него, какъ онъ говоритъ о предпріятіи своемъ во II. части повѣсти сея глав. VII. числ. 52, и глав. IX. числ. 54.

3.

Впрочемъ, способъ писанія, который предпочелъ Авторъ, или еще и справедливѣе, который онъ изобрѣлъ, не знаю, былъ ли кѣмъ употребленъ до него латинскимъ языкомъ: оный есть (d) „совершенно, кажется, новый, „и мо-

(d) Nouo isti generi scriptionis, nec forsitan in latinis ante viso . . . vt faueas, et fauoris publici viam . . . aperias, facile poteris exorari.

Слов. Автор.

Новость сія не потому разумѣется, что Авторъ къ прозѣ своей стіхи присовокуплялъ:

„ и можетъ быть на семъ языкѣ не-
„ бывалый ; „ какъ то и самъ Авторъ сомнѣваясь утверждаетъ въ дедикацїи своей , приписанной Лудовику XIII. Французскому Королю. Подлинно , вся форма его стиля , также и весь способъ въ соединяемыхъ матерїяхъ , и отъ нихъ въ отступленїи , равно какъ и въ украшенїи , есть стїхотворческїй , какой у Гомера въ Илїадѣ и въ Одїссеѣ на Греческомъ , у Вїргїлїя въ Энеїдѣ , и у Стацїя въ Тебаїдѣ на Латїнскомъ , у Тасса въ избавленномъ Іерусалимѣ на Италїанскомъ , у Мїлтона въ Потерянїи рая на Аглинскомъ , у Камоэнса въ Лузїадѣ на Португальскомъ , и у Волтера въ Ганрїадѣ на Французскомъ : однако мой Авторъ сходствуя тѣмъ съ ними , разнится въ томъ же отъ нихъ. Они всю свою матерїю описы-

 вали

ибо такъ прежде Автора писалъ изъ древнихъ Петронїй-Арбїтеръ. Но Авторово дѣло новое въ способѣ писанїя , что онъ пїитїческое содержанїе сочинилъ прозою по Латїнски.

вали стїхами: но Іоаннъ Барклай все прозою, и по приличнымъ токмо мѣстамъ стїхи вноситъ. Они состоянїе поэзїй своихъ на їсторїяхъ утвердили, да только украсили вымышленными отъ себя обстоятельствами, не премѣняя їсторїческихъ именъ, хотя и не слѣдуя исправно за порядкомъ їсторїи. Но сей токмо примѣрами утверждаетъ бывшихъ дѣлъ, или въ его время совершающихся: всежъ прочее, а именно, матерїя, которая его есть собственная; время, которое отъ него полагается толь неизвѣсное и отдаленное, что оно еще прежде созданїя Рима; имена Латїнскїя и Греческїя особъ, которыя имъ токмо употреблены по изволенїю, хотя нѣкоторыя и взяты изъ їсторїи по приличїю; напослѣдокъ, обстоятельства, и преудивительное сплетенїе радосныхъ и печальныхъ приключенїй, все сїе, доношу я, вымышленное, и нигдѣ индѣ, кромѣ Аргенїды, необрѣтающееся.

щееся. А хотя онъ наименованія государствъ, земель и странъ вѣдомыя и точныя въ повѣсти своей употребляетъ; однако не тѣ страны прямо разумѣетъ, кои именуетъ, но всемѣрно иные. Наконецъ, они описанія свои родомъ (*) Эпическія поэзіи предложили. Но мой Авторъ расположилъ свою повѣсть больше по обыкновенію (**) Драматическихъ піитовъ: въ ней пять частей надлежитъ почитать за-пять дѣйствій; а искусный всякъ усмотритъ, что и самыя составленія существенныхъ частей, каковы

(*) Эпопея, есть поэзія, которая знатныя дѣянія знаменитыхъ людей, предвосприявшихъ нѣчто одно исполнить, вѣроятнымъ повѣствованіемъ предлагаетъ, для возбужденія любви къ добродѣтели.

(**) Драма, есть поэзія, которая одно токмо нѣкоторое бывшее предпріятіе иногда знаменитыхъ людей, возбуждая ужасъ и жалость, а иногда простыхъ обывателей, приводя смотрителей въ смѣхъ и увеселеніе, представляетъ на театрѣ, или гдѣ индѣ, словами и дѣйствіемъ съ подражаніемъ натурѣ для исправленія нравовъ.

каковы въ Драмѣ такъ названы быть могущіе Оглавленіе, Узолъ, и Развязаніе, соединены точно по драматически. Въ слѣдующемъ токмо сія повѣсть не сходствуетъ съ Драмою, что въ ней продолженіе времени содержитъ всѣ вешніи и лѣтніи мѣсяцы, и потому подобна она Эпической поэзіи, длятого что въ правильной Драмѣ не заемлетъ оно больше трехъ часовъ, или ужé, по крайней мѣрѣ, больше сутокъ. Притомъ, разнится она отъ Драмы и симъ, а подобится Эпопеѣ, что при шествіи къ окончанію одного предвоспріятаго намѣренія, тоесть, при единствѣ всего дѣйства, нѣтъ въ ней единства по мѣсту, на которомъ дѣйство производится, но дѣлается оно на разныхъ и отдаленныхъ между собою мѣстахъ. Впрочемъ, пускай она будетъ подобна Віргілію, или Теренцію: въ семъ читателю большія нѣтъ нужды, буде еще и никакія. Крайняя ему потреба въ семъ, что есть ли въ ней нравоученіе

ученіе, и предлагаетъ ли она свое наставленіе чувствительнымъ и сладкимъ способомъ. Подлинно, (e) „ всѣ вобще піи-„ ты ни о чемъ больше въ сочиненіяхъ „ своихъ не долженствуютъ старать-„ ся , какъ чтобъ или принесть ими „ пользу , или усладить читателя , „ или твердое подать наставленіе къ „ чесному и добродѣтельному обхо-„ жденію въ жизни. „ Но мой Авторъ всѣ сіи соединилъ въ себѣ преимущества; и буде симъ не превосшелъ онъ всѣхъ прежде бывшихъ его писателей , то , по послѣдней мѣрѣ, совершенно съ ними сравнился , такъ что можно сказать смѣло , что (f) „ онъ совокупилъ полезное съ пріят-„ нымъ нѣкоторымъ похвальнымъ и „ благороднымъ, если притомъ и непре-„ восходнымъ образомъ „ . Едва гдѣ больше найдется онаго Эпіческаго, или Трагіче-

(e) Aut prodeſſe volunt , aut delectare poëtae ,
Aut ſimul et iucunda et idonea dicere vitae.
Горац. Наук. о Поэз. стіх. 333. 334.

(f) Omne tulit punctum , qui miscuit vtile dulci.
Горац. Наук. о Поез. стіх. 343.

Трагическаго, колебанія въ важности причинъ, въ различіи обращеній, въ совокупленіи нуждъ, во множествѣ потребъ, въ разновидности побужденій, и въ живности страстей, которое задерживаетъ разумъ въ недоумѣніи, и изощряетъ любопытство до самаго совершеннаго развязанія, и всеконечно уже до конца, въ пораженномъ и восхищенномъ читателѣ.

4.

Авторъ предъизбралъ сей родъ сочиненія для того особливо, что прямо и въ лицо преднаписывать Государямъ правила какъ государствовать, и править государствомъ, то сіе такое есть своевольство, которое самаго жестокаго наказанія достойно, а не токмо чтобъ оно могло заслужить славу и воздаяніе: ктомужъ, всѣмъ намъ пріятнѣе, получать себѣ наставленіе отъ того, что и какъ здѣлалось съ другими, а не съ самими

съ

съ нами. И дабы не сказали объ немъ, что онъ сего, или того Государя, какъ вышедъ на театръ въ такъ называемой старой Греческой комедїи, недостойно и ненависно злословитъ; и притомъ не говорилижъ бы, что будто онъ перстомъ указываетъ тѣхъ, и перекликаетъ ихъ какъ по имянной росписи, кои въ государствѣ дѣлаютъ смятенїе: а слѣдовательно, при такомъ употребленїи прямыхъ и точныхъ примѣровъ, также и при толь бѣдственной смѣлости, не сталобъ его къ претерпѣнїю ненависти и гоненїя на себя отъ всѣхъ, а особливо отъ раздраженныхъ, которымъ бы премногимъ быть надлежало. Того ради разсудилъ онъ за благопристойнѣйшее и за безопаснѣйшее, чтобъ, превеликою сею повѣстїю, наподобїе їсторїи составленною, проложить всѣмъ имъ крюковатую дорогу по прїятнѣйшимъ и веселымъ цвѣтникамъ, не думающимъ и нечувствующимъ ни мало, что по тѣмъ сами

они

они безъ проводника ходятъ, а путь бы тотъ былъ по онымъ окружностямъ такой, чтобъ ничьего тамъ въ бесѣдкахъ точнаго портрета по расстоянїямъ для украшенїя, искусною живописью изображеннаго, не стояло, но токмобъ вездѣ расставлены были чистыя зеркала, въ которыхъ бы всякъ самъ себя могъ видѣть, и усмотрѣть одинъ въ себѣ, что на его лицѣ есть грязное пятно; или нѣтъ онаго. Такимъ образомъ вымышленная его повѣсть, чтобъ она не была несходственна съ обыкновеннымъ свойствомъ басни, и чтобъ не вездѣ угрюмою и пасмурною казалась, предлагая важныя и нешуточныя дѣла, долженствовала по природѣ своей составъ себѣ получить отъ военныхъ дѣйствїй, и отъ горячести любовныя страсти. Сей полезнѣйшїя прїятности вымыслъ, никакова бѣдствїя не могъ здѣлать Автору: ибо онъ пороки, а не людей язвитъ; а притомъ, больше онъ читателей къ книгѣ своей приманить

возмогъ,

возмогъ, для того что они ею пользуются не какъ такою, которая сурово наставляетъ, но какъ бутто она ихъ забавляетъ игрою. „ (g) Ибо „ весьма больше такихъ находится, „ кои Мілезїевы басни охотнѣе чи- „ таютъ, нежели Платоновы книги: „ въ первомъ игра и забава; а въ дру- „ гомъ трудность, и лїющїйся потъ „ отъ труда. „ Сїя точно есть причина, что Фонтенель, бывшїй Француссќія Академїи Наукъ Секретарь, а нынѣ тожъ Пансїонеръ, предпрїявъ описать матерїю, къ Астрономїи и Фїзїкѣ принадлежащую, то есть, такую матерїю, которая выше простаго понятїя, и потому скучна, изъяснилъ ея толь забавнымъ способомъ, именножъ, разговоромъ названнымъ о множествѣ мїровъ.

(g) Multo enim pars maior est Milesias fabulas reuoluentium, quam Platonis libros: in altero ludus et oblectatio est, in altero difficultas, et ſudor mixtus labori.

Блажен. Iерон. въ предисл. кн. XI. на Iсаїю.

5.

Сколькожъ ни велико было въ Авторѣ моемъ искусство, чтобъ прямыя дѣла́ и лица укрыть непроницаемымъ покровомъ своея повѣсти, или, какъ Французы называютъ, своего Романа; однако нашлись толь разумныи люди, кои, сличая тогдашнія дѣла́ и обстоятельства, какъ по прошедшимъ случаямъ, такъ и по настоящимъ при нихъ самихъ околичностямъ, съ описаніями и примѣрами находящимися въ Аргенідѣ, добрались въ ней до са́мыя истинны, или, по крайней мѣрѣ, думали они, что ея доискались: а о семъ толь они твердо увѣрены были, что и намъ то предать не усумнились въ своемъ ключѣ, каковъ при подлинникѣ находится. По ихъ мнѣнію, все что ни обрѣтается въ Аргенідѣ, раздѣляется всеконечно на́-три класса. Въ первомъ классѣ полагаютъ они то, что или достовѣрно извѣсное есть и несомни-

сомнительное, или такое, что Авторову мысль совершенно объявляетъ, и къ уразуменію предлагаемаго имъ потомъ прямо доводитъ; или также такое, которое онъ, какъ ни укрываетъ превеликими окружностями и описаніями, однако знаемое дело укрывается у него токмо что слехка; или напоследокъ такое, что по сложенію именъ, и по превращенію оныхъ явно и точно познается. Напротивъ того, во вторый классъ включаютъ они все те описанія, изъ которыхъ отнюдъ не возможно ничего никогда заключить, ни ихъ къ чему нибудь извесному прямо приложить. Наконецъ, третій ихъ классъ содержитъ вещи ни прямо извесные, ни совершенно сомнительные, тоесть, между обеими, въ первыхъ двухъ классахъ положенными, средніе, которые, буде съ подобными того века случаями снесть, показываются несколько извесными, а однако, для превеликаго различія делъ, особъ, и

околичностей, всеконечно достовѣрными быть не могутъ. Итакъ, что до вещей достовѣрныхъ; тѣ мы вкратцѣ, но довольно, выписывая изъ онаго помянутаго ихъ ключа, здѣсь собрать имѣемъ. Но неизвѣсные, надлежитъ почитать за такіе, къ которымъ нѣтъ приступу вѣчно. И какъ среднихъ оныхъ вещей превесьма много: тогоради знатнѣйшіе токмо и важнѣйшіе изъ нихъ выбрать потщимся.

6.

Сіе есть вопервыхъ достовѣрно, что Авторъ особливо о правленіи Французскаго королевства пишетъ, какъ уже я далъ знать. Показываютъ сіе не токмо примѣры и совѣты; но и дедікація приписанная Французскому Королю, и все то, что Авторъ самъ, подъ именемъ Нікопомпа, о намѣреніи своемъ предлагаетъ во II части сея повѣсти. Чтожъ за Сіцілію надлежитъ почитать Францію;

цію; то доказываетъ Англія, какъ страна на сопротивномъ Франціи берегу́ лежащая, и часто соперничествомъ къ Сіціліи, тоесть къ Франціи, дышущая. Но что и сія страна сопротивнаго бе́рега есть Англія; то явно отъ всѣхъ опроверженныхъ за́мковъ, кромѣ одного, а сей есть Лондонъ, о чемъ предлагается въ III ча́сти. Государство, одною въ прежнія времена особою правимое, а нынѣ разнымъ владѣтелямъ доставшееся, есть Германія, кою Авторъ называетъ, превративши инако літеры, Мерганіею. Аквілій, есть Цесарь Римскій, отъ герба двуглавнаго орла, дляпого что орелъ по Латински называется Аквіла. Гіппофілъ, дворъ Гішпанскій. Усінулка, Калвінъ. Гіперефаняне, послѣдователи Калвіну, кои по Французски называются Гугнотами. Дерефікъ, есть Пфалцскій Графъ Федерікъ, Римскія імперіи Эрцъ-Труксесъ, тоесть Архістольникъ. Перангілей изъ Πέζαν и ὕλη, какъ

 бутто

бутто Трансілваній, есть Князь Седмиградскія земли́ Бетлеемъ-Габоръ: ибо Авторъ предлагаетъ, что „ Аквї-„ лій то шелъ на Перангїлеа, объ „ одномъ изъ его царствъ домогающа-„ гося: то обращался на Дерефїка, „ уже́ на другое силою нападающаго, „ который за кушанїе, кое должно „ ему самому́ было ставить на Аквї-„ лїевъ столъ, почитай захватилъ какъ „ самый столъ, такъ и всѣ припасы. „ Лїдїйскїи супружники, Кончїній Маркїй д' Анкръ съ супругою Элеонорою де Галїгаї, для того что они были изъ Тосканы, поселенныя отъ Тїррена, сына Лїдїйскаго Царя. Другая па́ра супружниковъ изъ Фрїгїи, Графъ де Соммерсетъ съ женою въ Англїи. Ібурранъ, Кардїналъ (h) Мафей Барберїній,

(h) Понеже Авторъ въ I ча́сти объявляетъ, что не безъ предзнаменованїя предки Ібуррановы внесли въ свой гербъ пчелъ; а въ Лїонѣ во Францїи надъ Архїепїскопскими воро́тами стоя́тъ гербъ Папы Урбана VIII съ пчелами, и

беріний, который былъ Папскимъ Легатомъ въ Авіньніонѣ, въ то время, когда сіе Авторъ писалъ, а потомъ уже онъ произшелъ самъ въ Папы, подъ именемъ Урбана VIII. Чрезъ первенствующаго изъ вельможей, при Гіппофіловомъ дворѣ, разумѣется Францискъ-Гомезъ де Сен-Валъ, Дюкъ де Лермъ. А чрезъ Клеобула весьма ясно, по всему разговору между Ме-

подъ нимъ слѣдующіи Латинскіи стіхи, кои пчелъ его ублажаютъ.

Sugite nectareo madidantia Lilia rore
 Delicias pacis, sugite pacis aues.
Sidite pacificis volucres in floribus; orbem
 Nam condire ſuo Lilia melle queunt.

Тоесть:

Вы, росоносный сокъ изъ Лілѣй источаемый, ссите,
 Пчелы, спокойствія плодъ, и миролюбнѣйшій рой;
Вы, на сихъ же цвѣтахъ миротворныхъ играя, сидите:
 Могутъ Лілѣи точить медъ во вселенную свой.

Часть V. леандромъ и Тімонідомъ, означается Вільроа, коего о жизни и нравахъ издалъ книгу Петръ-Матфей історикъ Французскій.

7.

О неизвѣсныхъ же оныхъ вещахъ, которыхъ самыи проницательныи разумы изъяснить не возмогли, и отчаялись всеконечно, чтобъ ихъ возможно когда было выполковать, что мнѣ съ ключомъ прежде, что послѣ, или лучше, что такое быть бы оно могло, которое ябъ долженствовалъ изъ онаго ключа предлагать? Самый тотъ ключъ такъ объ нихъ говоритъ, именножъ, что ихъ превесьма много, и что не быть имъ весьма премногимъ не возможно при толикомъ радостей и печалей смѣшеніи. Попадаются онѣ рассѣяны по многимъ мѣстамъ, а справедливѣе, почитай нѣтъ того мѣста, гдѣбъ ихъ не-было, преудивительнымъ искусствомъ

ствомъ между собою соединенныхъ. И поистиннѣ, понеже все объявляетъ, что Авторъ такое имѣлъ намѣренїе, дабы читателево сердце, нигдѣ въ семъ его сочиненїи на твердости неостанавливающееся, коль возможно прїятностями и сладостями увеселяемо было: тогоради, необходимо онъ долженствовалъ многое вносить изъ вещей чрезвычайныхъ, однако такъ, чтобъ оные чрезвычайности всячески казались вѣроятными отъ соединеннаго съ ними правдѣ подобїя. Сїежъ для того, чтобъ явная ложь, не привела читателя въ скуку, и къ уничтоженїю предлагаемыхъ безрассудно невозможностей. Но мы все такое, длятого что нѣтъ во внутренность его ни самаго малаго входа, оставляемъ также въ безъизвѣстїи.

8.

Теперь осталось разобрать оные вещи, о которыхъ предложено, что

онѣ третїяго класса, и что состоятъ близъ правды и лжи, близъ достовѣрности и сомнѣнїя. По всему видно, что Нїкотомъ, тоесть, Авторъ мой, предвосприялъ писать не токмо о томъ, какъ правитъ Францусскимъ государствомъ, но и примѣры, на утвержденїе предлагаемыхъ отъ него наставленїй, взяты, по са́мой большой ча́сти, изъ бывшихъ дѣлъ въ томъ же Францусскомъ королевствѣ. Какїяжъ особливо, и при которыхъ Короляхъ оныя дѣла́ были, которыя въ примѣръ приводятся? Когда изъ Францусскiя їсторїи сличаются съ Аргенїдиными описанїями оныи случаи, которыи были при Короляхъ Францусскихъ Францїскѣ II, Карлѣ IX, и Генрїкѣ III, особливожъ во время такъ называемаго святаго союза: * то можно признать, что много есть сходственнаго, однакожъ не мало и несогласнаго. Впрочемъ, мнѣ кажется, что не надлежитъ удивляться такимъ несходствамъ,

*La ſainte Ligue.

ствамъ: самъ Авторъ говоритъ, что, (i) „
„ столькожъ тотъ погрѣшить имѣетъ,
„ который все, сколько и тотъ, кой
„ ничего въ томъ сочиненіи не бу-
„ детъ прилагать къ правдѣ дѣлъ
„ бывшихъ. „ Итакъ, посмотримъ,
кого можетъ быть представляютъ
Мелеандръ, Аргеніда, Поліархъ,
Архомбротъ, Радіробанъ, Гіанісба,
Тімандра, Бріттомандъ, Анероэстъ,
изъ которыхъ всѣ сіи или Цари, или
Царицы, или Царскія чада. Меле-
андръ означаетъ Генріка III по оно-
му толкованію, которое здѣлано
было сперва на главнѣйшія имена сея
книги: и можно сказать, что, для
многихъ сходствъ, не весьма непра-
во. Но не допускаетъ положить такъ
Авторъ, который говоритъ, что
Меле-

(i) Vt tam erret, qui omnia, quam qui nihil in illa ſcriptione exiget ad rerum geſtarum veritatem.

Слов. Автор.

Част. II. гл. IX. числ. 54.

Мелеандръ (1) „ по воссшествіи сперва „ на престолъ, вездѣ въ своей імпе„ріи имѣлъ тишину и спокойствіе „; а при началѣ государствованія Генріка III вся Неустрія, тоесть, вся западная Франція, и другіе Французскіе провінціи войною горѣли. Притомъ и сіе извѣсно, что Генрікъ III, тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Польши, опредѣлилъ войну на своихъ подданныхъ. Однако, сіе можно согласить такимъ образомъ, что Авторъ какъ чрезъ Мелеандра, такъ и чрезъ бріпоманда, Тімандріна супруга, разумѣетъ слабаго и мяхкосерднаго Короля, каковъ былъ Генрікъ III: ибо сему бріпоманду ни въ какихъ изъясненіяхъ не придано особливыя и точныя персоны.

9.

(1) Nam ſub initia Imperii, quia pacata omnia erant, palam cupiditates ſoluit, lenes quidem . . . cet.

Слов. Автор.

Част. I. гл. II. числ. 7.

9.

Нѣкоторыи думаютъ, что Аргенїдою означается состоянїе Французскаго государства. Но такъ раздѣлять французское государство отъ состоянїя государства Французскаго, не весьма есть основательно. Также буде по ихъ мнѣнїю подъ именемъ Полїарха надобно разумѣть Генрїка IIII Короля Французскаго; а притомъ и чрезъ Архомброта тогожъ Генрїка IIII: то какъ они между собою могутъ быть соперниками, будучи оба одинъ и тотже человѣкъ? Тогоради кажется, что сходняе слѣдующимъ полагать образомъ, а именно, что Аргенїда означаетъ пресѣкающееся въ Мелеандрѣ колѣно Валоазїйское; или вторую по Королѣ степень, о которой хитро домогались три соперника, Дюкъ де Наваррѣ, д' Алансонъ, и де Гвїзъ. Чрезъ Полїархажъ означается вопервыхъ такая особа, противъ которыя неистовилась

лась лютость Гвізіанцовъ, и святаго союза, каковъ былъ Генрікъ IIII будучи еще Наварскимъ, и дюкъ д' Эпернонъ: а потомъ чрезъ негожъ храбрый и благоразумный Король, взирая на верьховные и героическіе добродѣтели Генріка IIII: сіежъ къ нему воззрѣніе, и оные его добродѣтели, по скольку Генрікъ IIII былъ и самъ прежде подданнымъ Франціи, какую приносятъ надежду, и коль онѣ славны и полезны бываютъ, описываются въ Архомброшовой особѣ, который потомъ, по праву своего рода, получилъ себѣ престолъ. И симъ образомъ обѣ сіи особы будутъ точно сходствовать съ історіею Генріка четвертаго, названнаго отъ всѣхъ великимъ.

10.

Сочинитель сего ключа на Аргеніду, хорошую склонность являетъ къ признанію, что Авторъ мой чрезъ Радіробана разумѣетъ Гішпанскаго

Короля

Короля. Кажется ему, что многое сходствуетъ въ Радіробанѣ съ Королемъ Гішпанскимъ. Вопервыхъ, поданная Радіробаномъ пóмощь Мелеандру означаетъ оное письмо, которое 1559 года прислалъ Філіппъ II Гішпанскій Король къ Франціску IIму Королю Французскому, засвидѣтельствуя онымъ, что онъ Філіппъ, будучи зятемъ Франціску, равное имѣетъ попеченіе о дѣлахъ его Франціскóвыхъ, какъ и онъ самъ Франціскъ. Второе, преданная Аргеніда Радіробану отъ Селеніссы, ничего больше не объявляетъ, какъ ухищренія матери Короля Франціска, Екатеріны де Медіцісъ, которая именемъ и властію Короля Філіппа, свою хотѣла утвердить во вредъ всему Французскому народу. И безъ сомнѣнія, Мелеандрова съ Радіробаномъ недружба явно представляетъ все то, о чемъ извѣсно, что „ Філіппъ (*) вся- „ чески

(*) Ce Monarque ambitieux avoit ſoutenu la ligue par des puiſſans ſecours d' hommes & d' argent

„ чески чрезъ своихъ Мінїстровъ ста-
„ рался, дабы во Франціи здѣлать
„ смятеніе, раздѣлить бы ея на раз-
„ ные стороны, и потомъ бы на нея
„ напасть; а домогательство сіе про-
„ изводилось во время такъ называе-
„ маго святаго союза, въ коемъ Фі-
„ лїппъ былъ главнѣйшею частїю,
„ или лучше душею онаго." Третїе, Радїробанъ совершенно побѣжденъ въ Африкѣ, когда онъ на Гїанїсбїно нападалъ государство. Сїе значитъ преудивительное разбитїе Гїшпанскаго (*) флота, коего по потерянїи ничего

dans le dessein de mettre sur le trône de France un Prince de sa maison, ou demembrer du moins une Monarchie, dont la puissance étoit un obstacle invincible aux vastes projets, qu' il méditoit.

Mich. le Vassor Tom. 1. lib. 1.

(*) Сей флотъ, называемый Непобѣдимый, посланный противъ Англїи, отправился 1588 года, Маїя 29 дня: въ немъ было 150 большихъ кораблей; а разбитъ онъ отчасти пресильною бурею, отчастижъ досужствомъ и хра-

чего уже́ великаго и страшнаго не могъ предпріять Гішпанскій Король ни противъ Французовъ, ни противъ Аглічанъ: отъ всего сего также явствуетъ, что Гіанісба не Маргаріта Королева, Генріка III сестра, а супруга Генріка IIII, съ коею онъ развелся, но Елісавета Королева Аглінская. О семъ довольно доказываетъ гарячее оное усердіе Гіанісбіно къ Поліарху, и другое многое, что пространнѣе читатель въ са́мой повѣсти сей видѣть можетъ.

бростію Аглічанъ. Історія объявляетъ, что Філіппъ II получилъ извѣстіе о семъ нещастіи такъ, что ни важности своея, ни лица́ не измѣнилъ. Онъ писалъ пі́сьма, когда курьеръ къ нему вшелъ съ вѣдомостію. Услышавъ о злоключеніи, сказалъ, что „ онъ „ никогда и не думалъ, чтобъ его флоту „ быть въ состояніи побѣдить наглость вѣ„тровъ, и морскую ярость. „ Потомъ паки на́чалъ писать также спокойно, какъ и прежде.

11.

Ежели кто, говоритЪ ключЪ, Тїмандру назоветЪ Їаною или Їоанною д' АлбретЪ, единородною дщерїю Генрїка II Короля Наварскаго, а матерїю Генрїка IIII; то можетЪ быть что тотЪ не погрѢшитЪ. ДоказываетЪ сїе, что она вЪ АргенїдѢ повѢствуется супругою Брїтомандова сына, который и самЪ БрїтомандЪ же: тоесть, отецЪ Генрїка IIII Антонїй де БурбонЪ, а также былЪ Антонїй и того отца родитель. РавнымЪ образомЪ доказывается и тѢмЪ, что сынЪ ТїмандринЪ у поселянЪ и вЪ селѢ воспитанЪ: также и желанїемЪ ТїмандринымЪ, (m) „чтобЪ онЪ возрасЪ подобенЪ больше „дѢду, нежели отцу;„ тоесть дѢду по

(m) Tantum ſuperi velint, vt creſcat auo, quam patri ſimilior.

Слов. Автор. Част. IIII. гл. X. Числ. 41.

по матери, оному Генрїку второму. Сей укаряя дочь и зятя, что они нѣжное подавали воспитанїе своему сыну, взялъ его къ себѣ, и въ беарнанскихъ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ возрастилъ суровымъ образомъ, такъ что всегда у него были ноги босы, а голова не накрыта, и заставливалъ его ходить по-снѣгу, также холодъ и голодъ претерпѣвать: чего ради и здѣлалось у него тѣло твердое, и никакими трудами непреодолѣемое. Видно, что богъ уже отъ того времени началъ прїуготовлять сего Государя, для преодолѣнїя ужасныхъ бѣдствїй и трудовъ, и никогда оными непреодолѣваемаго. Чтожъ въ Аргенїдѣ предлагается о похищенїи Астїорїста, объ истребляющемъ ядомъ Коммїндорїгѣ, и о прочихъ сего рода обстоятельствахъ; то думаетъ сочинитель ключа быть вымышленнымъ, для того особливо, чтобъ Авторъ могъ наполнить читателево сердце празнымъ ужасомъ.

12.

Ключъ рассуждаетъ, что въ Анероэстѣ Царѣ, и въ повѣствованіи объ немъ, различными окружностями описывается сїе слѣдующее, именножъ, какъ Генрїкъ IIII отъ дѣдичнаго и отчичнаго закона къ Римскому прежде отступилъ; а когда началъ онъ имѣть власть надъ собою, какъ потомъ къ Реформатскому паки приступилъ, напослѣдокъ какъ онъ, оставивъ Реформатскїй, совершенно уже принялъ Католїческїй - Римскїй, по полученїи себѣ Французскїя короны. Симъ онъ заслужилъ, что снята съ него клятва, коею пораженъ былъ, равно какъ и Прїнцъ де Кондей, отъ Сїкста V 1585 года, что онъ въ нѣдро церьковное воспрїятъ, что дано ему имя Хрїстїаннѣйшаго, и перворднаго сына церкви, также и что благословенїя Апостольскаго отъ Климента VIII Папы Римскаго, [который на семъ театрѣ можетъ быть что

показы-

показывается въ Анероэстовой персонѣ] онъ сподобленъ. Сїе есть, что можно было предложить извѣснаго и сомнительнаго о Царскихъ особахъ: но и въ рассужденїи прочихъ такимъ же образомъ поступлено будетъ.

13.

Признаваетъ сочинитель ключа, что описанїе въ I части о Лїкогенѣ „(n) производящемъ свой родъ отъ „древнихъ державнѣйшихъ особъ, и „что онъ превесьма высокомѣрный „человѣкъ, „ означаетъ подлинно Дюка де Гвїза, который, при владѣнїи Генрїка II, дерзнулъ негодовать, что Капетъ отнялъ королевство Французское у потомковъ Карла Великаго, отъ которыхъ онъ самъ Дюкъ

 про-

(n) Is priſcis regibus ſuae ſtirpis auctoribus ferox, numquam ſecundi gradus ſatis patiens fuit.

Слов. Автор.

Часть I. гл. II. числ 7.

происшелъ. Но притомъ находится столько премного разни, которая весьма явно даетъ знать, что предлагаемое о Лїкогенѣ къ одному Дюку де Гвїзу приложить не можно. Итакъ, чтобъ получить намъ бо̀льшую вѣроятность, то ключъ говоритъ, что чрезъ Лїкогена разумѣется вся Лотарїнгїческая фамилїя, и ея ухищренїя: ибо весь сей родъ величается, что онъ происшелъ отъ Карла Великаго, и притомъ, какъ каждый изъ нихъ особливо ни поступалъ, однако всѣ въ томъ между собою сходны, что они пребезмѣрно хотѣли, при пресѣкающемся Валоазїйскомъ колѣнѣ, Бурбонскїй родъ отъ наслѣдства отлучить, власть свою и великость владѣнїя не токмо утвердить, но и отчасу больше распространить, а вкратцѣ сказать, ни равнаго себѣ, ни вышшаго надъ собою не имѣть, и не признавать. Слѣдовательно имена, которыя на многихъ мѣстахъ въ сей повѣсти по-

падаются,

падаютися, какЪ то МенокрітЪ, ЭрістенЪ, ОлоодемЪ, АцегорЪ, АнаксімандрЪ, изЪявляютЪ сихЪ слѣдующихЪ, а именно, МенокрітЪ Маршала де РетсЪ, ЭрістенЪ Дюмена Конта де КоліньякЪ, ОлоодемЪ Дюка д' ЭлбіофЪ, АцегорЪ Прінца де Женвіль, а АнаксімандрЪ Маркія де ПонЪ. ЧтожЪ до Комміндоріга, онЪ вЪ толковании положенЪ ДюкомЪ д' АллоброжЪ; (*) однако какЪ много того, что подаетЪ причину вѣрить, такЪ и того, что возбраняетЪ его симЪ полагать ДюкомЪ. Но какЪ то ни есть, толькожЪ ГенрікЪ IIII покорилЪ его, и торжествовалЪ: а сіе весьма сходствуетЪ сЪ Поліарховою побѣдою надЪ КомміндорігомЪ, о которой Гобрія расказываетЪ АрсідЪ вЪ четвертой части.

(*) Аллоброгіею назывались вЪ древнія времена тѣ мѣста, на которыхЪ нынѣ Женева, Французская Віенна, и Гренобль.

14.

Оставшіяся имена персонъ, кои въ сей повѣсти вѣрными и добрыми людьми представляются, каковъ есть Геланоръ, Арсіда, Эвримедъ, Гобрія, Праксета и Тимонідъ, Антенорій, Дуналбій, Гіеролеандръ, означаютъ Маркія де Тюренъ, Дюка де бульіонъ, Маршала де біронъ, Гарлея де Санси, родъ д' Обіньи, Антонія Кверенга, обоея сіньнятуры, какъ называютъ, въ римѣ рефендарія, Кардінала Убалдіна, Іеронима Алеандра, Кардіналу Алеандру по сестрѣ племянника. Изъ сихъ Маркій де Тюренъ, Дюкъ де бульіонъ, Маршалъ де біронъ, Гарлей де Санси, также и вся фамилія д' Обіньи, были всѣ вѣрны и усердны Генріку IIII: а особливо, когда онъ войною доставалъ себѣ должный престолъ. Всѣ сіи сходства сочинитель ключа подтвердилъ, сколько возможно, изъ Французскія історіи. Но мы, давъ обѣщаніе предложить о

семъ

семъ вкратцѣ, держимся своего слова, и въ ѓсторическую сїю подробность не вступаемъ, толь наипаче, что она весьма пространна, а пользы нынѣшнему нашему времени, особливожъ намъ, никакія уже подать не можетъ. До концабъ дойти было съ превеликимъ трудомъ; ежелибъ и мнѣ всѣ сїи сходства [которыя въ Лїкогеновой и Мелеандровой ѓсторїи согласны, съ случаями бывшими во Францїи отъ кончины Карла IX, при Генрїкахъ не больше третїемъ, сколько и четвертомъ, а особливо во время такъ называемаго Святаго или Священнаго союза] изъ часто поминаемаго ключа выбирать и толковать: довольно токмо знать о всемъ томъ вобще; а изволяющїй, и любопытный можетъ самъ находить все сїе въ ѓсторїяхъ, особливожъ въ славной ѓсторїи де Ту, также и которая написана чрезъ д' Обїньї, и напослѣдокъ въ извѣстїяхъ сочиненныхъ отъ Вїльроа. О семъ токмо я еще доношу

ношу читателю, что Автор мой разумѣетъ чрезъ госпожино село, которое есть увеселительный домъ съ садомъ Царицы Гіанісбы, описанный во II части, такъ называемую * віньня ді Мадама въ Римѣ.

* Віноградъ или садъ госпожинъ.

15.

Подлинно, кажется что сочинитель ключа на Аргеніду, весьма вѣроятныя нашелъ въ сей повѣсти сходства съ Історіею Французскою. Однакожъ съ другой стороны сіе праведно есть, что сколько умовъ, столько различныхъ мнѣній. Нашлись нѣкоторыи, кои о всемъ почитай противно тому рассуждаютъ. Признавши оныя вещи токмо за достовѣрные, которые въ первомъ положены классѣ, о прочихъ всѣхъ на́все утверждаютъ, что онѣ отъ Автора моего просто, и безъ всякаго примѣненія къ прямымъ случаямъ вымышлены, и что потому никакія

извѣсныя

извѣсныя особы и ни дѣлъ бывшихъ не означаютъ. Приводятъ они подобїе, что (о) „ какъ представляемую „ комедїю, одно токмо нѣчто осмѣ„ять хотящую, распространяютъ „ то старики скупыи, то дѣти ихъ „ любовники расточительныи, то слу„ги обманщики, то плутовки слу„жанки, то наперсницы и напер„сники, по чаемой пользѣ, усердныи: „ такъ и сїю повѣсть, предпрїявшую „ токмо правила изобразить къ ти„шайшему государства правленїю, „ украшаетъ иногда Царская любовь, „ иногда ревность, иногда вражда, „ иногда совѣтъ, иногда разговоръ, „ иногда соперничество, сраженїе, „ пиръ,

(o) Vt comoediam Pseudoli, et Getae, et Daui, et Chremetes, et Thaides faciunt: ita librum regiis amoribus, regiis odiis, spiritibus denique regiis plenum, dignas hos motus pectoribus concipere personas, par erat.

Слова тѣхъ людей, кои противное имѣютъ мнѣнїе, каково въ ключѣ находится.

„ пиръ, примиренїе, хитрость, ко„ варство, радость, печаль, сомнѣнїе, „ отчаянїе, иногда вдрукъ нечаянное „ какое благополучїе, или бѣдствїе,„ по свойству и природѣ басни, съ такою токмо разностїю, что сїя баснь по важности своей, не токмо удивленїя, но похвалы и подражанїя достойна. Въ доказательство они предлагаютъ такому своему мнѣнїю слѣдующее, именножъ, что (р) „ противно твердому разуму, нашедши „ нѣкоторое не большое, и то еще на„ угадъ, сходство въ прямой їсторїи „ съ вымышленною всеконечно, утвер„ ждать объономъ, что оно точно, „ о чемъ Авторъ повѣсти предлагаетъ: „ а сїе толь наипаче, что премно„ гое множество другихъ обстоя„ тельствъ такую догатку дѣлаютъ „ ложною.

(р) Nimiopere profecto absurdum est, vnius leuiculae coniecturae lenocinio adductum, cum sexcenta alia abnuant, de re aliqua statuere.

Слова тѣхже людей.

„ ложною. „ Итакъ, по сему ихъ мнѣнїю Мелеандръ, Гїанїсба, Аргенїда, Полїархъ, Радїробанъ, Анероэстъ, и всѣ прочїи, коихъ ключъ въ третїемъ положилъ классѣ, токмо что такїя имена особъ, которые въ одной сей повѣсти вещество свое имѣютъ по разности свойствъ, и по приличїю, по силѣ котораго находятся тутъ Докторы Фїлиппы и Темїзоны изъ Курцїя и изъ Ювенала; въ Африкѣ Юбы, Гїемпсалы, Сїфаксы, Мїцїпсы изъ Салустїя, Лївїя, и другихъ; въ Галлїи Коммїндорїги изъ извѣстїй Їулїя Цесаря, въ Сїцїлїи Тїмоклеи потчивающїе поселянъ по Сїцїлїйски чинеными олївками, изъ Варрона объ языкѣ Латїнскомъ, а учреждающїе обильный обѣдъ изъ Суїды, для того что σικελική τράπεζα, тоесть, Сїцїлїане такъ лакомы были на кушанье, что столъ ихъ въ присловїе вшелъ къ прочимъ Грекамъ; также и обманщики Форбанты, отъ точнаго Французскаго слова fourbe,

тоесть

тоесть плутъ; и что Ангары, кои здѣсь представляются вѣстовыми огнями, по Персідски значатъ почтарей, по свидѣтельству Суїды и Гезіхія; словомъ, и все прочее, и премногое. Слѣдовательно, какъ подъ именемъ Мелеандра разумѣть должно такова Короля, на котораго для излишнія его благости, не смотрѣли высокомѣрныи бездѣльники, а подъ именемъ Лїкогена не Дюка де Гвїза, или всю фамілїю Лотарїнгїческихъ Прїнцовъ, но гордаго токмо возмутителя государственнаго: такъ и подъ именемъ Клеобула не просто и точно Вїльроа, но такова государственнагожъ Мїнїстра, который крайнее имѣетъ искусство въ полїтїческихъ дѣлахъ. Симъ образомъ и о всемъ на-все, находящемся въ сей повѣсти, рассуждать должно, по разности характеровъ, и околичностей въ дѣлахъ, кои предлагаются.

16.

Я немогу не признаться, что хотя я ключа не опровергаю; однако вЪ превеликой нахожусь склонности, держаться сего послѣдняго мнѣнія: польза Россійскаго народа кЪ тому меня преклонила. И поистиннѣ, что нужды всѣмЪ ЕвропейскимЪ народамЪ, а слѣдовательно и намЪ, зоботиться о благоденствіи, или нещастіи Французскаго народа, буде сЪ ключомЪ согласно полагать, что АвторЪ описывалЪ токмо своими примѣрами Французскія приключенія? былабЪ сія книга полезна токмо Франціи. Но ежели по сему послѣднему положить мнѣнію, тоесть, что АвторЪ вЪ Мелеандровой особѣ не Генріка III; но милостиваго Государя, а вЪ Клеобулѣ не Вільроа, но искуснѣйшаго политика представляетЪ; то повѣсть наша будетЪ общая всѣмЪ вѣкамЪ, и всѣмЪ народамЪ: слѣдовательно, по равномужЪ праву, она

долженъ-

долженствуетъ быть и наша. Имѣетъ она быть всѣмъ нужна такъ, какъ Гомеръ и Виргилій, какъ Тассъ и Милтонъ. Не будетъ уже причины удивляться, чего ради она переведена на всѣ Европейскіи языки, а на Польскій еще и стихами; ни кто не можетъ также зазрить, что и нашъ языкъ нынѣ ею обогащенъ: всѣ уже мы въ ней равное право имѣемъ. Впрочемъ, пускай сїе будетъ правда, что Авторъ желалъ токмо добра Франціи, и потому, сїе толь важное наставленїе подалъ онъ сему государству. Но мы сами станемъ стараться о нашей пользѣ, думая, что оно есть общее всему человѣческому роду, управляемому верьховнѣйшею Властїю, и порученною имъ отъ Царя царствующихъ, и Господа господствующихъ.

17.

Сїе мнѣнїе весьма есть многоплодно: распространяется оно все-

конечно

конечно до пользы всѢхЪ вѢковЪ и всѢхЪ народовЪ, СверьхЪ всего того, вЪ чемЪ ученымЪ токмо наибольше есть нужда, именножЪ, сверьхЪ Автора вымысла, расположенія вЪ матеріяхЪ, ихЪ соединенія, отЪ нихЪ отступленія, ихЪ украшенія, ихЪ бесчисленнаго различія, также и сверьхЪ премногихЪ красныхЪ описаній мѢстамЪ, сколько тутЪ каждаго состоянія читатель найдетЪ нравоученія; сколько сильныхЪ, острыхЪ, и краткихЪ рѢчей, сколько политическаго, и Философскаго наставленія; словомЪ, сколько разныхЪ характеровЪ вЪ особахЪ. ПоистиннѢ, не больше ихЪ намЪ различилЪ ТеофрастЪ, коль сей АвторЪ, котораго никогда довольно выхвалить невозможно. Живо весьма здѢсь изображены храбрыи люди, милостивыи и величества своего достойныи Государи, благоразумныи и глубокіи Министры, также мужественныи и искусныи Полководцы: живо представленЪ харак-

теръ добрыхъ друговъ, вѣрныхъ слугъ, бодрыхъ и превосходныхъ начальниковъ, мудрыхъ и радѣтельныхъ Пословъ и Посланниковъ. Матерняя любовь къ сыну въ Гіанісбѣ; благопріятныя хозяйки бѣдственная услуга въ Тімоклеѣ; горесныя матери печаль въ Тімандрѣ; духовная добродѣтель въ Анероэстѣ, Ібурранѣ, Дуналбіи, Антеноріи, и въ пустынникахъ Сардінскихъ; гоненіе и ненависть на сію въ Гіперефанянахъ и въ Усінулкѣ, равнымижъ красками описаны. Напротивъ того, возненавидитъ читатель свирѣпаго возмутителя Лікогена; по долгу на́-смерть осудитъ собщниковъ его Олоодема, Менокріта, Анаксімандра, Эрістена, и всѣхъ кои совѣщаются съ ними: а сердечно пожелаетъ, чтобъ гордый и несносный Комміндорігъ былъ умерщвленъ Астіорістовою рукою. По заслугамъ здѣсь лукавство и невѣрность свою убила Селенісса старуха; честолюбіе и тщеславіе уни-

чтожено

чтожено въ Радіробанѣ, и похулено было его легкомысліе. Сколько ни бѣгаетъ, но неуйдетъ отъ должныя казни плутъ и обманщикъ Форбантъ; равно какъ и всѣ прочіи разбойники и воры, которыхъ конецъ есть лютая и поносная смерть. Не безъ удовольствія своего увеселится читатель дикою, надменною, безрассудною, и во всемъ грубою деревенскихъ мужиковъ простотою. Притомъ познаетъ онъ пустоть чародѣекъ, ложь астрологовъ, бѣдствія и слѣпоту любовниковъ, расказы и ябеды стряпческіе; а хотя въ иныхъ многія преимущества похвалитъ, однакожъ отъ хитростей, тайно и льстиво другими производимыхъ, не безъ трепета отвратиться имѣетъ. Наконецъ, пресвѣтлѣйшія Аргеніды красотѣ, дарованіямъ разума, и чистотѣ цѣломудрія, также, какъ постоянной такъ и истинной сердечной ея горячести, попремногу удивится; а читая объ ея бѣдствіяхъ, и от-

 чаянныхъ

чаянныхъ нещастїяхъ, въ великое сожалѣнїе придетъ: однако напослѣдокъ крайнимъ образомъ возрадуется, когда увидитъ, что достоинство и непорочность ея, вѣнецъ мздовоздаянія получили.

18.

Все сїе предложено токмо для того, чтобъ читателю увѣдомлену быть о различїи характеровъ, въ сей повѣсти находящихся, въ знанїи чего немалая есть важность. Но коль съ несказаннымъ удовольствїемъ читать онъ здѣсь имѣетъ оныя высокїя и мудрыя рассужденїя, для которыхъ токмо вся сїя книга и предвоспрїята отъ Автора? Не съ великимъ ли подлинно, да благоволитъ мнѣ повѣрить, наслажденїемъ будетъ онъ читать, что крайняя обида дѣлается Государямъ завистїю къ тѣмъ, кои у нихъ въ особливой милости находятся, и всеконечнымъ нехотѣнїемъ того, чтобъ Державнѣйшїе Особы нѣко-

нѣкотораго угоднаго имъ лучше прочихъ жаловали? Чтожъ оное рассужденіе о мудрыхъ, мужественныхъ, достойныхъ и знаменитыхъ славою людяхъ, кои когда презираемы бываютъ, то великій отъ того государственный вредъ происходитъ? Что и то, которое есть о самодержавномъ и наслѣдственномъ Монархіческомъ правленіи, и которое доказываетъ непреодолѣемо, что въ немъ токмо истинная есть вольность, и что оно всѣхъ прочихъ полезнѣйшее? Нѣтъ ніединыя въ семъ сочиненіи части, въ которой бы такихъ рассужденій нѣсколько не находилось. Такъ во второй имѣетъ нашъ читатель прочесть рассужденіе о Гіперефанянахъ, тоесть о послѣдователяхъ Калвіну, и о неправомъ ихъ разумѣніи, а больше о вредительныхъ воспослѣдованіяхъ отъ ихъ разврата: въ ней же о лжи и пустотѣ астрологіи прорицательныя, врассужденіи будущихъ случаевъ. Въ третіей, о причинахъ, воспо-

слѣдствованїяхъ, и способахъ къ отвращенїю измѣнъ, и къ утвержденїю общаго въ государствѣ спокойствїя: также о средствїяхъ, какими Монархъ можетъ предупреждать, и истреблять смяленїя: о ласкателяхъ и о похвалахъ приписываемыхъ Государямъ: послѣднюю въ ней о непорядкахъ употребляемыхъ хитро въ судахъ, и объ исправленїи оныхъ. Въ четвертой, о содержанїи всегда, и въ мирное время, какъ сухопутнаго, такъ и морскаго войска: о фортунѣ, что она есть ничто иное, какъ токмо божественное о всѣхъ вещахъ предувѣденїе, промыслъ, и строенїе: въ ней же о власти Царей, что они имѣютъ право налагать подати, и употреблять оные по своему изволенїю. Въ пятой, о должности Посольской: объ истинномъ уединенїи для угожденїя богу: напослѣдокъ, о предсутствїи божїемъ, тоесть, что есть богъ, и что святость его бесконечная крайно ненавидитъ злодѣянїй,

нїй; чегоради, всѣмъ должно бодрствовать, и отъ добродѣтелей не удалятися. Все сїе, и премногое подобное, есть не токмо важное, полезное, сильное и справедливое; но самая важность, польза, сила и истинна: которое притомъ такъ украшено словами, что поистиннѣ не во многихъ книгахъ толикое краснорѣчїе и сладость Латїнскаго слова чувствуемы быть могутъ.

19.

Время уже́ увѣдомить читателей о радѣнїи, какое во мнѣ было, обращающемся въ переводѣ сея толь прїятныя, предивныя и многополезныя пòвѣсти. Я не спо́рю, что каждый изъ нихъ имѣетъ право требовать отъ меня въ томъ отвѣта, и какъ бутто нѣкотораго отчота: сїежъ для того, чтобъ ему знать, вѣрноль я положенную на меня должность исправилъ, и приложилъ ли

надлежащее старанїе ко всему тому, что читателю при чтенїи обыкновенно бываетъ угодно. Всѣмъ искуснымъ въ Латїнскомъ языкѣ, и читавшимъ моего Автора, есть извѣсно, что онъ употребилъ крайно высокїй стїль, распещряя его, какъ нѣкоторыми цвѣтами, важнѣйшими Трóпами, и самыми красными и выборными Фїгурами какъ словъ, такъ и цѣлыхъ рѣчей; всежъ сїе богатство рассыпая толь щедрою рукою, что почитай нѣтъ нїединаго мѣста, или справедливѣе, нѣтъ нїединаго, гдѣбъ обыкновенныя ему высокости не-было: такъ что, для постиженїя его высокопарности, чтобъ позволено было такъ сказать, всеконечно и необходимо надлежитъ имѣть подобныя ему крыла. И какъ, по сей причинѣ, читающему токмо его Латїнское сочиненїе, должно употреблять толикое прилѣжанїе, и наблюдать Автора не спуская съ глазъ всемѣрно, дабы въ немъ смыслъ могъ онъ ясно выразумѣть:

мѣть:

мѣть: то ужé всякъ можетъ лехко понять, что мнѣ переводившему, и по должности объ уразумѣнiи старавшемуся, каждый параграфъ, каждый перiодъ, но что перiодъ? каждый членъ перiода, не могъ стать не въ превесьма дорогую цену: то есть, что я чрезъ все продолженiе перевода толикую имѣлъ трудность, которыя, по совѣсти, изобразить не возможно. Знаютъ искусные, что кому Аргенiду случилось переводить; тому довольно въ свѣтѣ досталось трудиться: но совершенный ей здѣлать переводъ, есть участь превосходнаго токмо искусства, а не моихъ недостатковъ дѣло. О себѣ я могу донесть безъ лицемѣрiя, что предпрiятiе мое, перевесть толь глубокаго и мудраго Автора, моглобъ справедливо названо быть продерзостiю, ежелибъ оное не извинялось ревностiю моею къ исполненiю повелѣнiя даннаго мнѣ отъ Академiи Наукъ Президента, Сiятельнѣйшаго

Графа Кірілы Григорьевича Разумовскаго, и чрезъ то къ засвидѣтельствованію ему должнаго моего послушанія. Я не могу помыслить, безъ тайнаго внутренняго удовольствія, что сіе мое предпріятіе, инакобъ безъ сомнѣнія продерзосное, имѣетъ себѣ къ оправданію толь законную причину. Но что можетъ оправдить оную мою продерзость, съ которою я самъ собою поднялся, будучи еще въ Московскихъ училищахъ, почитай токмо вступивши въ реторіческій классъ, перевесть сіюжъ са́мую по́вѣсть? Впрочемъ, на́чалъ я тогда, и совершилъ: прошу не спрашивать, каково; оконченъ токмо былъ переводъ. И хотя нѣкоторыи, кои пользовались чтеніемъ студентскаго онаго моего перевода, не такъ были имъ не довольны, чтобъ его всеконечно и совершенно ни къ чему годнымъ почли: однакожъ я несказаннымъ образомъ радуюсь, что во всей Россіи одинъ токмо, и въ однихъ ру-

кахъ

кахъ экземпляръ того перевода находился понынѣ, который точно самый тотъ нынѣ паки мною отъисканъ, и такъ сохраненъ, что уже́ и я самъ увидѣть его никогда не возмогу. Съ другой стороны́, объ ономъ студентскомъ моемъ переводѣ я не для того предложилъ, чтобъ тайнымъ образомъ похвалить сей вторый съ основанія новый: я токмо такъ просто о томъ донесъ, какъ и что было отъ меня предвоспріято врассужденіи сего Автора. Будежъ бы мнѣ захотѣть и похвалиться; то удостовѣряю справедливо и не обинуясь, что сей послѣдній мой переводъ несравненно исправнѣйшій перваго. Сіе только подлинно можно мнѣ сказать въ мою пользу; сравнивая первый оный переводъ съ симъ вторымъ, котораго о благополучномъ, или о нещасливомъ, успѣхѣ, ожидать мнѣ должно точнаго опредѣленія отъ всего читающихъ общества.

20.

Въ ожиданiи себѣ благосклоннаго снисходительства отъ читателей, доношу имъ, что Авторовъ стiль не токмо чрезвычайно высокъ, какъ я ужé упомянулъ, но притомъ чрезвычайно еще и витiеватъ, для того что ему быть такому надлежало по свóйству Пiитiческаго содержанiя, какое Авторъ съ начáла до конца предлагаетъ. Итакъ, старался я, сколько мнѣ было возможно, чтобъ переводу моему быть вразумительну, и имѣть бы ему довольную ясность къ угодности читателей. Однако, чтобъ и переводъ не казался безъ оныя Пiитiческiя осанки, нигдѣ больше, сколько сему роду сочиненiя благопристойныя: то было во мнѣ тщанiе, дабы и у меня ей быть рассѣянной по всѣмъ перiодамъ, толькожъ бы безъ вреда желаемой всѣми ясности. Сверьхъ того, я смѣю донесть, что почитай ни одного отъ

меня

меня въ семъ сего Автора токмо переводѣ не употреблено чужестраннаго сло́ва, сколькобъ которыя у насъ нынѣ въ употребленiи ни́-были; но всѣ возможныя изобразилъ нарочно, кромѣ мiтологiческихъ, славеноросciйскими равномѣрными рѣчами: ибо родъ и важность по́вѣсти сея того требовали. Хотяжъ впрочемъ Латiнскiй языкъ и не можетъ употреблять въ единственномъ числѣ, во второмъ лицѣ, множественнаго ВЫ, вмѣсто ТЫ: однако я вездѣ, гдѣ или знатныхъ людей между собою производятся разговоры, или съ ними кто изъ нижайшаго состоянiя разговариваетъ, употребилъ оное нѣжное Вы, за важное Ты. Симъ я послѣдовалъ точно нынѣшнему нашему учтивѣйшему употребленiю. Мнѣ рассудилось, что я худо могу здѣлать, ежели инако здѣлаю. И по истиннѣ, перевода моего не будетъ уже́ читать грубыхъ временъ новогородка Мароа посадница: онъ здѣланъ

для

для нынѣшняго учтиваго и выцвѣченаго, въ которое нашъ языкъ не имѣетъ ужé ни ОЖЕ, ни АЧЕ, ни другихъ премногихъ Архаїсмовъ, тоесть старины глубокїя. Притомъ, сїе самое докажетъ и будущему позному роду, въ какой тоесть вѣкъ нашего языка переводъ сей начатъ былъ и совершенъ: семужъ точно и премногїи обрасцы видимъ на Французскомъ языкѣ, когда полїтїчнаго и ученаго сего народа читаемъ переводы съ Греческаго или съ Латїнскаго. Однакожъ, употреблялъ я и единственное Ты, когда или высокая какая особа говоритъ съ подлою, или провѣщатель о чемъ прорицаетъ: употреблено также Ты и во всѣхъ здѣсь стїхахъ. Въ первомъ случаѣ поступилъ я точно по употребленїю искуснѣйшихъ; но во второмъ, для стїхотворческїя и Пїитїческїя важности.

21.

Латинскіи стіхи, которыи Автором употреблены при случаях и на мѣстах весьма приличных, и которыми без сомнѣнія он сам себя превосшел, я также перевел нашими стіхами: ибо ежелиб того не дѣлать; тоб вся экономія сея повѣсти была разорена, и премногоб красоты пропало. Я не ставлю на щот труда, какой я имѣл переводя стіхи: вѣдают искусныи, что они даром не даются. Я токмо охотникам доношу [прочіи могут сей, и слѣдующій параграф пропустить не читая: они покажутся не охотникам скучны] что употреблен мною здѣсь, по большой части, стіх Гексаметр как Хореіческій, так и Іамбіческій. Первый есть, женскія ріѳмы, Гіперкаталект, то-есть, лишній слог сверьх шести стоп имѣющій, так что, в женском первое полстішіе имѣет три

сЪ

съ половиною стопы, а второе три ровно: но въ мужескомъ первое три ровно, а второе три съ половиною. Іамбическій гексаметръ женскія ріөмы есть также Гіперкаталектъ; а мужескія Акаталектъ, тоесть, полное число стопъ имѣющій. Какъ Хореическій Гексаметръ не будетъ исправенъ, ежели мужескія ріөмы стихъ второе полстішіе будетъ начинать односложнымъ (*) словомъ: такъ и Іамбическій имѣетъ быть весьма пороченъ, когда въ немъ пресѣченіе не означится Іамбомъ. Причину сему самая натура сихъ Стіховъ, давшая имъ такое совершенство, и слѣдовательно топчасъ показывающая противное, всякому дѣломъ испытать имѣющему

(*) Однако выключаются изъ сего 1) всѣ односложныи предлоги. 2) частицы и, не, ни. 3) частицы разума возносительнаго: кто, что, тотъ, та, то, сей, кой, какъ, такъ, коль, толь. 4) частицы противительные: но, а. 5) частицы подчинительные: да, чтобъ, пусть, и подобные не окончавающіе разумъ.

имѣющему ясно объявить. Мужеская рїѳма есть та, коя ударенїе имѣетъ на са́момъ послѣднемъ складѣ сло́ва; но женская, которая есть на предпослѣднемъ. Сїе самое называется Сочетанїемъ, когда стїхи мужескою и женскою рїѳмами между собою попеременно мѣшаются. Мужеская и женская рїѳма прозвана у Насъ съ Французскаго употребленїя: мы пра́вильнѣе моглибъ называть мужескую Їамбическою, а женскую Хореїческою рїѳмами. Їамбїческїй стїхъ введенъ въ наше Стїхосложенїе по́слѣ того, какъ ужъ былъ мною введенъ Хореїческїй, также и самое основанїе, или лучше душа и жизнь всего Стїхосложенїя, именножъ, Тонїческое количество слоговъ, тоесть, тотъ складъ почитать долгимъ, на который сила ударяетъ, прочїи всѣ въ словѣ короткими. Я прошу, чтобъ сказанное о семъ, было принято бесхитросно. Кои разглашаютъ,

что Іамбіческій Гексаметръ введенъ къ намъ первыми ими; тѣ токмо что бесстыдно тщеславятся: Въ Россійскомъ собраніи извѣстно было о семъ стихѣ, когда тщеславящіися зналиль что Іамбъ, и умѣлиль его выговорить чисто. Отважился я употребить здѣсь и такой Гексаметръ, какой древніи Греки и Римляне употребляли, именножъ Дактіліческій, полагая токмо вмѣсто ихъ Спондеевъ Хореи, [длятого что наше количество слоговъ есть Тоническое, а потому такъ оно требуетъ] и также по ихъ безъ риѳмы. Мнѣ онъ показался великолѣпенъ: толь мудрыи народы не употреблялибъ онаго, ежелибъ онъ не-былъ по естеству своему таковъ. Онъ намъ также свойственъ, какъ и имъ, для преложенія частей слова. Привыкшіи къ ріѳмѣ, да благоволятъ быть увѣдомлены, что она есть игрушка, выдуманная въ Готическія времена, и всеконечно посто-

посторонное украшеніе стіхамъ. Простыхъ нашихъ людей пѣсни всѣ безъ ріѳмы, хотя и идутъ по Хореемъ, по Іамбомъ, по Анапестомъ, по Дактілемъ; а сіе доказываетъ, что коренная наша Поэзія была безъ ріѳмъ, и что она Тоніческая. Отвагу мою я и еще далѣе произвелъ: употребилъ я вновь, смотря на обра-
употребилъ тіло-Хореіческаго Гексаметра, и Анапесто-Іамбіческій Гексаметръ, также какъ и первый, безъ ріѳмы: онъ поистиннѣ не меньше осанистъ, коль и оный Дактіло-Хореіческій, съ такою токмо разностію, что Анапесто-Іамбіческій есть Гіперкаталектъ, а Дактіло-Хореіческій Акаталектъ. Въ семъ пятая стопа́ необходимо долженствуетъ быть Дактіль; но въ томъ шестая непремѣнно Анапестъ, и слогъ на концѣ краткій. Трудно начать и осмѣлиться; а ступивши ногою, надобно было итти далѣе. Что больше? Я употребилъ и Героэлегіаческій какъ

дактіло хореіческій, такъ и Анапесто-іамбіческій; но оба съ рівмами, такъ что Гексаметръ дѣлаетъ женскую, а Пентаметръ мужескую рівму. Не могу не признаться, сердце мое симъ Сочетаніемъ несказанно любуется, всѣмъ прочимъ оставляя, каждому изъ нихъ, свое чувствіе. Врассужденіи сихъ Героэлегіаческихъ стіховъ, о Пентаметрѣ Дактіло - Хореіческомъ нѣтъ нужды говорить: онъ точно есть Греческій и Римскій, и также въ первомъ полстішіи имѣетъ или два Хорея вмѣсто Спондеевъ, или два Дактіля, или Хорея съ Дактілемъ, или Дактіля съ Хореемъ, и долгій потомъ слогъ; а второе всеконечно два Дактіля, и долгій же слогъ. Но Анапесто-іамбіческій Пентаметръ есть новый, и длятого коротенько объ немъ скажу. Первое въ немъ полстішіе имѣетъ двѣ стопы, а сіи, или два Іамба, или два Анапеста, или Іамбъ съ Анапестомъ, или Анапестъ съ Іамбомъ: но второе непремѣнно

долженъ

долженствуетъ имѣть три Анапеста. Есть у меня здѣсь въ четвертой ча́сти Ода, которая сочинена Сапфїческимъ Пентаметромъ, состоящимъ въ пяти, а не въ трехъ стїхахъ: но не смотритъ, какъ говорятъ по Латїнски, волкъ на число. * Къ симъ приданъ и Адонїческїй Дїметръ; такъ что цѣлая Строфа состоитъ изъ шести стїховъ. И понеже употреблено мною тутъ Сочетанїе рїѳмъ; то мужескому надобно стало быть Каталекту, тоесть не имѣющему цѣлаго склада въ числѣ пяти стопъ, а женскому Акаталекту, тоесть полному. Въ первой ча́сти есть Одажъ, которая составлена Тетраметромъ Їамбїческимъ: у нея къ первой и послѣдней Строфѣ находится приложенъ Трїметръ Анапесто-їамбїческїй. Способъ къ сочиненїю нашихъ стїховъ во всякомъ родѣ [я продолжаю говорить и сїе все охотникамъ] есть весьма не труденъ. Вопервыхъ, надобно почитать всѣ односложныя

* Lupus numerum non curat.

 слова́

слова́ общими, тоесть, и долгими и коротками, как того случай потребует. Второе, везде, где ни прилучится, полагать Спондеи Пиррихия вместо Хорея и Іамба, кроме токмо Пресеченія в Іамбіческом стіхе. Однако сей, толь простый способ, приводится в затрудненіе от нѣкотораго искуснаго человѣка. Он утверждает, что односложныя наши слова́ иныя долгія, иныя короткія, а иныя общія, тоесть и долгія и короткія. Но сверьх того, что по сему мнѣнію много труда надобно положить для различенія, которыя у нас односложныя слова́ долгія, которыя короткія, и которыя общія, и что оно противно употребленію пра́вильных стіхов, сколько их нынѣ у нас ни обрѣтается, оно еще и не весьма правое. Ибо всѣ наши односложныя слова́, по природѣ своей, долгія, а полагаются общими в стіхах токмо по законной вольности.

(q) „Нѣт

(q) „ Нѣтъ ни одного реченія „ „ въ которомъ бы не́ - было одно- „ го покмо Удареніа какъ у Насъ , „ такъ и у Латінъ. „ Но каждое односложное слово есть реченіе. Слѣдовательно , есть на немъ Удареніе , и потому оно долгое. Онъ не хотѣлъ жебъ , чтобъ и въ тѣхъ стіхахъ , кои по обрасцу Греческихъ и Римскихъ могутъ у насъ быть сочиняемы , полагаема была Стопа́ Пірріхій по вольности вмѣсто Хорея и Іамба. Но я не вижу , на что здѣсь сія жестокость , когда въ чистыхъ Хореическихъ , и въ чистыхъ Іамбіческихъ сіе не запрещается ? Да на что и затрудненіе сіе , и толь наипаче, что

 Пірріхій ,

(q) Est autem in omni voce vtique acuta ; sed numquam plus vna.

Квінтіл. кн: 1. гл: 5.

Ea vero , quae sunt sillabae vnius , erunt acuta , aut flexa , ne sit aliqua vox sine acuta.

Тамже.

Пѵррїхїй, (*) положенный вмѣсто Хорея и Їамба ни слуху не досаждаетъ, ни количеству слоговъ чувствительнаго вреда не дѣлаетъ? По моему мнѣнїю, которая сїстема простяе, та и лучше: довольно трудности при стїхахъ и отъ сысканїя мыслей. Кажется, что съ любопытнаго охотника довольно сего о стїхахъ, которымъ примѣры увидитъ онъ рассѣяны по всей здѣсь Повѣсти; да и льщу себя, что они ему не толь непрїятны будутъ, что уже́ не можнобъ было ничего отнюдъ подтвердить, сколькобъ ни разглашали противное самолюбцы: и тѣ, кои ни читать стїховъ не умѣютъ, однако слышанное отъ пристрасныхъ людей, но не рассу-

Чемъже одинъ стїхъ другаго лучше?

(*) Съ Пѵррїхїемъ:

Съ кѣмъ ходишь всегда, бойся того подоппутъ.

безъ Пѵррїхїя:

Ходишь съ кѣмъ всегда, бойся того подоппутъ!

Пентаметръ сочиненный по римски

рассуждая объ ихъ цели, на подобїе эха кончиками повторяютъ, и чрезъ то силятся показать себя знающими, не зная сами въ томъ, по чистой совѣсти, ни складу ни ладу.

22.

Едва-было я не позабылъ, что есть у меня при са́момъ концѣ По́вѣсти сея еще Ода. Она составлена Хореїческимъ Тетраметромъ; а Строфа ея состоитъ изъ десяти стїховъ. Не́-былобъ нужды предлагать, что она Хореїческая, и десятеростїшная: но есть и въ ней новинькое, которое мнѣ показалось не худымъ. Сїе новинькое касается до Сочетанїя рїѳмъ. Десятеростїшную сїю Строфу я такъ различилъ, что первое въ ней Четверостїшїе обыкновенно сочетавается мужескою и женскою рїѳмою; равнымъ образомъ и второе нижнее. Но между обоими сими Четверостїшїями полагаемыя два стїха непрерывныя

рїѳмы.

ріѳмы, и имѣвшіи прежде сего также женскую ріѳму, я согласилъ дактіли-ческою, тоесть трисложною ріѳмою. Сіе я учинилъ длятого, чтобъ чувствительнѣе означить средину Строфы. Употребленіе сіе можетъ быть и полюбится не мнимымъ и не тщеславнымъ знатокамъ, также и вѣдающимъ силу въ Просодіяхъ нашихъ: да и покажется либо имъ оно какъ пріятно, такъ и не безъ основанія. Впрочемъ, мнится, что въ такихъ же подобныхъ Строфахъ, но Іамбіческихъ, ріѳмы сея дактіліческія употреблять не возможно: ибо Тетраметръ Іамбіческій будетъ Пентаметромъ, также Тріметръ Тетраметромъ Діметръ Тріметромъ, и Гексаметръ Гептаметромъ, тоесть, всякій родъ Іамбіческаго стіха будетъ имѣть лишнюю стопу Пірріхія: но Хореіческій токмо что имѣетъ быть обыкновенный нашъ Гіперкаталектъ. Сіяжъ самая дактіліческая ріѳма не можетъ всеконечно не быть употреблена

блена въ первыхъ двухъ стихахъ такъ называемыя въ училищахъ Горацiанскiя Строфы, ежели кому заблаго рассудится либо сочинить когда Оду состоящую сего рода изъ Строфъ. Называется она Горацiанскою для того, что Горацiй римскiй Лiрическiй Пiитъ часто ея употреблялъ въ своихъ Одахъ. Состоитъ она у римлянъ изъ четырехъ Тетраметровъ, изъ которыхъ первыя три стiха Гiперкаталекты, а последнiй четвертый Акаталектъ. Стопы во всѣ четыре стiха полагаются слѣдующiе: въ первыхъ двухъ сперва Спондей, потомъ Iамбъ, и долгiй слогъ Пресѣченiя; на концѣжъ два Дактиля. Въ третiемъ стiхѣ, первый Спондей, второй Iамбъ, третiй Спондей же, четвертый Iамбъ же, и на концѣ слогъ общiй. Въ четвертомъ, сначала два Дактиля; а послѣ дважъ Хорея. Но по нашему количеству слоговъ состоять сей Строфѣ изъ сихъ же точно стопъ не возможно въ начальныхъ

обоихъ

обоихъ стїхахъ: ибо въ сихъ первыхъ двухъ стїхахъ не́льзя намъ полагать сто́пу Спондея, вмѣсто котораго вездѣ у насъ Хорей; а по Спондеѣ не́льзяжъ быть Іамбу, ради слѣдующаго долгагожъ слога, составляющаго Пресѣченїе: понеже двумъ долгимъ слогамъ въ одномъ реченїи быть, самая природа Ударенїй не терпитъ; а прибирать всегда для Іамба послѣднїй слогъ реченїя долгїй, и пото́мъ Пресѣченїе кончить односложнымъ словомъ, то нарочно удалятьс отъ красоты, дѣлая два непосредственыя Пресѣченїя. Тогоради, обѣимъ тѣмъ стопа́мъ надлежитъ у насъ быть Хореямъ; а по вольности Хорею и Пїррїхїю, или Пїррїхїю и Хорею: ибо уже́ я предложилъ, что мы какъ вмѣсто Хорея, такъ вмѣсто и Іамба полагаемъ по необходимой нуждѣ сто́пу Пїррїхїя: инако, едва можно будетъ сочинить и одинъ токмо стїхъ по нашему тонїческому колїчеству слоговъ. Въ третїемъ стїхѣ, не красно

у насъ

у насъ быть Хорею вмѣсто Спондея по перемѣнно съ Іамбомъ, для того что сіи стопы діаметрально себѣ противны: того ради должно имъ быть Іамбамъ, изъ которыхъ послѣдній изрядно пріобщитъ къ себѣ слогъ лишній, и тѣмъ составитъ женскую ріѳму, коей быть должно; а ежелибъ быть четыремъ Хореямъ съ слогомъ, тобъ и сія ріѳма здѣлалась дактилическою, которыя тутъ не надобно. Прочіе въ четвертомъ стихѣ стопы вездѣ тѣжъ самые быть долженствуютъ у Насъ въ помянутой Строфѣ, кои употреблялъ и самъ Горацій въ ней. И понеже во всей слѣдующей Повѣсти нигдѣ я не употребилъ тоя Гораціанскія Строфы: того ради охотникамъ предлагаю здѣсь целую Гораціеву Оду, составленную симъ родомъ Строфъ и стиховъ, и переведенную по нашему онымижъ. Ода сія Гораціева есть девятая числомъ во второй его книгѣ Одъ: ея всю положилъ я здѣсь подлинную подъ чер-

тою

тою для любопытныхъ. Она имѣетъ крайнюю высоту въ изображеніяхъ, и самое изрядное нравоученіе. Сочинилъ ея Горацій въ утѣшеніе другу своему Вальгію Пііитужъ, лишившемуся любезнаго и единороднаго своего сына, именемъ Міспеса, въ то время, какъ Августъ Кесарь возвратился съ побѣдою изъ малыя Арменіи; а было сіе въ лѣто отъ созданія Рима 733. И поистиннѣ, умѣть въ такихъ случаяхъ утѣшать, есть такой талантъ, который не всякому данъ: еще и предпріятіе сіе весьма есть отважно: чемъ больше печаль бываетъ велика и справедлива, тѣмъ трудняе найти способы къ преодолѣнію ея. Словомъ, во время злоключеній, на которыя нѣтъ лѣкарства, надобно касаться сердца, а не разума: должно стараться, какъ бы притупить остроту чувствія, а прочее все оставить времени. Сей точно способъ употребилъ Горацій: онъ не осуждаетъ въ печальномъ отцѣ болѣ-

зновані

зованія его; онъ токмо желаетъ, чтобъ оно не-было въ немъ всегдашнимъ, или долговѣчнымъ. При всемъ томъ, я прошу любопытныхъ охотниковъ быть увѣренымъ, что я Оды сея переводъ здѣсь предлагаю токмо для Стіхосложенія нашего, и для дактілическія необходимыя въ нейріѳмы. Но что касается до красоты, которою наполнена Латінская Ода; то я перенесть богатаго сокровища сего въ мою не могъ, и не возмогъ бы никогда, хотябъ и всячески мнѣ о томъ тщаться. Признаваюсь, что планъ и сила дѣла вся тажъ и въ моемъ переводѣ; такъ что не иное говоритъ Горацій, какъ что и я по немъ: но въ моей не достаетъ того духа, которымъ оживлена подлинная. Моя́ есть токмо какъ будто нѣкоторая статуа, внѣшній видъ составовъ имѣющая, а жизни и движенія не получившая. Но слѣдуетъ и она сама.

(r) Не всегда дожди льютъ наводненїе;
Ни въ моряхъ отъ бурь завсе волненїе;
Съ полгода ледъ въ странахъ Армянскихъ,
Вѣтръ престаетъ на горахъ Гарганскихъ.

❁ ❁

Кедры

(r) Non ſemper imbres nubibus hiſpidos
Manant in agros, aut mare Caſpium
Vexant inaequales procellae
Vſque: nec Armeniis in oris,

❁

Amice Valgi, ſtat glacies iners
Menſes per omnes: aut Aquilonibus
Querceta Gargani laborant,
Et foliis viduantur orni.

❁

Tu ſemper vrges flebilibus modis
Myſten ademptum: nec tibi veſpere
Surgente decedunt amores,
Nec rapidum fugiente ſolem.

❁

At non ter aeuo functus amabilem
Plorauit omnes Antilochum ſenex
Annos: nec impubem parentes
Troilon, aut phrygiae ſorores

❁

Fleuere ſemper. Deſine mollium
Tandem querelarum, et potius noua
Cantemus Auguſti tropaea
Caeſaris, et rigidum Niphaten,

❁

Кедры не всегда вихремъ ламаются;
Листа не въ весь годъ рощи лишаются:
И вёдро послѣ тучъ бываетъ;
Въ весну и дерево процвѣтаетъ.

❁ ❁

Вальгїй! Тыжъ всегда внѣ утѣшенїя:
Сынъ скончался! мнишь: нѣтъ украшенїя!
Сраженъ тѣмъ въ вечеръ слёзы точишь,
Въ утро слезамижъ лице все мочишь.

❁ ❁

Несторъ вѣка* съ три пребылъ ли слезнѣйшимъ,
Разлучившись самъ съ чадомъ любезнѣйшимъ?
Прїамъ на всякъ день по Троїлѣ
Плакалъ ли горько въ такойже силѣ?

❁ ❁

Время отложить слабость сердечную;
Лучше прославлять честь долговѣчную:
Нашъ Кесаръ Августъ побѣдитель,
Тїгра, Евфрата есть укротитель.

❁ ❁

Скїѳовъ огласимъ оба всемѣснѣйшихъ:
Имъ въ предѣлахъ онъ также тѣснѣйшихъ
Велѣлъ быть покоренньмъ съ бою;
Не преходить же за нихъ ногою.

❁ ❁

*Несторовъ вѣкъ есть не столѣтнїй, но тритцати лѣтнїй, по мнѣнїю самыхъ искусныхъ толкователей.

Medumque flumen gentibus additum
Victis, minores voluere vortices;
Intraque praescriptum Gelonos
Exiguis equitare campis.

❁

23.

Мы ужé при окончанїи возвращаемся кЪ своему Автору. Казалось, что, по крайней его исправности во всемЪ, никто не могЪ вЪ немЪ никогда ни одного найти порока. Однако ни толь безЪ прикладное его старанїе, не могло уйти отЪ критїки. НаходятЪ вЪ семЪ его сочиненїи четыре погрѣшенїя. Первое, противЪ натуральныя Їсторїи; второе, противЪ Географїи; третїе и четвертое, оба противЪ Фїлологїи.

I. ПорочатЪ его вопервыхЪ, „чегобЪ ради онЪ во второй чáсти „сея Пóвѣсти, вЪ пятыхЪ стїхахЪ, „кои начинаются, Красная Фебу сестра, „вводилЪ АфрїканцовЪ, при призыванїи Дїаны, хотящихЪ гнать вЪ „тенéта вепрей, говоря,

„. . . . . (s) Прїими ты дарЪ благосклонно.

„А какЪ

(s) . . . . Tu nostris annue donis.
Et cum spumiferos junctis in retia campis
Impellemus Apros, et cum tibi sacra feremus;
Non occulta veni . . . .

„ А какъ пѣнистыхъ мы вепрей въ тенета погонимъ,
„ Купно и жертву тебѣ приносить на поляхъ сихъ имѣемъ;
„ То къ намъ явно приди. . . . .
„ понеже, по свидѣтельству Плініеву „ въ книгѣ VIII, въ Афрікѣ отнюдъ „ нѣтъ вепрей.

Но что нужды знать Піитамъ, есть ли вепри въ Афрікѣ, или нѣтъ, когда имъ позволено видъ класть за родъ, и родъ за видъ? Вепри у него пришли въ стопу стіха; а мы должны разумѣть какое нибудь другое животное, которое въ Афрікѣ родится. Говоритъ сіе не Історікъ, повторяю, но Піитъ. Впрочемъ, правдуль еще и Плиній сказываетъ, что въ Афрікѣ отнюдъ нѣтъ вепрей: нынѣшнія описанія утверждаютъ, что сія часть Свѣта, не смотря на превеликіи жары, изобильна какъ всякимъ (*) родомъ животныхъ, такъ и людьми. Гвільелмъ и Іоаннъ блейо, описывая Гвінею въ Отвѣтъ.

(*) Краткая політіческая географія, печать Санктпетербургская стран: 292.

въ театрѣ Свѣта, или въ новомъ своемъ Атласѣ, говорятъ, что свиней два рода въ ней находятся, и что въ нижайшей Еѳіопіи свиное мясо есть всѣхъ мясъ слаще, такъ что оное больнымъ обыкновенно ѣсть даютъ. Но хотябъ была и правда Плініева; однако Автору за погрѣшеніе не должно сего почитать: ибо вепри могли быть завезены въ Афріку. Симъ образомъ самъ Авторъ себя очищаетъ непосредственно предъ самыми сими стіхами говоря: „олени „въ ней [рощицѣ] и дикіе кóзы, „также и прочія животныя, привезен- „ныя въ Афріку, кои въ той части „земли́ не родятся, бѣгали.„ Какъ то ни есть; однако пускай Авторъ мой погрѣшилъ: въ семъ онъ такъ погрѣшилъ, (t) „что погрѣшеніе сіе „въ немъ, какъ въ Піитѣ, всеконечно „и по правдѣ есть простительно; „толь

(t) Verum, vbi plura nitent in carmine, non ego paucis Offendar maculis . . . . (*)
Горац. въ наук. о Поез. стіх. 351. 352.

„толь за него заплачено другими „премногими подобными исправно-„стями!

II. Ставятъ ему въ погрѣшеніе и слѣдующее, именножъ, „что онъ „въ пятой части предлагаетъ, говоря, „(u) не многіи, не хотя повиноваться чуже-„страннымъ государямъ, ушли на такъ назы-„ваемыи Куні́кулярныи острова́, кои находятся „въ ускомъ проливѣ, раздѣляющемъ Сардінію „отъ Корсіки, неправедно: ибо всѣ гео-„графіческіе ландкарты полагаютъ „сіи острова́ близъ Сардініи въ са́мой „Каларі́танской губѣ или заливѣ, а „не въ ускомъ проливѣ, который „раздѣляетъ Сардінію отъ Корсіки.

Подлинно, сіи два маленькіи островка находятся близъ Сардініи въ Каларітанскомъ заливѣ, а не въ помянутомъ проливѣ: называются они оба нынѣ Сантвенаресъ: первомужъ изъ нихъ собственное имя, біще, Отвѣтъ.

 а дру-

(u) Pauci externos dominos non ferentes, ſe ad Cunicularias inſulas recepere, anguſto in freto, quod a Sardinia Corſicam dirimit.

Слов. Автор. част. V.

а другому Сперадж҃їа. Однако я рассуждаю, что Авторъ мой погрѣшилъ тутъ или очень мало и нечувствительно, или и ничего не погрѣшилъ. Какже? Онъ самъ въ тѣхъ мѣстахъ не́-былъ; а писалъ съ ландкартъ, кои въ его время не весьма исправны были. Много и нынѣ въ ландкартахъ находится неисправностей, когда уже́ Географїя не тотъ видъ имѣетъ правды, какое она имѣла лице на ландкартахъ въ Авторово время. Итакъ, я его смѣло очищаю отъ сего погрѣшенїя причитаемаго ему, которое справедливо должно приписать его времени ландкартамъ.

III. Слѣдуютъ теперь Фїлологїческїи пороки. Сїи снаружи кажутся тяшкими и неочищаемыми: но въ самой вещи толь они извиненїя достойны, что въ нихъ прощенїя просить, и прощать за нихъ, нѣтъ какъ справедливости, такъ и благопристойности. Осуждаютъ его крїтїки, „что длячего онъ всея своея

„Повѣ-

„ Повѣсти, которая съ начала до „ конца пiитiческаго содержанiя, не „ сочинилъ стiхами, но прозою: ибо „ Поэма безъ стiховъ, есть какъ „ тѣло безъ души.

На сiе коротко можно слѣдующее сказать: что кому дѣла? такое Авторово было изволенiе. Но давноль душа поэмъ состоитъ въ стiхахъ? и можетъ ли тотъ Пiитомъ назваться, кто токмо что стiхи одни сочиняетъ, безъ всякаго пiитiческаго духа? Всякъ искусный вѣдаетъ, что существенное свойство, по которому Пiитъ Пiитомъ, состоитъ въ томъ, чтобъ вымыслы его были вѣроятны, тоесть, чтобъ они не такимъ были изображенiемъ вещей и дѣлъ, какъ они находятся, или какимъ порядкомъ производимы были, но такимъ, какъ правдѣ подобно быть могли. Сiе значитъ, что Пiитъ есть подражатель натурѣ, такъ что хотябъ Лiвiй здѣлалъ свою Iсторiю стiхами, а Вiргiлiй своюжъ бы Энеiду прозою, Отвѣтъ.

 однако

однако былъ бы первый совершенно столькожъ и тогда Історікъ, сколькобъ послѣдній непремѣнно Піитъ: ибо одинъ бы и стіхами писалъ прямо, а другой и прозою такъ, какъ съ вѣроятностію по натурѣ сходно. Но въ чемъ жебъ Авторъ мой удалился отъ натуры? Поистиннѣ, такъ онъ повсюду слѣдуетъ за ея дѣйствіями и обращеніями, что нигдѣ ея съ глазъ не спускаетъ. Описанія его такими картинами могутъ быть названы, въ которыхъ одного токмо недостаетъ, а именно, несовершенства. Правда, всѣ какъ древніи сочиняли, такъ и нынѣшніи Піиты сочиняютъ свои поэмы стіхами: Гомеру послѣдовалъ Віргілій; Віргілію Стацій; всѣмъ симъ Тассъ, Милтонъ, Камоэнсъ, и Волтеръ. Но всѣ сіи не по тому Піиты, что стіхами писали: за стіхи, былибъ они токмо Стіхотворцами (*), какъ Квінті-

(*) Verſificator lib. 10. c. 1.

Квїнтїлїанъ называетъ, или Стїхозборцами (*), какъ величаетъ ихъ Скалїгеръ. Авторъ мой не писалъ всея повѣсти стїхами; но для сего не меньше онъ Пїитъ Тасса, Мїлтона, Камоэнса и Волтера. Онъ не писалъ стїхами, длятого что онъ не хотѣлъ быть Стїхозборецъ, но подражалъ токмо, какъ Пїитъ, одной натурѣ, а въ рассужденїи стїховъ, никому изъ Стїхотворцовъ не подражая. Онъ хотѣлъ, чтобъ онъ самъ былъ подлинникомъ, и подражалибъ ему другїи, какъ то уже́ мы и видимъ въ той же са́мой Францїи нынѣ толь славнаго Телемака. Стїхъ дѣло не великое; а Пїитъ въ человѣчествѣ есть нѣчто рѣткое. Не знаю, не длятоголь еще Авторъ мой не рассудилъ за бла́го писать всю свою повѣсть стїхами, что упражненїе сїе предосудительно было нѣсколько его знатному характеру: кажется

 что

(*) Versilegulus. lib. 6. de poët.

что не кстати, употребленный человѣкъ къ государственнымъ дѣламъ, Стіхотворецъ: давно ужé какъ похваляютъ токмо стіхи, а всегдашнимъ Стіхотворцомъ быть нынѣ изъ важныхъ и дѣльныхъ людей едваль кто захочетъ. Однако знаю, что читатели больше въ немъ сладости имѣютъ отъ прозы, такъ что многіи изъ нихъ небольшіи его стішки, хотя они какъ бутто вмѣсто конфектовъ представлены, пропускаютъ. Осуждайтежъ теперь господá Крітіки, что Авторъ всея своея повѣсти не написалъ стіхами. Не написалъ: ибо онъ угодить желалъ читателямъ; а можетъ быть, что непрерывными стіхами и самому́ себѣ предосужденіе здѣлать предохранился.

IV. Приступаемъ къ послѣднему и важнѣйшему отъ Крітіковъ на Автора нареканію, а именно: „ чего „ ради онъ вездѣ нарочно оказываетъ „ красный и великолѣпный Латінскій „ стіль, и всячески старается, чтобъ

„ онъ

„ онъ былъ подобенъ са́мой прекра-
„ сной и пребогато убранной къ вѣн-
„ цу невѣстѣ, а не такой госпожѣ,
„ которая, въ приличномъ состоянїю
„ своему уборѣ, важность и достоин-
„ ство показываетъ: ибо умѣренность
„ стїля, какому ему быть надлежитъ,
„ преднаписана уже́ была отъ Петро-
„ нїя-Арбїтра въ Сатїрїконѣ въ главѣ
„ II, тоесть, (x) великолѣпная, и, чтобъ
„ такъ сказать, закраснѣвающаяся съ чеснаго
„ устыдѣнїя рѣчь, есть какъ беспорочна, такъ
„ и не напыщенна, но нѣкоторою природною
„ красотою возносится.

Удивительная жалоба! ежели объ ней точняе рассудить; то вотъ ея прямая сила: длячего Авторъ никако́ва погрѣшенїя въ стїлѣ не здѣлалъ? длячего такъ вездѣ хорошъ, что нѣчего въ немъ похулить, а однако надобно было быть чему нибудь порочному, длятого чтобъ многимъ показать себя хулою на него, что они — Отвѣтъ.

(x) Grandis, et, vt ita dicam, pudica oratio non est maculosa, nec turgida, sed naturali quadam pulcritudine exsurgit.

они знающїи люди. Какже нынѢ уйти отъ Крїтїки? Ежели кто хорошо что нибудь сочинитъ; то заговорятъ, длячего онъ очень хорошо здѢлалъ; и не далъ причины къ похуленїю себя. будежъ по случаю посредственно; то уже Автору какъ отъ знающихъ, такъ и отъ незнающихъ не будетъ пощады. НѢтъ ни одного, ктобъ не хотѢлъ находить пороковъ въ чужомъ сочиненїи. Всякъ спрашиваетъ, есть ли воля что нибудь ему сказать, даромъ что чаще не кстати. Сїе общее стремительство весьма изрядно описано у Эразма Ротеродама въ предисловїи на Сенеку. Говоритъ онъ: (у) „ находятся, кои на „ другихъ

(у) Sunt, qui alios incessunt petulantius salibus plus satis dicacibus, parumque dignis viris grauibus, ludentes in plerosque. Quae res speciem habet animi parum alienae laudi fauentis, et suae nimium indulgentis. Quamquam hic est ferme morbus ac fastidium Eruditorum omnium, vt vix exsistat aliquis tam absolutus, vt alteri per omnia satisfaciat, nisi longa temporis praescriptio, submota iudicandi libertate, religione quadam animos omnes occupauit.

„ другихъ своевольнѣе нападаютъ на-
„ смѣшками больше нежели велерѣчи-
„ выми, и весьма мало достойными
„ чесныхъ людей; а нападаютъ оныи
„ тѣми почитай на всѣхъ. Сїе пока-
„ зываетъ, что они имѣютъ сердце
„ не весьма благосклонное къ похва-
„ лѣ другихъ, и что себя токмо лю-
„ бятъ безмѣрно. Впрочемъ страсти
„ сей подвержены почитай всѣ ученыи
„ люди, такъ что едва кто можетъ
„ найтись толь совершенный, чтобъ
„ онъ другому во всемъ могъ уго-
„ дить, развѣ уже, когда узаконенїе
„ самаго отдаленнаго времени, от-
„ нявъ своевольность разсужденїй, въ
„ общее всѣмъ почтенїе приведетъ
„ писателя. Но чего ради, гово-
рятъ, у Автора моего стїль какъ
наряженная къ вѣнцу невѣста, а по
манерїи былъ бы онъ и безъ лишня-
го украшенїя хорошъ. Того ради,
я отвѣтствую, что онъ весь Пїи-
тїческїй, который что красняе и
великолѣпнѣе, то и достойнѣе.

И сколь-

И сколькобъ невѣста какая ни прекрасна собою была; однако подъ вѣнецъ ея, какъ возможно, украшаютъ больше. Авторова повѣсть идетъ подъ вѣнецъ (*) „славы всѣхъ вѣковъ „и народовъ, которую чтобъ ника„кая сила, и никакое время истре„бить не возмогли.„ Но онъ, говорятъ же, природною нѣкоторою не возносится красотою, да вездѣ оказываетъ украшенія свои излишно; а сіе самое излишество его есть нарочное. Я отвѣтствую, прежде надобно опредѣлить, въ чемъ состоитъ природная красота стіля. А по моему, после многихъ мудрыхъ мужей, прямая тамъ красота, гдѣ точно всѣ части между собою пропорціональны, и гдѣ онѣ прилично соединены и расположены; такъ что всякъ, видя ту вещь, не можетъ не сказать, что она

(*) Quam in gentibus olim ſparſam, nulla vis, nulla aetás extinguet.

Сам. Автор.

она хороша, Тогоради, покажите мнѣ, господа́ крітіки, гдѣ ча́сти Авторова стіля между собою не пропорціональны? И гдѣ онѣ не кстати соединены и расположены? Но ктожъ читалъ когда моего Автора, и не сказалъ, будучи какъ пораженъ крайнимъ удивленіемъ, что онъ не сладокъ? Вы сами, ежели совѣсно хотите сказать, вы сіежъ чувствіе имѣли; и также жаль вамъ было, какъ и всѣмъ прочимъ, когда історія окончена отъ васъ чтеніемъ, что она окончилась. Толикая сладость въ Авторѣ, что не хочется съ нимъ расстаться! Зналъ я мудраго у насъ мужа, который уже́ нынѣ во блаженномъ успеніи: сей мнѣ самъ изволилъ нѣкогда сказывать, что онъ впервые начавъ читать моего Автора, съ толикимъ услажденіемъ его читалъ, что досадно ему было, когда необходимо требовало тѣло пищи; а и прочелъ онъ его въ три дни. И поистиннѣ, можно смѣло увѣрить

всѣхъ

всѢхъ нашихъ читателей, что ежели кто одну главу изъ Автора моего прочтетъ; тотъ уже́ непремѢнно всю книгу читать будетъ. Чтожъ все сїе значитъ? То, что Авторовъ стїль природною красотою по матерїи возносится: ибо ежелибъ въ немъ прямыя красоты не́-было; тобъ онъ всѢхъ вобще, и каждаго особливо, не могъ услаждать толь превосходнымъ образомъ. Но въ немъ такїе дерзновенные метафоры находятся, предприемлютъ еще критїки, какихъ нѢтъ въ ЦицеронѢ: а чего нѢтъ въ ЦицеронѢ, то уже́ не Римское. Я доношу, нѢтъ въ ИзвѢстїяхъ Іулїя Цесаря такова витїйства, какое у Цицерона въ словахъ его; тогольради ИзвѢстїя Іулїя Цесаря не преизряднымъ Латинскимъ стїлемъ написаны? Каждый Авторъ свой собственный характеръ сочиненїя имѢетъ, которымъ токмо въ семъ долженствуетъ быть согласенъ, чтобъ былъ по природѢ того языка, которымъ

кто

кто пишетъ. (z) „ Различныя разу-
„ мовъ дарованія, говоритъ Эразмъ-
„ Ротеродамъ въ предисловіи на Іларія,
„ и многіе разности вѣковъ: кто
„ что можетъ, да подаетъ; и друго-
мубъ никто не завидовалъ. „ Авто-
ровъ стіль подлинно не сходенъ съ
Цїцероновымъ, длятого что Цїце-
ронъ не по піитїчески писалъ; а еже-
либъ онъ повѣсть же какую сочинялъ,
тобъ ему неприлично было употре-
бить въ ней иной родъ стіля: одна-
ко Авторовъ стіль притомъ есть все-
конечно Римскїй точно, и такъ
исправный, что не токмо всѣ вѣки и
народы его истребить не захотятъ,
но всѣ вѣки и народы удивляться
ему не престанутъ. Я поистиннѣ
не имѣю餘 ясного понятія о томъ,
что говорятъ о моемъ Авторѣ, а
именно, что онъ украшаетъ свой
стіль больше нежели надлежитъ, и

(z) Variae ſunt ingeniorum dotes, multae ſeculorum varietates; quod quidque poteſt, in medium proferat, nec alteri quisquam inuideat.

украшаетъ еще нарочнымъ дѣломъ. буде они разумѣютъ, что нѣтъ въ немъ нѣкоторыя природныя красоты, а есть токмо притворная, и еще нарочно вырумяненная; то уже очищено, кажется, что въ немъ красота природная, тоесть такая, какія матерія его требовала: инакобъ была она неприродная, потому что самое великолѣпное украшеніе есть прилично Піиту, и Піиту еще Героіческому. Ежелижъ думаютъ, что описанія его весьма великолѣпны, и премногимъ различіемъ распещрены: то подлинно можно сказать, что нѣтъ въ немъ монотоніи, какова́ у многихъ его таварыщевъ находится, еще и не безъ славныхъ. Но великолѣпное различіе описаній, сочиненныхъ Піитомъ, можетъ ли названо быть порокомъ? Не сіель точно и есть въ немъ одно изъ главныхъ совершенствъ? Монотонія и въ Ораторѣ можетъ ли не быть не сноснымъ недостаткомъ? Что скучняе Орато-

Оратора, не токмо что Пїита, одною мѣрою и движенїемъ ползущаго? Правда сїя не въ наши вѣки стала быть ужé знаема: усмотрѣли еще ея древнїи самымъ опытомъ: ибо о Монотонїи въ стилѣ, основательнѣйшїй писатель изъ древнихъ Плутархъ, въ Наставленїи своемъ молодыхъ людей, въ главѣ VIII слѣдующее съ крайнимъ рассужденїемъ предлагаетъ. (*) „Мое мнѣнїе вопервыхъ „есть такое, что рѣчь всеконечно „односоставная, есть не малый знакъ „неискусства въ сочиненїяхъ. По „семъ я утверждаю, что она про-

(*) Τὸν μονόκολον λόγον πρῶτον μὲν ἀμουσιας οὐ μικρὸν ποιοῦμαι τεκμήριον. Ἐπειτα δὲ καὶ πρὸς τὴν ἄσκησιν ἀψίκορον, καὶ πάντη ἀνεπίμονον ἔιναι νομίζω. Μονοδία γὰρ ἐν ἅπασιν ἔςι πλήσμιόν τε καὶ πρόσαντες. Η δὲ ποικιλία τερπνόν, καθάπερ κἂν τοῖς ἄλλοις ἅπασιν οἷον ἀκούσμασιν ἢ θεάμασι.

„ изводитъ омерзѣніе въ самомъ дѣй-
„ ствіи, и отнюдъ не можетъ быть
„ пріятна чрезъ долгое время, равно
„ какъ музыкантъ приводитъ въ ску-
„ ку, и досаждаетъ слуху, который
„ всегда по одной и той же струнѣ
„ смычкомъ водитъ. И поистиннѣ,
„ какъ во всѣхъ прочихъ вещахъ одно
„ различіе услаждаетъ; такъ равнымъ
„ образомъ оножъ токмо веселитъ
„ при слышаніи рѣчей, и при смотрѣ-
„ ніи театральныхъ представленій. „
Слѣдовательно, великолѣпно распе-
щренныя Авторовы описанія, и ро-
скошное въ піитическомъ сочиненіи
изобиліе, нашлись теперь не порокомъ,
но достохвальнымъ совершенствомъ.
Не знаю, нѣтъ ли какова неболь-
шаго соперничества въ сихъ людяхъ,
коимъ Авторовы метафоры не по вкусу.
О семъ я догадываюсь толь наипаче,
что онъ съ ними не однородецъ. Я
въ нихъ примѣтилъ великую любовь
къ своимъ: они почитай вездѣ и всегда
только что себѣ честь отдаютъ, и
похва-

похваляютъ предъ всѣми иногда тѣхъ изъ земляковъ, кои тетратечку напишутъ по Латинѣ о томъ, что не лучшель было Віргілію въ Энеідѣ своей, Плавту въ Каптівахъ, и Плінію въ VIII книгѣ, употребить слово cornipedante, или alipedante вмѣсто quadrupedante. Я впрочемъ сіе такъ говорю, что къ твердости знанія и къ ихъ славѣ не касаюсь. Однако рассужденіямъ ихъ не толь слѣпо вѣрю, чтобъ ихъ почитать за неспоримое правило, а особливо когда они рѣчь свою говорятъ, какъ въ свое время Ціцеронъ, токмо за домъ свой. * Коя больше порочится Латіна, какъ Польская? Однакожъ, почитай еще никто понынѣ лучше и живяе не представилъ намъ Лівіанскаго стіля, какъ Мартінъ - Кромеръ въ XXXти своихъ книгахъ Польскія історіи. Чтожъ по немъ Матѳей - Міховій въ Азіатіческой и Европейской Сармаціи? Что Станіславъ Любѣнскій въ Хронікахъ своихъ? Что Сімонъ Старовольскій

* Oratio pro domo sua.

скій, и Диміт́рій Суліковскій? Первый въ описаніи всея Польши; а второй въ дѣлахъ Польскихъ отъ смерти Сігісмунда Польскаго Короля. Но Сарбіевій въ Одахъ, послѣ Горація, чтобъ могъ гдѣ другой сыскаться, едваль есть надежда. Толькожъ всѣ сіи были природно Поляки. Толь одобреніе, или похуленіе отъ оныхъ господъ, совершенства или несовершенства въ иностранныхъ писателяхъ, иногда есть несправедливо!

Скажетъ либо кто, что какъ тѣ, кои Автора моего порочатъ, взведеніемъ на него излишняго украшенія въ стілѣ, будучи съ нимъ не однородцы, не могутъ не быть нѣсколько подозрительны; такъ и я съ немалоюжъ неприличностію защищаю его, находясь равно въ томже са́момъ обстоятельствѣ, тоесть, также Автору не землякъ. Правда, я съ нимъ не изъ одной земли́, и по мѣсту рожденія нѣтъ мнѣ до него дѣла. Однако, правда есть всѣхъ вѣковъ и

земель;

земель; да и я такое имѣю съ защищаемымъ Авторомъ соединенїе, что почитай съ нимъ нѣкоторымъ образомъ одинъ и тотже человѣкъ: ибо переводчикъ дышетъ, чтобъ такъ сказать, токмо что Авторовою душею. Впрочемъ, я защищаю только Автора врассужденїи его Латїнскаго языка, а не врассужденїи нашего. Въ собственныхъ моихъ погрѣшностяхъ я какъ себя не извиняю, такъ и всѣмъ даю волю въ нихъ меня судить и пересуждать: тѣмъ только буду искренно благодарить, кои въ похуленїяхъ своихъ за нихъ будутъ умѣренны, а крайно еще, которыи восхотятъ меня увѣдомить благосклонно объ нихъ къ исправленїю и наставленїю моему. Я всячески тщался угодить всѣмъ нашимъ читателямъ; но всеконечно знаю, что всѣхъ, или ужѐ строптивѣйшихъ, не могъ я удовольствовать. Не великое дѣло, что я для нихъ всю Повѣсть на главы раздѣлилъ, и каждую кратко описалъ:

 ибо

ибо въ подлинникѣ Амстердамскаго изданія [которымъ меня благоволили снабдить , еще и подарили мнѣ оный , новыи наши и очевисныи Пиладъ и Орестъ , коихъ собственную добродѣтель почитаю , благосклонностію къ себѣ хвалюсь , а за благодѣяніе благодаря благодарю] раздѣленія сего нѣтъ ; но съ Нѣмецкаго изданія , для того что текстъ въ немъ не толь исправенъ , я самъ переводить не хотѣлъ. Однако , можетъ быть симъ нѣсколько читателямъ моимъ услужу , что я намѣренъ всѣ Авторовы Міѳологіческія мѣста́ самыми краткими , сколько возможно , примѣчаніями изъяснить , которыя , съ божіею помощію , при концѣ сея книги положить потщусь. На самыхъ мѣстахъ и подъ чертою для того я ихъ не вмѣщалъ , дабы читателеву вниманію и сладости , кою онъ всеконечно отъ чтенія Автора чувствовать будетъ , непріятнаго , либо еще и досаднаго , помѣшательства не здѣлать.

)o(

АВТОРОВО ЖИТІЕ.

Іоаннъ барклаій родился во Франціи 1582 года, Генваря 28 дня, отъ отца Гвільелма барклаія, родившагося въ Шотландіи въ городѣ Абердеэнѣ, и происшедшаго отъ самыя древнія и благородныя Шотландскія породы, имѣвшія свойство съ знатнѣйшими Шотландскими Фаміліями, какъ то засвидѣтельствовалъ писменно Іаковъ Король Шотландскій въ 1582 годѣ, Марта въ 28 день, а отъ Матери изъ Французсскія знатныяжъ фаміліи называемыя де Мальвіль. Воспитанъ онъ и обученъ съ крайнимъ стараніемъ. Въ 1603 годѣ отправился онъ совокупно съ родителемъ своимъ въ Англію, гдѣ издалъ на свѣтъ преизрядную Поэму о коронованіи Короля Іакова, которому и приписалъ первую часть своего Эвформіона. Сей Государь не могъ нарадоваться его разумомъ; чегоради и хотѣлъ его удержать въ своемъ государствѣ. Но отецъ, боясь чтобъ протестанское мнѣніе не вкоренилось въ немъ, вывезъ его оттуду назадъ съ собою во Францію. По смерти мудраго своего родителя, возвратился онъ паки въ Англію, около 1606 года, гдѣ Король Іаковъ произвелъ его въ знатныи и такіижъ чины, въ какіи прежде и его отца, прибывшаго туда отъ Лотарінгіческаго Дюка еще въ 1603 годѣ, и получившаго достоинство Государственнаго Совѣтника.

барклаій.

барклай, сынъ его, напоившись совершенно штилемъ Петронїевымъ, окончилъ тогда Сатирическое свое сочиненїе Эвформїона, состоящаго въ двухъ частяхъ, и здѣлалъ на него Апологїю, тоесть, Защищенїе. Но скучившись жить въ Англїи, или то для разности закона, или для нѣкотораго неудовольствїя, по десятилѣтномъ въ Лондонѣ пребыванїи, возвратился паки во Францїю, а оттуду отбылъ въ Римъ 1617 году, при Папѣ Павлѣ V. Слава объ немъ прежде его самого прибыла въ сей городъ: въ немъ онъ нашелъ себѣ знаменитыхъ покровителей, а между прочими славнаго и мудраго Кардїнала Мафея барберїнїя, который былъ потомъ Папою, подъ именемъ Урбана VIII. Сей Кардїналъ удостоилъ его чести, бывши у него самъ воспрїемникомъ сыну его отъ святыя купѣли. Но Іоаннъ барклай не дождался сего щастїя, чтобъ видѣть сего мужа Папою: ибо здѣлалось сїе уже по смерти барклаїевой. Однако Павелъ V, и Григорїй XV великую къ нему милость являли.

Чтожъ до нравовъ барклаїевыхъ; онъ былъ весьма особливъ во всемъ, и чрезвычайно важенъ, такъ что можно было его назвать любившимъ уединенїе. Имѣлъ онъ у себя прекрасный садъ, въ которомъ послѣ полудня самъ трудился, и нѣжилъ цвѣты; а съ утра до обѣда всегда пребывалъ въ своемъ кабїнетѣ, и никого къ себѣ туда не пускалъ входить. Во время сего точно пребыванїя своего въ Римѣ, а именно, 1617 года, издалъ онъ

Paraenesin

Paraenesin свою ad sectarios, тоесть, Увѣщаніе отступникамъ отъ Римскаго закона. Въ семъ его сочиненіи не весьма ему удалось: совершенную получилъ онъ славу отъ своея Аргеніды, которую во Франціи и напечатали. Пребывая въ Лондонѣ, сочинилъ онъ Icon animorum, тоесть, Изображеніе разумовъ и нравовъ; издалъ также не большое сочиненіе названное Pietas, тоесть, благочестіе, противъ Кардинала беллармина, который возражалъ сочиненіе отца его о власти Царской; да собраніе своихъ Поэзій, состоящее въ трехъ книгахъ.

Ученый свѣтъ ожидалъ еще больше отъ прекраснаго и сладкаго его пера; но смерть ожиданіе сіе пресѣкла. Скончался онъ въ Римѣ каменною болѣзнію 1621 года, Августа 12 дня, имѣя отъ рожденія 39 лѣтъ и шесть мѣсяцовъ. Погребли его тамъ въ церкви святаго Онуфрія; но сынъ его потщался построить, въ честь его памяти, марморную гробницу, и поставить поясную его статуу на ней въ церкви святаго Лаврентія. И понеже такъ случилось, что сія гробница находилась тамъ прямо противъ другія гробницы, поставленныя въ честь отъ Кардінала Франціска барберінія учителю своему бернарду-Гвільелму, котораго зданіе совершенно было подобно барклаіевой гробницѣ: то вдова, жена барклаіева, будучи высокомѣрна и честолюбива, не могла сего терпѣть, чтобъ мужу ея довольно знатному человѣку по породѣ, а еще больше по

разуму,

разуму, быть подъ пару съ простымъ школьнымъ учителемъ; чегоради и хотѣла она сламать оную мужа своего гробницу, можетъ быть для того, чтобъ построить великолѣпнѣйшую. Но когда ей учинить сего не позволено; то она сняла съ нея поясную статуу своего мужа, и взяла ея къ себѣ въ домъ.

Сверьхъ помянутыхъ Авторовыхъ трудовъ, остались еще послѣ Іоанна барклаія сочиненія его слѣдующія, а именно, Notae in Statii Thebaidem, тоесть, Примѣчанія на Стацієву Тебаіду, которыя онъ сочинилъ будучи еще 19ти лѣтъ, и приписалъ ихъ Карлу III Лотарінгіческому Дюку; да Series patefacti diuinitus parricidii, тоесть, Порядокъ открытаго богомъ отцеубійства. Въ семъ сочиненіи описываетъ онъ злый умыслъ, бывшій на Іакова I Аглинскаго Короля; а умыслъ сей обыкновенно называется Conſpiration de poudre, тоесть, Пороховое умышленіе. Впрочемъ, хотя всѣ его сочиненія показываютъ, что онъ подражалъ во всемъ болше Петронію, и что вездѣ превеликую имѣлъ способность къ обильному изобрѣтенію: однако пребогатое сіе сокровище оказалъ онъ больше въ своей Аргенідѣ. Желающій пространнѣе вѣдать объ Авторѣ, да благоволитъ читать Томазіна въ житіяхъ славн. муж. Іана-Ніція-Хітрея въ Пінакот. III. изображ. славн. глав. 17. Олая-борріхія, въ дісертац. 5 о Латін. Пиитахъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ГЛАВЪ.

I.

Архомброта къ Сіцілійскимъ берегамъ сильнымъ, но способнымъ вѣтромъ принесеннаго, и тамъ на пескѣ отъ беспокойствъ морскихъ легшаго отдохнуть, и уже почитай заснувшаго, нѣкоторая госпожа, сожалѣнія достойная, выбѣжавши изъ-лѣсу съ растрепанными волосами, превеликимъ воплемъ, и вся въ слезахъ, въ крайній ужасъ приводитъ, и проситъ его, чтобъ онъ подалъ руку помощи Поліарху, на котораго въ пути разбойники напали. Архомбротъ когда туда прибѣжалъ на конѣ; то удивился, что отъ одного Поліарха три человѣка убиты, а оставшiися разбѣжались.

II.

Архомбротъ толикимъ мужествомъ привѣтствуетъ Поліарху, и себя извиняетъ, что онъ толь храброму ему человѣку дерзнулъ поспѣшить на помощь. Поліархъ и самъ ему благодаритъ за то учтивымъ образомъ. А склонившись на прозьбу госпожи оныя, именемъ Тімоклеи, прибыли они къ ней въ домъ. Тамъ когда Архомбротъ спрашивалъ Поліарха, отъ чегобъ толь много было разбоевъ въ Сіціліи, Поліархъ сказываетъ тому причину, а именно, что Царь всю свою силу повѣряетъ такимъ людямъ, которымъ не сносно быть на второй степени по Царѣ.

III.

По причинѣ припоминовенія имени Аргеніdина, Архомбротъ догадывается, что Поліархъ сію

Царевну

Царевну любитъ пребезмѣрно. Когдажъ они, легши опочивать ночью, по долгихъ между собою разговорахъ, начали засыпать; то, сильнымъ смятенїемъ бѣгающихъ людей туда и сюда будучи разбуждены, встаютъ въ превеликомъ сомнѣнїи. Тогда какъ наивозможно скоряе одѣвшись, всходятъ на верьхъ Тїмоклеиныхъ палатъ. Оттуду видятъ, что вездѣ по курганамъ свѣтятся огни: чегоради, посылаютъ они человѣка въ ближнїй городокъ освѣдомиться о причинѣ тревоги; а между тѣмъ спрашиваютъ, что то за обыкновенїе былобъ въ Сїцїлїи, засвѣчать такъ ночью огни. Тїмоклея имъ пространно изъясняетъ, что дѣлается сїе для всенародныя пользы, и токмо что по имянному Царскому указу.

IV.

Отъ посланннаго человѣка, по возвращенїи его, увѣдомляются они, что Полїархъ, на смерть осужденный, сыскивается тѣми огнями. Тогда горесная Тїмоклея совѣтуетъ, чтобъ онъ, бутто отъѣжжая отъ нея, въ надежную пещеру, подъ ея палатами находящуюся, укрылся. На что онъ, хотя съ трудностїю, однако согласился.

V.

Архомбротъ съ Тїмоклеею, по тайной дорогѣ одни безъ людей вшедши въ оную пещеру, и идучи къ Полїарху, начали между собою такой разговоръ, который не весьма обыкновененъ общему людей разумѣнїю, именножъ, о Фаворїтахъ и Наперсникахъ Царскихъ.

VI.

По довольномъ между собою совѣтѣ въ пещерѣ, высылаютъ они Геланора, отпущеника Поліархова, дабы онъ о смерти господина своего разгласилъ повсюду; сіежъ для того, что сія новизна сведетъ караулы со всѣхъ портовъ. Тотъ отправившись, видитъ три одра чорнымъ покрытыи, а за ними превеликое препровожденіе людей въ трауръжъ. Спросивши, чтобъ то за церемонія была, слышитъ, что они идутъ по тѣла́ пословъ, отъ Поліарха вчера убитыхъ. Геланоръ, проклявши въ сердцѣ своемъ непріятелей, поспѣшаетъ къ Мелеандру Сіцилійскому Царю, а на дорогѣ встрѣчается съ Тімонідомъ, знатнымъ человѣкомъ, и пріятелемъ Поліарху. Ему онъ хитрымъ образомъ о злоключеніи своего господина и о мнимой смерти его донесъ. Потóмъ свидѣвшись съ Арсідою, крайнимъ Поліарховымъ другомъ, повѣряетъ ему, по приказу господина своего, всю тайность дѣла.

VII.

Когдажъ въ Царскихъ палатахъ смерть Поліархова разгласилась, и дошла ужé до Аргениды Сіцилійскія Царевны; то она тотчасъ въ неописанную пришла горесть, и слéзы. А понеже Селенісса, мама Царевнина, увидѣла, что она съ отчаянія хотѣла себя умертвить штілетомъ; то немедлѣнно кинувшись къ ней схватила ея зá-руку, и исподоволь ея уговорила, чтобъ ей опомниться, и перестать рыдать.

VIII.

Мелеандръ Царь пространно изъясняетъ дочери своей Аргенидѣ, что она родилась къ правленію

вленію государствомъ и къ престолу. Притомъ, сказываетъ ей и причину, чегоради онъ повелѣлъ засвѣтить огни на Поліарха. Та услышавши объ имени Поліарковомъ, въ обморокъ упала, и отнесена въ покои, не безъ особливаго родительскаго удивленія и соболѣзнованія.

IX.

Арсіда, въ пещерѣ скрывшагося Поліарха, посѣщаетъ. Сей начавъ съ нимъ разговаривать, спрашиваетъ его, какимъ бы важнымъ преступленіемъ заслужилъ онъ Поліархъ быть сыскиваемъ по всей Сіціліи на-смерть. Арсіда ему сказываетъ, колъ великое смятеніе внесли послы отъ Лікогена, сильнаго человѣка и бунтовщика, въ лагерь Царскій. Потомъ совѣтуетъ ему, уступить времени, и выѣхать изъ острова. А рассуждая всѣ тутже бывшіи, какимъ бы ему лучше способомъ то учинить, Тімоклея принесла ему надѣть на себя личины съ бородами, и накладныи волосы, которыи употреблялъ прежде сего славный Сіцілійскій разбойникъ.

X.

Арсіда о мудрыхъ, мужественныхъ, достойныхъ, и знаменитыхъ славою людяхъ [какъ то ихъ мало въ Свѣтѣ, и что великій изъ того происходитъ вредъ государству, когда такіе особы уничтожаются, и въ высокіи чины не производятся] съ Архомбротомъ въ Тімоклеиномъ саду, съ причины случая Поліархова, разговариваетъ высокимъ и важнымъ способомъ.

XI.

XI.

При продолженіи разговора онаго между Архомбротомъ и Арсідою, превеликая толпа грубыхъ мужиковъ нагло въ Тімоклеины ворота ломятся, и вонъ оныя выбиваютъ. Тімоклея испужалась, а Архомбротъ за оружіе хватается: ибо думали мужики, что онъ то и былъ сыскиваемый Поліархъ. Но Арсіда свирѣпство ихъ успокоеваетъ, и совѣтуетъ Архомброту, чтобъ онъ имъ добровольно поддался до завтра, пока они его имѣютъ привесть къ Мелеандру.

XII.

Арсіда увѣдомляетъ Аргеніду, что Поліархъ въ добромъ здравіи находится, увѣряя ея, что ежели она изволитъ приказать, то онъ къ ней, въ чужой личинѣ, въ накладныхъ волосахъ, и въ мужицкомъ платьѣ, явится. Притомъ, доноситъ ей, какъ то грубыи мужики, преизряднаго молодца, и искренняго друга Поліарху, за самого Поліарха къ Царю хотятъ привесть. И едва токмо вышелъ онъ отъ Аргеніды, какъ ко двору оныи кресьяне валятся, ведя со всѣхъ сторонъ окруженнаго Архомброта.

XIII.

Еще другая мужицкая толпа Гералеонта, лишившагося ума человѣка, за Поліархаж къ Царю приводитъ. Услышавши о семъ Аргеніда, сокрушается: а послѣ надъ безуміемъ ихъ смѣется съ прочими. Но оный Гералеонтъ, падши къ Царю въ ноги, началъ просить объ отпущеніи

нїи себѣ вины, буттобъ онъ былъ истиннымъ Полїархомъ. Царь, не раздражая сумозброднаго, повелѣлъ ему итти, куда онъ хочетъ, свободно.

XIV.

Фїлиппъ, Докторъ Царскїй, разумнымъ рассужденїемъ изъясняетъ причины безумїя Гераеонтова, чегоради онъ во всемъ прочемъ дѣленъ, а токмо отъ припоминовенїя Полїарха представляетъ себѣ, что онъ то и есть Полїархъ. Но рассужденїе его прерывается прїѣздомъ Лїкогеновымъ, котораго Царь, по обыкновенїю своему, ласково принимаетъ.

XV.

Анаксїмандръ, племянникъ Лїкогеновъ. началъ доказывать, что правленїе Демократїческое и Арїстократїческое есть лучше Монархїческаго, и что оно согласнѣе съ натурою. Но Нїкопомпъ доводы его отражаетъ, и утверждаетъ, что нѣтъ полезнѣе обществу Монархїи, и что въ ней токмо истинная вольность находится, а во всѣхъ прочихъ правленїяхъ тѣнь токмо оныя, въ самой же вещи всеконечная неволя. Лїкогену не-любо было, что племянникъ его схватился съ Нїкопомпомъ, толь наипаче, что и матерїю не тѣмъ способомъ онъ изъяснялъ, длятого что Лїкогенъ не желалъ опровергать Монархїю, но хотѣлъ, чтобъ она была не по наслѣдству, но выборомъ. Тогоради, зная что между богослужителями на верьховнѣйшую степень достоинства восходятъ избранїемъ, отдалъ рассуждать о томъ Дунальбїю, багряно-

ризному священноначальнику, думая, что онъ имѣетъ подтвердить избранїе, а опровергнутъ наслѣдство. Но Дуналбїй, различивъ всеконечно верьховную властъ священства и царства между собою, доказалъ, противъ чаянїя Лїкогенова, что Монархъ, получившїй наслѣдствомъ скипетръ, есть полезнѣйшїй государству.

XVI.

Полїархъ, получивъ письмо отъ Аргенїды, збирается къ ней быть; а чтобъ безопасно могъ онъ притти, и никтобъ его не узналъ, надѣваетъ на себя оную личину съ бородою, которою его Тїмоклея снабдила.

XVII.

Пришедши Полїархъ въ городъ, входитъ въ отверстый Мїнервинъ храмъ. Тамъ когда его Аргенїда, по показанїю Арсїды, увидѣла, сперва пришла въ превеликїй гнѣвъ на непрїятелей его, а потомъ объ немъ самомъ въ жалость. Онъ, пришедъ къ ея ногамъ, бутто какъ и прочїи для поцѣлованїя священныя вѣтьви, едва отъ нихъ могъ отойти. Между тѣмъ, когда Царь и Лїкогенъ жертву мирotворную руками уже держали, Аргенїда умышленно наполняется Пророческимъ духомъ, и прорицаетъ нещастїе, и проклятїе подданнымъ, изгоняющимъ изъ храма Палладино божество беззаконїями. Царь хотя въ превеликомъ смущенїи о всемъ томъ находился; однако, для укрытїя сердечнаго своего смятенїя, разными пирами и театральными представленїями себя забавляетъ.

АРГЕНІДЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

I.

Міръ-еще не раболѣпствовалъ риму, ни Океанъ тогда не трепеталъ-еще Тібра; когда на Сіцілійскій край, гдѣ рѣка Гела падаетъ въ море, великороднаго взора юноша съ иностраннаго сшелъ корабля. Слуги, при вспоможеніи мореплавателей, уборъ господина своего воинскій на́-землю носили, и спуская подвязаныхъ по́дъ-черево коней, къ бе́регужъ переправляли. Онъ самъ, не обыкши къ претерпѣнію трудностей на пучинѣ, легъ тамъ на пескѣ, и желалъ отягощенную морскимъ волненіемъ голову, сномъ облехчить. Въ то время самый проразистый крикъ, сперва опочи-

вающаго умъ непріятнымъ сновидѣніемъ въ смятеніе приводя, и тотчасъ потомъ ближе приносясь, сна его празное спокойствіе ужасомъ отгналъ презѣльнымъ. Лѣсъ былъ предъ нимъ ввиду, въ которомъ подлинно рѣтко между собою дерева́ стояли, но тѣмъ обширнаго пространства и мѣсто они заняли: подъ ними кочки, кустовъ и тернія съ густѣйшимъ сплетеніемъ, бутто нарочно для злодѣйскихъ тайниковъ расположены часто. Изъ сего, внезапнымъ устремленіемъ на́-поле выбѣгаетъ госпожа, хотя преизряднаго лица́, однако глаза́ ея всѣ тогда заплаканы; а притомъ, казалась она страшна, что волосы у нея растрепаны были, какъ при погребеніи. Понуждаемый ударами конь не имѣлъ толико силъ, коликія она отъ него скорости въ бѣжаніи хотѣла; и которая не меньше, коль въ Троянскомъ, или Тебанскомъ отчаяніи, рыдала неистово. Поразили тотчасъ молодое сердце его, сверьхъ сожалѣнія склоннаго къ бѣднымъ, почтеніе къ женскому полу, и плачъ ея прегорькій: въ прознаменованіе еще себѣ зрѣлище сіе онъ ставилъ, что при первомъ его вступленіи въ Сіцілію такъ приключилось. Но оная, когда ея можно было слышать: О! кто бы вы

ни-

ни́-были, государь мой: ежели, вопіетъ, имѣете ревность къ добродѣтели; ахъ! благоволите по́мощь подать Сіцилїи, которую проклятыи злодѣи раззоряютъ нападеніемъ на мужественнѣйшаго въ свѣтѣ человѣка. Впрочемъ, не попускаетъ мнѣ настоящая напасть какъ пространнымъ словомъ васъ просить, такъ и краткое не возможножъ приносить прошеніе о Поліархѣ, котораго, не далеко отсюду, смертноубійственныхъ грабителей свирѣпое сонмище обхватило нечаянно. Я, изъ са́маго замѣшательства убѣгая, васъ перваго благополучно увидѣла; и можетъ быть не больше для его спасенія, коль ради собственныя вашея славы. И сихъ [ибо, когда она говорила, слуги подступили] хотя повелѣніемъ, хотя надлежитъ прошеніемъ, толькожъ изволте присовокупить преславнаго благоустробія къ должности. Сіе, какъ жена, воздыхая и лишаясь духа выговорила. На шишакъ онъ и на мечъ посмотрѣлъ; а когда люди коня ему подводили: я, говоритъ, государыня моя́, теперь токмо въ Сіцилію прибылъ. Извините, что мнѣ, чужестранному человѣку, не́-было по сіе время случая, знать Поліарха. Однако, Фортунѣ за сіе благодѣяніе много одолженъ быть

имѣю, ежели она толь храброму человѣку, какъ вы о немъ сказываете, споспѣшествомъ моего прихода отраду подáть восхощетъ. Сказавъ сїе, сѣлъ на коня; и, да будетъ ему предводительницею, ей приказалъ. Слугъ у него было всего два человѣка. Изъ сихъ одинъ, и сей самъ также воруженъ, за господиномъ слѣдовалъ; а другой для храненїя вещей, потому что ихъ при толь мятежномъ отправленїи забрать было не возможно, на берегу́ остался.

2.

Прибыли уже́ они къ сáмому лѣсу: въ него входъ на разные дорóжки разбитый, память у госпожи такъ затмилъ, что не зная, гдѣ надлежало искать Полїарха, новымъ рыданїемъ воздухъ она преисполнила. Сомнѣвался, толикаго плача устрашившись, прїѣжжїй гость, лучшель было вдаль итти, или стоять ему на одномъ мѣстѣ. Тогда, при внезапномъ шумѣнїи лѣса, вопль, и оружїе, и скачущихъ коней топотъ, мысль его къ ближайшему бѣдствїю обращаютъ: понеже трое воруженныхъ бѣжало, припустивши коней къ сáмому рѣзвому сканїю; и были они съ обнаженнымъ оружїемъ,

жемъ, а лицемъ или превеликую, и въ дѣйство уже произведенную продерзость, или крайній страхъ изъявляли. Онъ опасаясь коварства, [и, какъ во внезапныхъ приключеніяхъ, то ему на умъ приходитъ, чего едва надлежитъ бояться] а имѣя въ подозрѣніи вѣрность оныя госпожи, спрашиваетъ у нея, сіилъ, съ которымибъ сражаться она ему желала: и въ тожъ са́мое время схвативъ привязанное къ погону копье, которымъ никто сильняе не могъ поражать, прямо противъ бѣгущихъ оное уставилъ, чтобъ не можно было упредить его безъ отмщенія. Но они къ бѣгству, а не къ сраженію устремлялись; и разными дорогами поспѣшали уйти отъ побѣдителя. Ибо гналъ ихъ бѣгущихъ одинъ оный Поліархъ, о которомъ толь въ безмѣрный страхъ пришла госпожа; а догнавши послѣдняго, такъ жестоко онъ поразилъ, что сквозь голову и шею непрерывную рану до самыхъ внутренностей довелъ. Когда сей упалъ; а онъ уже еще жарчае на прочихъ устремляться на́чалъ: тогда конь подъ нимъ о негладкую тамъ землю споткнувшись, господина своего хотя скоро, однако невредно сшибъ на траву. Тотчасъ оная госпожа [ибо узнала

Поліарха] съ лошади къ лежащему на по́мощь прибѣжала. Но онъ ни отъ паденія, ни отъ ранъ не ослабѣлъ, которыхъ двѣ себѣ получилъ, еще и не опустивъ изъ рукъ меча, на́-ноги вскочилъ бодро. Когдажъ отъ Тімоклеи [симъ именемъ госпожа называема была] увѣдомился, какъ ей попался чужестранный юноша, и коль сей человѣколюбно обѣщалъ ему свою́ по́мощь; то онъ безъ всякаго замедлѣнія, за толикое благодѣяніе возблагодарить, къ нему обратился. Но тотъ уже́ коня покинулъ, и прежде самъ на́чалъ говорить Поліарху: ежелибъ боги благоволили, О! прехрабрый воинъ, дать мнѣ вѣдать предъ симъ о вашемъ мужествѣ; тобъ я винилъ сле́зы сея госпожи, которая меня къ тому привела, что мнѣ должно стало просить прощенія, понеже вамъ толикому герою въ по́мощь пойти я не отрекся. Не столькобъ поистиннѣ я могъ удивляться, что вы троихъ воруженныхъ, хотя и сіе весьма велико, къ бѣгству принудили, еслибъ мнѣ оная не показывала сила, которою вы заднѣйшему изъ нихъ казнь учинили, коль справедливый страхъ къ бѣжанію имъ всѣмъ подалъ причину! Поліархъ, и самъ также учтивымъ образомъ, благодарилъ

ему

ему за скорую по́мощь; и говорилъ, что не его храбрости, но самихъ разбойниковъ робости, разбѣжаніе ихъ приписывать должно.

3.

По сихъ рѣчахъ обнялись, и взаимно поздравивши другъ друга, начали размышлять не токмо что имъ надлежало говорить, но и съ какимъ бы еще человѣкомъ, каждому изъ нихъ, разговаривать надобно было. Тогда единаго красота въ очи вся вперилась другому, и стояли они взаимнымъ смотрѣніемъ поразившись; тому каждый удивлялся въ другомъ, чемъ самъ съ своей стороны́ того удивляющагося въ восхищеніе приводилъ. Возрастъ, красота, осанка, и тайная очей сила, равнолѣтствіе также: и хотя въ разныхъ особахъ, однако подобная въ обоихъ находилась величества бодрость. Весьма было удивительно, что толикія красоты оба сіи юноши, еще притомъ и храбры были. Не меньшежъ и Тімоклеа Фортуну прославляла, что толикую она пару дивнымъ свела случаемъ: еще и обѣтъ положила, ежели впрочемъ имъ не будетъ сіе противно, поставить въ

храмѣ Эріцінскія Венеры картину, на которой живописецъ изобразитъ обоихъ лице. И хотя разныя препятствія долго не допускали ея, произвесть въ дѣйство обѣтъ свой; однако напослѣдокъ она его исполнила, приложивши къ краю картины слѣдующіи стихи:

Такъ бѣло у нихъ лице! взоры такъ ихъ чесны!
Очи жаромъ у самихъ равнымъ же прелесны!
Зритель, ты не смертныхъ красоту мни быть сію:
Не красняй садится въ колесницу Фебъ свою.
Братій двухъ родныхъ звѣзда столько не блистаетъ,
Коихъ плаватель морскій въ помощь призываетъ,
Бурею какъ сильно бьется весь корабль его.
Марсъ! ни ты бодряе вида храбраго сего,
Какъ оружіемъ въ войну зришся весь украшенъ,
Иль и щоголемъ когда, мужу токмо страшенъ.

Когда уже́ Поліархъ совратилъ свои очи съ лица́ пріѣзжаго того гостя; тогда дружественнѣе на оную госпожу смотря, надъ помертвѣлымъ ея лицемъ шутилъ, а особливо, что по плечамъ и по спинѣ разбросанныи у нея волосы, какъ у присутствующія при погребательномъ сожженіи, лежали. Спрашивалъ также ея играя, не съ лѣшимиль гдѣ она встрѣтилась. Тімоклеа, равнымъ же образомъ въ нелукавномъ смѣхѣ, отвѣтствовала Поліарху: не извольте, государь мой, думать, что волосы мои съ всеконечнаго отчаянія растрепа-

трепались. Я, понеже устремительно бѣжала между прутьями, крайно впрочемъ испужавшись, когда увидѣла приключившуюся вамъ напасть; то сопротивляющіеся тогда вѣтьви развязали у меня узолъ на головѣ, а тѣмъ упадшіе космыни врозь и разметались. Не окончили еще они сихъ разговоровъ, какъ увольненный между тѣмъ Поліарховъ слуга, и два раба Тімоклеины, сшибшись съ дороги, и здѣлавши великій крюкъ обходя по тропинкамъ, недалеко отъ господъ вышли изъ-лѣсу. Одноя токмо Тімоклеины рабы не доставало: но и сію видятъ они вдали, что съ напужанною лошадью насилу она могла управляться, и что съ крикомъ била ея безъ пользы прутомъ упрямящуюся. Довольно они, смотря на сію, смѣялись, и съ радостію побѣжали къ трепещущей на помощь. Между тѣмъ, пріѣжжій гость вопрошалъ Поліарха, по какому случаю коварное сіе было нападеніе, и что за-люди нападшіи на него: ненависть ли, или пожеланіе корысти на толикое злодѣяніе дерзнуть, бездѣльникамъ подали причину. Но госпожа рѣчь предпріявши говорила, что оба они имѣютъ нужду въ покоѣ; сей недавно съ моря, а другой токмо теперь съ

сраженія. Не далеко отсюду мое село; вЪ немЪ спокойнѢе вамЪ будетЪ, и найдется мѢсто какЪ на отдохновеніе, такЪ и для взаимныхЪ вашихЪ разговоровЪ. безЪ труда они послушались толь благовременно просящія: а взявши онаго слугу, который при вещахЪ на берегу оставленЪ, всѢ совокупно вЪ путь отправились.

4.

Уже́, почитай вЪ искренномЪ дружествѢ, обходиться между собою начали оба младолѢтныи господа́: и сказывалЪ спрашивающему гостю ПоліархЪ, что онЪ на са́момЪ рассвѢтѢ изЪ Царскаго военнаго стана выѢхалЪ; а путь его былЪ вЪ АгрігентЪ нужды ради. На дорогѢ попалась ему сія госпожа, весьма знаемая при дворѢ, которая отЪ Царевны возвращалась. По нещастію случилось, что слуги, какЪ неосмотрительны были, по кривымЪ дорогамЪ Ѣдучи, сшиблись сЪ пути вЪ лѢсу. Тімоклеа, токмо со вдовою своею, на одной сЪ нимЪ тропѢ осталась. Тогда сЪ стороны́ выбѢжало пять человѢкЪ разбойниковЪ, и на него коней своихЪ прямо они припустили. Госпожа, отЪ своего

его

его и конскаго страха, потеряла дорогу; а благополучнѣйшимъ заблужденіемъ толикія людскости къ пріѣзжему гостю она выбѣжала. По щастію, и для злодѣйства наѣзниковъ оныхъ, сталось, говорилъ онъ, что въ первомъ устремленіи, всѣхъ ихъ на меня пораженія безъ всякаго мнѣ вреда упали; а мой дротикъ дѣйствителенъ былъ къ уязвленію того, кто мнѣ первый изъ нихъ попался. Потóмъ, когда мы сразились; то одинъ въ правую меня ногу не много поранилъ, а́ другой лехкуюжъ рану далъ мнѣ въ бокъ мечемъ: сего я, весь уже́ горя́ негодованіемъ, и забывъ мою́ болѣзнь, также вскорѣ и другаго по немъ, поразилъ до́-смерти по головѣ. Прочіи, видя сіе нещастіе, всѣ испужались, и тотчасъ назадъ обратились; такъ что я уже́ не зналъ, ненависнѣйшеель они еще злодѣяніе предпріять хотѣли, или всячески прочъ отъ меня побѣжали. Я и тогда одного скорость такъ перестигъ, что онъ при вашихъ уже́ очахъ смертную себѣ казнь воспріялъ. Двухъ бѣгущихъ, и еще оставшихся, какъ у меня лошадь моя́ отняла спотикнувшись; то вы самижъ изволили видѣть. Но что они за́-люди; о томъ ни подозрѣнія имѣть не могу, развѣ только что

изъ Лікогенова военнаго стана какіи разбойники, которыи или меня нарочно стерегли, или всеконечно никому изъ идущихъ лѣсомъ не спускали.

II.

5.

Въ сихъ Поліарховыхъ рѣчахъ, прибыли они къ селу оныя госпожи, которое недалеко отстояло отъ Фтінціи, и сидѣло на берегахъ рѣки Гімеры. Съ одной стороны, обошла его рѣка теченіемъ своимъ; а съ другой, опушалъ очое молодый кустарникъ, гибкими вѣточками связывающій взаимно густое сплетеніе. Самые палаты изъ кирпича построены, и высоко вверьхъ взведены были: изъ нихъ, съ превеликимъ увеселеніемъ, далеко по рѣкѣ и въ поле зрѣніе простиралось. Роща притомъ, и вблизи холмики показывали изрядное положеніе мѣста. Домочадство многолюдное, и все добродѣтельное по состоянію своея госпожи, которая оставшись ужé давно вдовою по смерти мужа своего, беспорочнѣйшимъ житіемъ еще больше родъ свой прославила. Сія тогда, взаимныи гостямъ своимъ разговоры

говоры окончать, подала причину покорнымъ прошенiемъ, чтобъ они не изволили погнушаться бѣднымъ ея домомъ. Вошли они въ покои, и пригласило госпожино учтивство, также и познаго свѣта время, что они, какъ имѣющiи у нея начевать, не отреклись отъ ея ужины. Когда сiю домашнiи ея прiуготовляли; то между тѣмъ Полiархъ уксусомъ раны свои смочилъ, чтобъ имъ опухолью не разгорѣться; а потомъ масломъ, настояннымъ звѣробоевыми цвѣтами, вымазалъ ихъ для умягченiя: ибо безопаснѣе ему было вѣдомыя, и непокупныя употреблять лѣкарства, нежели на вѣрность положиться врачей, бездѣльнѣйшую иногда корысть лѣчащихъ въ излишномъ пользованiя продолженiи.

6.

Когда кушанiе въ передней на столъ было поставлено; то они сѣли за оный: а при благопристойномъ заведенiи словъ, отважилась Тiмоклеа спросить прiѣжжаго гостя, какъ его зовутъ, и изъ которыя земли онъ изволилъ прибыть: ктомужъ, нарочноль ѣхалъ и присталъ къ острову, или его

занесла къ нему буря. Тотъ отвѣтствовалъ, что онъ изъ Африки отечества своего; но имя и родъ таить ему повелѣли, которыи надъ нимъ власть имѣютъ, сіежъ до самаго возвращенія его въ домъ; а нынѣ приказали они ему называться Архомбротомъ. Впрочемъ, не противный вѣтръ его сюда занесъ, но прямо въ Сіцилію путь ему былъ, дабы онъ возмогъ пользоваться содружествомъ храбрыхъ людей, о которыхъ слава разгласила, что довольно ихъ у Царя пребываетъ. Ничего Поліарху и Тімоклеѣ удивительнѣе нé-было, какъ что онъ Афріканецъ родомъ, а толь бѣлое имѣлъ лице. Притомъ, не висѣли у него выворотившіеся гу́бы, ниже́ толстые онѣ были; также и не круглыи глаза́, и ушедшіи яминами пóдъ-лбомъ. Крайнее еще въ себѣ и великодушіе показывалъ, что для любви къ добродѣтели отлучился отъ отечества, и восхотѣлъ странствовать.

7.

Но онъ и самъ, по окончаніи стола, съ великимъ любопытствомъ нáчалъ спрашивать Поліарха, именножъ, отъ чего завелись такіи разбои въ Сіциліи; кто

кто оный Лікогенъ, котораго изъ военнаго стана о вышедшихъ разбойникахъ, нападшихъ на него, имѣетъ онъ подозрѣніе: наконецъ, какое состояніе сего государства; и что за нужда привела къ настоящей войнѣ. Поліархъ слѣдующее [а тогда уже́ не́-было при нихъ лишнихъ, длятого что опочивать пошли, и угоденъ имъ былъ обоимъ одинъ покой] въ отвѣтъ Архомброту говорилъ: многіе добродѣтели, государь мой, въ пороки перемѣняются; но сіе еще больше, что часто тѣжъ самыя пристрастія, по различнымъ обстоятельствамъ временъ, то добродѣтелями, то пороками бываютъ. Мелеандръ, о чемъ уповаю, что вамъ не безъизвѣсно, отъ отца и прародителя имѣетъ себѣ наслѣдствомъ Сіцілійское государство, и сприроды прекроткаго се́рдца человѣкъ: но не разсуждая ни о вѣкѣ, ни о нравахъ людскихъ, такъ онъ на чужую вѣрность положился, какъ, чувствуя по своей добродѣтели, самъ себѣ могъ вѣрить. Думалъ бы я, что ему чрезмѣрное его благополучіе во вредъ обратилось. Ибо, по восшествіи сперва на престолъ, видя что вездѣ въ его державѣ было тихо и спокойно, въ явные онъ попустился роскоши, хотя и не безмѣрные, и многимъ

гимъ изъ Государей обыкновенные; однако сіи самые показали его, что онъ милостивъ, и за учиненныя себѣ оскорбленія, пристойною ка́зни жестокостію не́-былъ мстителенъ. На́чалъ забавляться чрезъ лишекъ псовою охотою, которыя на различныи роды весь годъ распредѣлилъ. Притомъ, въ милость къ себѣ сталъ принимать не смотря на достоинство, но на свое токмо устремленіе: также на подарки расточать безмѣрно; отъ самыхъ важныхъ дѣлъ убѣгать, и повѣрять оныя по большой ча́сти невѣрнымъ. О! желалъ бы я, Государь мой, чтобъ все сіе можно было молчаніемъ покрыть: но лучше, дабы вы о семъ отъ меня по са́мой истиннѣ, а не отъ ложныя славы, увѣдомлены были. Ибо все непріятели въ замѣшаніе приводятъ, и все толкуя въ самую худую сторону, ругательно разглашаютъ. Отъ сего точно произошла преизрядному и премилосердому Государю всего зла причина; а особливо отъ ненависти и отъ гордости высокомѣрнаго Лікогена, Царскія погрѣшенія измѣнически обличающаго. Сей, величаясь древнѣйшими Царями, рода его начальниками, никогда не могъ пребывать спокойно на второй степени отъ Царя; а самъ

а самъ будучи притомъ рукою храбръ, и совѣтами благорассуденъ, также и хитро къ народу ласкавъ: впрочемъ, никому на свѣтѣ лютостію, нарушеніемъ вѣрности, и, когда можно безъ всякія опасности, властолюбіемъ не уступаетъ. Такимъ образомъ безъ труда къ Мелеандру, чистѣйшія добродѣтели Государю, вкрался онъ за друга. Когдажъ Царь, упразднившись отъ попеченій, забавлялъ свое сердце увеселеніями; тогда сей своего разврата людьми правительствующее Собраніе наполнялъ, и во всякія достоинства, какъ буттобъ сіи были въ его власти, пріятелей производилъ: а сіе для того, чтобъ ничему безъ поврежденія цѣлому не остаться въ государствѣ.

8.

И уже неистовство и властолюбіе вручили Лікогену оружіе, только что не всенародно, на своего Царя. Поздо, и точно при самомъ начатіи войны возбудился Мелеандръ, и началъ не забывать достоинства своего, и причины, для которыя облекся онъ въ порфіру. Великодушія въ немъ не меньше всѣхъ прочихъ Царей было; остраго ума

человѣкъ, благоразумїемъ также преизящный, и котораго не возможно было ничемъ инымъ обольстить, какъ токмо егожъ собственною благостїю: а сїи дарованїя весьма въ немъ отъ того времени воссїяли, какъ онъ, видя чужїе злости, принужденъ былъ исполнять свои добродѣтели. Хотяжъ и явно было, что Лїкогенъ имѣетъ злое умышленїе; однако онъ на нѣсколько времени отложилъ, произвесть въ дѣло власть свою надъ нимъ. За довольное изобрѣлъ, предупредить токмо непрїятелевы намѣренїя, и привесть его въ несостоянїе. Ктомужъ еще, часто или надѣялся, что неблагодарный самъ раскается, или боялся присилить къ оному его. Но Лїкогену то самое и было досадно, что есть такой, который можетъ отпущать вины: тогоради, явно на него вооружился. Дерзость въ немъ къ тому сїе наибольше возбуждало, что Царь дщери, которая одна токмо у него и есть, толикаго наслѣдїя благополучїе опредѣляетъ. Ктобъ повѣрилъ, Государь мой? Ея похитить въ насильное супружество сей покусился. Зáмокъ есть при устьѣ рѣки Алабы, въ которомъ Царевна хранима была. Въ тотъ воровски скосырей онъ впустилъ, чтобъ

они

они дѣвицу и совокупно Царя, тамъ по случаю начующаго, къ нему привлекли. Мелеандръ твердо вѣрилъ, что здѣлалось помощїю Минервы богини, когда ухищренїе на него и на дщерь не получило успѣха: понеже воры въ са́момъ злодѣянїи побиты. Чего ради, всѣми благодарнаго се́рдца знаками почтилъ онъ богиню. Ибо и на деньгахъ повелѣлъ Сову изображать, и жертву ль богамъ приносилъ, на пируль когда веселился, не возлагалъ инаго на́ - голову свою́ вѣнца, кромѣ масличиннаго. Сїе еще знаменитѣе, что Царевну, пока не сочетается она бракомъ, при жертвенникѣ богининомъ Священноначальницею учредилъ. Изволите сами увидѣть, Государь мой, при каждомъ торговомъ сѣздѣ, украшенную ея священнымъ одѣянїемъ; увидите, между множествомъ жерцовъ и дѣвъ, служащую ея приношенїемъ жертвы богинѣ. Но ни толикое къ богамъ благоговѣинство войны не отвратило. Ибо за неизвиняемымъ Лїкогеновымъ злодѣйствомъ слѣдовало, хотя не внезапное, но превеликое, и какъ созрѣлое отъ Царя отложенїе.

9.

Тотъ въ причину войны вплетая дѣла́ до всѣхъ обще, и до каждаго особливо, касающіяся, иногда жаловался, что по напрасно на него Царь взводитъ измѣну, и хочетъ на́-смерть неповиннаго осудить; а иногда повсюду разглашалъ, что онъ тягостей, налагаемыхъ на народъ, больше терпѣть не можетъ, и что явнымъ оружіемъ надлежитъ усмирить тиранство оныхъ, которыи Мелеандра къ жестокости возбуждаютъ. Много онъ на своей сторонѣ развратниковъ и знакомцовъ имѣлъ. Олоодемъ, Эрістенъ, Менокрітъ, будучи самыхъ лучшихъ государственныхъ частей и городовъ правители, съ нимъ же согласились. Многіи съ лехкомыслія на Мелеандра поднялись; а больше ихъ пристало къ возмутителямъ для того, что они всѣ обманулись лицемѣріемъ Лікогена, гонящаго ненависно, по обыкновенію тиранновъ, Царскіе слабости. Присутствовалъ уже́ онъ съ гордостію, и вызывалъ противъ себя. Но ниже́ Царь отрекся отъ сраженія, имѣя и самъ многолюдное войско. Пятнатцатый уже́ тому день, какъ мы, недалеко отсюду, на Гелойскихъ поляхъ бой имѣли.

Жесто-

жестокое было кровопролитіе; и они не слабѣе бились стоя за злодѣяніе, какъ сами мы, поборая по всеобщемъ спасеніи. Наконецъ, при наступленіи ужé ночи, склонилась къ Царю побѣда. Лікогенъ, видя что повсюду войско его бѣжитъ, велѣлъ дать знакъ къ отступленію, чтобъ не бѣгство, но воинское показалось послушаніе. Мелеандръ и самъ не воспріялъ намѣренія, гнаться за разбитыми, или онъ гражданскія щадѣлъ крови, или темноты и коварства опасался; а можетъ быть, для того что самыи знатныи при немъ люди благопріятствовали Лікогену, и боялся подозрительныхъ рукъ укрывательство опытомъ искусить, на крайнюю бѣгущаго погибель: ибо Лікогенъ не всѣхъ своихъ на явное вывелъ злодѣйство. Немало ихъ было предстоящихъ предъ Царемъ; а всѣ лехкомысленныи ненависники, которыи воинствуютъ оттуду, отсюдужъ доброжелательствуютъ. Такимъ образомъ, вездѣ была напасть Мелеандру; невѣрны вельможескіи совѣты, намѣренія непріятелю открыты, и не бѣдственнѣйшія ухищренія дѣлались въ ополченіяхъ, какъ въ самой палатѣ. Тогоради, хотя онъ и збилъ непріятелей съ поля, на которомъ

ромъ они сражаясь стояли; однако къ миру всячески мысль свою склонилъ. Не уповаяжъ нимало на одержанную побѣду, какъ бы во время продолжающiяся войны, и по сiе еще время въ военномъ станѣ пребываетъ. Послѣ простыхъ отсюду и оттуду пересылокъ, послы отъ Лiкогена къ Царю приходятъ, подъ такимъ видомъ, чтобъ исходатайствовать убитымъ погребенiе, а въ самой вещи, чтобъ о замиренiи съ стороны предложить, которое толь было прiятно, что пришедшiи отъ непрiятеля съ посольствомъ, думая себя быть еще страшными, дерзнули преднаписывать мирныи договоры побѣдителямъ. Я думаю, что Мелеандру, какой ни будетъ миръ, имѣетъ быть угоденъ, дабы тѣ, которыи уже къ Лiкогену отложились, по заключенiи союза разошлись, не скоро потомъ могущiи соединиться паки. Тогда будетъ довольно, на сысканiе новыхъ способовъ, времени, въ которое или ихъ между собою поссорившихся, или при состарѣнiи бунта отъ народа возненавидѣнныхъ, собственное нечестiе погубитъ; или также, утрудившись беспокойными перемѣнами, сами они собою къ почтенiю Величества отъ возмущенiя возвратятся. Я, съ моей стороны, съ

гордыми возмутителями мира не утверждалъ; сверьхъ же того, нынѣшнихъ временъ, и сего рода ненависть боялся навесть на себя, ежелибъ меня молодаго человѣка и чужестраннаго Царь, какъ всегда ему угодно, къ толикимъ пріобщилъ совѣтамъ. Ибо я, также какъ и вы, пришлецъ въ сей землѣ, Государь мой: да и могу увѣрить, что не иное меня при Мелеандровой сторонѣ утвердило, какъ токмо злая на него напасть, всѣмъ народамъ въ премерскій образецъ, которыи никогда спокойными не пребудутъ, если вольно негодовать на Самодержцовы пороки, и вымышлять на благость ухищренія. Тогоради, когда ненависный сей союзъ отправлялся, я особливо время сіе выбралъ, въ которое мнѣбъ въ Агрігентѣ побывать. Я великій охотникъ до оружія; а индѣ нигдѣ не находится лучшаго, какъ которое тамъ нѣкоторый изъ Ліпары пріѣжжій дѣлаетъ.

III.

IO

Архомбротъ съ крайнимъ вниманіемъ выслушалъ все, что ни сказывалъ

Поліархъ; а желая сердцемъ всякаго добра Мелеандровой сторонѣ, и потому жестоко бунтовщиковъ проклиная, такъ самъ Поліарху говорилъ: но Царская дщерь, Государь мой, которую-было сей разбойникъ въ корысть себѣ опредѣлилъ, коликихъ есть лѣтъ, не труднолъ вамъ будетъ, увѣдомить меня и о семъ? Ибо я часто въ Африкѣ слыхалъ, что рѣдко такія красоты и добронравія, какова́ она, находятся, и что имя ей Аргеніда. На сей вопросъ очи у Поліарха небольши́мъ дрожаніемъ заиграли, и рѣчь его стала быть уже́ не тверда, и не бестрепетна: чего ради вкратцѣ отвѣтствовалъ, что около двадцати лѣтъ ей будетъ. Не утаилась отъ Архомброта толь внезапная въ Поліархѣ перемѣна, и превеликое пришло ему желаніе знать, чтобъ то за буря на лицѣ его взволновалась. Того ради, дабы онъ могъ узнать, припоминовеніель о Царевнѣ, или тайная нѣкоторая сила другія какія вещи, воздвигла такое смятеніе, еще поговорилъ нѣсколько о Лікогенѣ и о союзѣ, о которомъ тогда явно договаривались: а когда увидѣлъ, что Поліархъ совершенно въ прежнее пришелъ состояніе; то приведши къ Аргенідѣ рѣчь, о красотѣ ея

и о нра-

и о нравахъ подробнѣе спросилъ. Но ни отъ втораго сего пораженія тотъ постояннѣйшій былъ, и также краткимъ отвѣтомъ отъ страшнаго повѣствованія удалился. Потомъ, когда отъ него Архомбротъ желалъ вѣдать о вѣрныхъ Мелеандру, и о комъ стоитъ государство: не такъ, говорилъ Поліархъ, божескій промыслъ Сіцилію презрилъ, чтобъ уже никому не быть достойному степени своея, и Царскія милости. Между прочими, Государь мой, имѣетъ преимущество Клеобулъ, въ совѣтахъ весьма благоразумный человѣкъ; Эврімедъ также и Арсіда, храбростію знаменитыи люди, а не меньше и разумомъ. Сверьхъ сихъ, двое чужестранныхъ изъ тѣхъ священническихъ чиновъ, которыи багряное одѣяніе носятъ, превеликое имѣютъ усердіе къ Сіциліи, а именно: Ібурранъ и Дуналбій: сихъ нынѣ особливо Царь употребилъ къ отправленію настоящихъ дѣлъ, чтобъ не бесчесный миръ съ Лікогеномъ показался. Могъ бы я и о другихъ вамъ донесть, которыхъ вѣрность къ Царю никакая сила смятенія нарушить не могла: но сихъ вы сами способно, когда при семъ дворѣ нѣсколько побудете, по славѣ и по добродѣтели, отъ прочихъ отмѣнить изволите.

II.

Ночь уже́ была глубокая ; да и сами они , по великихъ трудахъ , имѣли нужду въ покоѣ : того ради , какъ по согласїю , говорить оба перестали. Однако , еще тайные печали , въ оной неспанїя и засыпанїя смежности , не сошли съ прискорбныхъ ихъ размышлений. Архомбротъ весьма живо себѣ въ умѣ представлялъ недавно слышанное сраженїе ; и ничего ему не-было непрїятнѣе , какъ что дѣла́ клонились къ миру. Ибо когда уже́ ему быть на битвѣ , на какомъ полѣ , какимъ оружїемъ храбрость свою и мужество покажетъ онъ Мелеандру ? И притомъ , тайно въ себѣ смѣялся , что къ войнѣ , и ко всѣмъ приключенїямъ толь ревнительное имѣлъ сердце Полїархъ , а одеревѣнѣлъ , какъ скоро припомянуто было дѣвицыно имя. Думалъ сей , что тотъ ничего не имѣлъ , кромѣ добродѣтели и мужества , отъ Фортуны и Рода къ надеждѣ толь высокаго сочетанїя. Понеже , говорилъ въ себѣ , Аргенїду Царскую дочь простый сей человѣкъ любитъ ; то кому не ясно , что всѣхъ напастей память въ любви исчезаетъ , что любители на все великое дерзость имѣютъ , и что нискаго Рода

люди не думаютъ себя быть недостойными, когда любятся? Не меньшежъ и Поліарха, о сокровенныхъ рассуждающаго тайностяхъ, надежда и страхъ различными помышленіями къ сну не допускали. Напослѣдокъ, оба стали засыпать. Тогда, отмала помалу, бѣгающихъ людей шумъ во всемъ домѣ на́чалъ быть слышимъ. И безъ всякаго медлѣнія, пришли отъ Тімоклеи слуги къ дверямъ гостей, и доносили имъ, что она сама къ нимъ изволитъ итти. Встаютъ въ изумленіи, для того что первымъ сномъ отягощены они были. Отъ сего оправившись, и въ торопости одѣвшись, встрѣчаютъ Тімоклею; которая, по извиненіи, что въ такое ночи время утружденныхъ она обеспокоила, слѣдующее имъ говорила: великое есть нѣчто, дражайшіи го́сти, и тѣмъ страшнѣйшее, что при сей темнотѣ, чтобъ оно было, знать не возможно. Свѣтятся по полямъ на курганахъ всенародныи огни, которыхъ отнюдъ не можно зажечь безъ имяннаго Царскаго указа, или когда великаго поспѣшенія на отправляемыя дѣла́ всеобщая требуетъ польза. Сіе сказавши, взвела ихъ обоихъ на верьхъ своихъ палатъ, которые свинцомъ не круто и не шатромъ

были покрыты, но плоско, и такъ, что можно тамъ иногда для увеселенія гулять. Не́бо тогда не облачисто было, и притомъ безъ луны, которая часто не допускаетъ видѣть, своимъ блистаніемъ, далекую свѣтлость пожаровъ. Тогоради, съ оныя площадки, и въ ведреную ночь, способно имъ было смотрѣть на огни, которыи повсюду сіяли на пагоркахъ. Впрочемъ, недолго они въ смотрѣніи того пребыли, для того что человѣческій шумъ сталъ происходить и изъ сосѣднихъ домовъ, который весьма за близостію, въ са́мой нощной тишинѣ, ужаснѣе празныи поражалъ слухи. Приказывали го́сти запереть накрѣпко воро́та, дабы какіи воры не употребили на злодѣяніе нощнаго смятенія. Но Тімоклеа говорила: чтобъ сіе ни́-было, всему народу обще объявляемое и повелѣваемое; толькожъ въ са́мой скорости довѣдаться о томъ не можно. Весьма недалеко отсюду есть городъ Фтінція: тогоради, ежели будетъ вамъ, государи мои, угодно; то я туда человѣка своего пошлю, который о всемъ тамъ освѣдомиться подлинно имѣетъ, и что рассуждаютъ люди, намъ скажетъ. Похваливши госпожинъ совѣтъ, сошли они внизъ къ

воротамъ; а выпустивши оными человѣка ея, приказываютъ ему, увѣдомиться обстоятельно о причинѣ возмущенія, и немедлѣнно имъ о томъ донести. Сами между тѣмъ вошли въ столовую палату; а разведши въ горнѣ огонь, спрашиваютъ госпожу, которая посрединѣ ихъ сѣла, что то за обыкновеніе Сіциліанамъ, и какая всеконечная польза происходитъ отъ нощныхъ огней. Ибо, говорилъ Поліархъ, и я больше ужé года живу въ Сіциліи; а однако, нынѣ еще впервые ихъ вижу. Но Тімоклеа: или вы не изволили усмотрѣть наверьху каждаго бугра стоящее дерево длиною съ корабельную щеглу, у котораго вершина наподобіе чаши, желѣзными полосами отвсюду укрѣпленныя, здѣлана? Поліархъ признался, что видѣлъ. Сіи точно, говорила она, всенародныя деревá, и на то самое поставленныя, чтобъ, когда по Царскому указу повелѣно будетъ зажечь тамъ маяки, подавали они знакъ о нужномъ дѣлѣ, которому тотчасъ надлежитъ быть отправляему отъ народа: а огни сіи называются Ангарами. Которыи прежде ихъ увидятъ, тѣ тотчасъ и сами верьхи своихъ кургановъ такимъ же огнемъ освѣщаютъ; а отъ

сихъ

сихъ и прочіи, въ дальнѣйшемъ расстояніи, тожъ самое здѣлать у себя знакъ чрезъ то получаютъ, пока по всему острову пламень удивительною не разольется скоростію. Между тѣмъ народъ стоитъ вооруженъ, и готовъ на опредѣляемое послушаніе. Тотчасъ отъ Царя Нарочный въ ближній городъ присылается, который всенародно объявляетъ, что дѣлать тогда должно. Изъ сего обыватели на свѣжихъ коняхъ побѣгутъ также въ такія мѣста́, которыя ближе; а отъ сихъ и до всѣхъ прочихъ городовъ, равнаяжъ поспѣшенія вѣрность требуется. Такими непрерывными должностями, Сицилія почитай во мгновеніе о́ка къ исполненію Государя своего воли изготовляется. И не безъ рассужденія сіи зажигаются огни: прежде сего видѣла я ихъ однажды, когда разбойники, на одного Царя нападшіи, симъ образомъ исканы были. Дай богъ, чтобъ нынѣ не для печальнѣйшія причины, и не для совершившагося уже́ злодѣянія засвѣчены они были! Поліарху не казалась еще твердою сія причина; а усмѣхаясь говорилъ онъ: я ожидалъ, Государыня моя, что вы сіе обыкновеніе отъ древнѣйшаго огней закона производить изволите, которыи въ куреніяхъ

ніяхъ

ніяхъ вашея Этны бездѣтная зажигаетъ Церера. И поистиннѣ, какая всенародная польза въ толикомъ смятеніи? Да какаяжъ и самому Государю въ томъ нужда, чтобъ дѣламъ его лучше въ нощномъ страхѣ, нежели дневными услугами быть отправляемымъ? Но госпожа: не весьма, Государь мой, сіе установленіе пользы не имѣетъ; а особливо, когда опасно, что непріятельское корабельное ополченіе тайно къ острову подкрасться думаетъ. Ибо, которыи на пристанищахъ начальствуютъ, увидѣвши сіи огни, тотчасъ какъ цепями водяный путь запираютъ, такъ и гребцовъ на всѣхъ судахъ въ готовности держатъ, на сраженіе оныя вывесть имѣющихъ, ежели того нужда потребуетъ. Но и народъ, при своихъ полководцахъ и Полковникахъ, отъ знаменъ не отходитъ; такъ что, когдабъ непріятель и могъ обмануть на берегу, однако не можетъ онъ напасть на неготовый островъ. Есть и другая во всенародныхъ огняхъ польза. Ежелибъ какой преступникъ, которагобъ надлежало смертію казнить, или бѣжалъ вонъ изъ Сициліи, илибъ въ ней же самой пріятелей и горъ вѣрностію былъ укрываемъ: то, когда сіи огни зажгутся,

ся,

ся, не вольно ужé ни единому судну отъ Сіциліи отвалить; а кто свой домъ ни сообщитъ виноватому, того такимъ же злодѣемъ законы признаваютъ, и наравнуюжъ съ онымъ казнь осуждаютъ справедливо.

12.

По сихъ Тімоклеиныхъ рѣчахъ вступили они въ другіе, и разсуждали между собою, какаябъ наипаче сему смятенію причина была. Поліархъ всего крайняго опасался. Въ Лікогенѣ нѣтъ никакія вѣрности. Не уловленъ ли, можетъ быть, Мелеандръ ухищреніями; не прельстились ли на что вѣрныи его: а напослѣдокъ, великодушіемъ своимъ отъ справедливаго страха былъ отвращаемъ. Такъ взаимно о вредѣ междоусобныя разговаривающимъ брани, Тімоклеа слѣдующіи стихи подала, которыи, милостію Царскою, и науками славнѣйшій Нікопомпъ, на Лікогена сочинилъ, смѣлымъ жаромъ его проклиная, что онъ и вѣнца Мелеандрова, и Аргенідина желалъ брака.

Кой пагубный сей вредъ! О! всѣхъ вещей уставы;
О! скиптры; О! Царей какъ Божески державы.
Безумство кое толь народы всѣ слѣпитъ!
Не видятъ, какъ тираннъ на шеѣ ихъ сидитъ!

Ахъ! бѣдны: свергнуть власть хотите вы природну;
А въ ярости, возвесть желаете негодну;
Въ бесчестіе свое, на древнѣйшій престолъ,
Мѣшая безъ ума съ верьхами гнусный долъ!
Гдѣжъ честь, и святость правъ отъ горня мѣста данныхъ?
Не зло ли, повреждать въ порфіру предъизбранныхъ?
Подобно, какъ земля Гігантовъ родила,
И къ небу взвесть глаза́ имъ случай подала;
Съ охотой поднялись тѣ, въ дерзости, на дѣло,
И ставя холмъ на холмъ плѣняли съ горъ то смѣло,
Пока не ниспущенъ Перунъ ихъ поражать;
И къ матери тѣла́ въ утробу низвергать.
А ты, какъ первый змій во свѣтѣ семъ рожденный;
И пагубы во знакъ землямъ произведенный;
Ты царства красоту дерзаешь помутить!
Отнять и скиптръ отцовъ! со дщерью въ бракъ вступить!
О! зла неровня, О! кипящій жаромъ сквернымъ,
Обнявшій облакъ пустъ съ стыдомъ твоимъ безмѣрнымъ,
Какія ка́зни самъ достоинъ мнишся быть?
Какой и смерти родъ низвержетъ въ тартаръ жить?
Колеса ли тебя на ча́сти разламаютъ,
А птицы грудь, еще живому, растерзаютъ?
Иль рыжущая огнь изъ грозныхъ челюстей
Здѣсь Этна ввѣкъ отъ насъ пожретъ тебя, злодѣй?
О! Солнце, буде кормъ стадамъ твоимъ любезнымъ
Приноситъ нашъ Пелоръ, и съ сокомъ имъ полезнымъ;
О! кто и побѣдилъ въ сей Эрікса странѣ,
Погребшася горы, мѣстъ сихъ же, въ глубинѣ;
И Эріцінска ты по храму здѣсь Венера;
И дщери твоея лишенная Церера;
Вы также Боги здѣсь живущіи всегда,
И чтимъ мы коихъ всѣхъ пришелцевъ иногда:
Подайте по́мощь намъ; Царей же сохраните,
Да ваши олтари безвредны сотворите.

IV.

13.

Еще они читали сіи стіхи, когда имъ сказано о возвращеніи Тімоклеина слуги. Всѣ въ молчаніи окружаютъ его входящаго. Долѣе сомнѣваться они о' важности дѣла не могли, и спрашивать трепещущаго не дерзали. Тотъ не нашедъ запотребно, чтобъ слышанное при гостяхъ донесть, отзываетъ Тімоклею: а когда онъ ей расказывалъ подробно; то она отчасу больше какъ деревянная становилась, да и самъ онъ казался, что уже́ окаменѣлъ. Наконецъ Тімоклеа, какъ весьма во внезапныхъ приключеніяхъ остроумная была жена, взявши его за́-руку, чтобъ онъ прочимъ домашнимъ не разгласилъ, во внутреннѣйшую палату отводитъ; а попросивши и гостей слѣдовать за собою, двери съ трепетомъ затворяетъ: тогда повелѣла слугѣ, явно говорить все что онъ слышалъ. А тотъ и началъ: только что я прибылъ въ городъ, говорилъ онъ, гдѣ многіи со мною повстрѣчались, какъ обыкновенно въ смятеніи, не весьма и сами зная куда итти. У всѣхъ при воро́тахъ горѣлъ огонь; а люди стоя́ въ кругахъ, блѣднѣли съ преве-

превеликаго удивленія. Когдажъ я къ ближнему собранію присталъ; тогда слышу, что Поліархъ за поединокъ осужденъ, и ищется на смертную казнь: сего ради самаго всенародныи зажжены огни. Я подумавъ, что погрѣшаютъ они врассужденіи имени, которое у многихъ одно быть можетъ, спросилъ подробнѣе, кто тотъ Поліархъ, и за какое точно злодѣяніе онъ обвиненъ. Рѣчь у всѣхъ согласная была: Поліархъ есть тотъ, который больше года въ Сициліи живетъ, чужестранный человѣкъ, храбростію, и Царскою милостію знаменитый. О преступленіи никто изъ нихъ не зналъ совершенно: говорили только, что самъ Царь его осудилъ, и что съ превеликимъ прилѣжаніемъ сыскивается. Отъ сего собранія отшедъ къ другому, тожъ самое слышу паки. И понеже, никто разгласіемъ своимъ не подавалъ причины къ сомнѣнію; то о дѣлѣ довольно извѣсномъ, я не преминулъ, какъ возможно скоряе, васъ увѣдомить.

14.

Выслушавши сіе, Архомбротъ, и совокупно Тімоклеа, вскинули очи свои на Поліарха. Блѣднѣлъ онъ и трепе-

талъ ; не съ совѣснаго страха , но съ негодованія на напасть , длятого что не терпѣла добродѣтель обиды. Часто спрашивалъ у слуги , подлинноль онъ сущую правду сказывалъ; а у госпожи , совершенноль тотъ былъ въ своемъ умѣ. Самъ такъ какъ сонный шатался. Потóмъ замолчалъ на нѣсколько времени , чтобъ , толь въ превеликомъ смятеніи духа , не вылетѣло нѣчто недостойное на Царя , и на его верьховность. Но толикое дѣло , также и сомнѣніе , довольноль надеженъ былъ оный домъ , медлѣнія не терпѣли. Того ради , рýки и очи возводя на небо : вами , говорилъ , Сіцілійскіи боги , и всѣми вами , которыи на небѣ судъ и правду храните ; вами природныи и домашніи Мелеандровы духи , кои меня чужестраннаго сюда воспріяли , свидѣтельствуюсь ; васъ и почитаю! Ежели я въ чемъ предъ Царемъ , и предъ всѣмъ Сіцілійскимъ обществомъ согрѣшилъ; ежели помощію, рукою , совѣтомъ нарушилъ вѣрность гощенія , или всеконечно заслужилъ сіе всенароднаго взысканія бесчестіе : то меня въ рукахъ , и при ругательствѣ непріятелей моихъ , сколько возможно поноснѣйшею и мучительнѣйшею смертію умертвите. Будежъ я всѣ употребилъ

требилъ мои силы на спасенїе сея Державы, и востала на неповиннаго меня сїя ненависная напасть; то даруйте, О! боги, мнѣ, оправдившемуся предъ Царемъ и предъ обществомъ, безвредно изъ о́строва выѣхать, и оставить не мерскую и порочную память о себѣ въ семъ народѣ. Васъ, Государыня моя́, въ собщенїе злоключенїя моего не призываю: въ сїю са́мую темноту выду на поля́, чтобъ мое нещастїе не прикоснулось къ вашему дому. Роптал ъ между тѣмъ Архомбротъ; и толь наипаче, что онъ чрезъ одинъ токмо день дружбу съ нимъ имѣлъ, а уже́ смертоносная крайность постигла Полїарха. По лицу, устремленїю, и по рѣчамъ не возможно было познать, которому изъ нихъ бѣдствїе сїе приключилось, развѣ токмо по тому, что Архомбротъ дерзновеннѣе гнѣвался. Но госпожа, буттобъ раба своего словамъ не вѣрила, укрывая говорила, что она тотчасъ другихъ имѣетъ послать, которыи достовѣрнѣе о всемъ увѣдомятся. Однако, тому слугѣ оставаться въ передней палатѣ велѣла; а гостей, съ его глазъ, въ ближнюю комнату для совѣта повела.

15.

Тамъ залившись тотчасъ слезами, оплакивала Поліархово нещастіе, и говорила, что она не сомнѣвается какъ объ его невинности, такъ и о гнѣвѣ Царскомъ. Ибо весьма не глупый слуга, не посмѣлъ бы не совершенно достовѣрнаго сказывать. Впрочемъ, она домъ свой и имѣніе приноситъ къ услугамъ Поліарху; онъ все то да употребляетъ, какъ возможетъ, на свое спасеніе. Но что всѣ мои палаты, или ваше, Государь мой, дружество, говорила она Архомброту, возмогутъ противъ Царя? Смотрите, какъ тотчасъ прибѣгутъ вооруженныи воины; тотчасъ также мои покои или отворенныи насъ выдадутъ, или обваленныи на насъ же обрушатся. Не можно надѣяться, чтобъ всѣ домашніи въ беспорочной пребыли вѣрности, и чтобъ ни единъ изъ рабовъ укрывательства нашего не вынесъ, ежели, Государь мой, здѣсь тайно скрыться, говорила Поліарху, изволите. Знаетель, что мнѣ столь во внезапномъ страхѣ пришло на умъ? Есть тайная дорога, и кромѣ меня донынѣ никому не извѣстная; а вырыта она подъ землею отъ тѣхъ, которыи палаты сіи строили.

Она, натрое будучи ведена, столькожъ и выходовъ имѣетъ, которыми на разныя поля́ выводитъ. Тамъ весьма способно можете, Государь мой, укрыться, и избѣжать напасти. Извольте теперь такъ показаться, что будто вы, жестокія устрашившись вѣдомости, и́зъ-дому моего вонъ выхо́дите. Симъ образомъ оба не попадемъ въ бѣдствіе; тоесть, вы какъ будто преступникъ, а я какъ укрывательница, ненависнымъ смятеніемъ задавлены быть не можемъ. Когдажъ вы за дворъ выступите; то непрерывный рядъ деревъ, который продолжается отъ моихъ воро́тъ, до самыя рѣки Гімеры, туда васъ приведетъ, гдѣ, недалеко о́тъ-берега, тайный въ обѣщанную пещеру есть входъ. Я, никому изъ моихъ не открывши, домовными тайниками съ свѣчою въ тужъ къ рѣкѣ близость выду. Пото́мъ, впустивши васъ въ оную пещеру, при по́мощи боговъ сохранимъ, пока буря утишится. О сей тайности Архомброту не вѣдать не должно; да и онъ, будучи чесный человѣкъ, никако́ва въ томъ зла учинить не может. Отъ уволненаго слуги, котораго вы здѣсь одного имѣете, весьма нужно сіе утаить, дабы отъ страха, или надѣясь на воздаяніе, онъ

вамъ не измѣнилъ. Поліархъ, попремногу благодаря Тімоклеѣ, сказалъ, что совѣтъ ея на сію ночь ему угоденъ. Не пошелъ бы онъ никогда въ пещеру, ежелибъ не для того, чтобъ подлинно увѣдомиться, что за демонъ возмутилъ на него всю Сіцилію. Впрочемъ, извѣсныя вѣрности отпущеника, отъ знанія крайнія тайности, отлучить онъ не можетъ: ибо его услуги особливо при семъ зломъ приключеніи ему нужны. Архомброта не надлежитъ просить, чтобъ толь важное дѣло въ молчаніи онъ содержалъ: достойнымъ себя имѣетъ признать злѣйшія напасти, ежели объ его вѣрности дерзнетъ сомнѣваться. Въ сихъ рѣчахъ изъ переднія они выходятъ; и тотчасъ, пристойно вооружившись Поліархъ, какъ на войну, идетъ къ воротамъ Тімоклеинымъ. Тогда всѣмъ домашнимъ удивляющимся, и что то былабъ за перемѣна, между собою тайно шепчущимъ, вкратцѣ сказываетъ, что огнями, которыи они видятъ, ему объявлено бѣдствіе. Того ради онъ бѣжитъ, чтобъ или отъ нихъ самихъ не быть ему выдану, илибъ съ нимъ совокупно не погибнуть. Потомъ простился, въ знакъ долговременнаго разлученія, съ Архомбротомъ и Тімо-

клеею ; и сѣвъ на коня , а увольненый слуга не отставалъ нимало отъ его слѣдовъ , на показанную отъ госпожи дорóгу пустился.

16.

Превеликое злоключеніе , и всеконечный стыдъ , весьма младость его сокрушали ; да и говорилъ онъ : О! гдѣ у меня былъ разумъ , Геланоръ , [такъ отпущеника называлъ] что самъ я далъ власть людямъ надъ собою. Что нужды , чтобъ мнѣ незнаемымъ , и безъ приличнаго убранства моему Роду , въ семъ скитаться народѣ ? Чему насъ другому учатъ басни , которые вымышяютъ Лікаона , хотящаго убить Іовіша гóстя своего , какъ подлинно токмо сему , что Государи нечаянною погибаютъ смертію , для того что иностраннымъ въ себѣ повѣрили , не больше зла отъ чужаго злодѣянія , сколько отъ своего неразумія себѣ получая. Я самъ попустилъ себя обижать. Изрядно : радуюсь по заслугамъ , Геланоръ. Сіе самое выговаривающему , пришла на память причина , которая его въ Сіциліи держала. Ея почтеніемъ тотчасъ подвигшись , убоялся , чтобъ какъ , за благополучіе

толикія надежды, для которыя онъ тамъ пребывалъ, непристойнымъ образомъ ему не скорбѣть въ настоящемъ злоключеніи. Геланоръ, отъ великія вѣрности къ своему господину напасть претерпѣвающему, въ крайнемъ находясь страхѣ, совѣтовалъ Поліарху о родѣ своемъ и высокомъ состояніи, безъ притворства открыть. Ибо, ежели онъ о себѣ объявитъ, ежели на высоту свою́ взойдетъ; то Мелеандръ самъ собою не преминетъ ему извинить жестокаго своего опредѣленія, а непріятели прощенія просить станутъ. Ничего не смыслишь, отвѣтствовалъ Поліархъ. Обиженному мнѣ наибольше должно таиться: достоинства моего великость, сильняе можетъ разжечь думающихъ, что я могу отпущенъ быть однажды съ обидою, но всегда такія не забуду досады. Геланоръ ничего уже́ на сіе не говорилъ, въ недоумѣніи, что полезнѣе быть могло, да только звѣзды, свѣтящіеся тогда, въ по́мощь призывалъ, и отъ нихъ смысла себѣ и господину своему въ молчаніи просилъ.

17.

Между тѣмъ Тімоклеа, когда заперты уже́ были воро́та, всѣмъ домашнимъ

щнимъ велитъ итти на покои: не хочетъ она никакóва ночью смятенія; какъ скоро разсвѣтаетъ, то все они прилѣжнѣе разсмотрятъ. Потóмъ начала́ обходить каждаго уединенныя мѣста́, будтобъ домóвый надзирая порядокъ, а въ сáмой вещи, чтобъ кто изъ нихъ не подсмотрѣлъ того, что она тогда тайно отправляла. Когда всѣ ужé заснули, и было ей безопасно; то входитъ она въ небольшýю съ Архомбротомъ палату, въ которой тайный выкопанныя пещеры входъ, искусный скрылъ художникъ. Мѣсто выслано было досками, коихъ между собою краи гвоздями сплочены были, кромѣ токмо двухъ изъ нихъ, никакимъ желѣзомъ съ прочими не соединенныхъ, дабы способно было отлучать ихъ отъ всего совокупленія, когда пожелается. На нихъ долгій поставленъ былъ столъ, кой не допускалъ ступать по онымъ, чтобъ, понеже со всѣми прочими не соединялись, отъ ногъ ходящихъ не потряслись, и тѣмъ бы не объявили тайны. Весьма немногихъ пускала туда ходить Тимоклеа; да и сама рѣтко надсматривала мѣсто. Тогда, поднявши тѣ доски, отворила пещеру, и лѣсницу показала внизъ подъ палаты ведущую. Тотчасъ же, высѣкши

огнивомъ

огнивомъ изъ кремня огонь, и къ сѣряному фитильку оный вздувши, приготовленую свѣчу засвѣтила; а съ свѣтомъ и пошла сама напередъ. Слѣдовалъ за нею Архомбротъ, для себя и для нея обнаженный мечь въ рукахъ имѣя. Ступеней было около дватцати, коими сходить надлежало въ подземный вертепъ, который въ длину простершись, разбитъ былъ потóмъ на разныи переулки: сїежъ для того, чтобъ, когда захватитъ непрїятель одно какое усье, не могла заграждена быть убѣжанїя потреба. Земля къ дѣлу сему была способна: ибо толь вяскá, что гдѣ ни положится, то, отъ прочаго на нея вымета́емаго и полагаемаго, не могла обрушиваться; а впрочемъ, не трудно ея было копать, для того что какъ не каменистa, такъ и не песчана была. Долгїй оный, и непрерывнымъ сводомъ покрытый ровъ, хотя поля́ и домъ на себѣ держалъ; однако, по толикомъ прошествїи лѣтъ, нигдѣ не повредился. При сáмомъ входѣ, небольшое мѣстичко мѣломъ выглажено было, для живописи и надписи. Но густый, и спершїйся, за лишенїемъ солнца, воздухъ, ѣдучею мокротою написанное тамъ згноилъ. Однако, еще можно было видѣть изображенїе чело-

вѣка,

вѣка, возлагающаго мнимый ладанъ на жертвенникъ; а близко его головы́, слѣдующїи стїхи насилу прочесть было можно:

Боги! коимъ должны здѣсь всѣ молиться вѣрно;
Іовїшъ ли тутъ властелинъ, иль Плутонъ всемѣрно,
Кой ли окружаешь синими волнами свѣтъ,
Проложивъ трезубцомъ къ царству твоему сей слѣдъ:
Вѣрны сїи тайники вы храните сами,
Да не вкрадутся обманъ, и злодѣйство въ я́мы;
Жаркая Беллона съ боемъ мѣстъ сихъ да бѣжитъ;
Скрежетомъ пустая также тѣнь да не страшитъ.
Будь молчанїе, покой, тишина святая,
Чистый весь пока сей домъ, должну честь являя,
Ладанъ, въ жертву вашу, щедро будетъ возжигать:
Страхъ здѣсь будь злотворцамъ; добрымъ мирнобъ пребывать!

V.

18.

Сїе въ скорости Архомбротъ читалъ: но тягчайшая о Полїархѣ печаль, умъ его отвела отъ смотрѣнїя мѣста. Тїмоклеа спрашивающему ему сказывала, что хотя Полїархъ и чужестранный человѣкъ: однако никто изъ Сїцилїанъ въ толикой че́сти, и толь на высокой степени у Царя не находился; да добрыи люди въ томъ ему и не завидовали. Впрочемъ, не могу знать, говорила она, что

что за противная сила возъярилась нынѣ на тѣхъ, которыи у Царей были въ крайней милости. Подлинно, отвѣтствовалъ Архомбротъ, сія комета, не задолго прежде сего времени, который дворъ миновала? Но Тімоклеа паки Архомброту: однако, Государь мой; прочимъ всѣмъ къ ихъ паденію была причина, или отъ нихъ самихъ, или отъ ихъ Государей. А сего, толь великія добродѣтели человѣка, пребывающаго при са́момъ милостивомъ Государѣ, какое злоключеніе могло праведно оскорбить? Можетель вы привесть въ примѣръ Лідійскихъ мужа съ женою, который недавно въ чужестранномъ народѣ, за неумѣренное щастіе казнь воспріяли, онъ при са́момъ Царскихъ палатъ порогѣ кровь свою́ пролить принужденъ былъ, а она, будучи выведена изъ темницы, на плахѣ головы́ своея лишилась? Нѣтъ ніединаго, ктобъ о семъ не вѣдалъ, Государь мой. Но что въ оныхъ случаѣ подобное Поліарху? Ничего имъ къ царствованію не доставало, кромѣ имени и порфіры. Отвращались они, съ презрѣніемъ, отъ равенства съ прочими своими сверстниками; а стоять на толикой высотѣ, никако́ва достоинства не имѣли. Притомъ еще и уничтожали

молодыя лѣта того, который сїе ихъ благополучїе и утвердить совершенно могъ, и мужественно вконецъ истребилъ, въ наставленїе будущему роду. Чтожъ до Полїарха; онъ не прикоснулся къ Царскому сокровищу; войскомъ и замками силъ своихъ не укрѣплялъ: словомъ, такъ обходился, что казался по подобїю солнца, освѣщать мимоходомъ токмо сею своею добродѣтелїю всю Сїцилїю. Весьма инако оный Лїдїане; и [совершенно подобное Фортуны игралище] другая пара супружниковъ изъ Фригїи. Не о тѣхъ ли вы изволите говорить, предпрїялъ рѣчь Архомбротъ, которыхъ недавно изъ внутреннихъ Царскихъ чертоговъ, гдѣ они самую крайнюю имѣли силу, за растворенїе яда вывели-было повѣсить, но Государь, еще памятуя къ нимъ о своей милости, вѣчною темницею пожаловалъ осужденныхъ? О нихъ точно, говорила Тїмоклеа: посему, вы изволите знать, коль многїя они согрѣшенїя учинили. Онъ, бутто уже совершенно не памятуя о первомъ своемъ состоянїи, презиралъ любимъ быть отъ многихъ; а она не боялась нимало ненависти за оставленное супружество, въ которое-было прежде вступила: обажъ, отвращенной отъ нихъ Юнонѣ никакова

не дѣлая жертвоприношенія, не познали, что и богини свой собственный Перунъ на пораженіе имѣютъ.

19.

Моглибъ мы, Государыня моя, всему сему дивиться, говорилъ Архомбротъ; ежелибъ частые человѣческіе перемѣны не-дали уже причины, ничему въ свѣтѣ не удивляться. Извольте посмотрѣть на Аквиліевъ дворъ; извольте также и на Гиппофиловъ. Что помогло самымъ первымъ и знатнѣйшимъ особамъ, по испаденіи отъ безмѣрныя силы, къ багрянoризному прибѣжать священству? тоесть, чтобъ великолѣпнѣйшее было погребеніе, разлучающагося съ духомъ достоинства. Но ни сего ради; поистиннѣ, къ народной когда приступлю я ненависти, на всѣхъ ярость свою изливающей, которыи у Государей, милостію ихъ знамениты, пребываютъ; да и самихъ Царей дерзающей порочить; что любезнѣйшихъ себѣ людей прочимъ они предпочитаютъ. Знатная сія, говорю я, Царямъ обида; а именно, хотѣть ихъ отвесть отъ пріятности любленія, и не допустить пользоваться вѣрностію, нами самими отъ всѣхъ ожидаемою,

которыи нашимъ благодѣяніемъ въ люди вышли. У васъ, или у меня, ежели есть пріятель, ежели мы имъ веселимся; то нѣтъ ничего: однимъ токмо Царямъ законъ варварскаго бесчеловѣчія предначертывается, чтобъ никого они лучшаго себѣ не имѣли, и ни чьимъ бы особливо дружествомъ не наслаждались. Чтожъ? когда они чувствуютъ, что добровольно любимы бываютъ; когда нравовъ и склонностей сходствомъ, еще когда вѣрностію и услугами, къ любленію привлекаются. Посему, ни въ такомъ случаѣ не должно имъ смѣть, склониться по устремленію, котораго во всемъ естествѣ нѣтъ сладоснѣе? И поистиннѣ, сего самаго ради не завидуемъ мы Геркулесу въ Філоктетѣ, ни также Ахіллесу, что онъ любилъ Патрокла: да и весьма не многіи найдутся изъ Героевъ, которыи когобъ нибудь, выше всѣхъ прочихъ, въ собщеніе жизни и таинъ къ себѣ допущенаго не имѣли.

20.

Здѣсь Тімоклеа: и мнѣ, Государь мой, никогда не нравилась толь не справедливаго нареканія дерзость, которая хотя коль ни всеобщія пользы личиною

покрывается, однако больше въ себѣ неистоваго напыщенія имѣетъ, нежели твердаго усердія. Ибо многіи гнѣваются на Царей, не для того, что они нѣкоторыхъ въ крайней своей милости содержатъ, но что на такую степень сами они не возведены: а въ любимыхъ, которыхъ они толь жестоко проклинаютъ, чаще ни что больше, какъ самое благополучїе не угодно. Подлинно, какъ мы изъ домашнихъ сами нѣкоторыхъ выбираемъ, и почитай пріобщаемъ къ нашимъ дѣламъ; а вѣрность ихъ благосклонностію и подарками награждаемъ, и впредь ея онымижъ побуждаемъ: такъ ежели Государь не сыщетъ себѣ такія взаимныя по́мощи, и такимъ же образомъ ея не воспитаетъ; то не станетъ его на всенародныя труды, поистиннѣ не станетъ, хотябъ онъ твердѣйшія рамена, нежели коль сильны у нашего Атланта, на поднятіе общихъ бременъ имѣлъ. Ибо, о которомъ мы теперь разговаривали случаѣ, а именно, что тѣхъ, кои долго Царскою милостію цвѣли, съ колеса́ своего Фортуна низвергла, ничего другаго изъ сего произвесть не можно, какъ токмо, можетъ статься, что иногда Государи не справедливо друговъ своихъ оставляютъ,

или,

или, любивши недостойныхъ, а потóмъ познавши свое погрѣшеніе, низвергаютъ ихъ съ высоты, на которую-было они взошли ненавистно. Но, что чаще случается, извольте положить, что Государь есть постоянный человѣкъ, и щасливо выбралъ онъ себѣ любимаго; то увидите, что невредимое съ обѣихъ сторонъ доброхотство полезнѣйше пребываетъ. Вамъ, уповаю, смѣшно, дражайшій гость, что я, будучи женщина, съ вами о такихъ дѣлахъ разговариваю. Но, понеже между придворными обращеніями воспитанная, весьма часто слыхала я искусныхъ людей, о семъ дѣлѣ рассуждающихъ, которыхъ благоразуміе, самый опытъ многократно подтверждалъ. Сіяжъ Поліархова напасть, которая насъ сокрушаетъ, можетъ быть, что и кромѣ всякаго есть образца: ибо какъ Мелеандръ добродѣтельнѣйшаго сéрдца есть Государь, такъ и Поліархъ ни вѣрности не нарушилъ, ни беззаконно не возносился въ толикомъ своемъ благополучіи; такъ что я думаю, что въ семъ его бѣдствіи никто иной, какъ токмо противный виноватъ есть случай.

21.

Въ сихъ Тімоклеиныхъ рѣчахъ, остановился Архомбротъ, внезапный шумъ воды услышавъ, которая вблизи отъ нихъ текла; и спросилъ онъ госпожу, что то за шумъ, и всегдаль въ сихъ мѣстахъ слышится: да и тотъ часъ, сколько было отъ свѣчи свѣта, началъ смотрѣть въ землю, чтобъ ему какъ въ ручей не попасть. Но Тімоклеа: тутъ находится, говорила, источникъ, который съ преизобильною водою изъ ближнихъ горъ сюда падаетъ, и трубами на дальнѣйшія поля́ есть выведенъ, да и великую пользу теченіемъ своимъ дѣлаетъ, тѣмъ что укрывающіися здѣсь утолять могутъ свою жажду. И недалеко оттуду отшедши, показываетъ ему великій камень, который устремляетъ оный, падающій въ изобильности водъ источникъ, въ ровики выкопаныи подъ нимъ, чрезъ диры по всему его дну зделанные. Чистота, и обиліе воды, также природная холодность, и все что воды имѣютъ похвальнаго, тѣмъ больше привлекли къ себѣ Архомброта, что онъ былъ изъ Африки, сухія по большой части земли, и не имѣющія источниковъ. Тогоради,

хотя

хотя и поспѣшалъ онъ къ Поліарху; однако, уловленъ будучи роскошію, какъ молодый человѣкъ, сперва ру́ки, пото́мъ и лице умылъ; а гдѣ тише и чище вода текла, оттуду и напился довольно, печалію и неспаніемъ разженный. Возбраняла не благовременное питіе Тімоклеа; а когда онъ прилѣжнѣе удивлялся источнику: сію пещеру пре́дки мои, говорила она, постарались вырыть не для того токмо, чтобъ былъ ходъ, и надежное убѣжище; но еще и для должайшаго пребыванія, гдѣ можно было, прибрать ея потщались, будебъ кого нещастіе принудило укрываться здѣсь чрезъ довольное время. Извольте смотрѣть на сіе мѣсто, высланное дубовыми досками, у котораго бока́ и сводъ также дубовый; оно здѣлано нарочно, чтобъ не толь не здорово было въ немъ спать на голой, и отвсюду сыростію и стужею дышущей землѣ. Взглянулъ Архомбротъ на оный покой, который былъ вырытъ на правой сторонѣ въ боку нѣсколько отъ рва; а раздраженъ будучи са́мою темнотою мѣста, которую небольшой свѣтъ недовольно разгонялъ, и отвращаясь умомъ отъ недостойнаго жилища, не безъ воздыханія онъ помышлялъ, коль великій

человѣкъ въ оное уединенїе былъ опредѣляемъ. Тїмоклеа также, но еще съ бо́льшею горестїю се́рдца, сими словами привѣчала мѣсто: такъ ты го́стя Полїарха примешь? Ты прехрабраго Героя, и который всякаго достоинъ свѣта, тьмою твоею покроешь? Но изрядно, буде ты себя его спасенїемъ прославишь! О! Фортунины силы, которая весьма часто такъ дѣлаетъ, что за обиды ея къ намъ, ей же само́й мы благодаримъ! Ибо какъ она виновата, что принуждаетъ преизящнаго мужа въ сїи тайники; такъ и преизрядное благодѣянїе совокупно явила, что хотя уже́ въ сей пещерѣ, надежду его спасенїя укрыть, допустила.

VI.

22.

Между тѣмъ дошли они до отверстїя пещеры, которое Тїмоклеа показывала Архомброту; а отворять оное безъ труда можно было. Два запора изнутри держали крѣпко приставленный къ выходу камень, и такъ въ землю уперты, что никакою силою съ наружи оттолкнуть ихъ не возможно. Но ко-

торый

торыи были внутри пещеры, тѣ лехко ихъ вкось вынимали изъ ямокъ, въ кои они для того утвержены были, чтобъ отъ тягости наложенныя на нихъ не могли прочь отдвинуться. Вынявши сіи, и отнявши камень, по́слѣ какъ Архомбротъ совершенно отворилъ пещеру, вышла Тімоклеа, и махала рукою свѣчу, какъ то положено было съ Поліархомъ; да и тотчасъ огонь она закрыла, чтобъ какъ отъ замедлѣнія другіи, нежели кто надобенъ имъ былъ, подозрительнаго не увидѣли свѣта. И понеже Поліархъ не сшибся съ доро́ги; то стоялъ при рѣкѣ, и ожидалъ знака. Сей увидѣвши, пришелъ онъ къ госпожѣ. Но что съ его, и съ слугинымъ конемъ дѣлать, долго они рассуждали, прежде нежели Геланоръ сказалъ: извольте войти для совѣта въ пещеру; а пока станете о ко́няхъ рассуждать, пота они постоятъ привязанны къ симъ Ольхамъ, которые о́даль отъ всѣхъ доро́гъ близъ рѣки́ выросли. Когда они еще внизъ сходили, и ничего притомъ, чему быть, не примыслили; въ то время Геланоръ коней привязалъ, и самъ тудажъ прибылъ къ пещерѣ: въ сію когда онъ былъ впущенъ, то камень паки къ отверстію запорами утвердили, и всѣ начали совѣ-

товать. Поліархъ рассуждалъ, что надлежитъ послать отпущеника, который все можетъ развѣдать, а именно, какое злодѣяніе на него взводится, и отъ чего толь не обыкновенно Царь здѣлался немилостивымъ: также, пребываютъ ли его пріятели къ нему, находящемуся въ сей крайней напасти, вѣрны. Здравый бы совѣтъ, Государь мой, говорила Тімоклеа Поліарху, ежелибъ вамъ не́-было извѣсно, что всѣ прежде станутъ спрашивать у Геланора, гдѣ вы укрылись. Я о вѣрности его не сомнѣваюсь: но ежели онъ попадется въ ру́ки непріятелямъ; то разными му́ками допытаются у него правды. Геланоръ отвѣтствовалъ въ негодованіи, что ни побои, ни мученіе не могутъ его преодолѣть, для спасенія своего господина. Впрочемъ, знаетъ онъ, чемъ можно ему обмануть непріятелей. Пойдетъ онъ совершенно подобнымъ изумленному: и ежели кто изъ незнаемыхъ и́ подозрительныхъ спроситъ его о Поліархѣ; то будетъ сказывать, словомъ къ вѣроятію пристроеннымъ, что онъ отшелъ отъ сего свѣта. Да и не разбивается сіе съ правдою, длятого что онъ разлучился съ солнцемъ, скрывшись по́дъ-землю. Спрашивающимъ о родѣ

смерти,

смерти, лгать имѣетъ, а именно, что онъ съ лошади въ Гїмеру рѣку упалъ: Сїежъ такимъ образомъ, что, испужавшись Царскаго указа, вшелъ онъ ночью въ рѣку, гдѣ не удержался на переправѣ, будучи отягощенъ оружїемъ; а когда лошадь изъ-подъ него выбилась, то онъ и потонулъ. [По случаю тогда такъ съ сею лжею согласно здѣлалось, что въ Гїмерѣ рѣкѣ необыкновенное наводненїе было] Прибавлю, говорилъ Геланоръ, что по́мощи ему никакїя не могъ я подать, когда ужé видѣлъ, что его быстрая глубина въ море уносила. Симъ притворнымъ вымысломъ, слава о вашей погибели разнесется, которыя намъ ничто не можетъ быть полезнѣе: ибо какъ непрїятелей она удоволитъ, такъ и во всѣхъ прочихъ найдетъ сожалѣнїе, кои о погибшей добродѣтели великолѣпнѣе рассуждать обыкли. Пото́мъ караулы не толь крѣпки будутъ, которыи ужé на пристанищахъ и при судахъ стоятъ: а когда уничтожится сыскъ, о которомъ слышимъ, что дѣлается о васъ указомъ, то безъ труда или укрыться, или убѣжать имѣете. Другаго безопаснѣйшаго рода смерти вымыслить не можемъ, для того что сей никако́ва слѣда о васъ не оставляетъ. Сверьхъ

того, коню вашему дамъ волю; пускай куда хочетъ, туда побѣжитъ, для-того, что буттобъ смерть ваша сію ему учинила свободу.

23.

Всѣмъ полюбилась Геланорова хитрость: но Поліархъ къ тому прибавилъ, что ежели ему случится увидѣться съ Арсідою, коему изъ всѣхъ Сіціліанъ наибольше онъ вѣрилъ: тобъ Геланоръ тому все дѣло, какъ оно есть, безъ всякаго опасенія расказалъ, и просилъ бы онаго его словами, чтобъ онъ не убоялся посѣтить его въ крайней напасти обрѣтающагося; но буде того ему учинить не возможно, тобъ хотя наставленіе какое полезное къ настоящимъ околичностямъ подалъ, и емубъ Геланору оное ввѣрилъ. Совѣтовалъ притомъ и Архомбротъ, чтобъ Геланоръ, по исполненіи своея должности, не возвращался прямо къ пещерѣ: [ибо не весьма скоро можно стучащагося его услышать, да и причину онъ тѣмъ подастъ къ подозрѣнію, ежели кто близко будетъ итти по дорогѣ] но къ Тімоклеинымъ пришедъ ворóтамъ, предъ домашними ея тожъ бы самое употреблялъ притворство, которымъ

рымъ и прочихъ обольститъ, да и смерть господина своего явнымъ бы оплакивалъ рыданіемъ. Оттуду втайнѣ Тімоклеа можетъ его привесть къ Поліарху. Притомъ еще рассуждали, что съ имѣніемъ, и что съ людьми Поліарховыми дѣлать. Понеже у него былъ домъ какъ преизрядный, такъ и достойный человѣка въ Царской пребывающаго милости. Однако, онъ прочимъ своимъ домашнимъ не вѣрилъ: ибо одного токмо изъ своего народа Геланора при себѣ имѣлъ: прочіи всѣ были чужестранныи, и по большой части ему не знаемыи. Впрочемъ, не великое онъ о пожиткахъ имѣлъ попеченіе, длятого что носилъ обыкновенно при себѣ, въ сокровеніи одежды, высокія цѣны алмазные вещи, и нѣсколько червонныхъ, чтобъ не все безъ него могло попасться Фортунѣ. Чегоради, хотябъ Мелеандръ имѣніе его, какъ осужденнаго человѣка, все въ казну описалъ, или хотябъ наемныи и слуги оное растащили, только повелѣно Геланору ни во что не вступаться, но какъ отъ раззореннаго дому пожаромъ уносить голову. Сіе все ему приказавши, отпустили его. Самимъ также Архомброту и Тімоклеѣ ужé долѣе не можно стало быть съ Поліархомъ:

хомъ: понеже служащія челяди, которой надобно было на домашнія дѣла́ вставать поутру рано, боялись, для того что, можетъ по нещастію статися, тогда наипаче услужныя, когда меньше отъ нея требовалось. Ежели рабы узнаютъ толикую госпожи своея пріязнь къ Поліарху; то сіе обоимъ имъ пагубно быть имѣетъ. Того ради, просятъ они его, чтобъ утѣшеніемъ ему была добродѣтель, которая какъ заслужитъ напастей, такъ, ежели онѣ напрасно случаются, и въ малодушіе привести не можетъ. Сами они, коль часто ни будетъ имъ возможно, имѣютъ къ нему приходить для разговоровъ. Посемъ пуховикъ, на которомъ бы ему опочивать, и свѣчи [для того что много ихъ Тімоклеа съ собою принесла] ему отдаютъ: а сами, возвратившись подземнымъ путемъ, легли опочивать. Но у Поліарха какая мысль была на умѣ, и сколько онъ сердился, и жалобъ приносилъ въ ономъ уединеніи; то изъ сего выразумѣть можно, что онъ меньше о животѣ, нежели о славной смерти помышлялъ: но притомъ и помнилъ, что для его особливо дыханія тѣ въ жизни пребываютъ, которыхъ онъ выше себя почиталъ.

24.

Геланоръ, ударивши господскаго коня прутомъ, понудилъ его бѣжать свободно; а самъ сѣвши на своего, въ намѣренный путь отправился. И какъ почитай ужé къ оному лѣсу онъ подъѣхалъ, въ которомъ прошедшаго дня Поліархъ сражался: то увидѣлъ, что несутъ три одра, и множество людей слѣдуетъ за ними на коняхъ; а за сими многожъ пѣшихъ шло. Пожелалъ онъ знать, чтобъ то было за препровожденіе. Какъ скоро онъ приближился, то ясно позналъ, что одры оныи были погребательныи, а люди всѣ въ чорное платье одѣты. Устрашившись смертоноснаго вида, спросилъ у нѣкотораго изъ самыхъ заднихъ, чье то отправляется погребеніе. Тотъ отвѣтствовалъ, что они идутъ по тѣлá пословъ, которыхъ вчера Поліархъ, съ нарушеніемъ народнаго права, убилъ. Жестоко испужался Геланоръ; и что то за подлогъ, что за клевета, въ себѣ разсуждалъ: а чтобъ достовѣрнѣе познать, самъ поѣхалъ за ними, и ѣхалъ пота, пока увидѣлъ, что онаго человѣка трупъ, котораго Поліархъ при сáмомъ входѣ въ лѣсъ поразилъ до-смерти,

съ

съ великимъ рыданіемъ возлагали на одръ. Тогда совершенно онъ выразумѣлъ, что разбойники, нападшіи на Поліарха, отъ Лікогена къ Мелеандру послы были. Но чегожъ ради толь ускорительное мщеніе было? Чегоради не допросивъ Поліарха? Посему, вольно посламъ разбивать безопасно? А Царю благосклоннѣйшему должно быть къ непріятелямъ, нежели къ своимъ? По моему, ябъ еще наградить присудилъ побѣдителя за храбрость; а пословъ, въ злодѣяніи убитыхъ, на висилицѣ повѣсить, а не погребать съ честію.

25.

О семъ въ смущеніи и надменіи духа рассуждая, такъ онъ разъярился, что ужé едва-едва не измѣнился въ лицѣ, и на силу могъ пребывать въ молчаніи. За благопотребнѣе онъ нашелъ, оставить то позорище, на которое ужé съ яростію нáчалъ сердиться. Тогоради, прокленувши супостатовъ, ударилъ коня, и поскакалъ по ближайшей дорогѣ къ Царю. Когдажъ выѣжжалъ съ другія стороны изъ-лѣсу, а солнце ужé было тогда высоко, увидѣлъ онъ, что многіи ѣхали по дорогѣ: ибо воинская она

была

была, и въ то время изъ Царскаго военнаго стана въ близости людьми наполнена. Между прочими попался ему на встрѣчу Тїмонїдъ, человѣкъ не безъ знати изъ придворныхъ Мелеандровыхъ, который, о Полїарховомъ злоключенїи печалясь, для сего самаго ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ, не увѣдомитсяль онъ гдѣ отъ кого, что съ нимъ здѣлалось. Сей узнавши Геланора, закричалъ: О! весьма благовременно вы мнѣ попались! Гдѣжъ въ толикомъ смятенїи Полїархъ? Но тотъ, обѣщанную притворность памятуя, и потупленными глазами едва взглядывая на Тїмонїда, отвѣчалъ, что нѣтъ уже́ на свѣтѣ Полїарха. Тогда тотчасъ въ Тїмонїдѣ сожалѣнїе и любовь преодолѣли страхъ настоящихъ случаевъ, такъ что прорицающему онъ будущее подобнымъ сталъ. Пото́мъ, рыданїе свое слѣдующими словами изъявилъ: О! неблагополучная съ Мелеандромъ Сїцилїя! и обратилъ назадъ коня. Геланору показалось сїе не малымъ утѣшенїемъ, что притворная господина его смерть возбуждаетъ толь къ истиннымъ и не тайнымъ слезамъ. Тїмонїдъ, недалеко отбѣжавъ, паки къ нему возвратился; и, какая, говоритъ, превеликому человѣку смерть приключилась,

Гела-

Геланоръ? Коль скоро, и отъ кого онъ живота лишенъ? Когда состоявшагося на себя Царскаго указа убоялся, отвѣтствовалъ Геланоръ, осмѣлился онъ въ ночной темнотѣ переправы искать въ Гімерѣ рѣкѣ: но понеже рѣка дожжами наводнилась, то устремляющагося его подхватила, и, сколько мнѣ отъ звѣзднаго свѣта видѣть было можно, въ ближайшее унесла море. Паки возопилъ Тімонідъ; и тотчасъ побѣжалъ къ Царю съ вѣдомостію о превеликой гибели. Симъ образомъ неистовящемуся ему Арсіда попался, котораго одного Поліархъ о всѣхъ тайныхъ дѣйствіяхъ увѣдомить откровенно, повелѣлъ Геланору. Сего Тімонідъ въ торопости наполняетъ ужасною и печальною вѣстію; а спрашивающему, гдѣбъ былъ Геланоръ, показываетъ ѣдущаго: и безъ замедлѣнія самъ, какъ началъ, къ Царскому побѣжалъ военному стану. Арсіда поспѣшая къ Геланору, и вскользь поздравивши, тотчасъ сталъ его о господинѣ спрашивать. Но тотъ говорилъ, что есть тайное дѣло, о которомъ не безопасно доносить на всенародномъ мѣстѣ. Того ради, да будетъ угодно Арсідѣ уклониться съ дороги въ сторону; а онъ Геланоръ, понеже никто того не наблюдаетъ,

даетъ, за нимъ имѣетъ слѣдовать. Послушался Арсїда Геланора, который ему не малую ужé надежду подалъ тѣмъ, что онъ ни слóва о смерти Поліарховой не припомянулъ.

26.

Уединенїе въ ближайшей долинѣ было, въ которую когда они сошлись, тогда такъ Геланоръ прежде нáчалъ говорить Арсїдѣ: здравствуетъ Поліархъ; но здравствуя желаетъ, чтобъ вы, Государь мой, одинъ о животѣ его свѣдомы были. Въ выкопаномъ подъ Тїмоклеиными палатами рвѣ, госпожи оныя вѣрностїю укрытъ. Меняжъ онъ для того къ вамъ посласлъ, чтобъ вы изволили увѣдомить, какой вѣтръ бурю сїю воздвигъ; и буде притомъ не винно страждущаго не презираете, тобъ мнѣ васъ и къ нему привесть. Арсїда отвѣтствовалъ, что онъ ни на какое не смотритъ бѣдствїе; да ведетъ токмо Геланоръ къ пещерѣ, и желающаго его да совокупитъ съ Поліархомъ. Изрядно, говорилъ Геланоръ; однако надобно употребить хитрость, котороюбъ дворовыхъ Тїмоклеиныхъ обмануть можно было, дабы какъ не догадались они,

что тамъ укрытъ Поліархъ, и тѣмъ бы превеликій мужъ не пришелъ во власть подлыхъ людей. Я напередъ отправлюсь, и притворнымъ рыданіемъ, какъ то уже́ я на́чалъ при Тімонідѣ, мнимую его смерть опла́чу. Также и вы, Государь мой, съ кѣмъ ни изволите свидѣться, подлогомъ симъ полезно можете каждаго обмануть. Жизнь Поліархова безопаснѣе быть имѣетъ, ежели всѣ повѣрятъ, что онъ скончался. Вамъ прилично прибыть къ Тімоклеѣ въ полдень, бутто бъ вы желали отъ жара отдохнуть. Не подастъ сіе ни малыя причины къ подозрѣнію, когда будете находиться въ домѣ оныя госпожи, которая вамъ давно уже́ знакома. Сверьхъ сего доношу вамъ, что обрѣтается тамъ молодый нѣкоторый господинъ, вчера еще токмо́ прибывшій въ Сіцілію, изъ Афріки, буде не таитъ, поплывшій. Красотѣ, и какъ услышите его разговоры, благоразумію также дивиться имѣете. Къ Поліарху въ немъ крайняя вѣрность: съ тѣмъ онъ едва только чрезъ одинъ день въ дружбѣ быть на́чалъ, но уже́ въ числѣ самыхъ искреннихъ его находится. Онъ такъ и вамъ, какъ господину моему, подозрителенъ быть не заслужилъ.

27.

Симъ образомъ между собою согласившись, расстались другъ съ другомъ. Геланоръ отправился къ Тімоклеѣ такъ, какъ къ дому ея ближе быть могло; а Арсіда, которому не толь спѣшить надлежало, помалу на большу́ю доро́гу выѣхалъ. Но обманутый Тімонідъ печальную вѣдомость вездѣ разглашалъ. Ибо съ кѣмъ бы онъ изъ знаемыхъ ни встрѣтился, всякому сказывалъ первый, что не стало Поліарха. Отъ сихъ вѣдомость дошла до многихъ, которая, по разному состоянію людей, съ разнымъ сожалѣніемъ, но отъ всѣхъ съ превеликимъ была получаема. Въ тотъ день Мелеандръ намѣрился шествовать къ Магеллу, переправившись чрезъ рѣку Гіпсу; куда, по его повелѣнію, и Аргеніда Царевна изъ Сіракузъ прибыла. И какъ уже́ сказанъ походъ; то военныи люди собирались, и укладывались. А Царь, до способнаго времени къ шествію, на ближнихъ къ военному стану поляхъ гулялъ. Находился онъ тогда посрединѣ великихъ господъ, зная достовѣрно, что многіи изъ нихъ, подъ видомъ вѣрности и должности, непріятели ему были. Въ сіе

самое время въ военный станъ возвратился Тімонідъ, и увѣдомилъ пріятелей о всемъ, что онъ ни слышалъ о Поліарховой смерти. Тотчасъ горесная вѣдомость разгласилась между военными людьми, которой безъ труда всѣ вѣрили. Но Тімонідъ и къ самому́ Царю прибѣгъ; а обливаясь горькими слезами, такъ ему доносить осмѣлился: есть, всемилостивѣйшій Государь, чемъ мы должны поздравлять Лікогена: лишился уже́ жизни Поліархъ. Услышавъ сіе, остановился Царь, будучи пораженъ превеликимъ недоумѣніемъ. Погибшаго юноши бѣдствіе и пагуба, толь наипаче ужасающагося его въ смятеніе приводили, что смерти сея не могъ онъ не названъ быть причиною. Пото́мъ, почитай у него слёзы навертывались; и многое печальное, для будущаго времени, приходило ему на мысль. Но и печалиться тогда при всѣхъ не безопасно было, длятого что на его лице смотрѣли многіи изъ Лікогеновыхъ пріятелей, наблюдая его чело, очи, и слова́. Тогоради укрѣпившись, чтобъ какъ не пода́ть знака или радости, или печали, краткою рѣчью о родѣ смерти спросилъ, и возвратился въ палатку, совершенно будучи увѣренъ, что никому не

была радосна гибель Поліархова, кромѣ токмо кто и самому́ Царю желалъ бы погибнуть. Многимъ изъ военныхъ людей почтеніе къ Царю препятствовало, что они предъ нимъ не рыдали. Вѣрнѣйшіи изъ высокихъ господъ то воздыханіями, постоянство предохраняющими, оплакивали умершаго Поліарха; то, съ бо́льшимъ негодованіемъ, не молчали во взаимныхъ разговорахъ объ обидѣ приключеній и временъ тогдашнихъ. Сихъ Царь всегда въ памяти своей содержалъ, и отмѣнялъ прилѣжно отъ другихъ, вѣдая, что они токмо достойны, коимъ онъ можетъ въ своей особѣ вѣрить: однако не безъ стыда на нихъ взиралъ, думая, что они его всеконечно почитаютъ убійцею Поліарховымъ. Удивительно было, что нашелся такой, который дерзнулъ въ устремительномъ жарѣ сочинить слѣдующіи стіхи, и тайно подкинуть въ переднемъ шатрѣ, чрезъ который надлежало внутрь пройти Царю:

Цвѣтъ младыхъ людей! или Адъ тебя боится,
Новыяль тебяжъ звѣзды самъ и свѣтъ стыдится!
Отпустить не презри кающимся намъ вину;
Не просижъ и мѣсти свыше на сію страну:
Мы имѣемъ пострадать безъ того довольно;
Будутъ мучить насъ всегда, въ образецъ всѣмъ, больно

Ненависть народовъ, память также, за грѣхъ сей.
Но тебѣль могъ пламень смерти знакъ дать отъ Царей?
Поглотить тебяль могли вóлны въ бездну жи́ва?
О! бессмертны! кой огонь, и рѣка прысклива
Могутъ насъ очистить? вóды, и огня родъ весь
Сами заслужили очищаемы быть здѣсь.

VII.

28.

Между тѣмъ, походъ изъ военнаго стана начался; а рассѣявшаяся по народу слава, повсюду разгласила смерть Поліархову, и до Магеллы ужé дошла. По случаю въ комнатѣ тогда была Аргеніда; и платье на себя, не такое, какое она въ спокойныя времена нáшивала, однако Царскія дщери достойное, между дѣвицами будучи, надѣвала. Селенісса, Мама Аргенідина, таинъ всѣхъ свѣдомая, волосы у нея тогда убирала; когда одна изъ комнатныхъ дѣвицъ съ надворья, куда она по случаю выходила, возвратилась, и сказала, что Поліархъ скончался. Вѣдомости сея сперва не расслушала Аргеніда, дляτого что она въ то время прилѣжнѣе разговаривала съ Селеніссою о ночныхъ огняхъ, и о непріятеляхъ Поліарховыхъ. Чтожъ до Селениссы,

она

она то самое тотчасъ услышала, что дѣвица говорила; а слова́ сїи превеликимъ смятенїемъ духъ и все ея сердце поразили. Тогда она тайными знаками, и глазами ей часто приказывала молчать, и всѣмъ также запрещала шумѣть. Но шепчущихъ уже́ разговорами наполнились всѣ палаты. Аргенида внезапнымъ ужасомъ поражена будучи, и не зная еще о чемъ бы разговаривали служащїе дѣвицы, спросила, о какихъ онѣ приключенїяхъ, и о какихъ нещастїяхъ шепчутъ. Селенісса отвѣтъ перехватила говоря, что выпало у одноя дѣвки изъ рукъ зеркало, которое въ день рожденїя Аргенідина Мелеандръ изволилъ ей пожаловать: о томъ онѣ теперь, боясь Царевнина гнѣва, крушатся. Но не повѣрила тому Аргеніда, которая уже́ сама собою внутренно трепетала. Чегоради, вскочила она съ кресѣлъ; а ближайшую изъ дѣвокъ ухвативши рукою, и горящими на нея смотря очами: ежели ты мнѣ теперь, говорила, лгать осмѣлишся; то знай, что ты впослѣднїе сегодня на очахъ у меня будешь. Говори, нѣтъ ли какїя печальныя вѣдомости о Царѣ? Та отвратившись сердцемъ отъ худаго предзнаменованїя о Государѣ, и какъ бутто

въ утѣшенїе предлагая: нѣтъ, милостивѣйшая Государыня, ничего, говорила, не надлежащаго о Царѣ не слышно; но напротивъ того, онъ побѣдилъ, и въ добромъ здравїи, какъ вы сами изволите знать, сюда ожидается. Но къ толикому благополучїю примѣшалась не большая только утрата, а именно, не стало Полїарха. Ни на комъ иномъ сильняе никогда не показывалъ себя жаръ, какъ тогда на Аргенїдиномъ лицѣ. Однако уходящїй изъ внутренностей своихъ духъ мужественно она удержала; а въ тожъ самое мгновенїе и положила въ мысли, и отложила умереть. Но чтобъ никакова подозрѣнїя предстоящимъ женщинамъ не подать: я не сомнѣваюсь, говорила, чтобъ къ Царю не-были милостивы боги, которыи междоусобнымъ замѣшательствамъ, по правосудїю своему, конецъ положатъ. О Полїархѣ говорить убоялась, чтобъ какъ самое имя его выговаривающей не остановиться, уже почитай премногими слезами побѣжденной. И понеже больше уже она не могла себя принуждать; то въ самый тайный покоецъ тотчасъ сама одна уходитъ, будтобъ ради внезапнаго нѣкотораго дѣла: у того уже запирала она за собою двери, чтобъ никто

нѣ-былъ

не́-былъ помѣшательствомъ о послѣдней крайности помышляющей. Но не утаилось неистовство сїе отъ Селенїссы. Тогоради, слѣдуя вскорѣ за Аргенїдою [но такъ и должно было тамѣ] запираемую дверь рукою удержала, и подъ видомъ услуженїя вошла съ Государынею въ тайное оное уединенїе.

29.

Тогда уже́, какъ скоро заперты были двери, свободнѣе рваться и плакать начала́, такъ что сорвавши съ головы́ весь уборъ, и растрепавши терзанїемъ волосы, бросила оный на́-землю. Краватка стояла здѣланная изъ слоновыхъ костей, которая украшена была, для долговременнаго покоя, краснаго цвѣта шелковымъ завѣсомъ: на сїю всѣмъ тѣломъ рынувшись она легла. Селенїсса тогда ничего не говорила; но въ молчанїи ожидала, пока сами собою первые сле́зы пройдутъ. Впрочемъ, когда сїя увидѣла, что оная то весьма тихо, но непрестанно стенала, сплетая ручныи суставы, и очи чрезвычайно подъимая къ небу; то сердитѣе сама съ собою, быстро смотря глазами, разговаривала; наконецъ и длинное оружїйце, которое

для различныхъ потребъ остроконечное было, къ гортани приносила: тогда безъ всякаго медлѣнія на безумящуюся ея бросилась, и руку, почитай уже́ самоубійственную, трясущимися своими руками удерживая, силится достойнымъ окрикомъ неистовящуюся уговорить: ибо превеликое рыданіе и стонъ не допускали. Долго онѣ обѣ въ семъ бѣдномъ состояніи пребыли; и обѣ уже́ обессилѣли, такъ что ни та не могла поднять оружія, ни другая онаго отнять: обѣ стали не подвижны, и только что дру́шка на дру́шку смотрѣли. Аргеніда, какъ наибольше можно, на плечо голову преклонила; а устами неблагопристойно зѣвая, на Селеніссу взглянула, и говорила: напрасно, Селенісса, напрасно стараешся. Сколько ты ни будешь противиться; но я найду время умереть. Понынѣ изрядно ты собою показала, чтобъ мнѣ быть постоянной, памятливой и усердной. Чегожъ ради оныя наставленія противнымъ уже́ доброхотствомъ уничтожаешь? Подлинно, мнѣ и тебѣ радосно быть имѣетъ, что не повредивши моея че́сти сойду во гробъ. Не думаешь ли ты, что я могу жить лишившись Поліарха? Онъ меня неприкосновенну отъ Лікогена сохра-

сохранилъ. Отдамъ ему мою жизнь: да и сего самаго, за сохраненное отъ него воздержаніе, и за услугу его ко мнѣ, мало. Я, буде не знаешь Селенісса, я Поліарха убила: вина сія не отпустится мнѣ, пока кровію ея не очищу. Чтобъ ему нужды въ Сіциліи, ежелибъ не для Аргеніды? Въ сихъ рѣчахъ болѣзнованіемъ поразившись, всѣхъ силъ лишилась, и дышать перестала. Тогда выпало изъ рукъ ея оружіе; и сама она на Селениссу, равнымъ же образомъ ослабѣвшую, пала.

30.

Но сія не токмо объ Аргенідѣ, но и о себѣ печалясь, всякое утѣшеніе представляла нимало не слышащей: то подобнымъ болѣзнованіемъ совокупно съ нею рыдала, и думала, что скоро пройдутъ стенанія, ежели имъ попустится совершенная свобода; то паки съ сердцемъ разговаривала оную. Притомъ и о родителѣ припоминала, котораго, и такъ всеобщимъ смятеніемъ сокрушеннаго, ежели она лишится живота, то смертною уязвитъ раною. Она есть какъ червленый и роковый волосъ у отца; сей буде она вырветъ, наподобіе Сциллы любящія Міноя, то сугубымъ смертно-

смертноубійствомъ себя и родителя въ тужъ самую пагубу привлечетъ. Сверьхъ того, можетъ ли несытая слава, и по сво́йству своему несправедливая, повѣрить, что толь безмѣрная любовь безпорока быть возмогла? Но все сіе втуне влагала тогда Селенісса въ глухія Аргенідины уши. Чего ради на неистовящуюся, и сама ужé начала́ дерзновеннѣе гнѣваться: не хочетъ она видѣть толь мерскія смерти: ежели та не дастъ обѣщанія жить; то она кликнетъ другихъ къ себѣ на по́мощь. И ужé показывала себя, что бутто пошла къ дверямъ. Тогда Аргеніда, по́лу у платья оправляя, паки къ объятію ея призываетъ, и говоритъ: О! мать моя́! Чего ради запрещаешь толикую печаль? Не думаешь ли, что Поліархъ, ежелибъ я прежде жизни лишилась, могъ по́слѣ меня жить? Не ложно, Селенісса; отъ самаго моего младенчества до нынѣшнихъ лѣтъ, я знаю чего ты желаешь, и что одобряешь. Итакъ, чему ты быть не велишь, а я буде совершу моею рукою; то самажъ ты похвалишь. Ежели что отъ мертвыхъ остается; то поистиннѣ любитъ меня и по смерти Поліархъ. Пойду благополучно къ жениху; и безъ зависти

чистѣй-

чистѣйшіе наши соединимъ мы тѣни. Напослѣдокъ, ежели лишившись чувствъ смертію, всѣ мы во гробъ отходимъ; то преставши жить, отъ сего убѣгу зла, а именно, [боюсь выговорить] что не будетъ мнѣ нужды убійцу Поліархова почитать. Знаешь, по чьему указу вчерашніи огни зажжены. Или ты сомнѣваешся, что не отъ того прехраброму мужу приключилась кончина? Но родитель есть: совершенное нечестіе, буде ужъ отъ отца отвращаться. Того ради, такъ между Поліархомъ и отцомъ раздѣлю любовь, что скончавши животъ, который я отъ обоихъ благодѣянія имѣю, ужé ни на того не возмогу досадовать, ни другому показывать пріятство.

31.

Напротивъ того, Селенісса пространно представляла бесчестіе самоубійства, къ которомубъ любовь привела: потóмъ, какъбы лучшее отъ кого наставленіе получивши: чтожъ мы такъ о Поліархѣ, какъ всеконечно отъ всѣхъ видимомъ, не утѣшно плачемъ? и славѣ, толь часто лгущей, съ истиннымъ сокрушеніемъ вѣримъ? Или вы не

изволите

изволите знать, что въ басняхъ о Пірамовомъ погрѣшеніи представляется? Поистиннѣ оные насъ научаютъ, что весьма вредно по первымъ вѣстямъ смертоносныя на себя предвоспріимать намѣренія. По чему вамъ знать, можетъ быть что и вы къ равномужъ злоключенію приво́дите Поліарха, въ какое оный Пірамъ Тісбу свою́ не знаючи ввергъ? Подлинно, слышимъ что Поліарха нестало. Но коль много вѣсти лгутъ обыкновенно? Кто видѣлъ мертвое тѣло? Кто обагренный мечъ кровію? Можетъ быть, что онъ, теперь пребывая безопасенъ, и, презря непріятелей, въ радости, а услышавъ о вашей смерти, вашеюжъ раною ду́шу свою́ испуститъ. Извольте послать, которымъ бы о всемъ достовѣрнѣе развѣдать; и хотя для сего не лишайте себя жизни, чтобъ его, буде онъ живъ, не погубить. Аргеніда въ печальномъ смѣхѣ голову подняла: и, коль тщетною надеждою, говорила, крайнюю ты болѣзнь вдаль отводишь! Симъ вымысломъ подлинно ни себя, О! мать, ни также меня къ вѣроятію не преклоняешь. Однако, я сіе обѣщаю Поліарху, или лучше, богамъ, чтобъ не вѣрить слѣпо, о всеконечномъ исполненіи сего злоключенія: впрочемъ

съ

съ такимъ уговоромъ, чтобъ, когда истиннѣйшая о томъ получена будетъ вѣдомость, больше ты не препятствовала мнѣ, жизни и чувствъ имѣющей лишиться. О семъ началѣ обрадовавшись состарѣлая оная женщина, [которая твердо была увѣрена, что жестокихъ въ печали намѣреній при первомъ устремленіи надлежитъ бояться; а когда они продолженіе времени терпѣть начнутъ, то сами собою исчезаютъ] клятвенное обѣщаніе дать ея принудила; такъ что всѣми богами и богинями, но наибольше приставнымъ Поліарховымъ духомъ, присягу, утверждаемую отъ Аргениды, напередъ ей сама говорила, тоесть, что она чрезъ оба послѣдующіи дня ничемъ, что ни моглабъ между тѣмъ услышать, и о чемъ бы совершенно ни удостовѣрена была, жизни своея повреждать не имѣетъ. По́слѣ какъ согласилась Царевна, и по Селеніссинымъ словамъ клятвою обязалась; то престарѣлая жена стала ей говорить, чтобъ она паки изволила волосы свои́ убрать; сіежъ для того, чтобъ кто не догадался толь о тайной ея печали. И хотя чрезмѣрная была красота въ Аргенидѣ; однако великодушіе еще въ ней ту превосходило. Тогоради, преодолѣла она стена-

стенанія; и тотчасъ появился на ея лицѣ румянецъ, который у нея прежде печали игралъ, кромѣ только того, что очи ея красны были: да и сей недостатокъ она нѣсколько исправила, умывшись холодною водою.

VIII.

32.

Еще приходила она въ состояніе, и въ радость лице претворяла, когда одна изъ рабынь у дверей стучалась, и увѣдомила, что ужé Царь почитай изволилъ вступить въ зáмокъ. Тотчасъ Аргеніда, будтобъ иное что дѣлала, въ комнаты свои возвратилась, еще и радоснѣйшимъ лицемъ, нежели какое сходствовало съ тогдашними случаями. Сіежъ или для того, чтобъ не здѣлать подозрѣнія о своей печали, или чтобъ, при борьбѣ притворности съ болѣзнію, всѣ словá и поступки свои въ надлежащую привесть умѣренность. Вышедши оттуду, опричными, тоесть тѣлохранителями была принята, которыи недалеко стояли; а потóмъ идучи срединою двора, до самыхъ она дошла ворóтъ. Недалеко былъ и Царь, который

на колѣна

на колѣна припадающую ея, и правую у него цѣлующую руку подъимая, да и тихонько по лицу трепля своею рукою, спросилъ, въ добромъ ли она здоровьѣ, и совокупно говорилъ, что она очень худа и блѣдна стала, такъ что въ страхѣ отъ войны, красоты своея нѣсколько лишилась. Но она отвѣтствовала, что усердіе того требовало, чтобъ хотя, когда Родитель и Государь въ полки́ отправился, доброжеланіемъ къ нему, и попеченіемъ объ немъ, туда его препровождать: а отъ сего получившій случай къ слезамъ, которые у нея непрестанно потокомъ въ очахъ стояли, нѣсколько проплакала. Царь повелѣваетъ ей не печалиться, но великодушествовать: ибо услышали боги ихъ молитву. Тогоради, да придетъ она, въ сіе спокойное время, въ первую своего лица́ лѣпоту, которыя лишилась во время смятенія. Народъ кругóмъ ихъ обсталъ, не меньше Аргенідину красоту и добродѣтель, коль и Мелеандрову старость почитая: ибо Аргеніда толь чинно ко всѣмъ лице свое обращала, очами на всѣхъ взглядывала, и во всѣ стóроны смотрѣла, что какъ народъ, учтивствомъ ея будучи уловленъ, не переставалъ восклицать, такъ и изъ

многаго числа́ знатныхъ особъ, ни единъ не дознал ъ, чтобъ онъ былъ отъ нея презрѣнъ, или обойденъ.

33.

Кланяющихся и прошенія подающихъ множествомъ Царь будучи окруженъ, нѣсколько времени промедлилъ стоя́ на дворѣ. Находился тутъ источникъ, не больше водою знаменитый, сколько искуснаго художества истуканами, о которыхъ сказываютъ, что Дедалъ, будучи въ гостяхъ у Коккала, всѣ собственною своею работою въ оное привелъ совершенство. Во́ды, быючи столькожъ высоко, съ коликія высоты онѣ пущены были, чрезъ разные трубы, и разными видами играли; да и тотчасъ въ подверженную лахань упадая, кипѣли самымъ шумомъ паденія, и показывали въ себѣ цвѣтъ подобный морскому. Посрединѣ Галатея, буттобъ въ морѣ стоя́, плакала объ умершемъ недавно А́цісѣ, который лежалъ на берегу, и, какъ бутто на́чалъ онъ превращаться въ рѣку, два потока изъ устъ и изъ раны пускалъ. Близко отъ оныя воды́ стоялъ свирѣпый истуканъ, изображающій Поліфема, кой другимъ

гимъ камнемъ хотѣлъ убить Галатею; и совокупно притомъ слушалъ ея негодованіе изъявленное слѣдующими стіхами, которыи художникъ на подлежащемъ вырѣзалъ марморѣ:

Жеще ты камня . . . куда мой Ацісъ теперь убѣгаетъ!
Лѣса всего дичай, О! Поліфемъ, твоего.
Дерзость не пройдетъ, что ты, Богъ праведно все рассуждаетъ,
Красныя жизни лишилъ юношу злобно сего.
Будетъ самъ Ацісъ богъ; и рѣкою будетъ жить вѣчно.
Что учинишь? Сія грозъ не боится вода.
Сердце источникъ уже; все льется ручьемъ скоротечно:
Ацісову въ струяхъ знать бѣлизну безъ труда.
Кудри, помня себя, кругомъ и въ потокѣ вертятся,
Также барашкомъ волна вьется и близъ береговъ.
Въ жилахъ синѣющихъ, зло! багряные краски не зрятся;
Толькожъ въ холодной крови не озябаетъ любовь.
Ацісъ бѣжитъ мой куда? куда вы плѣча и рѹки!
О! коль дорого мнѣ новаго бога имѣть.
Ахъ! отъ раны престалъ онъ смертныхъ чувствовать скуки,
Чувствуя, что ему въ ликѣ бессмертныхъ сидѣть.

34.

Смотря на сіе Аргеніда, вспамятовала о Поліарховой погибели. И какъ Царь медлилъ еще для встрѣчающихся съ нимъ; въ то время въ уединенной пребывала болѣзни. 10 была она сама себѣ Галатея; о лучшемъ Ацісѣ плакала. Но ктожъ бы оный Поліфемъ? И хотя она

тѣмъ называла Лікогена; однако и о Царевой винѣ не хотя припоминала. Между тѣмъ въ палаты ужé вошли: тогда всѣ знатные особы для оддохновенія разошлись, и токмо что одни комнатныхъ должностей слуги съ Мелеандромъ остались. Пріятно было Царю оное уединеніе, въ которомъ онъ и отъ сихъ прочихъ служителей удалившись съ Аргенідою, говорилъ: ваши лѣта и полъ, любезная моя́ дочь, не долженствовалибъ васъ допускать къ совѣтамъ государственныхъ дѣлъ; ежелибъ васъ наука и природа не здѣлала способною ко всему великому: а сверьхъ того, хотя вы и дѣвица, однако на васъ точно утверждается Сіцілійское благополучіе. Тогоради, привыкайте, пока я живъ, къ онымъ попеченіямъ, безъ которыхъ Царское достоинство состоять не можетъ; и притомъ, а сіе главнѣйшее есть во всякомъ Государѣ, научитесь молчать. Въ пребездѣльномъ мы состояніи, Аргеніда, находимся нынѣ; развѣ токмо такъ мы станемъ претерпѣвать обиды, что бутптобъ мы ихъ не чувствовали. Ибо, ежели подъ тягостію, которая насъ давитъ, подгибаться не захотимъ; то можетъ быть нá-двое она переломитъ насъ. Извѣсно

вамъ,

вамъ, что Лїкогенъ мнѣ измѣнилъ: также и что многїи городы взбунтовались. Но поистиннѣ, больше еще мнѣ вреда дѣлаютъ, которыи неотступно при мнѣ пребываютъ, имѣя участїе во всѣхъ моихъ совѣтахъ, и справедливѣе какъ невольника меня, нежели какъ Государя охраняя. Сраженїе, которое мы недавно имѣли, казалось бы дать знать Лїкогену, сколько я силенъ. Побѣжденъ онъ, и ежелибъ, по щастїю его, ночь не застигла, тобъ ни въ шанцахъ ему отъ моихъ не оборониться. Сїе видя многїи изъ оныхъ знатныхъ, которыи при мнѣ находились, и о намѣренїяхъ моихъ свѣдомы были, больше уже себя скрывать не могли. Кричали они, что надобно миръ заключить; и что самая сильная народа часть къ Лїкогену передалась: чего ради о семъ токмо сомнѣваются отцеубїйцы, что полезнѣе ль ихъ сохранить, или пришедшихъ въ отчаянїе на взаимную возбудить пагубу. Притомъ и самого уже Лїкогена извинять дерзали: ибо и онъ однимъ только сраженїемъ побѣжденъ, а не цѣлою войною. Сверьхъ же того, нѣтъ ни малыя пользы, чтобъ его совсѣмъ погубить. Ибо какими глазами Сїцїлїане будутъ на тѣхъ смотрѣть, которыибъ утѣху ихъ

истребили. Тогоради, сильнѣе сталибъ онѝ сопротивляться, отмщевая за убіенíе его, нежели стояли за славу здравствующаго. Изъ всего сего слѣдуетъ, что не надлежитъ мнѣ опускать времени, когда ужé на сраженіи моя́ стала побѣда, длятого что поданный гражданамъ миръ, за благодѣянíе себѣ отъ меня почитать они имѣютъ. Откровенно сказать, Аргенíда: весьма я больше сихъ голосовъ убоялся, нежели когда стоялъ въ полѣ ополченъ противъ Лікогена. Ясно я видѣлъ, что достоинство мое предается: а еслибъ я въ обманъ не похотѣлъ отдаться; тобъ впредь еще больше зла принужденъ я былъ бояться. Ради васъ я здѣлалъ, любезная моя́ дочь, чтобъ, какимъ ни есть миромъ, царство мнѣ удержать лучше при себѣ, нежелибъ наслѣдства васъ лишить упорнымъ защищенíемъ Величества. Но они и договорныхъ статей не дождались отъ меня Государя и побѣдителя. Оные отъ Лікогена присланы были, которыхъ сила въ слѣдующемъ состояла: Мелеандръ Царь да владѣетъ самодержавно Сіцíліею. Лікогенъ при немъ да будетъ непремѣнно въ милости и на тойже степени, на которой онъ былъ понынѣ. Емужъ какъ надъ

моремъ,

моремъ, такъ и надъ всѣмъ Сиракусскимъ предѣломъ власть да поручится. Эрбесъ и Гераклею городы, со всѣмъ городовымъ войскомъ, да имѣетъ онъ въ залогъ вѣрности. Сверьхъ всего сего включили они и такой договоръ, по силѣ котораго не вольно воспоминать впредь объ учиненныхъ обидахъ, и никакимъ судомъ за то, что во время сихъ смятеній ни́-было, не мстить всеконечно.

35.

Не прилично было моему достоинству, Аргеніда, принимать договоры о мирномъ заключеніи; но и не принять ихъ, нещасливое мое состояніе не допускало. Пребывающему мнѣ о семъ въ великомъ сомнѣніи, Іббурранъ и Дуналбій весьма дѣйствительную услугу здѣлали, чтобъ не казалось, что я непристойнымъ образомъ Величеству моему въ чемъ поступилъ. Совершенно я зналъ, что священные митры, которыми они въ божескихъ украшаются храмахъ, весьма къ тому приличны, такъ что бутто по са́мой ихъ должности надлежало имъ къ согласію приводить воюющихъ: ктомужъ, и больше имъ повѣрено будетъ, [ибо чужестранныи

ныи они оба] когда изъ своихъ мѣстъ за посредственниковъ къ намъ прибыть имѣютъ. Были они тогда въ Панормѣ; а получивши пи́сьма, которыя къ нимъ весьма я написалъ глухо, лехко выразумѣли, чего я хотѣлъ. Тогоради, что они ко мнѣ, то къ Лікогену перебѣжжая, будтобъ не по нашей охотѣ къ тому насъ принудили, чего мы наибольше желали. Симъ образомъ согласился я на договоры, которыи преднаписалъ Лікогенъ; выключая токмо сіе, чтобъ ему не больше двухъ полковъ имѣть городоваго войска въ Эрбесѣ и въ Гераклеѣ. Сіежъ длятого особливо я выключалъ, чтобъ онъ, подъ видомъ городовыхъ полковъ, не ввелъ туда цѣлаго войска, противъ меняжъ, при способномъ случаѣ, выходить имѣющаго; и притомъ, чтобъ не увидѣлъ онъ моея тихости, способно со всею непріятельскою соглашающіяся волею. Сіе повелѣлъ я посламъ, чтобъ они Лікогену возвѣстили; и ежели ему будетъ угодно, чтобъ имъ къ намъ назавтрѣе возвратиться. Не́ было съ ихъ стороны́ ни малаго замедлѣнія. Но ко мнѣ ѣдущихъ печальный случай оскорбилъ: съ Поліархомъ они съѣхались. Одеревѣнѣла Аргеніда, услышавши припомянутое имя.

Но

Но чтобъ смятенiе взволновавшееся на лицѣ утаить, нарочно толь превеликiй возбудила ка́шель, что которая блѣдность и краска начали уже́ по немъ разливаться, тѣ лехко вырвавшемуся изъ внутренностей ду́ху приписать можно было.

36.

Долго ожидалъ ея Мелеандръ. А когда нѣсколько она утишилась; тогда, пребездѣльнымъ устремленiемъ, паки говорилъ онъ, на пословъ Лiкогеновыхъ напалъ Полiархъ. Не извѣсно, съ умыслаль, или по невѣденiю. Однако, употребилъ и оружiе; и три человѣка на ономъ бою отъ него убиты. Двое токмо остались живы, которыи съ несказаннымъ поспѣшенiемъ ко мнѣ прибѣжали. Сiи начали все приводить въ замѣшательство; рыдать о недостойной пагубѣ таварыщевъ своихъ; и такъ вѣрность мою порицать, что почитай уже́ злодѣйство на меня взводили. Я, какъ возможно скоряе, созвавъ знатныхъ людей на совѣтъ, и о дѣлѣ имъ предложивъ, увидѣлъ, что уже́ не одни послы виноватымъ меня почитали. Многiи изъ моихъ прежестокими

на меня жалобами единомысленниковъ ихъ наполнили. Вопль ихъ вкратцѣ въ слѣдующемъ состоялъ: Надлежитъ оддать Поліарха къ наказанію, дабы всѣ обще не подумали, что онъ нарочно посланъ отъ меня, и, надѣющихся на мою́ вѣрность, убилъ. Должно ему не лехче, какъ головою своею заплатить за толикую продерзость. Сіе они говорили больше мнѣ повелѣвая, нежели совѣтуя. Но не допускали превеликіе ко мнѣ заслуги отъ Поліарха, который сражаясь побѣдителемъ меня здѣлалъ. Съ другой стороны́, извѣсная его добродѣтель не подавала причины къ подозрѣнію, чтобъ онъ могъ толь бесчесное злодѣяніе учинить. Клеобулу, Эврімеду, и всѣмъ прочимъ, которыи въ совѣтѣ добрыи люди были, невѣроятнымъ казалось толь злое дѣло. Рассуждали они, что надобно обвиняемаго самого спросить, который лехко отъ клеветы оправдаться можетъ. Того ради, я подтверждаю, что имѣю послать, которыибъ ему на судъ стать объявили. былобъ сіе новое, и не имѣющее обрасца, ежелибъ не слушавъ оправданія осудить его. Услышавъ сіе непріятели, зляе разгорѣлись, и кричали, что отнимается Поліархъ отъ должныя

казни

ка́зни, тѣмъ что я мстить ему, вдаль откладываю. Можетъ ли онъ по толикомъ злодѣйствѣ, кромѣ токмо что силою и по неволѣ, самъ уже́ явиться? Но напротивъ того, еще и уѣдетъ изъ о́строва, ежели не будетъ задержанъ, и станетъ въ отечествѣ своемъ величаться, что коль онъ лехко насмѣялся Сіціліи. Когдажъ меня непрестанно уже́ непорядочнымъ требованіемъ раздражали они; то я спросилъ, чтожъ бы дѣлать надлежало? Ибо нѣтъ влицахъ Поліарха; а на отсутствующаго всуе казнь опредѣлять. Голосъ у нихъ у всѣхъ одинъ былъ, а именно, бѣжаніе его должно предупредить; сіе здѣлаться лехкобъ могло, еслибъ я повелѣлъ нощными огнями дать знакъ сей ча́сти государства: симъ способомъ, когда уже́ заперты будутъ всѣ пристани, онъ какъ подъ карауломъ задержанъ быть имѣетъ, и будетъ всѣмъ чужестраннымъ въ образецъ, что злодѣйство, гдѣбъ оно ни могло здѣлаться, вездѣ не можетъ пробыть безъ ка́зни. Я запотребно нашелъ, Аргеніда, думая, что спасительнѣе будетъ Поліарху, чтобъ мнѣ подтвердить исканіе онымъ способомъ, для того особливо, дабы, отказавъ отъ мщенія, сами они собою не

от-

отмстили ему разъярившись. Ибо, когда безвреденъ и станетъ онъ на судъ; то многое случитьсябъ могло, что его у неистовящихся бы вырвало. Тогоради въ первую ночь на курганахъ огни, чтобъ его сыскать, засвѣчены всюду; а мнѣ въ той горести утѣшенїемъ было, что всѣ обще военныи люди непрїятно слышали объ его напасти. Но ожидающему лучшаго, на другой день поутру явился мнѣ Тїмонїдъ, и первый увѣдомилъ меня о превеликой печали, именножъ, что погибъ Полїархъ. Не могла Аргенїда преодолѣть болѣзни; но весьма тяшко восстенавши, сперва на колѣна упала, и тотчасъ, какъ издыхающая, на полу́ распростерлась. Закричалъ Мелеандръ: а когда ближнїи збѣжались; то дѣвицы на рукахъ отнесли ея и положили на ложе. Пото́мъ, когда спрыснули ей лице водою, и растегали одежду; то свободнѣйшее дыханїе удержало потъ. Спрашивалъ Мелеандръ у Селенїссы, чтобъ то за скорбь была, и впервыель дочери его она приключилась: ибо онъ, во время своихъ разговоровъ съ нею, примѣтилъ знаки слабаго ея здоровья, а именно, неспокойныи глаза́, и часто заблуждающїи: также и въ лицѣ она многажды измѣнялась

нялась

нялась. Селенісса искусно утаевала; и доносила, что уже́ два-дни, какъ она худо стала кушать: чего ради думаетъ, что не большая лихоратка къ ней прикачнулась. Однако по опыту можетъ увѣрить, что сей ослабѣвшаго се́рдца ознобъ въ Аргенідѣ не долго пробудетъ, такъ что не должно бояться тяшчайшаго зла.

37.

Когда они о семъ рассуждали; между тѣмъ пи́сьма Царю отъ Лікогена вручаются, которыми онъ объявлялъ ему, что самъ немедлѣнно прибудетъ, дабы въ Палладиномъ храмѣ [ибо Царь его за святѣйшій почиталъ] клятвою миръ утвердить. И ежели Царю угодно будетъ; то онъ завтра и имѣетъ прибыть. Царь его взаимно увѣдомить повелѣваетъ, что то ему безмѣрно угодно; и да будетъ тому также извѣсно, что онъ его въ завтрешній день ожидаетъ. Отправивши присланнаго, Эврімеда къ себѣ призываетъ; человѣка всегда храбраго и щасливаго. Ибо, сей будучи еще молодъ, при Олімпіи бѣганіемъ однажды, а вторично на Істмійческихъ играхъ борьбою, увѣнчалъ свое

отечество

отечество масличинными вѣтьвями и цвѣтною петрушкою. Онъ былъ не изъ многихъ Царю любимый, въ опричныхъ или Царскія стра́жи полкахъ онъ же главный, и всегда въ той крѣпости правитель, или въ томъ городѣ, въ который бы Царь ни изволилъ войти; а во время настоящія войны, вѣрность непоколебимую показывалъ. Сему Царь надлежащіи приказы отдалъ, и наказалъ, чтобъ осторожнѣе въ ту ночь стояли караулы; чтобъ полка́мъ, которыхъ вѣрность не подозрительна была, расположиться по отводнымъ мѣстамъ; а часовыхъ бы число умножить вдвое: притомъ прилѣжно надобно смотрѣть, чтобъ чего Лікогенъ прибытіемъ своимъ не замутилъ, для того что онъ пріѣжжаетъ ко дворцу не больше въ надѣяніи на поставленный миръ, сколько безопасенъ силами своея стороны́. По́слѣ какъ отдалъ онъ сіи приказы, понеже Аргенідѣ лучше уже́ стало, то въ столовой ея изволилъ тогда ужинать; чтобъ тамъ [какъ кротчайшаго духа былъ Государь] сокрушенное печалію сердце нѣсколько облегчить. Всю оставшуюся ночь, сколько попеченія допускали, въ опочиваніи препроводилъ. Но Аргеніду между тѣмъ сердечная бо-

лѣзнь по недостойнымъ и ужаснымъ намѣреніямъ водила. Равнымъ образомъ и Поліархъ не спокойно и не безопасно въ тужъ ночь пребылъ: ибо въ Тімоклеиномъ домѣ новая буря кипѣла.

IX.

38.

Когда Геланоръ расстался съ Арсідою; то прямо къ Тімоклеину дому отправился. Тамъ, при ея челядинцахъ, мнимую господина своего смерть хитро оплакалъ. Госпожа, будто увѣряясь, умышленножъ, всей оной повѣсти, спросила при-людяхъ своихъ Геланора, чтобъ за кончина приключилась Поліарху: онъ знающей о всемъ, вольняе лгалъ. Пришелъ къ нимъ же и Архомбротъ, и притворною искусно печалію голосъ свой и лице перемѣнилъ. Прибылъ между тѣмъ и Арсіда; о которомъ, какъ въ гости пришедшемъ, когда сказано Тімоклеѣ: то тотчасъ сама въ сѣни выбѣжала. Онъ извинялся, что, въ крайнемъ надѣяніи на ея пріятство, въ домъ ея съ дороги заѣхалъ; а госпожа, сіе самое милостію къ себѣ называя, благодарила ему: потомъ вошли въ по-

кои ,

кои, и тотчасъ подошли къ Архомброту, которому Арсіда самъ прежде, какъ чужестранному, на́чалъ поздравляя кланяться. Время тогда обѣда было, который Сіциліане, весьма превосходя прочихъ Грековъ лакомство, пріуготовляли. И какъ уже́ встали изъ-за стола, а слуги всѣ отлучились сами обѣдать же, такъ что они одни съ Тімоклеею остались; тогда говорила она: знаю, Государь мой Арсіда, что вы изволили пожаловать ко мнѣ на усердную должность. Поліарха, хотя онъ и въ напасти обрѣтается, ищете и любите. Подлинно у меня онъ, какъ то уже́ вамъ и Геланоръ сказалъ. Но отъ чего нещастіе сіе его постигло; я теперь васъ не спрашиваю, длятого что при немъ само́мъ лучше отъ васъ могу услышать. Тогда Арсіда: боги, говорилъ, да сохранятъ въ молчаніи нынѣ наше дѣло! Съ другой стороны́, что мы нынѣ, Государыня моя́, въ тайнѣ отправляемъ; того никакой вѣкъ не умолчитъ. Но дому вашего благополучіе на обѣ клонится стороны: ибо ежели онъ вѣрность сохранитъ, ежели превеликій оный добродѣтели залогъ возвратитъ, когда будетъ безопасно, міру; то больше, нежели Сатурновъ Лацій, у по-

томковъ

потомковъ заслужитъ себѣ почтенія. Но напротивъ того, буде прознаменованіе могилы имѣетъ себѣ здѣсь подъ землею Поліархъ; то опорочены будутъ зданія ваши: и сколько ни сказывается страшилищъ въ Сіціли, тѣ всѣ въ пещерахъ сихъ, въ сихъ Плутоновыхъ вертепахъ, народное найдетъ ругательство.

39.

Свѣча была приготовлена: сію засвѣтивши Тімоклеа, предъ идущими ими къ Поліарху сама шла. Недолго они въ оныхъ тайникахъ еще были, какъ уже и усмотрѣли, что Поліархъ вставалъ съ постели, который приходящихъ свѣтомъ былъ поднятъ. Сей, увидѣвъ Арсіду, и прочихъ торопясь поздравивъ, напалъ къ нему на шею. Началъ потомъ то дружескую похвалять въ немъ вѣрность, то иногда спрашивать, узнаетъ ли онъ кроющагося и осужденнаго Поліарха? И притомъ говорилъ: изволитель видѣть сію госпожу? Ежели сіи тайники мнѣ будутъ въ бесчестіе; то вины своея ничемъ она загладить не можетъ: но буде сіе укрываніе здѣлается во спасеніе моей головѣ; то самимъ собою ей одолженъ быть имѣю. При-

нудила, чтобъ я всеконечно у нея пробылъ во время сего вихря. Прошужъ сказать, Государь мой, какимъ согрѣшеніемъ заслужилъ я въ Сіциліи проклятою быть жертвою? Или Царь изъ Мелеандра Церціономъ, иль бузірідомъ здѣлался? Или также вы Сіциліане имѣете кумиръ Таврическія Діаны, и гостей кровію огорченную богиню умилостивляете? На сіе Арсіда, прежде не мало о Мелеандровыхъ дѣлахъ сожалѣвши, донесъ подробно, сколько смятенія, на подобіе бунта, въ Царскій военный станъ внесли Лікогеновы послы, и съ ними нѣкоторыи изъ знатныхъ невѣрныи Мелеандру. Толикимъ зломъ преодолѣнъ будучи Царь, понеже до явнаго уже́ возмущенія доходило, и разносилось, что Поліархъ готовится бѣжать съ о́строва, позволилъ, чтобъ зажечь всенародныи огни. Поліархъ съ великимъ негодованіемъ Арсіду слушалъ, и часто устремляясь, и переступая по перемѣнно ногами, былъ подобенъ такому, который нѣчто хочетъ говорить; а когда уже́ тотъ перестал, то онъ схвативши Тімоклею за́-руку: вами, говорилъ, свидѣтельствуюсь. [Ибо хотя на всякомъ мѣстѣ пребываютъ боги; однако, ложно именемъ ихъ кленущихся, не всегда погубля-

погубляютъ, ни тотчасъ также споспѣшествуютъ, когда и законно бываютъ призываемы] Васъ, говорю я, Государыня моя́, свидѣтельницею поставляю. Вы были при томъ дѣлѣ; вы видѣли меня сражающагося. Учинилъ ли я какое коварство? и искалъ ли, чтобъ мнѣ было съ кѣмъ биться? Нечаянно сами они напали. И посему, мнѣ отъ нихъ или погибнуть надлежало, или, когда я побѣдилъ, надобно стало поднять на меня всю Сіцілію? Что то за вымышленная клевета? Я былъ одинъ, а за мною, самая слабая на сраженіяхъ по́мощь, женщина слѣдовала: притомъ, ея челядинцы, и мой отпущеникъ въ спокойномъ, какъ думалось, лѣсу напередъ уѣхали, такъ что ни шумъ сражающихся до нихъ не дошелъ. Къ чемужъ уже́ бѣднѣйшаго Царя нещастіе привело? Какъ? отъ злоумышленниковъ и бунтовщиковъ посланныхъ, равно какъ прямыхъ пословъ почитать? Своихъ кровь приносить въ жертву похотѣнію непріятелей? И собственную свою́ славу пренебрегать, не уничтожая лютѣйшихъ непріятельскихъ желаній?

40.

Многое, что печаль и совѣсть приводила на умъ Поліарху расширяющему, Арсіда сомнѣваться запрещаетъ о всенародной славѣ. Всѣ говорятъ, кромѣ тѣхъ, кои отъ Лікогена задобрены, что мало находится толь храбрыхъ людей: ибо одинъ, и къ пути, а не къ сраженію изготовившійся, отъ нападшихъ рукъ отбился, и еще ихъ самихъ побѣдилъ: надъ жалобами ихъ съ великимъ наруганіемъ смѣются всѣ военныи люди, что пятеро, или еще и больше, отъ одного токмо разбиты. Но о другомъ теперь надлежитъ думать, Государь мой. Не достойна есть, въ нынѣшнемъ состояніи, мужества и добродѣтели вашея Сіцилія. Благоволите выѣхать изъ нея на время. Здѣлайте сіе для Царя, чтобъ онъ нé былъ принужденъ или бѣдственною своимъ дѣламъ святостію васъ защищать, или, съ погрѣшеніемъ своимъ неприятелямъ выдать. Понынѣ толь еще онъ предъ вами виноватъ, что можетъ себя оправдить. За убійство на судѣ или нá-смерть осуждать, или дѣлать невиннымъ толь есть обыкновенно, что, какъ сказываютъ, и самъ Марсъ, за убитаго

отъ

отъ себя Галлїротїя, на Ареопагѣ принужденъ былъ отвѣтствовать. Ежелибъ можно было надѣяться, что безопасный и законный будетъ судъ; тобъ я первый совѣтовалъ, чтобъ вы, Государь мой, немедлѣнно противъ доносителей стали. Впрочемъ, ничего больше на васъ и не опредѣлено, какъ только, чтобъ вамъ къ судьямъ явиться. Дѣло идетъ къ нимъ, въ которомъ и не справедливымъ должны вы отвѣтствовать. Но ненависть и непрїятельское нечестїе не будутъ ждать судейскаго рѣшенія: коварствомъ, или явною наглостїю исполнятъ свое злодѣйство. Ужасаюсь выговорить: извольте выѣхать, Государь мой. Попустите, чтобъ сему острову не всеконечно быть злодѣйственному. Полїархъ отвѣтствовалъ, что онъ, буде возможно, выѣхать твердо намѣренъ: ибо ничего меньше, по толикихъ его благодѣянїяхъ, кромѣ спокойнаго отъѣзда, неблагодарнѣйшая земля дать ему не можетъ. На Царя, весьма предъ нимъ виноватаго, для того онъ не столько сердится, понеже видитъ, что самое нещастїе его наказываетъ, къ великому удовольствїю непрїятелей.

41.

Потóмъ, нáчали они всѣ рассуждать, какимъ бы способомъ безопаснѣе выѣхать онъ могъ изъ óстрова. Положили, чтобъ перерядиться ему въ поселянское платье. Арсíда былъ женатъ на Бруцíанкѣ: тогоради можно сему изъ Мессаны къ тестю своему безъ подозрѣнія перевезть. Онъ и обѣщался поставить Полíарха въ Італію въ своемъ суднѣ. Притомъ говорила Тíмоклеа, что есть у нея способъ, которымъ бѣгущаго лице, съ преизрядною хитростію, перемѣнить можно. былъ, продолжала она, въ Панормíтанскихъ мѣстахъ нѣкоторый разбойникъ, кой, весьма хитрымъ вымысломъ, чрезъ долгое время отбывалъ отъ кáзни. Имѣлъ онъ у себя троякое лице, равно какъ о Герíонѣ нѣкоторые старухи въ скаскахъ расказываютъ. Выговоривши сíе, въ небольшомъ смѣхѣ остановилась, сколько при печальнѣйшемъ томъ случаѣ благопристойно было. Лѣта у того человѣка, говорила паки, среднія были; рѣткая и тонкая борода: но въ пазухѣ онъ носилъ двѣ личины такъ здѣланные, что при каждой было по бородѣ. Одна изъ сихъ свирѣпѣйшая, и наподобíе престарѣлыхъ людей сѣдая.

Другая

Другая черноватая, и по óбразу начинающагося мужества устроенная. Сіи личины толикимъ были сработаны искусствомъ, что никто притворнаго лица́ узнать, и никто обличить не могъ. Тогоради, иногда онъ старикомъ, иногда молодшимъ, а иногда съ прямымъ лицемъ показывался. Вымыслъ сей, то есть, перемѣнное лице, ворующаго его безъ всякаго опасенія не токмо отъ ка́зни, но и отъ подозрѣнія отводилъ чрезъ многое время. Ибо, учинивъ онъ злодѣйство въ молодомъ лицѣ, тотчасъ старикомъ попадался ищущимъ; и равно обманывалъ молодаго человѣка видомъ, будебъ подъ сѣдыми волосами что своровалъ. Отецъ мой тогда Мѣстоначальникомъ былъ въ оной ча́сти государства, который, претерпѣвая долго досаду отъ хитрости пребездѣльнѣйшаго Хамелеонта, наконецъ поиманнаго его совершеннно заслуженною казнію колесовалъ. Но удивляясь обмана вымыслу, толь съ прямою природою сходствующему, велѣлъ оные личины у себя хранить. Ежели угодно, то я ихъ принесу; и нарядимъ въ нихъ Поліарха.

42.

И не дождалась, чтобъ кто изъ нихъ попросилъ ея о томъ, но сама пошла изъ пещеры; а недолго медливши, принесла оныя два подобія, именножъ, молодости и старости. Изъ сихъ одно когда они наложили на Поліарха, но гнѣвающагося, что нужда ему пришла, для спасенія своего, въ чужихъ и воровскихъ лицахъ; то такъ онъ сталъ иной, что и самую Аргеніду могъ бы обмануть. Хитрость сію, толь кстати нашедшуюся похваливши всѣ, просятъ не отступно Поліарха, чтобъ онъ благоволилъ употребить ея. Тімоклеа обѣщалась и приличное еще платье въ наступающую принесть ночь. Ибо надлежитъ Поліарху, въ сихъ тайникахъ, быть въ незнакомомъ одѣяніи, для того что, ежелибъ кто сюда зашелъ ненарочно, тобъ ему на ближайшія поля́, безъ всякаго опасенія о томъ, чтобъ его узнали, выбѣжать можно было. И уже́ хотѣли они отъ него пойти; тогда Арсіду Поліархъ отзываетъ, извиняясь Архомброту и Тімоклеѣ, что онъ съ нимъ нѣчто тайное поговорить хочетъ. Особному сему разговору причина была, что изъ вѣрнѣйшихъ вѣрнѣйшій оный

другъ зналъ о крайней дружбѣ, которую Поліархъ имѣлъ съ Аргенідою. Того ради, всѣми силами онъ его проситъ, чтобъ, какъ возможно скоряе, изволилъ тотъ пойти къ Аргенідѣ: ибо онъ весьма больше о Царевнѣ, нежели о себѣ печалится. Знаетъ, что она объ его напасти безмѣрно сокрушится; чтожъ, когда ужé разгласилось о смерти? Печальнѣйшею вѣдомостію обманувшись, можетъ она съ любви предпріять прежестокія и смертоносныя намѣренія. Да пойдетъ къ ней Арсіда; и сокрушающуюся да утѣшитъ: чтобъ она не изволила плакать о здравствующемъ. Ежели боги даруютъ сему благополучный успѣхъ; то въ Італіи имѣетъ онъ ожидать ея повелѣній: или, буде угодно ей будетъ приказать, и тогда къ ней, какимъ бы то способомъ, и коль бы ни бѣдственнымъ могло случиться, не преминетъ онъ прибыть. Больше говорить, какъ времени ужé не-было, такъ онъ и Арсіду не могъ просить. Ибо тотъ услужить ему въ томъ непреминуемо и всеконечно обѣщавшись, а понеже поздо ужé было, то, по прошенію Тімоклеину, и по Поліархову совѣту, до утра путь свой отложилъ. Поужинавши, хотѣли они возвратиться къ Полі-

арху съ онымъ платьемъ, которое госпожа обѣщалась ему принесть. Сей между тѣмъ принесеннымъ отъ Тімоклеи кушаніемъ не весьма слатко насыщалъ себя: а чтобъ его отъ чувствованія настоящаго зла нѣсколько отвратить, шутилъ надъ нимъ въ то время Арсіда говоря: на что вамъ толь печалиться, прехрабрый мужъ, когда васъ пещера, когда перемѣнное платье отъ непріятелей укрыть можетъ? Вы одинъ, да еще и отъ многихъ бѣжите. Но боги всѣ, когда ихъ одинъ только Тіфонъ гналъ съ неба, бѣжать не постыдились; и можетъ быть чтобъ еще и уйти отъ него не могли, ежелибъ Египетъ мерсскихъ скотовъ видами трепещущихъ не укрылъ. Извольте послушать, съ коликимъ дерзновеніемъ Нікомпъ, искренній вашъ другъ, описывая ихъ страхъ, къ божескимъ лицамъ рыла и долгіе морды придѣлалъ. Потомъ подалъ книгу, въ коей была поезія о разныхъ содержаніяхъ; и уже при самомъ съ нимъ расставаніи слѣдующіи стихи, которыибъ ему прочесть, ногтемъ назначилъ.

Выше ужъ звѣздъ почитай, наставленны горы Тіфона
Какъ вознесли: страхъ напалъ на боговъ. Ни яркій Гремящу
Тутъ Перунъ не помогъ; ни стрѣлы мѣткіе Фебу.
Марсъ безоруженъ былъ; безъ Горгоны также Паллада:
Обнялъ

Обнялъ трепетъ сердца́, съ лицъ спали, кровь въ жилахъ застыла;
И на плѣненномъ всѣ небеси тамъ звѣзды блѣднѣли.
Хо́лмы свои вознося въ воздушномъ Атласъ морозѣ,
Сверьхъ и всѣхъ облаковъ поднявшись, досталъ онъ до неба;
И путь здѣлалъ богамъ къ землѣ: на тѣмя свѣтила
Принялъ, самъ твердо сталъ на поляхъ ногами Лївїйскихъ.
Такъ по широкимъ плеча́мъ, бородыжъ по свирѣпой сѣдинѣ,
И по холоднымъ его, отъ текущихъ источниковъ, членамъ
Съ неба збѣжали они. Но землѣ не вѣрьтежъ вы, боги:
Лютаго та весьма родила ошалѣвши Тїфона.
Равно какъ смирныхъ когда летучїй страхъ цѣлое стадо
Мучитъ бѣжанїемъ козъ: пребѣжавши пространное поле,
Вдругъ становятся онѣ по своемъ стремленїи рѣзвомъ,
Знакъ чтобъ услышать имъ, кой псы на вѣтеръ пускаютъ,
Коимъ или гласятъ завывая охотничьи роги:
Тотчасъ тогда бѣгутъ поспѣшая, гдѣ мѣсто густое
Видятъ онѣ въ лѣсу: страхъ ложный слѣдуетъ съ ними,
Слышанно также все напа́сти подобїе купно.
Равно такъ сами по всей разбѣгаются боги вселенной:
Нѣтъ надежды нигдѣ. По горамъ скитаются бѣдны,
То по болотамъ, степямъ, не довольно тьмы въ дикихъ вертепахъ.
Есть страна, гдѣ Нїлъ, не зная родимаго мѣста,
Падаетъ, на́-семь частей раздѣлившись, усьями въ море:
Ежели правда, то тамъ сперва родились человѣки,
Также увидѣли свѣтъ, для того что тѣ жаркїе зе́мли
Солнцемъ скоряе могли ожививть безобразную глину.
Къ скрытїю имъ та земля полюбилась: боговъ тутъ усталый
Спрятался полкъ въ берега́ крутояры струистаго Нїла.
Боги лѣсныи тудажъ, и богини за ними збѣжались;
Вся и прочихъ артѣль число прїумножила тамже.
Близко отъ мѣста того, ни о чемъ не зная, паслися
Овцы въ стадѣ своемъ, и знакъ услышавъ свирѣлкинъ,

Шли

Шли совокупно съ покоемъ въ свои деревенски загоны;
Рѣзвы агняшки сосцовъ просили играючи полныхъ.
Сихъ усмотрѣлъ тогда, оглядѣлъ и каждую тайно
Юпітеръ, и взговорилъ: щаслива скотина! Гремящій
Я въ великой бѣдѣ; не боится Тїфона то стадо?
Прочь великость моя, и власть ненависная обще;
Малость въ покоѣ когда пребываетъ. Сказавъ то, и топчасъ
Бѣлыя шерсти облекъ на себя густоросу овчину,
Вотъ и кривыи рога утвердилъ на челѣ утаенномъ,
Коимъ небо обыкъ управлять, и землю, и тартаръ,
Миръ ли когда становилъ, воздвигалъ ли брань по предѣлу.
Шелъ наконецъ ужѣ блея притворно бараномъ;
Къ стадужъ тому присталъ, и [дивно Тїфонъ какъ обманутъ!]
Всѣхъ онъ овецъ обманулъ. Аполлїнъ похваливъ за догатку,
Началъ и самъ для себя вымышлять подобную хитрость.
Но убоявшись земли, полетѣлъ онъ ворономъ смѣлымъ;
Ужъ и взвился въ высоту, надѣясь на скорыя крыла:
Трижды кругомъ облетѣлъ боговъ, въ знакъ добрый, способно.
Ахъ стыдъ! увидѣли всѣ, и всѣжъ на прерывъ подражаютъ:
Въ разныхъ Мемфїцкихъ звѣрей превратившись по полю ходятъ;
Толькожъ со страхомъ въ себѣ. Не услышимый впрочемъ молебщикъ
Въ оное время чинитъ обѣтъ, и на жертвенникъ дары
Имъ возлагаетъ, въ огнѣ принося такъ тщетную жертву.

X.

43.

Между тѣмъ, Архомбротъ и Арсїда, въ Тїмоклеиномъ саду, еще прохладный

хладный вечеръ въ разныхъ разговорахъ препровождали; а примѣняясь къ Поліарху, о тѣхъ людяхъ слово у нихъ было, которыи разумомъ и мужествомъ превосходятъ, тоесть, что коль рѣтки драгоцѣнныи сіи Адаманты между человѣками, и коль часто презираемы бываютъ отъ такихъ, которыи къ рабству рождены, а однако по большой ча́сти благороднымъ и великодушнымъ повелѣваютъ. Когда они о семъ разговаривали; тогда толь воздвигся Арсіда сожалѣніемъ о добродѣтели, и презрѣніемъ къ настоящимъ случаямъ, что уже́ съ устремленіемъ рассуждалъ предлагая, что не токмо безъ зла и напасти не можно уничтожать предостойныхъ людей; но что еще и родъ вредительнѣйшаго въ томъ бесчеловѣчія, ежели ихъ не возвышать, и не ободрять государственнымъ награжденіемъ. Нынѣ, говорилъ онъ, наоборотъ Фортуна поступаетъ, такъ что у многихъ народовъ почитай то зна́комъ есть достоинства, буде которыи не допускаются ко дворцамъ, или въ нихъ уничтожены валяются. Толь много трусливыи, или еще и ва́рварскіи, благополучныхъ людей пороки любятъ обессиливать добродѣтель; буттобъ еще отъ того сильняе

они

они быть могли, ежели бѣдную и уничтоженную ея приведутъ въ попраніе. Архомбротъ, или побуждая благоразуміе Арсідино для своего наставленія, или защищая Царей, говорилъ, что и онъ врассужденіи Поліарха, гнушается толь чрезвычайнымъ Фортунинымъ самовольствомъ. Впрочемъ, не удивительно, что Государи, имѣя толь многія попеченія, и будучи толь великими расходами изнурены, иногда обходятъ людей совершенныхъ. Ибо многобъ ихъ нашлось, еслибъ достойнымъ надлежало быть въ отягощеніе прочимъ, и природныя ихъ дарованія изъ государственныя награждать казны. Съ другой стороны́, часто случается, что такихъ людей способность, которой толь мы теперь удивляемся, бесполезна Государямъ бываетъ, и не годна́ къ отправленію дѣлъ: равно какъ нѣкоторыи плоды, которыи хотя и безмѣрно лстятъ видъ, однако, ежелибъ ихъ вкусомъ отвѣдать, непріятнымъ, или еще и вредительнымъ сокомъ отвращаютъ хотѣніе отъ кушанія. Долго не хотѣлъ Арсіда отвѣтствовать, довольствуясь, что онъ не большимъ смѣхомъ отразилъ защищеніе сіе толь пребездѣльному обыкновенію, пока явно ему стало съ Архомбротова

лица́

лица́ [ибо онъ на него смотрѣлъ] что сей желаетъ мнѣнію своему возраженія. Вы изволите приводить, говорилъ, премногія попеченія Царей; будтобъ не особливому ему въ нихъ надлежало быть больше о томъ, чтобъ при себѣ имѣть людей, какихъ не весьма много нынѣшнія произвели времена, такъ что не знаю, на чей бы вы фанарикъ, ищущій на многонародномъ рынкѣ хотя ужъ одного только тако́ва, вину положить имѣли. Но, говорите вы еще, что расходовъ государство снесть не можетъ. О! рассужденіе, многозаботливаго благоразумія! тогоради, должно съ умѣренностію о ловлѣ птицъ стараться; стойла, какъ въ Сібарітанскомъ войскѣ, не толь учеными лошадьми наполнять; и не прибирать другаго охотничья пса на то мѣсто, будебъ одного котораго нибудь изъ нихъ вепрь зарѣзалъ. Всего сего, говорю я, не больше для прямаго Государямъ употребленія, или пользы, сколько для великолѣпія Величеству, отставить всячески не хотятъ; толикую казну на все сіе расточать, и толикое премножество недостойнѣйшихъ людей на казенномъ иждивеніи содержать угодно: а великодушныхъ и разумныхъ людей собрать къ себѣ, тяго-

сно

сно и убыточно казнѣ, рассуждаютъ. Для сего токмо жалѣніе казны на память приходитъ; отъ сего она теряется напрасно: но не лучшелъ поистиннѣ тратится путь разумъ, Государь мой. Изволитежъ положить, что и самъ Государь не любитъ ихъ содружества. Но тольколь мы одно то въ сокровище полагаемъ, что природному нашему пристрастію любо; а того туда не пріобщаемъ, которое цѣною своею тамъ быть заслужило? Впрочемъ, не въ такомъ бѣдномъ состояніи Государи находятся, чтобъ у нихъ еще, хотябъ они такихъ людей гнушались дружбою, илибъ хотя и боялись, не могло оставаться казны какъ отсутствующія, или какъ далеко спрятанныя. Но, Государь мой, о множествѣ такихъ людей не изволите печалиться: коль бы ни любопытнымъ выборомъ тщаться; однако весьма не много ихъ найдется. Какихъ же вы, подхватилъ Архомбротъ, въ оный совершенный отборъ изъ нихъ вносите? На сіе Арсіда: ежели пространнѣе, и не касаясь къ сему Поліархову случаю, о всемъ томъ рассуждать; тобъ я изъ онаго ни единыя высочайшія науки и художества не выключилъ. Пускай тотъ обученіемъ коней, другой

мечною

мечною битвою славенъ будетъ. Сіи пускай живописнымъ искусствомъ, или пѣніемъ, славное имя себѣ заслужили. Тѣ преузорочнымъ мастерствомъ палатнаго строенія да прославляются, или приведеніемъ водъ изъ источниковъ въ истуканы: словомъ, ежели есть еще какое другое художество само собою, или по обыкновенію вѣка, похвально. Всѣ сіи тотчасъ да будутъ наняты, и толь щедро, сколько они сами платы пожелаютъ, буде не можно дешевлѣ: ибо самое великолѣпіе жалованія прославлять имѣетъ художника, и искусство его выхвалять. Но я говорю о благородныхъ, и о такихъ, которыхъ не многихъ найти можно. Теперь, длячегобъ намъ ужé медлить, и не цѣнить высоко искусства, которое есть выше всѣхъ прочихъ, военнаго и мирнаго? тоесть, людей храбростію и науками знаменитыхъ? Однако, я не продерзость и не забіячество въ военномъ дѣлѣ, также и не простыхъ и обычайныхъ Музъ къ воздаянію сему призываю; но такихъ полководцовъ, которыи военное устремленіе съ разумомъ соединенное имѣютъ, или всегдашнимъ щастіемъ оное въ нихъ знаменито бываетъ: именножъ, такихъ особливо, которыхъ слава возлюбила,

военнымъ дѣламъ истинныи успѣхи суетнѣйшимъ прославленіемъ придающая. А изъ ученыхъ людей, толь всѣ они видны, что, развѣ не знающимъ, не можетъ быть не явно, что такихъ свѣтилъ, весьма не много, и что часто во всей вселенной меньше ихъ бываетъ числомъ своихъ девяти Музъ. Нѣкоторыи изъ сихъ и къ отправленію государственныхъ дѣлъ способны: но понеже симъ божескимъ благодѣяніемъ не умѣетъ общество пользоваться; то они въ простыхъ дѣлахъ состарѣваются, и отъ того ни употребленіемъ ни дѣлами сіянія не получаютъ. Прочіижъ, которыи къ однимъ родились книгамъ, однако сколько они нынѣшнему и будущему роду приносятъ пользы, понеже по сердцу или по благопріятству раздѣляютъ людямъ славу, и понеже любителей своихъ затвердѣлыми мнѣніями и толкомъ своея стороны́ напаяютъ, о семъ кто нарочно знать не хочетъ, тотъ достоинъ собственнымъ своимъ нещастіемъ испытать.

44.

Таковы мы съ природы, Государь мой, что каждый изъ насъ по своему

посту-

поступаетъ пристрастію. И потому, въ такомъ дѣлѣ, которое намъ пріятно, или въ коемъ мы сами упражняемся, превосходнымъ людямъ дивимся токмо. Изволитежъ въ вашемъ умѣ представить, что славнѣйшіи художествами, науками, и храбростію, [ибо въ семъ почитай только то состоитъ, къ чему мы наибольше склонны] какъ на одно небо звѣзды къ нѣкоторому Государю собрались: то какіе о дворцѣ ономъ во всемъ свѣтѣ будутъ рѣчи? Кто онаго знать не имѣетъ? или, понеже въ немъ есть уже́ свой богъ, съ трепетомъ, какъ божественный храмъ, не почтитъ? Самому́жъ Государю, коликая за стараніе мздовоздаянія похвала? Коль высоко онъ превзойдетъ человѣческое состояніе? Коль за-живо и здравствуя извѣснѣе, нежели ароматами и Орломъ вылетающимъ изъ горящаго гроба, почувствуетъ себя быть обоженна? будетъ онъ ликовать при восклицаніи и плесканіи отъ всѣхъ. Сіи дары, сію пребогатую отъ народовъ получитъ онъ корысть, изъ которыхъ къ себѣ ихъ, какъ прекрасныи цвѣты, въ вѣнецъ соберетъ.

45.

Преизрядное сіе желаніе, говорилъ Архомбротъ, ежелибъ къ тому подавало надежду другихъ упражненій премножество, и разныя оныхъ людей намѣренія, которыи Царей окружаютъ. Съ другой стороны, и оныи преславныи люди, о которыхъ вы изволите говорить, не всѣ подлинно деньгами наняты быть могутъ; а ктомужъ и многіи изъ нихъ, какъ то и должно, и какъ вы сами желаете, при дворцахъ въ почтеніи обращаются, такъ что прочимъ, которыхъ подобное щастіе обходитъ, справедливѣе на Фортуну, нежели на Царей жаловаться. Тогда Арсіда: я никогда не думалъ, Государь мой, чтобъ сего нашего рассужденія изрядство, произвесть можно когда было въ дѣло, однимъ всеконечнымъ щастіемъ. Но какъ во всемъ прочемъ великою бываетъ помощію мудрость, хотя въ отправляемыхъ дѣлахъ и не толь она исправна, коль тогда, когда въ спокойствіи и въ уединеніи дѣйствуетъ: такъ равно и въ семъ за премногое почитать должно будетъ, сколько случай и щастіе позволятъ, ежели не имѣетъ быть пренебрегаема толь рѣдкая польза; такъ что,

когда

когда всѣ они не могутъ, то хотябъ ужé многій изъ нихъ благодѣяніями привлекаемы были ко дворцу. Ибо, какъ вы утверждаете, что Царскіе палаты не всеконечно лишены оныхъ превысокаго ума людей, я не весьма въ томъ съ вами разглашаюсь. Но извольте, прошу, послушать меня, Государь мой. Есть среднее состояніе, какъ древнее конное Дворянство, умовъ хотя острыхъ, и способныхъ къ дѣламъ человѣческимъ; однако до первыя оныя великости, которую мы прославляемъ, не достигшихъ. Сихъ людей изобильнѣйшая есть, чтобъ такъ сказать, жатва; да и не спóрю я, чтобъ сіи часто при дворцахъ не находились, а когда произойдутъ, чтобъ чужими лучами достоинства не блистали, и такъ, что ужé почитаются они за всесовершенное произведеніе естества: равно какъ темноватыи камни иногда отъ искусства, и окружающаго золота, свѣтъ себѣ получаютъ подобный по всему преизряднымъ. Прилѣжну быть, ничего на вѣтръ не говорить, поступать скромно, привыкнуть къ трудолюбію, и въ подобіи мудраго являть себя; также, укрывать недостаточнѣйшіе разума чáсти: все сіе какъ не превеликаго человѣка требуетъ,

такъ и одно только оно, что въ похваляемыхъ знатныхъ иногда находится, Такъ что ужé въ комъ и нѣтъ пороковъ, то почитается въ немъ за добродѣтель; или, не чрезвычайный благоразумія ручей, цѣлаго Океана славу себѣ получаетъ, длятого что нáвыкъ и употребленіе, коими сіи въ гражданскихъ дѣлахъ сильны, за природу и великость разума многіи пріемлютъ. Впрочемъ, я и сихъ должныя имъ похвалы не лишаю; велико есть, быть способну къ такому состоянію, и сверьхъ того, въ немъ преуспѣть. Но не оныи, Государь мой, о которыхъ мы рассуждаемъ.

46.

Итакъ сверьхъ сихъ, какъ то вы изволили утвердить, знаю я еще, что иногда верьховныи оныи, и совершеннаго достоинства люди достигаютъ до Государей, и опредѣляются къ дѣламъ. Ибо и Поліархъ обрѣтался при дворѣ, и васъ, достойнѣйшій юноша, не сомнѣваюсь я причислить въ сіе украшеніе естества Имѣетъ и Мелеандръ Клеобула, имѣетъ Эврімеда: подлинно, ничто не можетъ быть ихъ выше. Но для сего не почитаю я Царскіе палаты справедли-

ведливыми и благополучными, что онѣ, изъ малаго числа́ предостойнѣйшихъ людей, иногда превесьма немногихъ во внутренность свою́ впускаютъ. Несравненно больше ихъ сыщется, которыи или уничтожены, или, что еще хуже, обижены; такъ что сіи мои жалобы не могутъ не быть справедливы. Въ семъ иногда бываютъ виноваты сами Цари, когда наставленія себѣ не хотятъ, и боятся добродѣтели; а иногда тѣ люди, которыи предстоятъ предъ Царями, ежели ихъ природа здѣлала грубыми, или не любопытными щастіе, или высокость гордыми. Къ томужъ, многіи изъ знатныхъ думаютъ, что нѣчто у нихъ отнимается, буде кто не изъ нихъ, и не изъ ихъ, обильнѣйшій изъ Царскихъ палатъ выходитъ. Симъ образомъ, презривши добродѣтели всю породу, склоняютъ и преклоняютъ сердце въ Государѣ, иногда и не чувствующемъ, къ своимъ любимымъ. Весьмабъ они дѣлали инако, ежелибъ искренно любили Государя, или лучше, поистиннѣ, ежелибъ себя самихъ благоразумно. Ибо что можетъ знаменитѣе быть, какъ государственнымъ иждивеніемъ людей, на красоту вѣка родившихся, пріуготовлять себѣ въ пріятелей? Поистин-

но, сомнѣватьсябъ сіи стали, большель они самому́ Царю одолжены, или тѣмъ, чрезъ которыхъ они на сію степень произошли. Я право смѣюсь всегда оныхъ слѣпотѣ, которыи не стараются себѣ отъ наукъ получить такую похвалу, коей бы, по́слѣ роскошей ихъ и по́слѣ богатства, пребывать вѣчно, и которыя, развѣ съ превеликою охотою желающимъ, отдавать не должно. Ибо какъ ученыи люди не угодны, которыи деньгами нанимаются, длятого, чтобъ возвысить недостойныхъ: такъ справедливѣйшими тѣхъ я называю, которыи не удостоеваютъ своихъ похвалъ презирающую и гордую осанку, или напослѣдокъ и несмыслящую, коль великую ей пользу отъ благопріятства наукъ получить себѣ можно.

47.

Когдажъ такъ, что такихъ пчелъ медъ не угоденъ; то хотябъ ужъ не возбуждали ихъ жала обидою, или презрѣніемъ. Ибо одинъ токмо человѣкъ въ наукахъ, или въ военномъ дѣлѣ совершенный, коль часто за собственную свою обиду цѣлому отмщевалъ народу? и коль часто одинъ такой побѣждалъ?

также и на свою прекланялъ сторону? Такими головами обыкновенно многии народы, какъ закалаемыя при жертвенникѣ, убиваются. Не будь сказано сіе въ прознаменованіе, и Сіцілія да не почувствуетъ Поліархова гнѣва! Ибо онъ весьма блиско былъ при Царѣ; такъ что тѣмъ досаднѣйшее есть озлобленіе къ нему, что не токмо не можно намъ было чаять, чтобъ имѣть у себя такую добродѣтель, но ужé и пребывающія у насъ не могли мы быть достойны. Впрочемъ, я не знаю, вѣрнѣйшимъ изъ знатныхъ особъ, а особливо Іббуррану, о которомъ носится слухъ, что онъ сего дня прибыть имѣетъ, какимъ способомъ извинитъ себя Мелеандръ. Ибо Іббурранъ, будучи чужестранный человѣкъ, и ктомужъ по праву достоинства своего и дружбы, смѣляе приключеніе сіе предъ Царемъ обвинять будетъ. Хотя все сіе не противно было Архомброту; однако скучалъ, что Арсіда вступилъ толь въ продолжительное сіе рассужденіе: охотнѣе онъ у него слушать бы сталъ объ обыкновеніяхъ, въ какихъ пребываютъ Сіціліане, и о томъ, что къ чему больше имѣютъ склонности при дворѣ. Ибо памятуя оныя знатнѣйшія имена, о которыхъ онъ отъ Поліарха слышалъ,

слышалъ, и кои тогда за добродѣтели свои, или за пороки, славны были, о нѣкоторыхъ изъ нихъ съ нетерпѣливостїю желалъ отъ него вѣдать. Когдажъ Арсїда припомянулъ Іббуррана; то получивши сей случай, спрашивалъ говоря: что онъ за господинъ? и за какїя добродѣтели у васъ отмѣненъ? Тогда Арсїда: онъ изъ Лїдїи родомъ, говорилъ; и по одной токмо дружбѣ своей намъ прїятель, которую Мелеандрово благопрїятство утвердило. Впрочемъ, достоинъ, чтобъ его всѣмъ народамъ желать имѣть за своего природнаго. Происшелъ онъ изъ древнѣйшїя Лїдїйскїя породы; а при дѣлахъ будучи воспитанъ, веселый свой умъ, и созрѣлый для всѣхъ важнѣйшихъ вещей, науками и благоразумїемъ преисполнилъ. И понеже ко всему сему прибавилось еще богатство, кое наибольше украшаетъ всякое достоинство; то на́чалъ онъ съ молодыхъ еще лѣтъ быть въ ономъ чинѣ, который при богослуженїи есть знаменитый. Однако, нѣсколько пожже, нежели какъ чаяли его искреннїи, въ багряноризное вступилъ священноначальство. Но сїе самое больше славы принесло, именножъ, прежде быть достойну высокїя че́сти, а пото́мъ ея

имѣть

имѣть. Тогда поручены ему были судебныя правительства; былъ онъ многажды Посломъ; прáвилъ и цѣлыми областями: не извольте спрашивать, какъ онъ поступалъ при всѣхъ случаяхъ; вездѣ равную имѣлъ славу за свою справедливость и милость. И хотя великолѣпнымъ уборомъ, и по народамъ расточаемымъ иждивенїемъ, истощевалъ онъ ежегодныи свои доходы; однако такую имѣлъ непорочность, что не токмо чуждь былъ взятковъ, и не продавалъ судовъ [коихъ пороковъ не имѣть, нынѣ за велико почитается,] но ни за обѣщаемыи отъ Царей дары, какихъ прочїи всячески ищутъ, вольности своея не отдалъ. Нравъ у него какъ свѣтлый, такъ и свирѣпый, смотря по чужимъ добродѣтелямъ, или порокамъ. Музъ, понеже онѣ его возлюбили, и въ высокомъ своемъ благополучїи толь онъ не презираетъ, что часто съ ними бесѣдуетъ въ уединенїи; а изъ сего произноситъ сладоснѣйшимъ разумомъ все что онѣ ему ни предлагаютъ. Того ради къ нему, какъ къ Аполлїну, збѣгаются всѣ тѣ, коихъ высокїй и непорочный Лавръ превознесъ выше подлыхъ человѣческихъ попеченїй. А дабы богамъ ни чемъ его не оскудить; то всѣхъ род-

ныхъ

ныхъ и свойственниковъ его подобнымижъ нравами, къ пріятности любленія, украсили, такъ что вся его порода божескимъ храмомъ быть кажется: да и не безъ предзнаменованія пре́дки его въ гербъ свой внесли пчелъ, отъ которыхъ, по заслугамъ и временамъ, или жала, или меда ожидать не должно. Впрочемъ, чрезъ всѣ сіи три́-дни былъ онъ у Лікогена, договариваясь о мирныхъ статіяхъ. И понеже дѣло отправилъ; то сего дня Царь его къ себѣ ожидаетъ.

XI.

48.

Разговоровъ сладость до самыя почитай глухія ночи довела ихъ слова́: и уже́ ужинный столъ, набранный, и всякимъ изобиліемъ учрежденный госпожи хозяйки стараніемъ, призывалъ гостей къ кушанію: а они сѣвши, какъ при радосномъ случаѣ, [ибо надѣялись, что можно вывезть Поліарха безопасно] печаль свою нѣсколько разбивать начали. Но еще тогда обносился круго́мъ медъ; когда поселянъ превеликая толпа при воро́тахъ дому, съ напаснѣйшимъ бесчеловѣчіемъ зашумѣла. Воро́тникъ просилъ

силъ неистовыхъ, и повелѣвающихъ пустить себя, чтобъ они подождали, пока онъ доложитъ госпожѣ. Но тѣ презирающимъ словомъ сказываютъ, что они пришли со властію. И немедлѣнно воро́та на́-землю таранами выбили, и вломились нагло. Притомъ и оружіе, какое каждый имѣлъ по своему состоянію, и какое кому попалось, подняли спесиво: ибо надлежащаго ни у кого изъ нихъ не́-было. Когда они въ переднюю вошли; то Тімоклеа съ внезапнаго страха помертвѣла: также и Архомбротъ и Арсіда съ мѣстъ своихъ вскочили, и поданныи отъ слугъ мечи тотчасъ обнажили, длятого чтобъ, ежели они нападутъ на нихъ въ ономъ бѣшенствѣ, не лехко и не безъ отмщенія живота имъ своего лишиться. Всенароднаго сего возмущенія причина была слѣдующая. Женщина нѣкакая, изъ ближняго городка, въ тотъ день у Тімоклеи въ домѣ бывши, и увидѣвши незнакомаго свои́мъ глазамъ Геланора, спросила, кто онъ; и сказано ей было, что онъ Поліарховъ слуга. Въ тотъ день празникъ былъ Церерінъ; чего ради изъ ближнихъ деревушекъ многіи изъ поселянъ въ городокъ, который Фтінціею назывался, собрались. Когдажъ и оная женщина

женщина туда возвратилась, и приставши къ кругу, въ празности стоящимъ безрассудно выболкнула, что она видѣла слугу Поліархова; тогда тотчасъ одинъ изъ слышавшихъ: а чтожъ, говорилъ онъ, можетъ быть и самъ Поліархъ тамъ же укрытъ? былъ и другой, на дерзновенныи совѣты скорый, который съ спесью рассуждалъ, что толь важнаго дѣла не должно безъ сыску оставить. Всему городу въ уголовную вину причтется, буде въ его уѣздѣ Поліархъ укрывается. Вотъ ужé и многіи сего мнѣнія быть стали; а когда слава отчасу далѣе разносилась, и иногда больше надлежащаго разглашала прибавкою: тогда всѣ не какъ сомнительное еще дѣло, и исслѣдованія требующее полагали, но извѣсно ужé утверждали, что Тімоклеа приняла къ себѣ и укрыла Поліарха: оттуду его надлежитъ извлещи къ гражданскому суду: все то ложь, что они прежде объ его смерти слышали. Нé-было имъ нужды знать, и много о томъ стараться, съ какóва вида они вѣрили тому, и кто ихъ въ томъ достовѣрно утвердилъ. И ежелибъ сами боги не положили къ тому препоны; то поистиннѣ не погрѣшала неистовыхъ догадка. Толь часто дерзновеніе

зновенїе и слѣпый случай здравѣе рассуждаютъ, нежели съ благоразумїемъ сомнительное и трудолюбное исскусство!

49.

Закипѣло множество, и всю площадь возмутительнымъ разглашенїемъ наполнило, за самымъ упрямѣйшимъ приводцомъ слѣдовать имѣющее. Когдажъ одинъ изъ нихъ вскричалъ, что не должно медлить много; то всѣ вдругъ бросились, и схвативши въ оружїе кто что могъ, а прибѣжавши, отбиваютъ сильно Тїмоклеины ворóта, и думаютъ, что ужé они въ рукахъ имѣютъ Полїарха. И понеже никто изъ нихъ его не зналъ, только слышали они, что онъ молодъ, строенъ, и пригожъ; то все сїе также въ Архомбротѣ было, котораго еще и чужестранное платье ближайшимъ подозрѣнїемъ обличало: ибо думали, что такое Полїарху, какъ чужестранному человѣку, имѣть должно. Симъ обманувшись слѣдомъ, ударили всѣ въ ладоши: и ежелибъ не хотѣли они взять его живаго; тобъ самымъ множествомъ задавивъ, за чужое нещастїе живота лишили. Когдажъ онъ лицемъ и оружїемъ къ сраженїю прїуготовился;

вился; тогда оный мужикъ, который былъ у прочихъ поселянъ вожатымъ, ближе подшедъ къ столу, находящемуся посрединѣ его самого и гостей: теперь, говоритъ, вторично ты злотворцомъ учинился, Поліархъ: ибо, прежде Царскій гнѣвъ заслуживши, еще и на насъ ты мечъ обнажилъ, кои государскій и всенародный указъ исполняемъ. Тотчасъ брось оружіе; и отдайся въ желѣза. Тімоклеѣ равнаяжъ казнь воспослѣдуетъ, которая тебя въ безопасности толь долго у себя укрывать дерзнула. По сихъ одного словахъ, прочіи всѣ превеликій подняли вопль, лютымъ и возмутительнымъ устремленіемъ не мѣшкать повелѣвая. Архомбротъ хотя умѣлъ по Гречески; однако изъ кресьянскихъ словъ ничего другаго не выразумѣлъ, какъ только, что они его хотятъ сковать въ желѣза. Нѣкогда было удивляться, или спрашивать въ настоящей бѣдѣ, за какое преступленіе. Только что, юношескимъ жаромъ возбудившись, положилъ сражаясь съ ними умереть. Но Арсіда, родившись въ Сіціліи, и совершенно разумѣя языкъ, какой поселяне употребляли, удержалъ нападающаго, и кричалъ Архомброту: постойте Государь мой, постойте: на что вамъ не

равнымъ,

равнымъ, и не нужнымъ сраженіемъ съ сими мужество ваше тратить? Тѣмъ самымъ побѣдятъ васъ негодныи, которыхъ вы преодолѣете, такъ что или смерть, или побѣду опорочите недостойностію подвига. Ибо и ни мало не касаются до васъ сіи ихъ угроженія: Поліарха они ищутъ. Потомъ, обратившись къ тому, который, внезапнымъ повелѣніемъ свирѣпствуя, у всея станицы былъ вожатымъ, говорилъ ему, что смятеніемъ ничего добраго не дѣлается. Чегожъ ради сіе множество прежде сердится, нежели знаетъ, что оно, или Царь презирается? Сверьхъ сего, употребилъ къ нему и ласканіе, говоря: онъ Арсіда не сомнѣвается, чтобъ всѣ не отъ его, съ кѣмъ разговариваетъ, слова зависѣли. Ежелибъ тотъ захотѣлъ повелѣть имъ быть покойнымъ хотя на малъ часъ; тобъ всѣ они тотчасъ его послушались. Смягчился мужицкій духъ необычайнымъ себѣ почтеніемъ, и молчать всѣмъ, больше какъ Атаманъ, нежели какъ законный Приводецъ, приказалъ.

50.

Окончавался ужé въ глухій шумъ ярящихся ропотъ: тогда Арсіда спро-

силъ, по какой бы причинѣ столько поднялось народа? А оный первенствующїй поселянинъ отвѣтствовалъ, что они пришли взять Полїарха. Услышавъ сїе Арсїда, на́чалъ небомъ и землею клясться, что нѣтъ тутъ Полїарха, и что его, какъ уже́ весьма извѣсно, нѣтъ также и въ живыхъ. Тогоради, чтобъ они утишились: ибо хотя съ усердїемъ, но съ слѣпымъ и устремительнымъ отдаютъ они чрезъ сїе Царю послушанїе свое. Находилсялибъ кто изъ нихъ, который бы зналъ Полїарха? Чело, лице и очи сего го́стя, котораго они напрасно хотятъ сковать въ желѣза, всеконечно не походятъ на Полїарховы. Умѣреннѣйшїи изъ поселянъ на́свистъ подняли сїи рѣчи; а прочїи паки яриться начали, и кричали, что разорвать надлежитъ Царскаго непрїятеля. Едва уже́ пото́мъ могли они притти въ спокойствїе, коль ни долго Арсїда знать давалъ махая рукою, что онъ еще имѣетъ нѣчто сказать; а на тогожъ все смотря мужика: берегись же ты, говорилъ, чтобъ тебѣ не быть завотчикомъ злодѣйству. Сему чужестранному не должно ни малаго озлобленїя показать. Ежелижъ непремѣнно вамъ хочется, обидою къ незаслужив-

служив-

служившему, засвидѣтельствовать вашу вѣрность; то подлинно отдастся онъ вамъ подъ караулъ; толькожъ такъ, чтобъ ни рукъ ни ногъ ему въ желѣза не ковать. Когда рассвѣтаетъ; то вы можете его отвесть ко двору. Знающїи люди тотчасъ разберутъ сїе дѣло; и не уйдетъ онъ отъ казни, ежели заслужилъ. Но Тїмоклеа пускай здѣсь подъ столькимъ карауломъ содержится, сколько довольно покажется людей для удержанїя ея отъ бѣгства, пока явно не будетъ, что она неповинна. Тыжъ, въ комъ вся сила, отъ прочаго сему дому насилїя удержи поселянъ: симъ какъ вѣрность къ Царю, такъ и благоразумїе твое покажешь. Когда они о семъ рассуждали; то уже Архомбротъ не давался подъ ладъ Арсїдѣ, и говорилъ, что онъ всеконечно не хочетъ отдаться мужикамъ. Можетъ ли онъ подлинно повиноваться пахатникамъ? Да и какїя отъ лютаго множества ожидать вѣрности? Въ немъ, какъ оно горитъ смятенїемъ, каждый можетъ зло здѣлать безопасно. Но припадши къ ногамъ Тїмоклеа, ожесточившїйся его духъ премногими слезами умягчала; и притомъ весьма лехко Арсїда доказывалъ, что сей токмо единъ есть путь ко спасенїю, дабы ему быть

отведену къ Царю. Ибо чегобъ ради лучше казалось умереть? Да и какая будетъ честь въ убійствѣ, отъ нестройнаго раздора [чего да не услышатъ боги] недостойно погибающему.

51.

Когда съ обѣихъ сторонъ такъ переговорено было; тогда оная буйность, какъ сильная буря, утихать начала́. Ибо и Архомбротъ Арсіды послушался, и чернь стала быть спокойна, длятого что казалось ей, что не токмо она не уничтожена ничемъ, но что еще и верьхъ взяла. Въ то время Тімоклеа, согласіе одобряя самымъ дѣйствительнымъ доброхотствомъ, велѣла полныи мѣхи къ нимъ вынесть, и поить ихъ старымъ и крѣпкимъ виномъ: притомъ и потчивать мужиковъ множествомъ чиненыхъ олівокъ по Сіцілійскому обыкновенію. Они, по частямъ раздѣлившись, стали на караулѣ. Въ Архомбротовой палатѣ, вкругъ опочивающаго кравати, осмеро на разосланной легли соломѣ: столькожъ и при порогѣ онаго покоя, въ который отлучилась Тімоклеа. Прочіи въ передней и въ сѣняхъ ночь по перемѣнно бодрствуя препрово-

провождали, прежде нежели когда сонъ одолѣлъ пьяныхъ; отчего всѣ легли повалкою, такъ что заключенымъ ихъ способно было, ежелибъ они ихъ обмануть, или вредъ имъ какой здѣлать хотѣли. Но будебъ уйти Архомброту; тобъ вся бѣда на Тімоклеину пала голову, для того чтобъ всѣ повѣрили, что Поліархъ отъ нея ушелъ.

52.

Впрочемъ, до Арсіды имъ дѣла небыло, о которомъ знали, что онъ ни Поліархъ, ни господинъ дому. Сей посовѣтовавши съ Тімоклеею, въ оный покой отправился опочивать, изъ котораго былъ ходъ къ Поліарху. Тамъ запершись изнутри на́-крѣпко, внизъ въ пещеру сшелъ, неся съ собою платье, которое, чтобъ перерядиться въ оное Поліарху, госпожа приготовила. Тотъ, какъ скоро увидѣлъ Арсіду; то спрашивать, не безъ почувствованія зла нѣкотораго, на́чалъ, чегожъ бы ради Архомбротъ, также и Тімоклеа не пожаловали съ нимъ совокупно? Арсіда ему о неистовствѣ мужицкомъ, и о напасти Архобротовой расказалъ: а Поліархъ, слыша каждое слово, приходилъ

въ ужасъ, пока еще не увѣдалъ, что Архомбротъ безъ вреда оставленъ. Пото́мъ, надѣвъ на себя то платье, всячески Арсiду онъ просилъ, чтобъ тотъ на са́момъ рассвѣтѣ къ Аргенiдѣ изволилъ отправиться; а оттуду съ Царевнинымъ повелѣнiемъ, какъ она отпуститъ, съ равнымъ же поспѣшенiемъ возвратилсябъ въ пещеру.

XII.

53.

Препроводивши въ оныхъ разговорахъ не малую часть ночи, Арсiда возвратился въ свою́ палату, желая на малъ часъ заснуть. Но пересохлыи голосы, и осиплое храпящихъ пьянство, не́-дали ему уснуть; такъ что, отложивъ надежду сна, съ сердитымъ смѣхомъ проклиналъ негодныхъ воиновъ. Пото́мъ, разбудивъ лучшихъ изъ нихъ, сказалъ, что онъ отправляется ко двору; они, когда имъ нравно, чтобъ съ Архомбротомъ за нимъ слѣдовали. Пути было двенатцать верстъ, который безлѣносно совершивши, вшелъ онъ во дворецъ, когда еще очень не многiи изъ Аргенiдиныхъ домовыхъ проснулись. Она всю ночь въ смутныхъ помышленiяхъ, не безъ Селе-

нiссина

ніссина страха, препроводила. А сія, памятуя вчерашнее оныя неистовство, и ко всякому движенію ея приходя въ робость, часто вставала съ постели, и съ горестію наблюдала, въ какомъ бѣдная она находилась состояніи, и къ чему устремлялась. Еще Мама въ сей должности упражнялась, когда Арсіда слугъ разбудилъ, и просилъ допущенъ быть до Селеніссы. Они объ немъ дѣвицамъ сказали; а одна изъ нихъ, коей должно было, отворивши Аргенідину опочивальню, въ которой Селеніссина была кровать, доложила, что Арсіда пришелъ, и желаетъ видѣть госпожу. Самое утра время не́-было еще пристойно поздравленіямъ; [а ктомужъ знала она, что изъ первыхъ любимыхъ былъ Арсіда Поліарху] чего ради тотчасъ увѣрилась, что конечно онъ пришелъ съ нѣкоторою вѣдомостію о томъ дѣлѣ, которое въ толикое приводитъ смущеніе. Но будебъ онъ что сказалъ печальное; то о томъ всячески не давать знать Аргенідѣ. Тогоради, въ ближній покоецъ велѣла она пустить Арсіду; да и сама тотчасъ тудажъ пошла, едва исподнею прикрыта понявою. Когда стали одни, то прежде она такъ начала́: знаю, что вы пришли съ нѣкоторымъ извѣстіемъ о Поліархѣ.

ліархѣ. Чтожъ, Государь мой, живылъ мы, или съ нимъ погибли? Не попустилъ Арсіда, чтобъ престарѣлая госпожа долѣе могла сомнѣваться, и говорилъ, что поистиннѣ въ добромъ здоровьѣ Поліархъ, и что самъ онъ Арсіда отъ него къ Царевнѣ присланъ. Заторопившись съ радости Селенісса, и нимало не медля схвативши Арсіду, въ Аргенідину повлекла спальню. Тамъ предъ невысокимъ ложемъ на колѣна падши, никакихъ излишнихъ словъ не употребила, [ибо поспѣшеніе приносимыя радости не допускало] но, живъ, милостивая Царевна, говорила, и здравствуетъ Поліархъ: увѣряетъ въ томъ васъ, и здравіе ваше утверждаетъ Арсіда присутствующій. Аргеніда, по изліяніи многихъ слезъ, почитай дыханія лишилась, и тогда по случаю, когда вошла къ ней Селенісса, въ забытіи пребывала и о печали съ крайнія слабости: а какъ нечаяннымъ утѣшеніемъ возбуждена была; то еще вреднѣе скоростію обрадованія, нежели прежде болѣзнію поразилась. Когдажъ отдохнула, то повелѣла говорить Арсідѣ; а сама сѣла на постелѣ, и быстро на него смотря, какъ скоро услышала, что Поліархъ ей здравія желаетъ, что убѣжалъ онъ отъ рукъ не-

пріятельскихъ, и что въ самомъ безопасномъ мѣстѣ укрылся: то такъ вскочила, что, хотя не совершенно еще избыла весь страхъ, часто принуждала Арсіду къ клятвѣ въ томъ, что самуюль сущую правду онъ доносилъ. Тотъ увѣрялъ, что имѣетъ прибыть и самъ Поліархъ, ежели она приказать изволитъ: также, что онъ съ чужою теперь бородою, и въ чужихъ волосахъ находится; притомъ, и въ такое наряженъ платье, которое самыи подлыи люди носятъ. Не оставилъ и о наглости поселянъ донесть, которыи вчерашнюю ужину ихъ помѣшали; а именно, какъ они бѣсились, какъ успокоились, и какъ пріятнѣйшаго юношу, да и превесьма вѣрнѣйшаго Поліарху, вмѣсто самого Поліарха имѣютъ привесть къ Царю. Аргеніда тогда ужé удовольствовалась симъ повѣствованіемъ, какъ оно не однажды повторено было: потóмъ велитъ Арсідѣ итти къ Мелеандру, и о приходѣ мужиковъ увѣдомить его, чтобъ какъ чего приходящему Архомброту жестокаго и недостойнаго не случилось. Сіе отправивши, чтобъ онъ къ ней возвратился; а она между тѣмъ съ собою подумаетъ, что лучше дѣлать По-

лїарху, и куда отправиться ему полезнѣе.

54.

Едва отъ Аргенїдиныхъ тайныхъ словъ отпущенъ былъ Арсїда, какъ въ городъ нестройныи оныи полевыи обитатели вошли, посрединѣ Архомброта со всѣхъ сторонъ окружая. А когда военныи люди, которыи на караулѣ были, спросили ихъ, съ чемъ они пришли, и что имъ надобно: то они отвѣтствовали, что поиманнаго Полїарха къ Царю привели. Тотчасъ пущены были, и пришли ужé къ зáмку, въ который понеже для твердыхъ загражденїй войти имъ было не возможно; а Эврїмедъ ихъ спрашивалъ, что зá-люди они, и за чемъ пришли: то съ равнымъ же погрѣшенїемъ сказывали, что они прибыли къ Царю для оддачи ему Полїарха. Услышавъ сїе, обрадовался Эврїмедъ, что въ живыхъ обрѣтается Полїархъ; но притомъ и печалился о напáсти друга своего: и тотчасъ велѣлъ имъ показать себѣ Полїарха. Они всѣми руками на Архомброта ему указывали. Но оный военачальникъ, не долго смотря на незнаемое себѣ лице, сказалъ, что то не онъ, кого они сказывали, и

приказалъ имъ оружїе положить: ибо Эврїмедъ опасался, не по наученїюль они пришли Лїкогенову. Но наибольше смотря на Архомброта, что то за баснь, говорилъ, дорогой мой? и длячего вы себя Полїархомъ называете? Тогда тотъ отвѣтствовалъ, что какъ никогда онъ себя не называлъ Полїархомъ, такъ и по неволѣ, симъ препровожденїемъ приведенный, прибылъ къ Царю. Тогоради, погрѣшенїе поселянъ въ обманъ ему причитать не должно. Когда сїи слова́ они продолжали; то между тѣмъ пришелъ къ нимъ Арсїда, и по указу Мелеандрову всѣхъ привелъ во дворецъ. Тамъ Клеобулъ, главный тайноначальникъ, Царскимъ словомъ съ такимъ говорилъ обѣщанїемъ земледѣльцамъ, знающимъ уже́ о погрѣшности своей, что Государь всегда будетъ памятовать показанную ихъ вѣрность; чтобъ они пребывали непоколебимы при всякомъ случаѣ въ усердїи своемъ, и имѣлибъ на все въ готовности свои ру́ки, которыми служить, кромѣ что богамъ и Царю, ни кому они не должны. Пото́мъ Архомброта, какъ было приказано, привелъ предъ Царя. Сему, по́слѣ какъ тотъ съ достолѣпнымъ почтенїемъ поклонился, такъ на́чалъ говорить: да не бу-

детъ сіе худымъ прознаменованіемъ, всемилостивый Государь, что я впервые приходя предъ пресвѣтлыя Ваши очи, предстаю обвиненнымъ. Все мое желаніе въ томъ одномъ состояло, чтобъ быть при дворѣ Вашего Величества. Съ симъ намѣреніемъ отечество я оставилъ, и въ Сіцілію, всѣхъ земель при Вашей державѣ благополучнѣйшую, прибылъ. Впрочемъ, хотя я и не имѣлъ охоты, явиться лицу Вашего Величества приведенный сими; однако мню, что и сіе такъ случилось не безъ божескаго промысла. Сколько я могъ выразумѣть, всемилостивый Государь; то никто Вашему Величеству не-былъ усерднѣе Поліарха, и нѣтъ у васъ никого, ктобъ храбростію былъ ему равенъ. Но длячегожъ бы мнѣ не похвалиться, что я нѣсколько достоинъ быть на его мѣстѣ? Поистиннѣ, хотя ему я и уступлю въ храбрости; однако толь потщусь, что въ почтеніи Вашего Величества не могъ онъ быть усерднѣйшій. Припоминовеніе сіе о Поліархѣ не въ противность употреблено. Знаю, что онъ обвиненъ; однако еще неосужденную память можно при Вашемъ Величествѣ похвалять и защищать. Ежели угодны будутъ оружіе мое и руки;

то

что увидите, всемилостивый Государь, что повелѣнія Ваши всегда мнѣ будутъ живота моего дороже.

55.

Сіе и подобное какъ говорилъ Архомбротъ; въ то время Мелеандръ съ превеликою пріятностію на него все смотрѣлъ. Молодость, и красота, также ясность очей, и притомъ не угрюмая и смѣшная скромность приводили въ любовь продолжающаго свою рѣчь. Когдажъ онъ ея окончалъ; то Царь сперва благодарилъ ему, что онъ къ нему прибылъ: имѣетъ онъ собственнымъ опытомъ познать, что нѣтъ ему Царю любезнѣйшихъ, какъ токмо которыи изъ чужихъ земель добродѣтель, не должную и не природную Сіціліи, приносятъ. И тотчасъ правую свою руку подалъ Архомброту, которую сей подхватывая своею рукою, и сколько возможно приклонившись, поцѣловалъ. [ибо Царь великое нѣчто объ немъ думалъ] Но послѣ какъ о родѣ и отечествѣ былъ спрошенъ; то ничего онъ больше не сказалъ, какъ токмо что онъ рожденъ въ Афрікѣ. И хотя симъ самымъ больше былъ побужденъ Мелеандръ; однако

далѣе

далѣе ничего инаго отъ спавшаго въ томъ не могъ увѣдать. Но когда повелительнѣе уже́ вопросы ему были; а именно, какимъ случаемъ знаемъ ему Поліархъ; одноземцыль, или свойственники они между собою, или уже́ только дружествомъ соединены были: то тогда все, кромѣ Тімоклеины тайности, откровеннымъ совершенно донесъ словомъ.

56.

Пото́мъ когда о наглости поселянъ рѣчь продолжаема была въ шуткахъ; то самъ Царь лехко догадался, что не токмо лице и молодость Архомбротова, но еще и чужестранное платье къ погрѣшенію ихъ привело, и показалось незнающимъ людямъ, что, понеже Поліархъ былъ изъ чужестранныхъ, онъ обыкновенно долженствовалъ носить и одежду такую. Но, доноситъ Архомбротъ, больше уже́ я не попущу, чтобъ мнѣ за порокъ природнаго одѣянія попадать въ напасть. Сверьхъ исподняго платья буду носить епанчу, и покажу въ себѣ обычаи тѣхъ людей, которымъ себя предаю для наставленія. Тогда Царь: лучше, чтобъ вамъ еще подождать, пока мы больше вамъ полюбим-

любимся, также пока и привычка можетъ умягчить необычайность нашего одѣянія. Ибо, теперь мы новыми вамъ кажемся; а вы еще сами себѣ любы, будучи исполнены стараго обыкновенія, и не загладивши еще въ вашемъ разумѣ изображенія, какимъ представляете себѣ вашъ народъ. Но, по́слѣ какъ наполнится умъ нашимъ видомъ, самижъ себѣ станете дивиться объ отмѣнности вашей, и снесть ея не можете. Памятно мнѣ самому́, какъ я былъ въ молодыхъ лѣтахъ въ Афрікѣ, что я смѣялся надъ страннымъ одѣяніемъ нашему: а когда оное самымъ употребленіемъ мнѣ уже́ полюбилось, и пото́мъ возвратился я назадъ въ Сіцілію; то не меньше было во мнѣ отвращенія отъ природныя одежды, пока мнѣ тожъ время паки сего изряднымъ не показало. Изъ сего слѣдуетъ, что нѣтъ больше сея не справедливости, какъ, чтобъ охуждать то, чего мы сами не дѣлаемъ, и чего никогда не видывали; а особливо, ежели на то цѣлыи согласились народы. И понеже дѣлается токмо отъ одного времени, что пото́мъ оное намъ становится угодно; то ясно, что не по худости своей, но по нашему незнанію, прежде видимое нами

нами не́-любо намъ было: ктомужъ, должно всегда въ памяти содержать, что каждый народъ приличное своимъ мѣстамъ и нравамъ одѣяніе имѣетъ, которое и вамъ покажетъ природный духъ сея страны статнымъ, буде его довольнаго пребыванія навыкомъ къ себѣ допу́стите. Итакъ, ничего не надлежитъ больше любить или ненавидѣть, какъ или добродѣтели, или пороки въ своемъ, и во всякомъ чужомъ, народѣ. Однако я желаю, чтобъ вамъ, дражайшій гость, все здѣсь къ вашему употребленію по нраву быть возмогло.

XIII.

57.

Пока еще о семъ продолжалъ свою́ рѣчь Мелеандръ, и состарѣвшагося человѣка важностію рассуждалъ; между тѣмъ Арсіда благопристойно могъ отлучиться къ Аргенідѣ, и хвалилъ онъ тамъ Архомброта, что тотъ въ первое свиданіе съ Царемъ, съ достодолжною честію припомянулъ о Поліархѣ. Еще съ превеликою охотою Царевна и Мама слушали о толикомъ постоянствѣ новаго гостя; какъ въ самое то время внезапный

слухъ

слухъ по комнатамъ разгласился, что пойманъ Поліархъ, скованъ желѣзами, и ведется къ Царю. Не убоялась Аргеніда, думая, что незнающіи люди объ Архомбротѣ говорятъ; тогоради подняла съ нѣкоторымъ смѣхомъ лице, и повелѣвала, чтобъ больше не обманывались: ибо къ Царю приведенъ другой человѣкъ, а не Поліархъ. Предпріяла рѣчь нѣкоторая изъ дѣвицъ, и говорила: весьма иное ужé слышно, нежели что милостивая Царевна изволитъ думать. Всѣ знаютъ, что иностранный юноша, котораго поселяне привели, есть не Поліархъ: но достовѣрнѣйшая вѣдомость пришла, что Поліархъ изъ пещеры, въ которой перемѣнивъ одежду укрывался, отъ другихъ земледѣльцовъ извлеченъ, и къ Царю ведется. Тѣ самыи напередъ во дворецъ ужé пришли, которымъ бы о томъ увѣдомить. Симъ громомъ пораженная Аргеніда, однако едва, больше Арсіды и Селениссы, вострепетала. Селенисса съ своей стороны въ глубокомъ молчаніи пребывала. Но Арсіда припадши къ уху Аргенідину, побѣдила, говорилъ, нашъ вымыслъ злость Фортунина: все погибло, милостивая Государыня, развѣ токмо сама изволите принять смѣлость, и явно имѣете

защищать Поліарха. Послѣ какъ услышалъ я пещеру и перемѣненное одѣяніе; то не сомнѣваюсь, чтобъ не объ истинной напасти была вѣдомость. А она, буттобъ отъ крайняго и раздражающаго зла сильняе здѣлалась, говорила: когда слышно было о кончинѣ Поліарховой, дорогой мой Арсіда; то сіе казалось, что не меньше оно не имѣетъ утѣшенія, сколько и надежды: одними слезами толикую печаль омывать было должно. Теперь же, когда можетъ онъ быть живъ, а страшно, чтобъ не погибъ; то нѣтъ такія казни, которыябъ еще большія себѣ я не пожелала, ежели онъ моимъ раденіемъ спасенъ не будетъ; или сама уже я пагубою его всеконечно себя истреблю. Пойду къ отцу: молчаніе моглобъ законопреступнымъ быть. Пускай вѣдаетъ, колико онъ обязанъ Поліарху. Сіе самое утѣшеніемъ быть имѣетъ, ежели богамъ угодно насъ погубить, что мы ничего не оставили, чемъ бы намъ всячески избавиться отъ погибели. Селеніссa, отъ дерзновеннаго намѣренія въ трепетъ пришедши, боялась Царскаго на себя гнѣва, когдабъ о томъ, о чемъ она толь долго молчала, отъ собственнаго признанія Аргенідина Царь былъ увѣдомленъ. Но къ отсовѣтованію

ни

ни мѣста, ни способа не́-было. Того ради, все надлежитъ ввѣрить Фортунѣ. Ибо уже́ Аргеніда побѣжала съ поспѣшеніемъ къ Царю, и не многіе изъ препровождающихъ сперва за нею, какъ во внезапномъ случаѣ, тотчасъ и сама она слѣдовала тудажъ.

58.

Царь тогда по случаю былъ въ саду, и самъ о Поліархѣ пребывая въ печали, о которомъ достовѣрный уже́ носился слухъ, что онъ скованъ въ желѣза. Нещасливый престарѣлыхъ лѣтъ человѣкъ, и никогда отъ Фортуны не пребывающій въ спокойствіи, что имѣетъ говорить, или дѣлать? Все сопротивное происходитъ, и все къ новымъ клонится бѣдамъ. Почитай уже́ тому два́-дни, какъ онъ буттобъ скончавшагося его такъ у себя оплакалъ, что казалось бы, что онъ уже́ должность свою́ исполнилъ, и очистилъ свое погрѣшеніе. Теперь паки тожъ са́мое вновь начинается: лучшель бы ему было, озлобить Поліарха, или, по безопаснѣйшей справедливости, заключающійся Сіцілійскій миръ разорвать. И уже́, которыи жесточайше ненавидѣли Поліарха, многіи собрались, и

говорили, что пока будетъ живъ оный молодый человѣкъ; то ничего твердаго въ Сіціліи быть не можетъ. Присутствовалъ и Архомротъ, и о Царѣ не меньше, сколько и о Поліархѣ сожалѣя, ожидалъ, пока, отъ вырывающихся у всѣхъ пристрастій, можетъ онъ распознать пріятелей Поліарховыхъ. Не задолго предъ тѣмъ прибылъ Іббурранъ, также и Дуналбій равнаго достоинства священноначальникъ, который тогда былъ при дворѣ, и думалъ какъ бы защитить Поліарха. Въ сіе самое время всѣ нáчали напрерывъ уступать, и давать мѣсто, для того что Аргеніда съ поспѣшеніемъ шла къ Царю, которая такъ хитро горесть свою укрывала, что, прежде нежелибъ позвалъ случай, не начать бы ей говорить о своемъ дѣлѣ. Въ безопасность приводило намѣреніе: ибо, ежели она не преобóретъ; то потребить себя имѣетъ. Тамъ, окинувши очами всѣхъ Поліарховыхъ непріятелей, жесточайше самымъ негодованіемъ распалилась. Нé-было тутъ никого, ктобъ Поліарху посредственно или врагъ, или другъ находился.

59.

Вотъ же, когда всѣ, какъ по приказу, молчали, размышляя въ себѣ о безвѣсномъ окончаніи случаевъ, Эвріме́дъ къ задумавшимся приходитъ, держа рукою Гералеонта. Сего, утраченнаго ума заблужденіе, весьма знаемымъ при дворѣ учинило. И, сей есть, говорилъ Эвріме́дъ, нашъ Поліархъ: сей поселянами отъ бѣгства удержанъ. Тогда Гералеонтъ ставъ на колѣна, палъ на́-землю, и прощенія распростертыми руками просилъ. Царь, будучи уже́ свѣтляе, спрашивалъ, въ чемъ онъ преступилъ. Ни въ чемъ, говорилъ тотъ, нѣтъ моея вины, кромѣ токмо что я Поліархъ. Всѣ сему не умѣренно смѣялись; а Царь у Эвріме́да спросилъ, вправду, илибъ шутя то дѣлалось. На сіе Эвріме́дъ отвѣтствовалъ: когда я при воро́тахъ крѣпости стоялъ, тамъ, какъ вы, всемилостивый Государь, повелѣть изволили, принять бы мнѣ Поліарха, ежели будетъ приведенъ. Но вдругъ вижу превеликую станицу поселянъ около Гералеонта. Который между ними показывался лучшимъ; тотъ много вѣрности своей приписывалъ, что радѣтельно Поліарха скрутилъ. Словомъ,

Поліархомъ былъ Гералеонтъ. Я, удержавшись насилу отъ смѣха, спросилъ, какимъ щастіемъ напали они на сїю добычу. Которыи всѣхъ прежде изъ насъ, говорилъ мужикъ, сего дня поутру вышли; тѣ удивившись, что сей по полямъ, гдѣ дороги не́-было, на лошади туда и сюда бѣгалъ, и старался взобраться на невсходимую гору, сперва отводили отъ того словами заблуждающаго, и тотчасъ пото́мъ сами слѣдовать на́чали за подозрительнымъ. Ибо онъ, какъ бы отъ всѣхъ отбѣгалъ, ктобъ съ нимъ ни встрѣтился, отъ каждаго лошадь свою́ отвращалъ: а когда уже́ онъ ослабѣлъ; то самъ добровольно спѣшившись, и увидѣвъ вблизи ямину, съ великимъ стремленіемъ въ оную кинулся. Много насъ собралось смотрѣть его; а совокупившись, всѣ толпою вбѣжали и мы въ яму. И когда, кричащаго, и недающагося, мы его извлекши оттуду спросили, что онъ за человѣкъ; тотчасъ признался, что онъ Поліархъ. Подлинно, платье на немъ было недостойное Поліарха; но легко мы подумали, что онъ перерядившись въ иную одежду ушелъ. Что больше? тотчасъ мы связали сопротивляющагося, и къ Царю, какъ вы видите, назадъ привели.

Послѣ какъ сіе поселянинъ выговорилъ; то я похвалилъ вѣрнѣйшихъ людей, и паки на пашни ихъ отпустилъ. Сегожъ, всемилостивый Государь, вамъ отдаю: что угодно будетъ Вашему Величеству, то съ его головою дѣлать извольте.

60.

Слыша нещасливое сіе приключеніе отъ Эврімеда, коль ни въ превеликой были которыи печали, однако и тѣ не могли нѣсколько не смѣяться. Ибо всѣ знали, что Гералеонтъ, по причинѣ безумства своего въ оную пришелъ шалость, чтобъ ему себя вездѣ называть Поліархомъ. Одинъ только изъ всѣхъ былъ Архомбротъ, который всего сего не зналъ смѣха: но его, когда онъ у ближайшихъ къ себѣ спрашивалъ, чтобъ то за диковинка дѣлалась, Царь къ себѣ призываетъ, и о Гералеонтѣ ему такъ сказываетъ. Тѣмъ больше сей, любезный Архомбротъ, удивленія достоинъ, что онъ во всемъ прочемъ симъ образомъ не безумствуетъ. О домовныхъ нуждахъ радѣтельное имѣетъ стараніе; всѣ дѣла̀ по̀мнитъ, также и въ обращеніяхъ и на словахъ не дуракъ, кромѣ токмо когда до Поліарха рѣчь дойдетъ.

Тогда, буттобъ его оводъ какой ужалилъ, тотчасъ упадаетъ онъ въ безуміе: сказываетъ о себѣ, что онъ Поліархъ; похвалы, которые сему дѣлаются Имени, себѣ приписываетъ, и говоритъ, что другому весьма несправедливо онѣ причитаются. больше уже́ шести мѣсяцовъ, какъ онъ ума лишился. Можетъ быть, что подъ случай сего сумозбродства, когда на Поліарха зажжены были огни, вздумалъ онъ, что его ищутъ, и испужавшись ушелъ: а не знающіи люди, не рассудивши точняе ни о лицѣ, ни о безуміи его, за того его приняли, кѣмъ онъ самъ сказывался, и бѣднаго человѣка безвинно оскорбляя привлекли. Но послушаемъ его, буде угодно, самого. Скажижъ, дорогой Поліархъ, что тебя за неволя принудила къ бѣгству? На сіе Гераклеонтъ: какая вамъ корысть, всемилостивый Государь, что вы мнѣ невольную подали причину бѣжать. Подлинно, изъ всѣхъ какъ знакомыхъ, такъ и незнаемыхъ, не́-было ни одного, который бы не похвалилъ предпріятія моего, чтобъ скрыться. Рассудилось мнѣ, что въ семъ гнусномъ платьѣ, которое я на себя нарочно надѣлъ, никто меня ни по какой мѣрѣ на дорогѣ не узнаетъ,

О! лучшебъ,

О! лучшеб мнѣ никогда не бывать Поліархомъ.

XIIII.

61.

ОТвратился смѣющійся Мелеандръ, который потомъ внезапнымъ сожалѣніемъ о человѣческомъ состояніи смутился, именножъ, что оное, сверьхъ Фортуниныхъ обидъ, и нещитая нестерпимыхъ оскорбленій тѣлу, еще лучшею своею частію толикое зло претерпѣваетъ, и страждетъ. былъ тутже Царскій врачъ, котораго Філіппомъ называли. Сей, тотчасъ какъ его о томъ спросили, неумѣренность мозга съ уничтоженіемъ описалъ, которая бутто весь совсѣмъ умъ безъ поврежденія оставляетъ, да только нѣкоторую его часть наполняетъ безуміемъ: чему, понеже и Гералеонту также приключилось, многіи безмѣрно дивились. У такихъ людей, говорилъ врачъ, совершенно ослабѣли мозговые плены, которые, для тонкости своея, излишнюю имѣютъ способность къ воспріятію, отъ разныхъ вещей, вображеній мечтаніемъ называемыхъ. Сіе мечтаніе въ житкомъономъ

существѣ, и для своея легости во всѣ стороны свободно движимомъ, однажды впечатлѣнное, трудно ужé загладить, для того особливо, что часто нѣкоторою пріятностію услаждаетъ; а ктомужъ, оно какъ напаяетъ собою разумъ, такъ что онъ различныхъ вещей видами, однимъ пóслѣ другаго, наглымъ способомъ входящими, равно какъ по первой другую краску на себя пріемлетъ. Тогоради, едва бываетъ, чтобъ такимъ разумамъ быть когда въ покоѣ: всегда безмѣрно, отъ устремительства нападающихъ мыслей, или печалятся они, или радуются. Когдажъ къ одному какому наибольше пристрастію такіи люди начнутъ клониться; то всегда оное будутъ ужé имѣть въ умѣ; сіе одно, бессходно пребывающее въ разумѣ, егожъ глазами видѣть имѣютъ, и съ великою пріятностію къ нему привыкнутъ: будетъ ли оно гордость, или пожеланіе имѣній, или нетерпѣливность къ отмщенію, или что иное, къ чему насъ непорядочная страсть привлекаетъ. Симъ образомъ охотно туда склонившись, а когда наглѣйшая нѣкоторая сила на тужъ часть нападаетъ, то они способно въ смятеніе приходятъ; такъ что, чего долго желали,

думаютъ,

думаютъ, что уже́ то самое есть: а виды оныи, въ преклоненномъ и привыкшемъ умѣ, вещь не какъ желаемую изображаютъ, но какъ прямую и присутствующую дѣйствительно. Наглая сія сила происходитъ или отъ возрастающаго на́выка, и отчасу глубочайше вкореняющагося, или отъ внезапнаго устремленія, которое, будучи превелико, и нечаянно случившись, наполняетъ собою какъ сильнымъ вихремъ подхваченный разумъ. Но скажетъ кто: чегожъ бы ради такимъ образомъ зараженныи умы совсѣмъ отъ того не погибали? Весьма часто и сіе бываетъ: но иногда то одно умозрительство, которое въ разумѣ преизлишное находится, бываетъ токмо вредно. Ибо какъ члены, здѣлавшись уже́ слабыми, не рѣтко проистекающихъ мокротъ силу такъ всю къ себѣ влекутъ, что уже́ ничего въ болѣзни не остается, которое на другіе здоровые ча́сти напасть бы могло: такъ и сей Гералеонтъ, и всѣ тѣ, кои ему подобны въ безумствѣ, истребивши на одну страсть все ума своего поврежденіе, коею чрезмѣрно чего нибудь желать принуждаемы были, спокойнѣе, и почитай съ рассужденіемъ на другіе вещи взираютъ, разумѣютъ, и словомъ,

живутъ

живутъ полюдски; такъ что многимъ дивно, какимъ образомъ или безумство оставшійся разумъ, или сей онаго не истребляетъ. Можнобъ прибавить и сіе, предпріялъ Мелеандръ, что насилу кого сей родъ безумія обшелъ. Сколько такихъ людей, кои еще вредительнѣе и безумнѣе мнятъ, нежели чтобъ быть Поліархомъ? Сей говоритъ, что нѣтъ боговъ; другой, все богами называетъ, или утверждаетъ, что нѣтъ роскоши лучше. Напослѣдокъ, мало такихъ, которыи Гералеонта не превосходятъ, развѣ токмо что порядочнѣе они, или сходняе съ общимъ свойствомъ безумствуютъ. Но симъ самымъ достойнѣйшіи слезъ, что они не хотятъ оставить своего безумія, нежели сей, который учинить того не можетъ.

62.

Между тѣмъ, лежалъ въ ногахъ просящій Гералеонтъ, думая, что Царь отвратившись о ка́зни на него рассуждалъ. Нашлись и такіи, которыи призывали Мелеандра къ утѣшному смотрѣнію на толь суетно боящагося, и къ комедіи поводъ подавали; иныи бутто прося, чтобъ отпущена ему была вина, другіи,

побуждая къ отмщенію. Но Мелеандръ въ великое пришелъ неспокойство духа къ припоминовенію Поліарха, почитая себя жестокимъ, что Имени его, о которомъ думалъ, что уже́ онъ погибъ, за вину свою предъ нимъ, еще величавнымъ шутки продолженіемъ ругался. Тогоради, повелѣлъ чтобъ Гералеонтъ шелъ безъ всякаго страха; а притомъ говорилъ, что довольно игрушекъ случилось во время толь важныхъ дѣлъ. Ктомужъ, приходили вѣдомости о прибытіи Лікогеновомъ, котораго ему какимъ бы принять лицемъ, и какіе завесть съ нимъ рѣчи, нѣсколько подумавъ, пото́мъ въ палаты возвратился: тамъ рукою на ближній стулъ опершись, на́чалъ нарочно разговаривать съ Аргенідою. Ибо Лікогенъ [имѣя съ собою весьма не многихъ изъ своихъ друговъ, и тѣхъ еще, дабы ему чрезъ то надѣяніе свое показать, безоружныхъ] въѣхалъ уже́ въ Магеллу, не для совѣсти своея, но для Царскаго тихаго нрава, и ради усердія къ себѣ своихъ, которыи при Царѣ находились, высокомѣрно безопасенъ. Захотѣлъ и ѣхать онъ на ямскихъ лошадяхъ, чтобъ или избыть должайшаго обряда скуку, илибъ неблаговременныя не навесть на себя ненависти.

ненависти. Нѣкоторымъ изъ вѣрныхъ Царю, между прочими Тімоніду, повелѣно отъ самого Мелеандра, буттобъ по своей волѣ, выѣхать къ нему на встрѣчу, которыи отъ воротъ за́мка до палаты, въ коей тогда Царь былъ, надымающагося его препроводили.

63.

Входитъ онъ, не простаго человѣкъ вида, который ему превеликое надѣяніе придавало; а увидѣвъ съ Аргенідою Мелеандра, къ землѣ по обыкновенію припалъ. Оттуду нѣсколько ближе подшедъ, вторичнымъ поклоненіемъ медлящихъ почтилъ. Мелеандръ ни тогда, хотябъ малымъ взглядомъ, приходящаго не принялъ, въ сторону, смотря на Аргеніду, лице свое имѣя обращенное, буттобъ для разговора съ нею. Но когда такъ уже́ блиско подшелъ Лікогенъ, что не много мѣста между ними осталось: тогда Царь тотчасъ обратившись, и пріятнѣйшимъ лицемъ на него взирая, просящему ему колѣнъ, подаетъ руку; притомъ, словами сказалъ, что пріятенъ ему приходъ его, и прочее, которое въ знакъ учтивства не оставляется. Но Лікогенъ, между

услужнаго покоренія рѣчами, ни малыя хитрости не оставилъ, чтобъ ему, какъ высокомѣрному, предъ Царемъ себя не уничтожить, и также чтобъ единомысленниковъ, изъ которыхъ многіи тогда тамъ были, увѣрить, что еще при его предводительствѣ упрямая война востать можетъ. Извинилъ онъ вкратцѣ необходимость, какъ сказывалъ, оружія, къ которому отъ злоумышленниковъ на свое здравіе приведенъ. Нé-былобъ нужды ни въ мирѣ, ни во всенародно даемой взаимно вѣрности, ежелибъ онъ отъ тѣхъ же своихъ непріятелей, при Царскомъ дворѣ, былъ безопасенъ. Мелеандръ на сіе отвѣтствовалъ, что не токмо ненависть должно отложить, но и ненависти припоминовеніе. Въ наступающій день, въ храмѣ Палладиномъ, боги свидѣтелями примиренію быть имѣютъ. Потóмъ, въ разныи между собою вступили разговоры; и оба, какъ наилучше можно, радость, а притомъ, въ чемъ всегдашняя состоитъ придворная хитрость, и любовь другъ другу показывали.

64.

Эвріmедъ, по Мелеандрову повелѣнію, Лікогену, и лучшимъ его людямъ,

въ томъ

въ тотъ день обѣдъ учредилъ. Притомъ, нѣкоторыхъ онъ къ себѣ и съ лучшія стороны Вельможъ также просилъ, изъ которыхъ и Дуналбій былъ. Сей, хотя чужестраннаго народа человѣкъ, однако никому изъ Сіцїліанъ усердіемъ и любовію къ Царю не уступалъ. былъ онъ въ богослужителяхъ вышнія степени, изъ тѣхъ священноначальниковъ, которыи багряную одежду носятъ; а толикое свое достоинство украсилъ онъ превосходнѣйшими дарованіями разума. Прилѣженъ, и ко всякимъ дѣламъ способенъ; весьма умѣющъ находить дружбу, и въ ней пребывать: при откровенныхъ же, и самъ искренности полнъ и простосердеченъ. При толикихъ природныхъ дарованіяхъ, сіяли въ немъ красота ученія, и всѣхъ наукъ любленіе, изъ которыхъ ни единыя, родившіеся его добродѣтели къ употребленію и къ дѣламъ, не оставили. Но за все сіе не безъ претерпѣнія онъ пребылъ, часто, какъ обыкновенно, мстила Фортуна въ преизрядномъ мужѣ любви къ добродѣтелямъ, и охотѣ къ наукамъ. Ибо въ прошедшія времена и дѣда онъ имѣлъ верьховнаго первосвященника, котораго, произвесть могущаго своихъ по заслугамъ, толь скоро гарячка лишила

шила

шила жизни, что торжественные свѣчи, погребательный обрядъ освѣтили. Онъ, лишившись сея надежды, къ новому нещастїю Посломъ въ чужїе земли былъ отправленъ, гдѣ едва-было не погибъ отъ злости временъ, длятого что оный народъ нечаяннымъ смятенїемъ началъ волноваться; такъ что трудно было, во время мятежныя бури, или раздѣлившимся угодить, или отъ воруженныхъ, и о своихъ намѣренїяхъ старающихся, требовать того, что получить бы у нихъ можно было пребывающихъ въ тишинѣ. Однако, мужественнѣйше онъ спасся, и къ берегу приплылъ. А тогда по случаю въ Сїцїлїи находился, когда сїи дѣла происходили; дружбою и совѣтомъ попремногу былъ Царю полезенъ. Изъ весьма любимыхъ ему почитался Нїкопомпъ, котораго и Эврїмедъ къ томужъ своему пригласилъ пированїю.

XV.

65.

Понеже за кушанїемъ о многомъ разговаривали они съ веселїемъ: а по причинѣ меда о пчелахъ рѣчь зашла; то нѣкоторый изъ молодыхъ людей,

племянникъ Лікогеновъ, именемъ Анаксімандръ, или хотя угодить своему дядѣ, о которомъ зналъ, что тотъ гонилъ Царскую власть, или желая показать свой разумъ, говорилъ, что все то неправда, которое о пчелахъ сказываютъ, а именно, бутто у нихъ есть свой Царь называемый маткою: ибо сіе есть токмо вымыслъ суетныя и легкомысленныя древности; а сія какъ ложно сама вѣрила, что лебеди сладко поютъ при смерти, такъ онажъ и робость приписала львамъ, услышавшимъ пѣтушій крикъ. Къ сему прибавилъ онъ: много есть подобнаго баснямъ симъ, что недостовѣрная прéдковъ нашихъ власть за истинное предала и расславила. Напротивъ того, всѣ животныя, отъ естественнаго въ нихъ побужденія, не повинуются Царю, или гордому чужому повелѣнію, но по собственной своей вольности поступаютъ. Какъ скоро онъ сіе выговорилъ; такъ тотчасъ всѣ пирующіи начали рассуждать объ извѣсномъ обще дѣлѣ, а именно, какой бы у человѣковъ былъ справедливѣйшій родъ правленія. Не замедлилъ Анаксімандръ оный предпочесть, въ которомъ весь народъ, или ужé вельможи сильны. Чегобъ ради всему нá-все отъ пристра-

стія

стiя одного токмо человѣка зависѣть, котораго, ежели онъ къ порокамъ склоненъ, никакой страхъ и стыдъ воздержать не могутъ; который лютостiю, и своимъ примѣромъ, глубочайшiе всему обществу язвыбъ дѣлалъ; и который наконецъ, такъ бы отечество и гражданъ къ собственной своей потребѣ обращалъ, какъ бы все сiе для него одного природа произвела? Но коль охотнѣе народъ сноситъ подати въ казну, длятого что сiи деньги такъ многихъ совѣтомъ и вѣрностiю хранятся, что ихъ каждый изъ простыхъ людей еще своими собственными справедливо быть думаетъ; нежели когда, по соизволенiю одного Государя, на любимыхъ, и часто на недостойныхъ не осмотрительною и тягосною щедростiю истощаваются? Притомъ, не большель во всеобщемъ правленiи находиться будетъ такихъ, которыи, для сего пользы, разумъ свой изощрять, въ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ совершеннѣйшее искусство показывать, и напослѣдокъ гражданамъ о достойности своей засвидѣтельствовать потщатся, потому что они увидятъ, чрезъ ихъ выборъ, что всегда готовы за добродѣтель мздовоздаянiя, и что самыи верьховныи чины

въ государствѣ не заграждены заслужившимъ; нежели гдѣ все сіе единаго дому и племени высокомѣрная тѣснота такъ располагаетъ, что едва когда по заслугамъ, или по общей славѣ, достойныи и трудолюбныи люди пожалованы тѣмъ бываютъ? Кпомужъ, имѣетъ ли въ одномъ Царѣ и найтись столько досужства и великодушнаго благоразумія, чтобъ онъ могъ сравниться толь со многимй всѣхъ вельможей разумами, кои въ вольныхъ державахъ государственный совѣтъ обыкновенно управляютъ? Ибо сіи какъ по приличію своихъ лѣтъ, такъ и по славѣ ихъ добродѣтелей избираемы и любимы бываютъ; а они сами, имѣя ревность къ добру, и боясь бесчестія, всегда о са́момъ полезномъ всеобществу пекутся, и сіе полезное токмо дѣлаютъ. Но Царей часто ослѣпляетъ ласкательство, и часто по природѣ не слушаютъ они совѣтниковъ. Сверьхъ же того, нравы ихъ, коль бы ни́-были преизрядны и непорочны, тѣмъ самымъ повреждаются, что, ежелибъ какое здѣлали хорошее дѣло особливо, нѣтъ никого выше, отъ когобъ они по́честь за оное получить себѣ возмогли; или также, будебъ въ чемъ погрѣшили, нѣтъ ни одного

суда,

суда, на которомъ бы имъ отвѣтствовать. Итакъ, нѣтъ лучше и слатчайше, говорилъ Анаксимандръ, вольности; и нѣтъ ничего, которое большебъ сходствовало съ природою. Сею вольностїю оныи народы пользуются, кои по своимъ токмо живутъ уставамъ, и могутъ градоначальниковъ производить и низвергать. Впрочемъ, онъ себя не позабылъ, говоря сїе, какъ кто онъ самъ, такъ и въ какой землѣ пребываетъ. Знаетъ, что Царь державствуетъ въ Сїцїлїи: да и каждому тотъ родъ властительства любезнѣйшїй быть долженствуетъ, въ которомъ кто родился. Но какъ тѣмъ людямъ, у которыхъ слабое здравїе, хотя и должно тѣло свое любить и хранить; однако также и имъ вольно взирать на благополучїе оныхъ, кои, для крѣпчайшаго своего состоянїя, не имѣютъ болѣзней: такъ равнымъ образомъ и онъ, Царское достоинство почитаетъ, которому съ природы подверженъ; а притомъ не презираетъ и вольности народовъ, въ себѣ самихъ самовластїе имѣющихъ. Напослѣдокъ, онъ не дѣлаетъ ни малыя обиды Мелеандру, котораго добродѣтелямъ ежелибъ подобны были прочїи Государи; тобъ онъ всеконечно утверждалъ, что

между человѣками нѣтъ божественнѣе Царей, также и полезнѣе Царства.

66.

Смѣло распространяющему ему Нікопомпъ сего не стерпѣлъ. Человѣкъ былъ съ молодыхъ лѣтъ любитель наукъ: однако всячески не захотѣлъ въ однѣхъ книгахъ закоснѣть. Тогоради, еще въ младолѣтствѣ своемъ оставилъ учителей, чтобъ ему въ Царскихъ и Княжескихъ дворахъ, какъ въ совершенномъ и благородномъ училищѣ, обучиться свѣтскому обхожденію и дѣламъ. Такимъ образомъ, съ равнымъ онъ искусствомъ въ наукахъ и въ отправленіи дѣлъ достигъ до совершенныхъ лѣтъ, длятого что родъ его и нравы къ такой жизни приводили: да и многимъ изъ Государей любимъ онъ былъ, а особливо Мелеандръ его жаловалъ. Сего онъ тогда, также и другихъ Царей, защищая: что уже́ вы, Государь мой, имѣлибъ дѣлать, говорилъ Анаксімандру, въ народномъ правленіи, понеже и здѣсь толикую словъ и мнѣній вольность употребляете? Поистиннѣ, не съ толикоюбъ безопасностію и при народной власти вольно было Царство

хвалить

хвалить, съ коликою вы теперь народную, или уже́ вельможескую державу вознесли: такъ что сїе самое есть немалымъ доказательствомъ, что здѣсь прямая находится вольность, а тамъ притворная. Ибо когда вы на природу указываете, которая врожденную любовь къ вольности всѣяла въ животныхъ; то тѣмъ самымъ доказываете, что всякїй родъ правленїя должно уничтожить. Изволите знать, что какъ во всеобществахъ, такъ и въ Царствѣ уставы, которымъ бы повиноваться. А все сїе равнымъ образомъ или согласно, или нѣтъ, съ природною вольностїю. Ежелибъ добровольно могъ воздержаться въ предѣлахъ справедливости родъ человѣческїй; то, для великїя всѣхъ добродѣтели, не токмо излишное, но и не праведное былобъ повелѣнїе, которое гражданъ, добровольно уже́ справедливѣйшихъ, принуждалобъ къ бесполезному порабощенїю. Но понеже отъ злонравїя человѣческаго не можно благополучїя сего ожидать: тогоради, тотъ о́бразъ правленїя наибольше съ естествомъ сходствуетъ, который запрещаетъ людямъ заблуждать, вышедъ за законъ са́маго естества и добродѣтели. Такъ что, нѣтъ нужды въ томъ, чтобъ многимъ,

или немногимъ власть имѣть; но необходимая есть, дабы знать, въ коемъ изъ сихъ правленій добродѣтельнѣе граждане живутъ. Ктомужъ, вы непристойно смѣшали народную и вельможескую власть, длятого что она весьма различна. Подлинно, вы для прикрасы и для великолѣпія въ вольности отозвались къ народу; а ради пользы присовокупили досужство вельможей. Но ежели вы чрезъ всеобщества разумѣете тѣ, въ которыхъ верьховнѣйшее право народъ имѣетъ; то какую въ нихъ силу благоразуміе знатныхъ людей имѣть можетъ? Ибо часто незнающихъ и лѣнивыхъ лехкомысліе народа производитъ: также, возмущеніями, завистію, и устремленіемъ кипятъ народныя хотѣнія; и притомъ, многократно бывало превеликія добродѣтели зна́комъ, когда кто отъ нестройнаго множества пострадалъ. Будежъ вы къ той сторонѣ прибѣжите, гдѣ вся сила въ однихъ вельможахъ; то такое правительствующее собраніе предпочесть Царству, весьма стыдно, Государь мой, и умноживъ число Государей, умножить неволи подлость: ибо вы, вмѣсто одного токмо Царя, столько поставляете Государей, сколько тамъ людей, изъ которыхъ состоитъ.

стоитъ оный правительствующій совѣтъ. Но, говорите вы, благоразумнѣе отъ многихъ, нежели отъ одного токмо Царя, общія дѣла́ управляемы будутъ. Чтожъ? развѣ Цари мудрыхъ людей никогда совѣтовъ не употребляютъ? А сіе, похваляемое вами правительствующее собраніе развѣ часто не поступаетъ по пристрастіямъ, когда каждый изъ нихъ о собственной старается пользѣ, или когда любовію горитъ къ своимъ, а на равныхъ ненавистію дышетъ? Но, выжъ говорили, лучшими награжденіями возбужденное молодости искусство, къ наукамъ и трудамъ привлечено будетъ, и процвѣтетъ преславными разумами всеобщество; а Царства, какъ противныя наукамъ и добродѣтелямъ, завянутъ. Какоежъ сіе всеобщество? Оноель, въ которомъ силенъ народъ? тоесть, въ которомъ къ бунтамъ, къ неистовству, къ улещиванію народныхъ мнѣній, и къ обману оныхъ принаравливаютъ себя злословесныи и мятежныи умы ласкательствомъ, повиновеніемъ, и сладостію краснорѣчія? Словомъ, въ которомъ едва бываетъ, чтобъ и самыи изрядныи и ревнительныи разумы не для пагубы общества предъ прочими сіяли. Но при пра-

вленіи знатныхъ особъ, какая есть надежда трудолюбнымъ онымъ людямъ, которыябъ еще бо́льшія не́-было при державѣ Царя? Въ нѣкоторыхъ токмо, какъ вамъ извѣсно, домахъ и породахъ заключаютъ сіи вельможи государственныи чины и силу; такъ что роду, а не добродѣтели хранятся достоинства, кромѣ токмо нѣкоторыхъ самыхъ нискихъ, и въ которыхъ всегда спеси благородныхъ подвержену быть должно. Да и о сихъ малыхъ чинахъ, въ которыи происходить позволено, не думаетель вы, что они могутъ даны быть другимъ, а не тѣхъ же сильныхъ людей знакомцамъ? Не благоуспѣшнѣе, нежели гдѣ повелѣваетъ Царь, и тамъ краснорѣчіе въ совершенство приходитъ, и добродѣтель возрастаетъ; но милость, но дружество, но особливые каждому услуги желаемый успѣхъ получаютъ. Изволитежъ положить, что, какъ Царство, такъ и всеобщество, верьховныхъ Правителей пороками, равно какъ зараженныя язвою мучатся, и отъ нихъ страждутъ: то въ которомъ правленіи способнѣйшія могутъ найтись лѣкарства, для возвращенія общаго здравія? Всякъ скажетъ, что Царя, и его пороки, по крайней мѣрѣ, смерть истребитъ; и

можно

можно отъ преемникова добронравія, надѣяться лучшаго. А заразу поврежденнаго правительствующаго совѣта не каждаго кончина очищаетъ; но однажды отравою напоенныи нравы, отчасу тяжелѣ ко всему худому валятся потá, пока всеобщаго здравія паденіемъ свои́мъ не обрушатъ всеконечно.

67.

Отъ сего Нікопомпова рассужденія убоялся Лікогенъ ненависти, что племянникъ его нападалъ на Царское право. Ибо и сей вымыслъ бесполезенъ находился къ его предпріятіямъ, для того что онъ не истребить, но получить бы себѣ царствованіе желалъ. Другой полезнѣйшимъ ему показался, когда уже́ о томъ рѣчь была продолжаема, именножъ, охуждать обыкновеніе народовъ, которыи одной токмо породѣ отдаютъ наслѣдство, а другихъ возносить, кои, по кончинѣ каждаго Царя, въ общемъ собраніи вольными выбираютъ голосами. Сіе предложеніе угодно было Лікогену особливо для того, что, желая Мелеандрова скиптра, надѣялся тотъ себѣ получить мятежнымъ избраніемъ отъ народа; и также для того, что тамъ

тамъ былъ Дуналбій, о которомъ безъ сомнѣнія думалъ, что онъ съ нимъ согласиться имѣетъ: понеже въ ихъ священноначальническомъ соборѣ на верьховную степень не по наслѣдству, но по избранію восходятъ. Тогоради такъ начавъ, перебилъ рѣчь Нікопомпу: цѣлый день прежде пройдетъ, говорилъ, нежели все вы исчислите, что на обѣ стороны предлагать можно. Ибо кто изъ Філософовъ не находитъ, чемъ бы Царей, или всеобщества защищать? Чтожъ до меня; я съ вами, почтенный Нікопомпъ, согласенъ, что лучше одного токмо повелѣніемъ общество управляется. Но слѣдующее больше трудностямъ подвержено, а именно, лучшель быть народу въ подданствѣ всегда у единыя токмо породы, или оставить ему право, выбирать изъ всѣхъ гражданъ достойнѣйшаго. Ибо, при той народа вольности, родящіися отъ Царскія крови прилѣжнѣе всему доброму обучаться имѣютъ, зная, что не прежде получить имъ можно скипетръ своихъ прéдковъ, нежели будутъ достойны по добродѣтелямъ, для которыхъ и оныи ихъ прéдки царствовали. Также, и каждый бы Царь благодаренъ былъ народу; а памятуя, что чрезъ него восшелъ онъ на

престолъ, умѣреннѣе употреблялъ бы данную себѣ власть. Нынѣжъ, какъ бы мы родились невольниками, ежели подвергаемся повелѣнію; то не хотятъ на насъ и смотрѣть: а буде оное отвергаемъ; то за уголовное почитается преступленіе. Когдажъ на младенца, на отрока, на слабаго ума человѣка, верьховную власть судебъ насмѣяніе переноситъ; то что сего плачевнаго наслѣдства гореснѣе? Поистиннѣ, не ожидаетъ подданныхъ злочиніе, пока оный Царь возрастетъ; но, покамѣстъ еще неискусный и бесполезный его возрастъ горделиво презирается, такіе всенародные бѣды приключаются, кои потóмъ насилу многихъ лѣтъ благополучіемъ отвратить возможно будетъ. Тогда подлинно всѣ царствуютъ, народъ всѣ расхищаютъ; такъ что онъ, будучи въ попраніи не у однихъ Царей, не имѣетъ ужé утѣшенія себѣ, за претерпѣваемые обиды, и отъ сáмаго погрѣшающихъ достоинства. И понеже на мѣсто кормчія на кораблѣ, нѣсколько искуснаго человѣка, сына его незнающаго по наслѣдству не опредѣляемъ, чтобъ сей тѣхъ не погубилъ, коихъ тотъ сохранилъ; также и въ училищѣ Философіи не ближній сродникъ по умер-

шемъ

шемъ учителѣ, но мудростію ему подобный наступаетъ: то чегожъ ради одну сію царствованія науку, премногихъ пра́вилъ исполненную, и которыя отъ погрѣшностей всѣхъ обще пагуба зависитъ, молодымъ людямъ поручаемъ? Сіи, ежели по праву наслѣдства имѣютъ чтобъ царствовать; то намъ потомужъ праву оставлено, чтобъ погибать. Я сіе обыкновеніе извиняю, ежели мы думаемъ, что народъ и городы для самихъ Царей токмо созданы. Но буде признаваемъ, что Царское достоинство введено для защиты народамъ; то удивляюсь, какъ пре́дки наши не предусмотрѣли, чтобъ иногда злѣйшая изъ того напасть не могла произойти, нежели которая благодѣяніемъ его отвращается. Но все сіе вамъ, священнѣйшій Дуналбій, оставляю на обстоятельнѣйшее рассужденіе: Вы справедливѣйшій судія имѣете намъ поттвердить обыкновеніе избирать Государей, которое и сами вы въ священномъ соборѣ всемѣрно праведнымъ законоположеніемъ наблюдаете.

68.

Дуналбій, хотя всегда во время словопрѣній при собраніяхъ былъ воздержнѣйшій:

жнѣйшій: однако до того пришелъ, что или согласиться съ Лікогеномъ, или противъ его говорить ему надлежало. Сверьхъ того, видѣлъ, что всѣ на него, а особливо Никопомпъ прилѣжно смотрѣлъ. Тогоради съ умѣренностію отрицая, что онъ не подтверждаетъ представленнаго Лікогеномъ; напослѣдокъ, всѣхъ глубокимъ молчаніемъ, тѣмъ его на слова́ призывающихъ, въ слѣдующемъ содержаніи выговорилъ онъ мнѣніе свое Лікогену. Знаю, что Ваше Высочество больше для любомудрствованія такимъ образомъ изволили рассуждать, а не для того, чтобъ вы самымъ дѣломъ такъ содержали. Развѣ токмо вы, по собственному Вашему усердію ревнительнымъ къ намъ быть восхотѣли, чтобъ, понеже мы избраніемъ объявляемъ верьховнаго первосвященника, явиться вамъ первому, которомубъ утвердить и вездѣ индѣ равный же обрядъ голосовъ. Но извольте рассудить, коль великая есть разность между обоимъ симъ, длятого что законъ предревнія святости не допустилъ насъ до брачнаго сочетанія; то какъ мы можемъ оставлять митры дѣтямъ нашимъ, которыхъ у насъ нѣтъ? Сверьхъ того, многое въ священной находится

службѣ,

службѣ, что священствующіи сами должны дѣлать, а не другимъ повелѣвать. Тогоради, ежелибъ они отрокамъ сію должность наслѣдія по праву опредѣлили; то кудабъ пошла жертва, куда храмы, куда богамъ оное служеніе, которое простымъ, и богу не посвященнымъ, не можетъ быть ввѣрено? Притомъ, такъ намъ повелѣвается, чтобъ ни о богатствѣ, ни о прочихъ человѣческихъ промышленіяхъ ни малаго не имѣть попеченія; но за домъ, за племя, за потомковъ одно небо признавать: да и все то, что у насъ, не наше есть, но божіе, которое, нами токмо учреждаемое, къ наслѣднику не переходитъ. Но ежелибъ на одну породу, сіи верьховнаго священства митры, возлагаемы были; то коль долго, чаете вы, пребылабъ она въ сей мысли, что великостію такою одолжена богамъ, и что не себѣ, но богу царствуетъ? Или, Цари и народы коль жебъ долго могли сносить толикаго сродства высокомѣрность, которыи всѣ нынѣ не поколѣнію какому, и почитай ни человѣку, но чина святости, безъ прерѣканія и безъ уничтоженія себя, подвергаются? Но въ гражданскихъ державахъ (которые богатствомъ и силами утверждаются, и должен-

и долженствуютъ промышлять народу тишину, а упрямство злотворцовъ сокрушать воруженными уставами] много того находится, что пользу наслѣдія одобряетъ, изъ котораго всего можетъ быть что самое главнѣйшее есть, именножъ, безмѣрное властолюбіе вельможей приводить бы въ бессиліе, чтобъ, надѣясь получить себѣ царствованіе, не дерзали они насиліемъ нападать на Царя.

69.

Извольтежъ, прошу, положить, что у благородныхъ и беспокойныхъ народовъ, которыхъ мы нынѣ видимъ воздержаваемыхъ наслѣдственнымъ правленіемъ, сіе, похваляемое вами, обыкновеніе избранія есть въ важности: то, что тогда дѣлать имѣлибъ вельможи, чаете, которыи и нынѣ едва сносятъ Царя? Вотъ тотчасъ бы они начали излишно уповать, что могутъ себѣ получить престолъ; вотъ сталибъ показывать и презрѣніе къ Царю, которомубъ изъ ихъ же состоянія быть надлежало, и немогущему оставить своихъ дѣтей высочайшими. Но гдѣ благополучіе царствованія въ одной токмо породѣ состарѣлось; то тамъ прежде бывшихъ Царей

почтенiе такъ въ потомкахъ пребываетъ, что и самые пелены младенцовъ, къ порфирѣ рожденныхъ, молчащимъ признанiемъ выше себя мы почитаемъ, и повиноваться имъ не отрекаемся съ презрѣнiемъ, о которыхъ знаемъ, что они, прежде нежели на свѣтъ произойдутъ, длятого родятся, чтобъ повелѣвать. И безъ сомнѣнiя, величайшее нѣчто всѣвается въ оныи разумы, которыи къ царствованiю съ малолѣтства наставляемы бываютъ; самаль природа сiе дѣлаетъ, твердость ли обученiя, или лучше божескiй промыслъ. Поистиннѣ, привычкою почтенiй, которыя имъ отдаются, притупляется у нихъ вкусъ гордости какъ бы острота какая, и воспитывается крѣпкая оная безопасность къ повелѣнiямъ, которая какъ едва презираема быть можетъ, такъ ни притти въ ненависть, длятого что по большой ча́сти присовокупляется къ нимъ учтивый нравъ, съ вельможами дружеское обхожденiе, и притомъ, нѣтъ имъ причины стыдиться, и краснѣть, длятого что они нé были никогда изъ простыхъ людей. Потóмъ, привыкаютъ они высочайшее размышлять, и о государствѣ, какъ о наслѣдiи своихъ дѣтей, съ вѣрностiю радѣть. Но который воль-

нымъ

нымъ избранїемъ на сїю человѣческую высоту возносится; тотъ не забываетъ перваго своего состоянія, въ кое притти наслѣдники его могутъ. Того ради, отъ прилѣжанія къ государственнымъ дѣламъ ближайшимъ попеченїемъ отвлекается, дабы сыну, или ближнему сроднику въ тѣхъ сыскать прїятство, которыи царство дать могутъ; или, по крайней мѣрѣ, породу свою такъ богатствомъ наполняетъ, чтобъ никто потóмъ не могъ не знать, что она изъ тѣхъ, которые царствовали. Такимъ образомъ государственныхъ утварей украшенїя, и всеобщая казна, всякимъ способомъ въ простую сносятся породу: а что къ великолѣпію, и къ общей пользѣ усердное радѣнїе прéдковъ опредѣлило; то печальнѣйшимъ погрѣшенїемъ не знаю на какїи домы истощавается, и готовится сїи самыи въ высокую честь вывесть. Такїи Цари не своими токмо погрѣшностями вредъ дѣлаютъ всему государству; но еще и вельможей заблужденїемъ, которыхъ напаснымъ попущенїемъ для того они къ себѣ задобряютъ, чтобъ порфиру сродникамъ своимъ соблюсть, или чтобъ тѣ, на пребезмѣрныи подарки истощавать, не запрещали ему, также напослѣдокъ, чтобъ не оскорбить имъ

или будущаго Царя [ибо не извѣсно, кто оный быть имѣетъ изъ толикаго числа́ вельможей] за обиды мстить имѣющаго породѣ, изъ которыя былъ прежний Царь. Теперь да изволитъ Высочество Ваше похвалять мудрость избранія, которая новые часто вводитъ породы къ утучненію ихъ всеобщею бѣдою. Сами Аквілїи, отъ разныхъ породъ выбранныи, коль часто Величества своего силы, такимъ преданные промысламъ, сокрушали? Изъ сихъ оный, котораго уставы золотыми называютъ, чтобъ сыну своему царство предуготовить, коль великою цѣною голосы купилъ? Съ какимъ потóмъ государству вредомъ, когда заплатить не́-былъ въ состоянїи, государственныи зборы избирателямъ отдалъ, которыми они сперва подъ именемъ залога пользовались, а потóмъ тотчасъ ихъ, отъ слабости, или отъ погрѣшенїя государствующихъ, въ собственное свое наслѣдїе обратили. Многїя сверьхъ того бываютъ, какъ вы сами изволите знать, и дѣла́ и совѣты, которыи съ са́маго своего нача́ла не дѣлаютъ государству пользы, но ожидаютъ своея з ѣлости, и наподобїе плодоносныхъ евъ въ законное напослѣдокъ время носятъ плодъ. Въ сихъ дол-

жайшія

жайшія надежды предпріятіяхъ часто твердое государствъ спасеніе состоитъ. Однако, весьма чаще уничтожаемы, или оставляемы бываютъ отъ Царя, который не наслѣдіемъ, но избранія правомъ вѣнецъ имѣетъ. Ибо къ предпріятію оныхъ дѣлъ трудъ превеликихъ наибольше требуетъ силъ, и тѣмъ самымъ начинателямъ своимъ непріятный, что не токмо отъ жатвы, но ни отъ зелени нѣтъ имъ онаго увеселенія, которое будущимъ впредь Царямъ случится. Ктожъ имѣютъ быть оныи Цари? дѣтиль мои, другиль, или свойственники? Но, напротивъ того, можетъ быть ктонибудь и изъ незнаемыхъ, или еще и изъ ненавистныхъ. Симъ ли я къ безопасности, къ веселію, и къ богатству основанія положу, съ великимъ трудомъ и стараніемъ, также и съ ущербомъ казны, которую я нынѣ лучше своимъ раздарю? Но извольте положить, что я самъ оное предпріять хочу: однако тѣ самыи преемники, можетъ быть по ненависти, бесполезнымъ здѣлаютъ мое благодѣяніе, и дѣла́, въ надежду будущія впредь чрезъ долгое время пользы начатыя, или запустятъ, или совсѣмъ опровергнутъ: ибо мнѣ, и въ мое время, имѣетъ быть въ честь, что я оныя

завелъ; а имъ, какъ старателямъ токмо, и благоразумія нашего охранителямъ, надобно будетъ употреблять иждивеніе безъ всякія себѣ славы. Все сіе какъ непщетною боязнію, такъ и не безъ государственныя пагубы, такихъ Царей сердца обыкновенно отъ превеликихъ предпріятій отвращаетъ.

70.

Однако, не толь съ великимъ вредомъ, нѣкоторымъ образомъ, государству, царствовать избранныи Цари могутъ, коль быть избираемы. Ибо въ острыхъ народахъ, и тонкимъ честолюбіемъ кипящихъ, не надѣетесь ли, чтобъ государственныи съѣзды могли быть покойны? Также не думаете ль вы, что они безъ подкуповъ, и безъ оружія обойдутся, когда многіи богатствомъ, родомъ, и разумомъ равныи ни уступить другъ другу не возмогутъ, ни всѣ совокупно царствовать? Чтожъ, когда еще на двухъ Избранниковъ голосы раздѣлятся, и оба законными Царями себя провозглашаютъ, такъ что и знать не можно, который изъ нихъ несправедливо выбранъ? Въ такомъ случаѣ сколько бываетъ замѣшательствъ? коль часто про-

продолжи-

должительнѣйшею войною окровавленныхъ? И дабы мнѣ пространнѣе не упоминать о томъ, что народъ возводить Царя на престолъ по правамъ привыкшїй, часто также и дерзаетъ его низвергать, извольте посмотрѣть на Аквїлїя. Сей два царства, по опредѣленїю столькихъ же съѣздовъ, не давно получившїй, не много спустя послѣ того, отъ раскаянїя тѣхъ же самихъ людей, лишился обоихъ оныхъ. Утверждали они, что онъ не законно воспрїялъ вѣнецъ. Чего ради, оружїемъ, убїйствомъ, и опустошенїемъ земель, надлежало все потерянное возвращать. То шелъ онъ на Перангїлеа, объ одномъ изъ оныхъ царствъ домогающагося; то обращался на Дерефїка, ужé на другое силою нападающаго, который за кушанїе, кое должно ему самому было ставить на Аквїлїевъ столъ, почитай захватилъ какъ самый столъ, такъ и всѣ съѣсныи припасы. Все сїе какъ не назвать крайними бѣдами, и злѣйшими оныхъ, которымъ иногда отрочество нашихъ Царей подвержено? Ибо я не спорю, что часто или царствующихъ младенчество, или слабый ихъ разумъ, и не способный къ дѣламъ, всему обществу бываютъ вредительны. [Да чтожъ бы такое и

находилось, которое къ человѣческой пользѣ со всѣмъ бы могло быть пригодно?] Однако все такое нещастіе тишайшею тучею на насъ волнуется, нежели та буря, которая съ моря государственныхъ съѣздовъ подымается.

71.

И дабы никому не думать, что каждый самый добродѣтельный, или наибольше къ царствованію способный, можетъ на оныхъ съѣздахъ получить себѣ порфиру. Коль многіи бываютъ происки! Коль часто такъ случается, что кто родомъ и силою всѣхъ лучше, тотъ въ разумѣ великій имѣетъ недостатокъ: буттобъ опасалась судьба, чтобъ, ежели даруетъ превысокую породу и совокупно такой же разумъ человѣку, не здѣлать богомъ смертнаго земнороднаго. Слѣдовательно, не имѣетъ достойнѣйшій быть, кого Государемъ съѣзды опредѣлятъ; но или сильнѣйшій, или родомъ и богатствомъ благополучнѣйшій: а обое сіе много можетъ отстоять отъ искусства какъ царствовать. Сей силами своими голосы выбирающихъ или устрашитъ, или купитъ; но тотъ слабостію благопріятство

ство

ство у тѣхъ найдетъ, которыи будутъ въ надеждѣ, что при такомъ Государѣ сами они царствовать имѣютъ. Напослѣдокъ, ежели ваше высочество въ избирающихъ доброусердїе и желанїе такъ непорочными полагаетъ, что въ томъ, кого они Царемъ опредѣляютъ, на одну токмо смотрятъ добродѣтель, и благополучно оную обрѣтаютъ; буде еще умѣренность Избранниковъ, и согласїе народовъ такое себѣ представляетъ, что они тотчасъ подвергнутъ себя симъ образомъ скипетръ воспрїявшему; если къ сему изволитъ и прибавить, что добронравїе новаго Царя, при ласканїяхъ и роскошахъ недавно полученнаго блаженства, такъ памятовать себя будетъ, что никогда ни въ чемъ не прегрѣшитъ: то всеконечно въ такомъ случаѣ я соглашусь, толикое благополучїе похвалами превознося, и буду признавать, что оный народъ, которому сїе случится, есть любезнѣйшїй богамъ. Но не можно уповать толикихъ благъ: сопротивляются человѣческїи пороки, и толь частыи опыты бывающаго всему тому противнымъ образомъ; такъ что недѣльно охуждается тѣхъ народовъ мудрость, которыи подвергли себя одному токмо племени, дабы у нихъ быть

тишайшему, и великолѣпнѣйшему царствованію.

XVI.

72.

Превеликимъ разженъ былъ гнѣвомъ Лікогенъ, что Дуналбій не такъ всеконечно, какъ онъ отъ него надѣялся, рассудилъ: однако, чтобъ пирующіи сего въ немъ не примѣтили, нѣкоторыми забавными словами, которыхъ много онъ имѣлъ преизрядныхъ, дѣло толь важное замялъ при вспоможеніи Эвріmедовомъ, которому не-любо было, что у него рассужденіе толь бѣдственныя Філософіи изъясняемо было. Наибольше о Перангілѣ и Дерефікѣ между пирующими рѣчь началась, которыхъ о продерзости на Аквілія Дуналбій теперь припомянулъ: толь наипаче, что сихъ отдаленныхъ народовъ о смятеніяхъ, многимъ пріятно было какъ сказывать, такъ и слышать. Арсіда между тѣмъ, почитай ужé при окончаніи стола, способно могъ украсться и прибѣжать къ Аргенідѣ, коей вкратцѣ онъ расказалъ, коль великую злость имѣетъ Лікогенъ къ Царямъ. Но она на обиду временъ краткуюжъ принесши

жалобу, письмо ему вручаетъ къ Поліарху, которымъ изволеніе свое объявляетъ. И послѣ какъ многими словами о суднѣ, о пути, о тайнѣ, и о всемъ что принадлежало до безопасности бѣгущаго, просила его, потомъ говорила: Вамъ, дорогой Арсіда, для того что вы толь великаго человѣка отъ непріятелей увезть имѣете, вопервыхъ боги воздадутъ, также и совѣсное ваше сердце о добродѣтели; потомъ и самъ Поліархъ, когда онъ будетъ благополучнѣйшимъ: а ежели всего сего не збудется; то, по крайней мѣрѣ, отъ меня, за ваше благодѣтельство извольте ожидать награжденія. Онъ радоснѣйшимъ ставши отъ обѣщанія Аргенідина, и потомъ съ Архомбротомъ нѣсколько о дѣлѣ поговоривши, при глубокомъ ужé вечерѣ къ Тімоклеину прибылъ селу. Ей тогда поселяне, познавши ужé свое погрѣшеніе, извиняли прошедшее не давно смятеніе. Она больше думала, что противъ уставовъ сама погрѣшала, нежели что сыщики нé были щасливы: того ради ласково со всѣми обходилась, задабривая ихъ сердцá къ себѣ, ежелибъ впредь что могло случиться. Арсіда имъ же пріятный учинилъ привѣтъ; а когда всѣ ужé разошлись: то при пер-

вой

вой темнотѣ ночной къ Поліарху онъ сшелъ. Сей отъ медлѣнія и печали болѣзнуя, какъ скоро приходящаго его увидѣлъ: что вамъ, говорилъ, захотѣлось живаго меня погребсть? Вы́пустите меня, Государь мой, изъ толикаго мрака, или ужé непріятелямъ выдайте. Поистиннѣ, больше я не могу быть въ семъ состояніи. Тотъ вѣдая, коликія радости приноситъ ему посылку, ничего не отвѣтствовалъ на всѣ сіи нареканія, но письмо отъ Аргеніды вынимаетъ, и говоритъ, чтобъ онъ посмотрѣлъ печать, и надпись. Тотчасъ Поліархъ, пришедъ въ великую радость, говоритъ Арсідѣ: здравствуетъ ли, Государь мой? И ещель изволитъ меня содержать въ памяти? Имени не упомянулъ: ибо и Тімоклеа слышала разговаривающихъ; но распечатавши, отшелъ нѣсколько подалѣе, чтобъ читающаго пристрастіе и лице не могло быть примѣчаемо. Прочетши письмо, отвелъ онъ Арсіду для тайныхъ словъ, и нáчалъ у него совѣта требовать, именножъ, довольноль онъ Поліархъ на чужое платье, и на притворную личину надѣяться можетъ, и въ томъ уборѣ пойти къ Аргенідѣ; или лучше ему слѣдовать за безопаснѣйшимъ, и въ суднѣ плыть въ Мессану.

Мессану. Арсiда хотя и больше къ тому клонился, чтобъ оному тотчасъ отправиться: но съ медленiемъ противился Полiархъ, пребезмѣрно желая видѣть Аргенiду, и съ устыдѣнiемъ любовь свою́ защищалъ. Сiе когда Арсiда почувствовалъ; то, чтобъ вывесть нѣсколько любителя изъ стыда, премѣнивши свое мнѣнiе, на́чалъ наибольше совѣтовать, дабы ему итти къ Аргенiдѣ. Ибо что способнѣе быть можетъ, какъ чтобъ въ завтрешнiй день въ храмъ, отворенный всѣмъ, войти? Аргенiда тамъ, по обыкновенiю, имѣетъ стоять при жертвенникѣ, которому приносить лобзанiе и самымъ бѣднѣйшимъ молитвенникамъ не запрещается. Подтвердивши намѣренiе Полiархово, Тiмоклею они къ себѣ призываютъ, и сказываютъ, что на рассвѣтѣ Полiархъ отправится къ судну, которомубъ его въ Iталiю отвезть. [Ибо таили они намѣренiе, итти во дворецъ.] Къ сему присовокупилъ Полiархъ, что онъ никогда не забудетъ благодѣтельнаго ея угощенiя: всегда животомъ, и всѣмъ, что чрезъ него люди имѣютъ, одолженъ ей быть имѣетъ. Госпожа въ моленiяхъ и желанiяхъ слезами умываясь, уже́ не какъ го́стю, но почитай какъ дѣтищу, всякаго

каго попеченія и заботы усердіе показывала. Не мало было, что къ любви благодѣяніе еще она присовокупила, и боялась, чтобъ какъ своего уже́ Поліарха не милостивѣйшая не уловила Фортуна. И тогда въ слезахъ, опочивать нѣсколько имѣющаго его, оставила.

73.

Препроводивши ночь со скукою въ желаніяхъ и страхѣ, возвратилась съ Арсідою въ пещеру; и принесла съ собою ломтики хлѣба виномъ напоенные: а по Греческому обыкновенію позавтракать принудила еще со сна не хотящихъ. Потомъ незадолго предъ зарею выпроводила съ Геланоромъ Поліарха. Геланоръ съ письмомъ отъ Арсіды къ супругѣ его въ Мессану отправился: ибо въ Мессанѣ жилъ Арсіда, городомъ, отъ Мелеандра ему порученнымъ, правя. Писма́ содержаніе было, чтобъ жена на пристани судно со всѣми припасами въ готовности имѣла, на которомъ ему вскорѣ въ Италію надлежитъ ѣхать. Великую онъ нужду имѣетъ, быть въ Регіи. А кто письмо сіе вручитъ, тогобъ она всячески угощевала. Самъ онъ въ Мессану чрезъ четыре дня прибыть имѣетъ.

Пóслѣ какъ Геланоръ туда отправился, Поліархъ ужé одинъ за Арсідою, ѣдущимъ помалу на лошади, слѣдовалъ. Пѣшъ онъ былъ; худое имѣлъ на себѣ плащьишко; и посохомъ безъ нужды подпирался. А чтобъ отъ бѣлизны по рукамъ его не узнали; то онъ ихъ растворенною сажею въ желтоватый цвѣтъ перемѣнилъ.

XVII.

74.

Прибыли они въ городъ; а тогда ужé придверникъ отворилъ храмъ богининъ, и всѣхъ пускалъ: однако еще многій народъ лучшихъ мѣстъ, съ которыхъ бы смотрѣть, не занялъ. Поліархъ, сколько возможно, ближе сѣлъ къ жертвеннику; а Арсіда отправился къ Аргенідѣ, и увѣдомилъ ея, коль благоговѣйный молитвенникъ въ храмѣ ея ожидаетъ. Одеревѣнѣла Царевна, поразившись какъ напастію Поліарховою, такъ и чувствомъ подаемыя себѣ радости; а со всякимъ прилѣжаніемъ развѣдавши отъ него о знакахъ, по которымъ бы она переряженнаго Поліарха познать могла: дѣло, говорила, исполнено есть напасти, дорогой Арсіда, ежели

Поліархъ перемѣною токмо платья, и личиною утаиться можетъ, для того что Царь и Лікогенъ вскорѣ имѣютъ пойти въ храмъ. Толь изъ многихъ людей, которыи окружать имѣютъ Государя и съ нимъ Князя, думаетель, что никто не узнаетъ сего обмана? А особливо тѣ, которыи больше Царю, или Лікогену благопріятствуютъ, имѣя другъ на́-друга взаимное подозрѣніе, всякимъ образомъ все пересмотрятъ. Велѣлабъ я ему притти и сюда въ крѣпость; но военныи люди, кои стоятъ на караулѣ, неравно́ сорвутъ съ него личину. Пойду я лучше къ родителю, и напомню ему, что отъ самаго того времени, какъ онъ меня учредилъ служительницею Палладѣ, никогда въ торговый сей день не́-было запрещенія са́мой подлости приходить въ храмъ. А понеже онъ, для скораго утвержденія мира имѣетъ съ Лікогеномъ туда войти; то въ храмѣ наполненномъ окружающими, предстоящими, и знатными, какъ не будетъ мѣста народу, такъ не можетъ онъ вмѣстить и подлѣйшихъ богомольцовъ. Тогоради, ежели ему угодно, [чтобъ ничего того, что ввелось, и нынѣ не оставить] я сама тотчасъ къ жертвеннику отправлюсь

влюсь, дабы хотящіи изъ народа обыкновенными обрядами очистились: а когда служба для простыхъ окончится, тогда онъ лучше всеобщее священнодѣйствіе исправить имѣетъ. Симъ образомъ безъ всякаго страха увижу я Поліарха; и безопаснѣе при нелюбопытномъ народѣ намѣренія наши утаятся. И понеже Арсіда похвалялъ ея вымыслъ, и понуждалъ, чтобъ ей тѣмъ поспѣшить; то Царевна и пошла къ Царю. Не меньше и сей мнѣніе ея одобрилъ, будучи обманутъ пристойною лжею. А она, немедлѣнно совсѣмъ убравшись [когда еще только что два часа дня было, какъ сказывали Мінервины жерцы] • отъ окружающихъ и служебницъ въ храмъ была препровождена.

75.

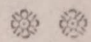
Чинъ службы сея былъ слѣдующій отъ того времени, какъ Аргеніда отправляла священноначальство. Сициліане торговый съѣздъ на площадномъ собраніи, и купечество имѣли. Въ то время Царскіи указы объявляемы были народу; въ тожъ самое и винныи казнѣ воспріимали. Все сіе время какъ на отправленіе священныхъ, такъ и граждан-

скихъ дѣлъ употребляемо было. Збирались въ ближнїи городы изъ окольныхъ селъ и деревень, которыи или поселянскими товарами богаты были, или нужду имѣли въ городскихъ. Въ сей день отправлялась празничная служба Палладѣ, чтобъ великое множество народа могло видѣть Аргениду. Сїя кудабъ въ Сицилїи ни предвоспрїяла путь; всюду за нею провѣщатели и жерцы, также большой, на жертву опредѣленный, скотъ, и прочїи роды закалаемыхъ слѣдовали. Въ девятый уже́ день, ежели какой Мїнервинъ храмъ находился вблизи, относился туда Кумиръ, которому почтенїе обыкновенно оддавалось: будежъ не́-было; то изъ са́маго пристойнаго храма вонъ выносили пребывающаго тамъ бога или богиню, чтобъ, понеже двухъ божествъ одинъ храмъ не вмѣщаетъ, отшествїемъ своимъ уступилъ онъ или она на время свой престолъ Палладѣ. Двери лавромъ украшенные, распещрялись еще фанирями и разноцвѣтными увязанїями. Кумиръ, почитаемый на жертвенникѣ, свирѣпый былъ; и богиня имѣла пристойное себѣ оружїе. Острая взора осанка то быстротою очей, то шлемомъ до половины чела́ надвинутымъ, преизрядно бодрилась. Лице пристойное

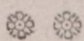
ное было дѣвицѣ, но суровой. Часто народъ утверждалъ, что богиня золотымъ копіемъ, отъ котораго лучи по крушцу блистали, ударяла. Щитъ также, по выпуклинѣ его, всѣми красками, которые чешую у змій отличаютъ, живописецъ расцвѣтилъ. Устремительство хода, какъ бы стоящія при сраженіи, лѣвую ногу такъ отставило, что весь истуканъ нѣсколько набокъ искосило. Въ видѣ также зміиномъ и Эріхтоній лежалъ при ногахъ, згибами конецъ у копія обвивая. Впрочемъ, отборныя закалаемыя, обвязаніями и прочими обрядами, кромѣ посыпанія мукою, пріуготовленныя на жертву, приводились къ предверію капища. [ибо внутри проливать кровь, грѣхъ было] Послѣ, какъ уже предъ закалаемыми поставлена будетъ вода, приходила туда Аргеніда, въ самомъ богатомъ уборѣ, которой и Царевнѣ и Священноначальницѣ приличествовалъ. Удивительныя работы мантія на ней была, которая вытканными изображеніями, съ низу до самаго верьху восходя, показывала, что Паллада изъ Іовишеваго мозга раждается; и что, будучи въ спорѣ съ Нептуномъ, по изобрѣтеніи масличиннаго дѣрева, торжествуетъ. Сію, съ задняя

стороны премногими воскриліями распускающуюся, чтобъ по землѣ не волочилась, шесть дѣвицъ держали. Волосы у Аргеніды повязаны были багряною лентою, обложенною вкругъ масличинными вѣтьвями. Изъ тогожъ самаго дерева и на тѣмя головы вѣнецъ былъ положенъ. Въ такомъ уборѣ, и послѣ какъ къ закалаемымъ приступала она, покрывши голову покровомъ, начинала празничные молитвы служенія; и пѣтою мукою на скотовъ посыпая, женскимъ ударомъ къ ихъ челу опускала серебряный обушекъ. Тотчасъ прямымъ орудіемъ поражали ихъ препоясанныи жерцы; а совершенно заколовши, думали что въ утробахъ найдутъ опредѣленія судебъ и боговъ. Потомъ, вшедши въ храмъ Аргеніда, серебрянымъ кадиломъ приносила обыкновенныя куренія богамъ: а приступивши къ жертвеннику, снятый съ головы своея вѣнецъ, къ ногамъ воруженнаго Кумира благоговѣйнѣйше полагала. Тогда, какъ ѳіміамъ и разныя благоуханія, новымъ огнемъ раскуренныя изъ кадильницы по всюду расходились, а по начатіи отъ ближайшихъ дѣвицъ пѣнія, каждый кто умѣлъ изъ народа, слѣдующіи пѣлъ же стіхи.

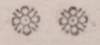
Часть лучша твоего отца!
О! ты, Мїнерва, не познала
Млека при ласкѣ отъ сосца:
Свѣтъ мужествомъ нашъ облистала!
Сама при службѣ здѣсь предстала!
Но ликъ Сїцїлїйскїй весь,
Ты дѣвѣ всплещи сей днесь,
И пой, отъ велика до мáла.

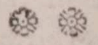
О! слава браней: ты спѣшишь
Вести побѣду, стонъ, смерть къ бою;
Копьемъ изъ правыя разишь;
Горгонажъ, коя въ лѣвой, тою
Всѣхъ въ камень претворяешь злою.

И мира ты Богиня намъ:
Елейно древо угобжаешь;
Дѣвицамъ купно и женамъ
Искусство тканїй удѣляешь,
Какъ чистый даръ ихъ обоняешь.

Тебя Трїтонска ждетъ водá;
Зоветъ градъ Аргосъ богомѣсный;
И Пандїоняне всегда.
Однакъ и островъ сей нелесный:
Къ нему взоръ утверди небесный.

Сїцїлїи всей поспѣши,
Царей во вѣки сохраняя:
Мятежъ проклятый утиши,
Особну благость тѣмъ являя,
И милость къ намъ усугубляя.
Но ликъ Сїцїлїйскїй весь,
Ты дѣвѣ всплескалъ сей днесь,
И гласомъ воспѣлъ умоляя.

76.

За пѣснїю сею слѣдовали всѣхъ желанїя, которыми явно здравїе Государямъ просимо было: потóмъ молились о благорастворенїяхъ воздушныхъ, и чтобъ земледѣльческий трудъ втуне въ землѣ не погибалъ. Тайными призыванїями о собственной пользѣ дому своего каждый приносилъ молитву. Тогда, при правой жертвенника сторонѣ, на горнѣйшемъ мѣстѣ, Аргенїда сидящая лентами обвитую вѣтьвь рукою держала, которая чистительною водою вся будучи орошена, не много и жертвою кровїю окроплена была: да и вѣрили, что дѣйствительнѣйшимъ было то охраненїемъ, ежели она къ челу и къ устамъ приложится. Стояли съ оружїемъ около дѣвицы въ два ряда военныи люди, идущимъ къ ней путь опредѣляя, по которому едва двоимъ врядъ пройти было можно; чтобъ смятенїемъ, и другихъ людей другъ друга пханїемъ, или жертвенника, или Аргенїды съ мѣста не стѣснить. Симъ образомъ допущенныи, къ ногамъ ея падали, и отходили прикоснувшись съ опасностїю къ вѣтьви. Ни единому изъ подлаго народа нé-было запре-

запрещенія: а многихъ больше Аргеніда, нежели Паллада въ храмъ привлекала.

77.

Но въ который день Арсіда Поліарха привелъ, пріуготовлено было служеніе сіе въ древнемъ капищѣ, кое Магелланяне имѣли во имя Палладино. И Аргеніда ранѣе, будто для распущенія народа прежде Лікогенова и Мелеандрова прибытія, а въ са́мой вещи, чтобъ безъ опасности видѣть ей Поліарха, вышла изъ за́мка. Когдажъ предъ дверьми у капища, къ закалаемымъ прикоснувшись, оставила ихъ въ рукахъ у убивающихъ, а при порогѣ храма взяла кадильницу: уже́ тогда беспокойнымъ смятеніемъ духа наполнившись, пришла къ тому мѣсту, на которомъ, по Арсідину наставленію, знала, что сидитъ Поліархъ. Послѣ какъ сего она увидѣла въ са́момъ гнусномъ платьѣ, и имѣющаго чужое лице, а на нея жалосными глазами смотрящаго; то такъ гнѣвомъ и сожалѣніемъ распалилась, что почитай въ изумленіи священное дѣйствіе позабыла. Однако чрезъ силу уже́ дошла до жертвенника; и тамъ на

богининъ кумиръ взирая, между тѣмъ какъ прочіи пѣли празничныи стіхи, тайныя воздыханія въ горести ей приносила. Свидѣтельствовалась вѣрностію небесныхъ боговъ. Неповинность свою, непорочность, и благоговѣинство молчащимъ нареканіемъ распространяла имъ знающимъ. Нынѣ, ежели ей помощь подать хотятъ, время приспѣло. Буде они о всемъ человѣческомъ пекутся, и все управляютъ; то чегожъ ради за добродѣтели нѣтъ воздаянія? Чего ради, ни отъ нея, ни отъ Поліарха, никакова не имѣя къ себѣ раздраженія, толь свирѣпствовали? Знаютъ они, коль не мерскою любовію, и дѣвицѣ неподающей причины къ стыду, возлюбила она Поліарха. Еслибъ по естественному праву было возможно; тобъ желала, чтобъ онъ ей былъ братомъ. По крайней мѣрѣ, споспѣшествуйте уже, говорила, убѣгающему: а буде что жестокое на обоихъ насъ пріуготовляете; то оставя его безвредна, все на мою голову соберите. Отъ сихъ молитвъ, хотя онѣ истиннѣйшею гарячестію кипѣли, внезапнымъ мыслей жаромъ отвратилась; и то о себѣ, то о женихѣ сожалѣла. Иногда Лікогена, отъ неутолимыя своея ярости, проклинала; и сколь-

ко

ко ни приходилъ ей на память, и отца не безвиннымъ дѣлала, для того что онъ толь способно соизволилъ на Поліархову гибель, однакожъ всегда сію мысль отвергала, которая покушалась нарушить должное къ родителю усердіе; и потому возвращалась къ богамъ: а деревѣнѣя, и молчащею горестію поражаясь, больше ихъ нестерпимымъ своимъ мученіемъ, нежели обѣтами умоляла. Впрочемъ, слёзы сильно могла удержать, для того что стыдъ непристойное при народѣ плаканіе запрещалъ; а можетъ быть и для того, что больше было на́-сердцѣ печали, нежелибъ ей можно было плакать.

78.

Не меньше тогда было какъ горести, такъ смятенія и въ Поліархѣ. Надлежитъ уже́ ему оставить сладчайшія мѣста́; убѣгать должно какъ поединьщику. Коль не прилично было такое неблагополучіе и роду его, и нраву! Уже́, что ему увеселеніемъ было, все то раздирало сокрушенную его душу печалію. Всѣ Аргенідины добродѣтели, всѣ ея дарованія приходили ему на умъ; также и всѣ тѣ, кои онъ

не весьма знатными въ ней почиталъ , тогда величественнѣйшимъ видомъ , для-того что надобно было съ ними разлучиться , помышленіе его наполняли. Между толь многими прискорбностями , ни что ему такъ не́-было нестерпимо , какъ что причиною онъ былъ Аргенідины печали. Не ме́нщій и страхъ на сопротивляющійся его духъ по малу нападалъ , чтобъ какъ союза дружбы между нимъ и дѣвицею утвержденнаго , время и разлука не загладили ; и чтобъ не принужденъ онъ былъ того чего нибудь ненавидѣть , что Аргенідѣ было любезно. Въ тожъ самое время , преклонившись къ гнѣву , помышлялъ возвратиться въ Сіцілію съ оружіемъ : а тогдажъ и усумнѣвался вредъ здѣлать Аргенідѣ , если повредитъ ея отца , или отечество. Симъ образомъ сердясь и болѣзнуя , то деревѣнѣлъ , то заблуждалъ мыслями.

79.

Въ семъ волнованіи духа , пропѣтыи трижды стихи народному пѣнію конецъ учинили : и сѣла Аргеніда недалеко отъ жертвенника , священную вѣтвь приходящимъ простирая. Селе-

нісса, и избранные дѣвицы, позади сидѣли. Эврімедъ и Эрїстенъ, далеко отстоящая другъ отъ друга пáра, по сторонамъ были. Отъ нихъ военныи люди начавши, по округлости храма, построились двойнымъ порятком, и опредѣляли путь хотящимъ итти къ дѣвицѣ. Эврїмедъ, когда на Аргенідиномъ лицѣ частую перемѣну усмотрѣлъ, припадши къ уху спросилъ, чтобъ ей за приключеніе здѣлалось. Употребила въ свою́ пользу разговоры его Царевна, такъ что всегда къ нему лице свое обращала, сколько разъ излишняя болѣзнь ни выходила на оное. По расшествіи народа, почитай ужé послѣдній остался Поліархъ, которому къ священной вѣтьви надлежало приступить. Духа и ногъ нé-было у хотящаго итти: а взаимно и Царевна его ждала озябающая, и почитай ужé въ беспамятствіи. О! любящихся безумныя предпріятія: равно какъ убѣгающею радостію насладиться хотящіи, на сію краткаго и нѣмаго свиданія смѣлость поднялись, и ужé не угодна имъ раздраженная болѣзнь, и совокупно напасть; а жесточайшебъ имѣющимъ проклинать свое нещастіе, ежелибъ симъ образомъ болѣзновать было не можно. Напослѣ-

послѣ-

послѣдокъ бѣдный, и уже́ не втуне подпирающійся посохомъ, привлекъ къ Аргенідѣ но́ги, и палъ на колѣна. Тогда, буттобъ желанія принося: прощайте, говорилъ, непорочнѣйшая священноначальница; извольте памятовать, что Паллада ваша отлучается вашею всегда, О! дѣвица: но, ежели вами позволено, не безъ отечественнаго грома возвратиться имѣющая. Выразумѣла бѣднѣйшая Царевна; и ничего не дерзнувши отвѣтствовать, однако печальными очами не надолго на него взглянувши, дѣйствительнѣе всякія рѣчи тѣмъ способомъ говорила. Но отъ ногъ ея отойти не поспѣшалъ Поліархъ; или онъ въ беспамятствіе пришелъ, будучи толикія напасти во мракѣ, или чувствовалъ, что но́ги его не здержатъ. Начала́ уже́ и Селенісса опасаться, чтобъ онъ не благовременнымъ медлѣніемъ не изъявилъ ухищренія. Тогда Эврімедъ, думая, что человѣкъ сей отъ невѣжливыя грубости при Аргенідиныхъ ногахъ медлитъ, тростью, которая у него была въ правой рукѣ, превеликій разъ въ бокъ припадающему далъ не безъ прочихъ смѣха, и повелѣлъ отойти. Поліархъ не изъ многихъ Эврімеду любимъ былъ; и зналъ, что сія обида не по ненависти какой,

какой, но для платья ему учинена отъ него незнающаго, кого онъ билъ: того ради, всталъ тотчасъ, по своему собственному суду достойно наказанный. Но Аргенида не толь спокойнымъ сердцемъ ударъ оный снесть возмогла: едва-едва стыдомъ удержалась, что не повелѣла Эврімеду съ глазъ сойти. Тотчасъ за отходящимъ Поліархомъ очами слѣдуя, благовременно Арсіду при порогѣ храма увидѣла, путь, какъ примѣтить можно было, бѣгущему предваряющаго. Ибо онъ, поздравивъ своему Царю, что по войнѣ тишина воспослѣдовала, притворилъ случившуюся себѣ нужду ѣхать въ Італію къ тестю. Получивши отъ Царя позволеніе, въ храмъ Палладинъ пошелъ, и увидѣлъ идущаго отъ жертвенника Поліарха. Тогда не надолго съ нимъ сшедшись, совѣтуетъ, чтобъ онъ тѣми воротами вышелъ изъ города, коими не много ходитъ народа; и дороги бъ оныя держался, которая прямо ведетъ къ Мессанѣ; а на второй верстѣ въ кустарникѣ бы, котораго тамъ много попадется, скрылся: но онъ Арсіда, поговоривши съ Аргенідою, тотчасъ его достигнуть имѣетъ.

80.

Между тѣмъ Мелеандръ къ Аргенидѣ нарочнаго послалъ, чрезъ котораго повелѣвалъ, чтобъ она священнодѣйствіе народное скоряе окончила. Времени ужé много во дни прошло: надобно для него и для Лікогена храмъ очистить. Она въ себѣ не была, и острыми возбужденіями, о которыхъ думала, что она ихъ постоянствомъ своимъ преодолѣла, ужé не чувствительно сама преодолѣвалась. Однако велѣла сказать Царю, что все надлежащее до народа совершенó. Можетъ ужé онъ, ежели угодно, къ намѣренному священнодѣйствію притти. Великолѣпный нарядъ, и приличный Мелеандрову и Лікогенову достоинству, предъ дворцомъ стоялъ, и ожидалъ ихъ ко храму имѣющихъ итти. Самъ Лікогенъ въ Мелеандровой опочивальнѣ былъ, подъ видомъ должности различные, и по большой чáсти веселые рѣчи съ Царемъ имѣя. Когда время приспѣло; то Мелеандръ въ Царскомъ одѣяніи, и въ багряной мантіи, въ рукахъ держá скипетръ въ знакъ Величества, къ окружающимъ прибылъ. Ближе всѣхъ предъ нимъ шелъ Лікогенъ,

подлѣ

подлѣ бока котораго, по Царскому повелѣнїю, находился Архомбротъ. Предъ сими шли, кои или степенїю, или милостїю превосходили. Превеликое множество знатныхъ молодыхъ людей начинали шествїе. Не возможно было никакъ отбить народъ, тѣснящїйся видѣть, и наибольше туда толпящїйся, куда ему запрещали. Сверьхъ Царскаго, и обыкновеннаго самодержавїю имени, самая старость, и лице кротчайшаго нрава указанїе, также и высоты своея достойное Величество, всѣхъ на Мелеандра обратили. Не токмо тѣ, кои ненарушимую къ нему вѣрность имѣли, симъ зрѣнїемъ въ умиленїе приходили, но и оныи изъ непрїятелей, о которыхъ большебъ можно сказать, что они заблуждали, а не согрѣшали; такъ что на оный день не надлежало жаловаться Мелеандру, въ который на однихъ болѣзнь, а на другихъ стыд нападалъ, что онъ къ мирному сем заключенїю былъ принужденъ. Такъ онъ нужду союза съ подданнымъ уп дитъ? А всему сему явно, всему се какъ законному, народъ за свидѣтел имѣетъ? Чтожъ бы больше иностранный Государь, равный соперникъ, прямою войною могъ уже дѣлать? Но которыи

торый выше смыслили, или отъ надежды, или отъ страха проницательнѣе разумѣли; тѣ далѣе мысли свои возводили, и рассуждали, что не надобно было почитать сего дня за такой, который миръ восставляетъ: что впереди, то свирѣпѣйшее осталось: не можетъ быть постоянно, что Царь по принужденію съ подданнымъ миръ утверждаетъ. Ибо Государи, что у нихъ обидою отъемлется; то другою обидою часто назадъ получаютъ. Тогоради, или Царь, когда можно будетъ, за злодѣяніе онаго мстителемъ ему быть имѣетъ; или нехотящаго его отмщевать Ликогенъ со всѣмъ себѣ подвергнетъ. По случаю нѣкто престарѣлый человѣкъ, при дворѣ воспитанный, спрашивающему его товарыщу, чтобъ онъ когда видалъ умильнѣе Царскія особы, такъ отвѣтствовалъ, что голосъ до Царя дошелъ: мильнѣйшимъ бы я его назвалъ, Госу- арь мой товарыщъ, ежелибъ онъ къ бѣ жестокъ сею своею умильностію былъ. Когда сіе слово Мелеандръ слышалъ, а еще отъ вѣрнѣйшаго выго- оренное человѣка, будучи уже прежде того въ смущеніи, и тѣ разговоры въ мысли непрестанно имѣя, о которыхъ слышалъ, что ими о наслѣдствѣ Царей,

на

на вчерашномъ у Эврїмеда пирѣ, Лїкогенъ рассуждалъ: то такъ о камень запнулся, который нѣсколько сверьхъ земли́ былъ, что упадши руками объ нея оперся. Внезапное смотрящихъ шумѣнїе ужасъ повсюду разнесло. Самыи ближнїи къ поднятїю Государя побѣжали: но которыи далѣе стояли, тѣ отъ самаго незнанїя съ бо́льшимъ страхомъ мѣшались, пока еще извѣсно не́-было, что ненарочное и лехкое приключилось паденїе. Самъ Царь извинилъ смѣхомъ сей случай, говоря: много онъ одолженъ землѣ, которая, почитая Государя, понеже сама встать не могла, то, его къ себѣ привлекла, поцѣловаться съ нею. Сїю, какъ свою́, охотно онъ обнимаетъ. Однако сїе за печальное, или за радосное прознаменованїе принималось отъ каждаго такъ, какъ кто Лїкогену, или Царю добра желалъ. Ибо что симъ моглобъ означаемо быть, что Царь упалъ къ Лїкогеновымъ ногамъ? Что лежалъ какъ закалаемое, самъ на жертву готовый? Коль отъ са́мыя бездѣлицы, и коль нечаянно онъ съ ногъ сшибся!

81.

Въ сихъ размышленїяхъ, уже́ передніи на то мѣсто пришли, на которомъ закалаемыя были, увѣнчанныя пребогатыми обвязанїями; а препоясанныи жерцы ожидали, какъ скоро Аргенїда законными молитвами къ приношенїю боговъ призоветъ. Но она отчасу больше умножающеюся болѣзнїю возбудившись, въ тайномъ храма мѣстѣ, прочимъ не много отойти повелѣвши, такъ сама въ себѣ рассуждала: чтожъ ты злочасная Аргенїда? Что ты, несравненному человѣку, всѣхъ золъ причина? Что видѣла? Или како́ва еще томленїя себѣ ожидаешь? Можноль тебѣ сїе терпѣть, что Полїархъ отлучается, а Лїкогенъ торжествуетъ? О! Царская дочь. О! скиптру и престолу наслѣдница. Ежели помнишь о себѣ, что ты Государыня; то чегожъ ради Полїарха здѣсь властїю не удерживаешь? будежъ ты невѣста; то длячего одинъ онъ отлучается? Вотъ же еще оставалось, по злочастїю, чтобъ тебѣ быть за священную миротворицу твоему родителю и Лїкогену утверждающимъ миръ; миръ? О! боги, который они заключили Полїарховою бѣдою.

бѣдою. Ты потóмъ съ какимъ лицемъ, не говорю смотрѣть будешь на Поліарха, но и разговаривать станешь съ отсутствующимъ, да еще и дерзнешь воспоминать о добродѣтеляхъ, памятовать красоту, и всѣ его слова́ на умъ тайнымъ приводить помышленіемъ? Но усердіе къ родителю; но всеобщая государству польза сіе повелѣваетъ. Какоежъ будетъ къ отцу злосердіе, когда я отъ неблагополучнаго злодѣянія отбѣгу? Или, что мнѣ въ царствѣ, когда я умереть намѣреніе приняла? Но не на боязнижъ всегда безвредіе государствъ состоитъ. Можетъ быть дерзостію моею то исправлю, въ чемъ родитель кротостію погрѣшилъ. Но что дѣлать? напасть теперь нападаетъ, и задавитъ не готовую меня. Вотъ уже́ отецъ, вотъ и Лікогенъ присутствуетъ. Требуютъ меня къ священнодѣйствію. Ежели законопреступному миру откажусь служить; то какія у меня будутъ слова́, и какое явно принесу родителю извиненіе?

82.

Такъ съ собою разговаривала; и уже́ не печальная, но отъ разъяренія величе-

ственнѣйшая, грозныя очи туда и сюда поводила. Тогда пришли ей на умъ послѣднія слова́ разлучающагося Поліарха: чтобъ она памятовала, что Паллада ея отлучается, но что можетъ возвратиться съ громомъ. Поистиннѣ, говорила, отлучилась моя́ Паллада; чтожъ втуне здѣсь медлю? Тщетные уже́ молитвы: нѣтъ божества въ храмѣ. Ни что не можетъ быть лучше, какъ чтобъ притвориться мнѣ прорицательницею, и бутто запрещаетъ мнѣ богиня быть больше при семъ служеніи. Симъ образомъ избѣгну злодѣянія въ подтвержденіи сего мира; и пото́мъ въ самыхъ важныхъ предпріятіяхъ свободнѣе упразниться имѣю. Когда сіе угодно быть ей стало; то, какъ она была преостраго разума, и тогда особливо устремленнаго, начала́ пріуготовлять рѣчь, какую провѣщатели обыкновенно имѣютъ. Знала, что ея лице и очи, понеже въ великой была ярости, которую возбуждало въ ней отбытіе Поліархово, жаромъ своимъ преизрядно вымыслу ея споспѣшествовать имѣютъ. Къ медлящей въ сихъ размышленіяхъ прибыли уже́, которыи ей доносили, что ожидаютъ ея къ начатію приношенія жертвъ. Царь уже́ присутствуетъ,

ствуетъ, и всѣмъ молчать отъ провозвѣсника повелѣно. Радоснѣйшая дѣвица была, послѣ какъ уже́ намѣреніе предвоспріяла, на которомъ она утвердилась. Того ради отвѣтствовала, что тотчасъ пойдетъ; и совокупно видъ и походку къ намѣренному подлогу пристроила. И уже́ Царь съ одной стороны́, а съ другой Лікогенъ, посрединѣ приносимую жертву держали. Вельможи, стоящіи кругомъ, различнѣйшіе мысли однимъ укрывали молчаніемъ. Народъ со всѣхъ сторонъ обсталъ расположенныи строемъ полки́; а опредѣленное мѣсто на принесеніе жертвѣ едва нарочно поставленныи военныи люди защищать могли. Но страшилищемъ казалась Аргеніда, какъ скоро вышла она изъ храма, длятого что косила глаза́, и волосы ужасно растрепала; а сама вся идучи тряслась и шаталась. Такія неистовящіяся въ видѣ была, которая къ внутренному отъ боговъ разженію не весьма еще привыкши, съ первымъ томленіемъ борется. Мелеандръ прежде всѣхъ одеревѣнѣлъ: что за приключеніе, что за Фуріи, и что за богъ привелъ дочь его въ такое мучительное состояніе. Но она, нѣсколько свирѣпѣе еще поводя очами, такъ рѣчь свою на-

чала́, хотя и не стіхами сложенную, для того что въ толикой скорости не возможно было, однако отъ человѣческаго обыкновенія удаленную, и божескимъ слова́мъ подобную, такъ что лехко было Нікопомпу, не многое перемѣнивъ, слѣдующими стіхами оную составить.

Почто бѣжишь твой храмъ, Святѣйша, истощая?
Уходитъ се она лица́ не обращая!
Я колесницу зрю, та борзо ужъ летитъ;
И отвратясь отъ насъ богиня въ ней сидитъ.
Ахъ! дерзость наша, ахъ! бѣжитъ она изгнанна:
Безъ пользы жертва ей приносится закланна.
Восхить, богиня, О! восхить меня съ собой:
Гдѣ мило жить тебѣ, домъ тамже будетъ мой.
Но въ гнѣвѣ ты грозишь оружїемъ оттуду:
Ударъ копья́ о щитъ здѣсь раздается всюду;
Въ воздухѣжъ отъ колесъ ложится красный слѣдъ,
Что намъ всѣмъ не пробыть безъ кроволитныхъ бѣдъ.
Помилуй, не грози, богиня, зломъ ужаснымъ;
И намъ не отмщевай въ отечествѣ бесчаснымъ.
О! рокъ не дружный нашъ: что пользы соружать,
И златомъ внутрь и внѣ толь храмы украшать!
Когда толико вѣявь противнаго дерзаемъ,
Что ужъ отъ олтарей боговъ мы отлучаемъ.

83.

По́слѣ какъ сему подобное прорицающія видомъ выговорила, начавшижъ выть голосомъ, особливо себя тѣмъ показала, что она была преодолѣна востоpгомъ божественнаго возмущенія; такъ

такъ что ужась всѣхъ очи на нея вперилъ. Но больше всѣхъ было печали Мелеандру, рассуждающему въ себѣ о томъ, что наподобіе божескаго прорицанія выговорено было: а именно, что Паллада принуждена бѣжать; что убѣгающая богиня грозитъ; напослѣдокъ, что нѣкоторое великое согрѣшеніе учинено. Все сіе чемъ меньше онъ понималъ; тѣмъ холоднѣйшій страхъ въ сердце его вселялся. Но Аргеніда, будто уже изрыгнула силу духа, который въ ея сердцѣ для прорицанія свирѣпствовалъ, оставивши митры, которые она сняла съ головы, съ крайнею покорностію приступила къ родителю, и просила, чтобъ она увольнена была отъ того священнодѣйствія. Ибо стыдно ей для необыкновеннаго неистовства; и не можетъ она спокойно смотрѣть толь скоро на народъ. Молчалъ Царь, толь отъ многихъ прознаменованій пребывая въ печали; а сверьхъ всего боясь, чтобъ не пришелъ онъ въ подозрѣніе Лікогену, который бы какъ не подумалъ, что все не лѣпое сіе нарочно на помѣшательство союза отъ него самого Мелеандра затѣяно. Но Царевна во время родителева молчанія вышедши, при провожденіи обыкновенныхъ ея тѣлохрани-

телей, прибыла во дворецъ. Арсiда, буттобъ для должныхъ услугъ, слѣдовалъ за нею; и получивъ отъ нея приказъ къ Поліарху, тотчасъ изъ за́мка вышелъ.

84.

Между тѣмъ глухій шумъ, и тотчасъ своевольнѣйшее роптаніе началось въ устрашенномъ народѣ. Одни говорили, что миръ присутственнѣйшею богинею не подтвержденъ; другіи къ будущимъ Сіцілійскимъ злоключеніямъ приписывали сіе чудо. Нѣкоторыи въ храмъ священныхъ служителей посылали, и повелѣвали, чтобъ оно ни́-было, молитвою очистить: прочіи, которымъ наибольше не́-было дѣла, и не требовалось у нихъ, опредѣляли съ рѣшеніемъ все приключившееся. Наипаче слышенъ былъ голосъ священнаго миротворца требующихъ. Ибо какъ Сіцiліанамъ Греческіи обычаи са́мое ихъ первоначаліе предало: такъ и блиская Італія ввела многіи обряды, изъ которыхъ и священныхъ миротворцовъ всю должность. Того ради Мелеандръ, чтобъ успокоить во всѣхъ разныя желанія: все-равно́, говорилъ, что Палладинымъ, или

Іовішевымъ

Іовішевымъ именемъ утвердить, о чемъ доброю вѣрностію соглашенось между чесными людьми. Здѣсь самъ ты, священный Сіцілійскій миротворецъ: того ради законныи союзовъ обряды отправляй. Сей миротворецъ, въ ризѣ опушенной багрянаго цвѣта тканіемъ, долгіи стіхи прочиталъ, въ которыхъ содержалось проклятіе на вѣрности нарушителей. Потомъ убита была жертва; а внутренности ея Царь совокупно и Лікогенъ держали. Окончавши сіе священнодѣйствіе, вошли въ храмъ; гдѣ положивши руки на жертвенникъ и на подушку, паки вѣрность обязали богами. По совершеніи сего, все великолѣпное шествіе ко дворцу обратилось. Но не слѣдовало ни плесканіе отъ народа; ни въ привѣтствующихъ и поздравляющихъ другахъ искренности не было. Однако Царь, какъ надлежало, преодолѣвая сердечную болѣзнь, и показывая себя радоснымъ, въ тотъ день явно изволилъ кушать; а на другой и потѣху смотрѣлъ, въ которой стіхотворецъ комедію представилъ, и здѣлалъ насмѣхательную надъ народомъ игрушку: ибо Царское и Трагіческое въ то время представлять, не угодно было. Чрезъ многіи послѣдующіи дни, обоихъ

пріятели, по Царскому и Лікогенову наставленію, не токмо не имѣли ссоръ между собою; но и частыми и взаимными пированіями, безопасства и радости притворство умножили. Ибо и Аргеніда, которая отъ притворныяжъ болѣзни лежала, также тогда предъ всѣхъ вышла, по́слѣ какъ Арсіда увѣдомилъ ея письмомъ, что онъ, и тотъ, кого онъ отвозилъ, въ добромъ здравіи въ Италію прибыли.

КОНЕЦЪ

ПЕРВЫЯ ЧАСТИ.

ИЗЪЯСНЕНІЯ
НА
МІТОЛОГІЧЕСКІЯ МѢСТА НАХОДЯЩІЯСЯ ВЪ АРГЕНИДѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Глав. 1. Числ. 1. Стран. 1. Строк. 1.

МІРЪ ЕЩЕ НЕ РАБОЛѢПСТВОВАЛЪ РИМУ, НИ ОКЕАНЪ ТОГДА НЕ ТРЕПЕТАЛЪ ЕЩЕ ТІБРА.

При чтеніи сея повѣсти толь сладкія и полезныя, надлежитъ всеконечно знать, что Авторъ предпріялъ писать ея всю такимъ способомъ, какой былъ въ употребленіи у древнихъ языческихъ писателей. И понеже язычники всякую вещь одушевленную и бездушную, также всякую добродѣтель, и всякое пристрастіе обожали: тогоради и здѣсь отъ Автора представляются МІРЪ, РИМЪ, ОКЕАНЪ и ТІБРЪ лицами. Въ сихъ самыхъ начальныхъ Авторовыхъ изображеніяхъ, есть и слѣдующій весьма хитрый вымыслъ. Вся его повѣсть есть вымышленная: слѣдовательно и имена Царей, Героевъ, и всѣхъ

другихъ

другихъ особъ. Однако все дѣйствіе сея повѣсти производится по большой части въ Сициліи: тогоради, можнобъ было справиться съ Сицілійскою ісмторіею, въ какое время въ ней былъ Царемъ Мелеандръ. Но сего самаго Автору и не надобно было: чегоради и началъ, что все предлагаемое въ повѣсти дѣлалось за долго еще прежде созданія Рима, тоесть, за долго прежде історическія памяти; и толь наипаче, что прежде Римлянъ ніединаго не-было державца самовласнаго въ Сициліи, выключая древнѣйшія баснословныя времена. Слѣдовательно, искать сего времени въ історіи, трудъ будетъ тщетный. Можно сказать, что сіи его изображенія главнѣйшимъ приводомъ ко всему тому, что ему потомъ ни рассудилось заблаго писать въ повѣсти. Сему Авторову искусству не можно надивиться довольно: все увольнено симъ однимъ; и сіе одно производитъ въ дѣло все предлагаемое. Толь неизвѣсное время, которое въ сей повѣсти, и подало причину Автору писать ея по изволенію и поязычески. Не привыкшіи изъ нашихъ къ сему роду сочиненія да не соблажняются, что Авторъ вмѣсто БОГА, упоминаетъ вездѣ боговъ; но да благоволятъ помышлять, что онъ пишетъ какъ объ язычникахъ, рассуждая по времени повѣсти, о которомъ предлагаетъ, а не потому, когда онъ сочинялъ, и для кого. Но извѣсно, что въ оное отдаленное время, бывшее прежде созданія Рима, вездѣ господствовало многобожіе. Впрочемъ, сіи начальныя изображенія въ подлинникѣ слѣдующія стоятъ: МІРЪ-ЕЩЕ НЕ ПОКЛАНЯЛСЯ РИМУ. ОКЕАНЪ

океань не уступаль еще тібру. Но мнѣ мои великолѣпнѣйшими показались для нашего языка, хотя Авторовы и превесьма громки звономъ на Латінскомъ.

II.

Глав. 1. Числ. 1. Стран. 2. Строк. 21.

НЕ МЕНЬШЕ КОЛЬ ВЪ ТРОЯНСКОМЪ, ИЛИ ТЕБАНСКОМЪ ОТЧАЯНІИ РЫДАЛА НЕИСТОВО.

Авторъ сравниваетъ отчаяніе, выбѣгшія изъ лѣсу госпожи, съ крайностію женъ Троянскихъ и Тебанскихъ, когда городы Троя и Тебы взяты были отъ осадителей, и производили они въ нихъ свою жестокость надъ осажденными. Въ подлинникѣ стоитъ, во ФРІГІЙСКОМЪ, вмѣсто ТРОЯНСКОМЪ. Но сіе послѣднее слово я предпочелъ, длятого что оно нашимъ читателямъ вразумительнѣе: знаютъ уже они о войнѣ бывшей подъ Троею городомъ, и какъ онъ взятъ отъ Грековъ по десятилѣтной осадѣ. Впрочемъ, объ обстоятельствахъ ея предложится ниже. Авторъ написалъ, во ФРІГІЙСКОМЪ отчаяніи, длятого, что городъ Троя былъ въ малой Фрігіи. Но, съ другой стороны, понеже о городѣ Тебахъ большая часть изъ нашихъ не извѣсна: тогоради я о немъ предложу здѣсь вкратцѣ; а на другомъ мѣстѣ ниже обстоятельнѣе. Сей городъ былъ Греческій, стоялъ въ беоціи, и казанъ онъ отъ лірическаго Пііта Піндара, въ которомъ сей

сей и самъ родился, Гептапілъ, для того что въ немъ были семеры ворота. Созданъ онъ Кадмомъ Царемъ Тебанскимъ, сыномъ Агенора Финікійскаго Царя; стѣнами оградилъ его Амфіонъ: но разорилъ Александръ Великій. Тебы городъ славенъ въ піитическихъ описаніяхъ, и былъ причиною къ премногимъ баснямъ. За-тритцать за-три года предъ разореніемъ Трои, Полінікъ, сынъ Эдіповъ и Іокастінъ, вооружившись на брата своего Этеокла, осадилъ Тебы съ Адрастомъ Аргійскимъ Царемъ тестемъ своймъ, и съ другими пятію полководцами. Сія самая осада обыкновенно называется Востаніемъ седми полководцовъ на Тебы, и которую Папіній-Стацій, Римскій Піитъ, описалъ героическими стіхами; подражая во всемъ Тебаідою своею Віргіліевой Энеідѣ. Впрочемъ сія ихъ осада была всѣмъ полководцамъ смертоносна: но уже дѣти ихъ потомъ, стоявши подъ Тебами десять лѣтъ, взяли оный и разорили.

III.

Глав. I. Числ. 3. Стран. 8. Строк. I.

ВЪ ХРАМѢ ЭРІЦІНСКІЯ ВЕНЕРЫ.

Венера, языческая богиня красоты, дочь Юпітерова и Діоніна, или, по мнѣнію другихъ, родившаяся отъ морскія пѣны, [для того что море тогда возмутилось чрезвычайнымъ способомъ, когда Сатурнъ отрѣзалъ косою тайный

ный удъ отцу своему Урану, или Целусу, тоесть Небу, и бросилъ въ море] и бывшая жена Вулкану, богу огня и кузнецовъ, имѣла множество капищей у древнихъ язычниковъ въ разныхъ мѣстахъ, въ которыхъ она почитаема была, а особливо въ Амаѳунтѣ, въ Цїтерѣ, въ Пафѣ, и въ Аскалонѣ. Между прочими своими наименованїями отъ мѣстъ и капищей, называлась она и Эрїцїнскою отъ капищажъ, построеннаго въ ея честь въ Сїцїлїи на горѣ Эриксѣ. Гора сїя прозвана Эриксомъ отъ Эрїкса сына ея, прижитаго съ бутесомъ сыномъ Амїка бебрїцїйскаго Царя. Сей Эрїксъ, надѣясь на чрезвычайную свою силу, вызывалъ всѣхъ, кто къ нему ни прїѣжжалъ въ Сїцїлїю, биться съ собою кистенемъ. Оружїемъ симъ многихъ онъ убилъ: но наконецъ Геркулесъ, сынъ Юпїтеровъ и Алкмены жены Амфїтрїона Тебанскаго полководца, при возвращенїи своемъ изъ Гїшпанїи, отмстилъ ему за всѣхъ собственною его смертїю, которой онъ его предалъ кистенемъ же. Эрїксъ погребенъ на сей горѣ, на которой онъ построилъ капище въ честь матери своей. божеская сїя красавица имѣла многихъ дѣтей. Родила она трехъ Грацїй, или благолѣпностей; сынъ ея былъ и Гїменей, богъ брака; дѣти еяжъ были оба Купїдїна, а именно чесный и запрещенный; онажъ родила срамнаго Прїапа, бога садовъ: славный Эней былъ еяжъ сынъ. Впрочемъ Венера была богиня любви: а колесницу ея возили или голуби, или лебеди, птицы весьма склонные къ любви. Словомъ, Венера хотя и имѣла мужа Вулкана; однако была любодѣица.

Глав.

IIII.

Глав. і. Числ. 3. Стран. 8. Стіх. 4.

САДИТСЯ ВЪ КОЛЕСНИЦУ ФЕБЪ.

Фебъ есть солнце на небѣ, который, по баснословію, ѣздитъ въ колесницѣ, освѣщая міръ, везомой четырмя конями, коимъ имена Эоусъ, или восточный; Піроісъ, или огненный; Флегонъ, или горящій; Этонъ, или жаркій: но на землѣ, онъ называется Аполлінoмъ. Сей есть сынъ Юпітеровъ и Латонинъ, братъ Діанинъ, которая на небѣ называется Феба, разумѣемая Луною; а родился онъ на островѣ Делосѣ. Аполлінъ убилъ зм́я называемаго Пітономъ; учинилъ казнь Ціклопамъ сковавшимъ Перунъ Юпітеру, которымъ сей убилъ сына его Эскулапія отъ Німфы Короніды: а за сіе согнанъ Аполлінъ съ неба, и принужденъ былъ пасти́ стадо у Адмета Тессалійскаго Царя. Славный въ баснословіи сынъ его еще Фаетонтъ отъ Клімены Океановой и Тетідіной дочери. Сей выпросивъ у отца своего колесницу, а не умѣя въ ней править коней, зжегъ-было весь міръ: но пораженный Перуномъ упалъ въ рѣку Эріданъ, или Падъ, нынѣ называемую По. Аполлінъ обыкновенно почитается предсѣдателемъ между музами, изобрѣтателемъ стіховъ и врачевства, главнѣйшимъ надъ прорицаніями, и искуснѣйшимъ изъ-лука стрѣльцомъ. Влюбился-было онъ пребезмѣрно и въ Дафну дочь Пенея рѣкй. А чтобъ получить себѣ отъ нея желаемое; то онъ за

бѣгущею

бѣгущею ею отъ него гнался, и всякимъ образомъ ея просилъ, чтобъ она остановилась. Та видя, что уже онъ ея достигаетъ; то молилась, чтобъ ей избавиться отъ него. Чегоради превращена она въ дерево Лавръ. Сія есть причина, что лавръ называется Аполлiновымъ деревомъ. Впрочемъ, дерево сiе по Гречески и именуется Δάφνη.

Тамже Стiх. 5. 6.

БРАТIЙ ДВУХЪ РОДНЫХЪ ЗВѢЗДА, КОИХЪ ПЛАВАТЕЛЬ ВЪ ПОМОЩЪ ПРИЗЫВАЕТЪ.

Касторъ и Поллуксъ, братья Еленины и Клiтемнестрины, а дѣти Юпiтеровы и Леды жены Тiндара Лаконiческаго Царя. Юпiтеръ даровалъ бессмертiе Поллуксу, который раздѣлилъ пополамъ оное съ братомъ своимъ Касторомъ, когда сей послѣднiй былъ убитъ, такъ что они умирали и живы были попеременно. Баснословiе предлагаетъ, что они вмѣщены на небѣ звѣздами въ знакѣ близнецовъ; а сiе и подало причину къ басни живота ихъ и смерти, что обѣ сiи звѣзды никогда не показываются совокупно, но попеременно. Почитаемы они еще были и за морскихъ боговъ, длятого что очистили море отъ разбойниковъ: чегоради и называются на-морѣ Касторами метеорныи, или выспреннiи огни, наподобiе звѣздъ свѣтящiися. Знакъ сей весьма благополученъ мореходцамъ, когда двойный онъ упадаетъ на корабли и свѣтится надъ ними.

Тамже Стіх. 8. 9. 10.

МАРСЪ! НИ ТЫ БОДРЯЕ ВИДА ХРАБРАГО СЕГО, КАКЪ ОРУЖІЕМЪ ВЪ ВОЙНУ УКРАШЕНЪ, ИЛЬ И ЩОГОЛЕМЪ КОГДА.

Марсъ есть богъ войны, сынъ Юпітеровъ и Юнонинъ, родившійся во Ѳракіи; а Эвріпідъ Трагіческій Піитъ называетъ Ѳракію Марсовымъ жилищемъ токмо. Нѣсколько изъ Піитовъ, а между ними Овідій, говорятъ, что онъ бутто рожденъ Юноною безъ мужа отъ силы нѣкотораго цвѣтка, показаннаго Юнонѣ Флорою богинею, а сорваннаго Юноною на Оленійскихъ поляхъ. Но общее мнѣніе есть такое, что его родилъ самъ Юпітеръ отъ Юноны. Сей богъ въ особливомъ былъ почтеніи у древнихъ римлянъ. Онъ не токмо былъ храбръ, но еще и великій волокита. Любился онъ со многими, а особливо славна его любовь съ Венерою божескою красавицею, женою Вулкана Юнонина сына, который, будучи преискусный кузнецъ, здѣлалъ нѣкоторые невидимые сѣти, и окружилъ ими Марса нагаго, веселящагося съ женою его Венерою, такъ что Марсъ представленъ былъ въ томъ состояніи видѣнію, и посмѣянію всѣхъ боговъ: изъ котораго онъ свобожденъ по предстательству Нептунову. Овідій въ 4 книгѣ Превращеній описываетъ сей баснословный случай слѣдующимъ образомъ:

Первый Фебъ, говорятъ, любодѣйство съ Венерою Марса
Могъ усмотрѣть: сей богъ зритъ все что случается первый.

Видяжъ

Видяжъ то поскорбѣлъ, и Вулкану Венерину мужу
Ложа невѣрность, притомъ показалъ и невѣрности
мѣсто.
Умъ пораженный того, и держалъ что въ рукахъ онъ
работу,
Вымыслилъ въ тотже часъ сковать претонкїе цепи:
Ужъ совершилъ онъ сѣть, совершилъ и невидимы узлы.
Дѣло тончайше сїе основы всякїя было,
Также тончайше оно паутинъ попремногу имѣлось;
А и сработано такъ, прикоснуться только, попасться;
Всежъ разложилъ по мѣстамъ онъ вкругъ кравати
пристойно.
Вотъ же какъ скоро легла съ любодѣемъ супруга на ложе,
Оба тотчасъ они попались въ новыи узы,
Ими при самыхъ своихъ объятїяхъ связаны стали.
Спѣшно Вулканъ растворилъ слоновые створчеты
двери,
Всѣхъ и боговъ туда впустилъ. Лежатъ тѣ бесчесно;
Хоть и желалъ бы другой быть богъ въ бесчестїи
равномъ.
Боги всѣ, животы надрывая, смѣялись, и долго
Былъ сей случай вездѣ всевѣдомымъ смѣхомъ нанебѣ.

Подлинно, хитро здѣлалъ Вулканъ; но мнѣ кажется, что сїя хитрость была бесчесна больше ему самому. Пїиты повѣствуютъ, что какъ женъ, такъ и дѣтей у Марса много было. Гермїону прижилъ онъ съ Венерою; Рема и Ромула съ весталъною дѣвицею Реею; также дочь его и Эвадна, которая бросилась отъ любви въ горящїй срубъ мужа своего Капанея, убитаго подъ Тебами Юпитеровымъ Перуномъ; а прижилъ онъ ея съ славною Тебою Азоповою женою.

V.

Глав. 2. Числ. 8. Стран. 19. Строк. 4.

ПОМОЩІЮ МІНЕРВЫ БОГИНИ.

Мінерва, онажъ и Паллада, есть богиня мудрости и наукъ. баснословіе утверждаетъ, что она родилась изъ Юпітерова мозга безъ матери. Сей богъ повелѣлъ Вулкану ударить себя сѣкирою по головѣ, а отъ того и выскочила изъ головы вооруженная копьемъ Мінерва. Она имѣла великій споръ съ Нептуномъ морскимъ богомъ о томъ, чтобъ кому изъ нихъ двухъ дать имя городу Аѳинамъ. Согласились они, что кто произведетъ самую полезную вещь человѣческому роду, тотъ и будетъ имѣть оную въ наложеніи имени честь. Нептунъ, ударивъ своимъ трезубцомъ, произвелъ коня; но Мінерва произвела олівное дерево, которое почтено полезнѣйшимъ коня, длятого что оно знакомъ есть мира. Превратила она Арахну въ паучиху, потому что сія чванилась, что буто лучше умѣетъ прясть Мінервы; сражалась храбро и сильно противъ Гігантовъ, о которыхъ будетъ ниже; произвела Эріхтонія въ Аѳинейскіи Цари; и споспѣшествовала Героямъ, какъ то Кадму, Уліссу, и прочимъ. Ей приписывается изобрѣтеніе Аріѳметіки; и почитаема была не токмо за богиню мира, но и войны. Она отнюдъ не хотѣла и слышать, чтобъ ей пойти за-мужъ за Вулкана, и жила всегда дѣвицею.

VI.

Глав. 2. Числ. 8. стран. 19. строк. 10.

ПОВЕЛѢЛЪ СОВУ ИЗОБРАЖАТЬ.

Сова была посвященная птица Минервѣ, такъ какъ орелъ Юпитеру, павлинъ Юнонѣ, а голуби и лебеди Венерѣ.

Тамже стран. 19. строк. 13.

ВѢНЦА КРОМѢ МАСЛИЧИННАГО.

Масличина или Олива дерево, есть Минервино произведенiе по баснословiю. Смотри изъясненiе V.

VII.

Глав. 3. Числ. 11. Стран. 31. Строк. 1.

ВЪ КУРЕНIЯХЪ ВАШЕЯ ЭТНЫ.

Этна есть знатнѣйшая изъ всѣхъ Сицилiйскихъ горъ. Жители называютъ ея Жибель. Она весьма часто показываетъ пламень въ нощное время; а иногда выбрасываетъ огонь, кремни, каменья и горящiй пепелъ. баснословiе вымыслило, что Юпитеръ, поразивъ перуномъ Гиганта Тифона, или, по мнѣнiю другихъ пiитовъ, Энцелада, низвергъ подъ сiю гору, и что подъ неюжъ Вулканъ имѣетъ свою кузницу.

Тамже стран. 31. строк. 2.

БЕЗДѢТНАЯ ЗАЖИГАЕТЪ ЦЕРЕРА.

Церера есть дочь Сатурнова и Опсїна, сестра Юпїтерова, Нептунова и Плутонова; а дочь свою Прозерпїну прижила она съ Юпїтеромъ. Древнїи язычники признавали ея за богиню хлѣба и плодовъ, да и вѣрили, что она долго странствовала, совокупно съ Бакхусомъ богомъ вїна, дабы научить людей земледѣлїю. Баснословїе повѣствуетъ, что хотя найти дочь свою, похищенную Плутономъ въ Сїцїлїи, зажгла она два факела на горѣ Этнѣ, чтобъ ея искать днемъ и ночью по всей землѣ. Во время сего исканїя, прибыла она къ Элевзїнскому Царю въ Аттїку; взялась у него воспитать сына его Трїптолема: а желая здѣлать его бессмертнымъ, кормила его въ день божескимъ молокомъ, а на-ночь прятала въ огонь. Царь удивлялся, видя что сынъ его очень скоро возрастаетъ; и длятого сталъ присматривать въ нѣкоторую ночь за кормилицею. Увидѣвшижъ, что она его кладетъ въ огонь, вскричалъ, и крикомъ своимъ о себѣ объявилъ, да и былъ причиною чрезъ то своей скорой пагубѣ. Но молодаго Трїптолема научила она земледѣльству, и посадивши его въ колесницу, везомую крыластыми змїями, послала его во весь свѣтъ, чтобъ научить всѣхъ людей орать, пахать землю, и сѣять сѣмена. Овїдїй въ книгѣ 5. Превращенїй говоритъ, что Церера есть первая, которая вспахала пашню, подала человѣкомъ хлѣбъ въ пищу вмѣсто лѣсныхъ желудей,

людей, а уставами своими ввела правосудіе, и учредила общество. Сей Піитъ прибавляетъ, что, по возвращеніи ея въ Сицилію, Нимфа Арету за объявила ей, что дочь ея Прозерпина похищена Плутономъ, и что сама она выпросила у Юпитера, чтобъ дочь ея была ей отдана назадъ. Однако выпросила она сіе съ такимъ предлогомъ, что буде дочь ея ничего не ѣла въ Адѣ. Но Аскалафъ, сынъ Ахероновъ и Орфнинъ, довелъ что онъ видѣлъ, какъ Прозерпина сорвала гранатное яблоко въ Плутоновомъ саду, и съѣла изъ него седмь зеренъ. Обличеніе сіе богинѣ толь досадно было, что она Аскалафа тотчасъ превратила въ нощную и мерсскую птицу Филина, или Сыча. Впрочемъ Юпитеръ, дабы утѣшить сестру свою Цереру, позволилъ, чтобъ дочери ея Прозерпинѣ быть шесть мѣсяцовъ подъ землею съ мужемъ своимъ Плутономъ, а шесть мѣсяцовъ сверьхъ земли и на небѣ съ матерію своею.

VIII.

Глав. 3. числ. 12. стран. 33. стих. 11.

Подобно какъ земля Гигантовъ родила. И слѣдующіи стихи 12. 13. 14. 15.

Гиганты (*) были люди преогромныя величины; а по баснословію рождены землею: но

(*) Исполины, богатыри, Волоты.

другіи баснословцы утверждаютъ, что они Сатурновы дѣти. басня предлагаетъ, что бутто они хотѣли воевать на боговъ; а чтобъ взлѣсть на небо, то ставили гору на гору, а именно Оссу на Олимпъ, и Пеліонъ на Оссу. Но въ семъ предпріятіи не получили они успѣха, такъ что боги ихъ потребили всѣхъ, и низвергли подъ наставленные горы. Главнымъ изъ сихъ Гигантовъ имена: Цей, Энцеладъ, Алціоней, Порфіріонъ, бріарей сторукій, Эфіалтъ, Эврістъ, Полібогъ, Клітій, Оркъ, Граціонъ, Агрій, Тоонъ, и прочіи. Сказываютъ, что бутто жилище ихъ было на Флегреенскихъ поляхъ; а бились они на поляхъ Палленейскихъ, или Пелленейскихъ.

Тамже стіх. 21.

ОБНЯВШІЙ ОБЛАКЪ ПУСТЪ.

Симъ стіхомъ примѣняется Лікогенъ, хотѣвшій силою получить за себя Аргеніду, къ Іксіону, который хотѣлъ иссилничать Юнону Юпітерову сестру и жену. Сей Іксіонъ былъ сынъ Флегія, или Эціона Лапітскаго Царя. Женился онъ на Царевнѣ Діѣ, дочери Діонеевой, которому онъ обѣщалъ многіи подарки по обыкновенію ихъ. Но потомъ не устоялъ онъ въ словѣ: чегоради тесть его похитилъ у него всѣ его кони. Іксіонъ скрылъ въ себѣ досаду свою; а зазвавъ къ себѣ въ гости Деіонея, низвергъ его обманомъ въ подземную горящую печь, въ кото-

рой онъ тотчасъ згорѣлъ. Не много спустя послѣ того, раскаялся Іксіонъ въ сей своей лютости, и такъ о томъ печалился, что Юпитеръ его призвалъ къ себѣ кушать за свой столъ, дабы его утѣшить, и развеселить. Тамъ Іксіонъ влюбился въ Юнону, и старался всячески преклонить ея. Но сія богиня сказала о томъ своему мужу. Юпітеръ, хотя о томъ прямо вѣдать, здѣлалъ облако, которое совершенно подобно было Юнонѣ, и представилъ оное въ нѣкоторомъ уединенномъ мѣстѣ. Іксіонъ, повинуясь своей наглой страсти, бросился на оное облако, и восхотѣлъ удовольствовать себя. Юпітеръ, не сомнѣваясь уже больше о зломъ его умыслѣ, поразилъ Перуномъ нахальника, низвергъ его въ адъ, и привязалъ его тамъ змѣями къ колесу, которое непрестанно обращается. Піиты прибавляютъ, что отъ онаго облака родились такъ называемыи Центавры, (*) бывшіи до-пояса люди, а отъ-пояса лошади.

Тамже стіх. 27.

ЗДѢСЬ ЭТНА.

Объ Этнѣ горѣ смотри изъясненіе VII.

Тамже стіх. 29.

ПРИНОСИТЪ НАШЪ ПЕЛОРЪ.

Пелоръ есть одинъ изъ Сіцілійскихъ мысовъ; нынѣ называется, Мессінскій фаръ.

(*) Китаврасы, или по стілю нашихъ сказокъ, Полканы богатыри.

Тамже стіх. 30.

О! КТО И ПОБѢДИЛЪ ВЪ СЕЙ ЭРІКСА СТРАНѢ.

Эрікса въ Сіциліи убилъ кистенемъ Геркулесъ. Сей Геркулесъ почтенъ былъ за бога отъ древнихъ язычниковъ. Родился онъ въ городѣ Тірінтѣ въ Беоціи, и былъ сынъ Амфітріоновъ и Алкменинъ, или справедливѣе, Юпітеровъ и Алкменинъ. Греки, по обыкновенію своему, дабы имъ прославить своего Геркулеса, приписали ему одному всѣ тѣ дѣйствія, которыя здѣланы отъ другихъ Геркулесовъ: ибо было ихъ много, такъ что Діодоръ щитаетъ ихъ три, Ціцеронъ шесть, а Варронъ до-сорока трехъ. Они своего включили и въ число боговъ, и вымыслили, что въ Небѣ женился онъ на Гебѣ, богинѣ молодости. Труды, или бѣдствія, каковы имѣлъ Геркулесъ, и за которыя получилъ онъ себѣ божество, сіи слѣдующія, хотяжъ и многіи изъ Піитовъ не одно число ихъ предлагаютъ, такъ что иныи больше, а иныи меньше. Какъ то ни есть; только первый его трудъ есть сей, именножъ, будучи еще онъ въ колыбелѣ, перервалъ пополамъ двухъ Змієвъ, которыхъ на него Юнона наслала. 2) будучижъ еще въ самой молодости, но имѣя великую силу, въ одну ночь исправилъ все, что надлежало до любовнаго дѣйствія, съ пятьюдесятьми дѣвицами изъ Теспіи, изъ которыхъ каждая родила по сыну. 3) Убилъ онъ въ Лернейскомъ лѣсѣ ужасную Гідру, у которой за одну отсѣченную голову двѣ выростало тотчасъ. 4) Поималъ онъ бѣгущую непонятно скоро Еленицу или

лань на горѣ Меналѣ, и тамъ тогда ея убилъ, а еленица сія была съ золотыми рогами. 5) Умертвилъ онъ въ Немейскомъ лѣсѣ Льва чрезвычайныя величины, и потомъ снявъ съ него кожу всегда ея на себѣ носилъ. 6) Побѣдилъ онъ Діомеда Ѳракійскаго Царя, который кормилъ и поилъ своихъ коней тѣломъ и кровію гостей; а побѣдивъ, и его самого оддалъ на съѣденіе онымъ его конямъ. 7) Поималъ онъ на горѣ Эрімантѣ въ Аркадіи вепря, или кабана, который въ тѣхъ мѣстахъ дѣлалъ великія бѣдствія, и привелъ его живаго къ Эврістею. 8) Побилъ онъ стрѣлами страшныхъ птицъ Стімфалскаго озера, или, по мнѣнію другихъ, прогналъ онъ ихъ съ него, стуча въ мѣдный сосудъ. 9) Усмирилъ онъ сердитаго вола, который опустошалъ весь островъ Критъ, 10) Преодолѣлъ онъ рѣку Ахелоя, которую Пііты дѣлаютъ человѣкомъ мужескаго пола; а сей Ахелой сражался съ соперникомъ Геркулесомъ за Деіанїру дочь Калїдонскаго Царя, и былъ отъ него побѣжденъ; чего ради Деіанїра и досталась Геркулесу. 11) Умертвилъ онъ бузїрїда Египетскаго Царя, и всѣхъ тѣхъ, кои у него пребывали. 12) Задушилъ онъ на борбѣ Гїганта Антея. 13) Раздѣлилъ онъ гору Калпей отъ горы Абїлы, которые прежде того соединены были: отъ чего и здѣлался Гїбралтарскій проливъ, называемый Гадетанскимъ и Геркулесовымъ. 14) Досталъ онъ яблока изъ саду Гесперїадскаго, убивъ змія, который оный садъ хранилъ. 15) Хотя облехчить Атланта, поднялъ онъ небо на свои плеча. 16) Побѣдилъ онъ Герїона, имѣвшаго три тѣ-

ла,

ла, и стадо его увелъ. 17) Убилъ онъ разбойника Какуса, сына Вулканова; а Какусъ сей былъ человѣкомъ токмо до-пояса, и изрыгалъ изо-рту пламень. 18) Умертвилъ онъ Лацінія другаго разбойника; который разоренія дѣлалъ на концѣ Італіи, и построилъ тамъ капище въ честь Юнонѣ Лацінійской. 19) Побѣдилъ онъ Албіона и бергіона, кои не пропускали его при усьяхъ рѣки Родана, или Рона: а при семъ случаѣ помогъ ему Юпітеръ пустивши на противниковъ его каменный градъ. 20) Побѣдилъ онъ Тіррена Эвбейскаго Царя, который воевалъ на беоціанъ, и растерзалъ его на четыре части четырмя лошадями. 21) Преодолѣлъ онъ Центавровъ, которыи были чудовища до-пояса человѣки, а отъ пояса лошади. 22) Вычистилъ онъ Авгіевы конюшни. 23) Убилъ онъ морское чудовище, которому была отдана Гезіона дочь Лаомедонтова, кой ему не-далъ обѣщанныхъ коней за избавленіе Гезіонино: чегоради, въ отмщеніе за его неблагодарность, разорилъ онъ первый городъ Трою, и отдалъ Гезіону за Теламона, который первый взлѣзъ на Троянскую стѣну. 24) Разграбилъ онъ островъ Ко, и умертвилъ Царя Эвріпіда съ женою его и съ дѣтьми. 25) Преодолѣлъ онъ Амазонокъ, и взялъ въ плѣнъ Царицу ихъ именемъ Гіпполіту, а отдалъ ея Тезею, да съ неяжъ снялъ онъ силою поясъ, и отдалъ оный въ руки Эврістею. 26) Сходилъ онъ въ адъ, и извлекъ оттуду пса Цербера, связавъ его тремя цепями. 27) Вывелъ онъ изъ ада Алцесту жену Адмета Царя Молосскаго. 28) Возвратившись изъ ада, убилъ онъ

Ліка

Лїка Тебанскаго Царя, длятого что тотъ хотѣлъ иссилничать жену его Мегару. 29) Убилъ онъ стрѣлами Орла терзающаго внутреннїя части, а больше печень Прометея прикованнаго къ горѣ Кавказу. 30) Побѣдилъ онъ конным сраженїемъ Цїгна Марсова сына. 31) Убилъ онъ Теодома, который ему не-далъ съѣсныхъ запасовъ, и увелъ съ собою сына его Гїласа. 32) Побѣдилъ онъ Церкоповъ въ то время, какъ онъ служилъ Лїдїйской Царицѣ Омфалѣ. 33) Разграбилъ онъ городъ Пїзу, и умертвилъ Царя Нелея со всею его фамилїею; еще поранилъ и Юнону трехкопейчетою стрѣлою, когда она хотѣла помощь подать Нелею. 34) Убилъ онъ на островѣ Тїнѣ близъ Делоса Калаїса и Зетеса дѣтей бореевыхъ, которыи были съ крыльями, и поставилъ два столпа на ихъ гробѣ. 35) Перешелъ онъ безъ всякаго зла Лївїйскїе степи лежащїе подъ гарячимъ поясомъ. 36) Поставилъ онъ столпы, которыи называются Геркулесовыми, при Гадетанскомъ проливѣ, называемомъ нынѣ Гїбралтаръ. 37) Убилъ онъ Эврїта Эхалїйскаго Царя, и взялъ за себя сильно дочь его Іолу, которую не хотѣли за него отдать, давъ прежде ему слово, и увелъ ея въ островъ Эвбей. О семъ увѣдомившись жена его Деїанїра, прислала къ нему сорочку, намащенную кровїю Центавра Несса, съ такимъ намѣренїемъ, чтобъ разжечь въ мужѣ своемъ паки къ себѣ любовь: но какъ скоро онъ ея на себя надѣлъ; то въ такое пришелъ исступленїе и неистовство, что онъ самъ себя сжегъ въ срубѣ. Имѣлъ онъ у себя многихъ друговъ, и много дѣтей отъ разныхъ женъ, коимъ имена

Мегара,

Мегара, Авгея, Эхідна, Омфала Лідійская Царица, Деіаніра, и прочіе. Объ Эриксѣ смотри изъясненіе III.

Тамже стіх. 32.

И эріцінска по храму Венера.

Объ Эріцінской Венерѣ смотри изъясненіе III.

Тамже стіх. 33.

И дщери лишенная Церера.

О Церерѣ и дочери ея смотри изъясненіе VII.

IX.

Глав. 4. числ. 16. стран. 41. строк. 13.

ВЫМЫШЛЯЮТЪ ЛІКАОНА.

Лікаонъ былъ сынъ Пеласга перваго Аркадійскаго Царя. Онъ превращенъ въ волка въ капищѣ Юпітера Лікеенскаго, которое онъ создалъ, за то, что принесъ тамъ въ жертву внука своего Аркаса. Но Овідій говоритъ, что Лікаонъ превращенъ въ волка за то, что онъ всѣхъ своихъ гостей убивалъ. Нѣкогда, говоритъ онъ, Юпітеръ къ нему пришелъ также въ гости. Лікаонъ, хотя испытать, подлинноль онъ былъ богъ, убилъ одного изъ народа Молосскаго, пребывающаго у Лікаона Аманатомъ, и изрѣзавъ его въ штуки, представилъ кушать Юпітеру.

Но Юпітеръ тотчасъ Лікаона казнилъ превращеніемъ въ волка. Овідій описываетъ сего Царя весьма нечестивымъ, такъ что его беззаконія почитай главнѣйшимъ были поводомъ къ всемірному Піитіческому потопу.

X.

Глав. 4. числ. 17. стран. 45. стіх. 2.

Іовішъ ли тутъ властелинъ.

Іовішъ, или Юпітеръ, котораго язычники называли отцомъ боговъ и человѣковъ, былъ сынъ Сатурновъ и Реинъ. Сія Реа инако называема была Опса, Цібела, Астарта, и матерь боговъ. баснословіе говоритъ, что богиня сія увидѣла, что мужъ ея пожиралъ своихъ дѣтей, какъ скоро она свобождалась отъ бремени рожденія, и что боясь, чтобъ не здѣлалъ онъ тогожъ съ Юпітеромъ, котораго она токмо что родила, подложила ему вмѣсто его камень, который и поглощенъ былъ Сатурномъ. Юпітеръ былъ воспитанъ при стукѣ копьями въ щиты, въ которыи били пляшучи дактілемъ стопою такъ называемыи Куреты или Корібанты, дабы отецъ его Сатурнъ не услышалъ младенческаго крика; а питаемъ онъ былъ молокомъ козы Амалтеи, превращенныя потомъ въ звѣзду. Нѣкоторыи пишутъ, что онъ родился въ Аркадіи; другіи, что въ островѣ Критѣ; третіи,

третіи, что въ городѣ Тебахъ въ беоціи: но иныи, что въ Мессеніи городѣ въ Пелопоннесѣ. баснословіе говоритъ, что когда Юпітеръ пришелъ въ возрастъ, то онъ согналъ отца своего Сатурна съ престола, длятого что онъ дѣлалъ ему пакости, и хотѣлъ его лишить живота, а державу надъ всѣмъ свѣтомъ раздѣлилъ съ двумя своими братами, такъ что себѣ взялъ небо, Нептуну далъ моря, а Плутону подземныя мѣста́. Юпітеръ взялъ за себя сестру свою Юнону, и любодѣйствовалъ со многими другими, съ которыми онъ прижилъ премножество дочерей, а между прочими отъ Венеры тѣхъ, которыхъ Піиты называютъ Граціями, тоесть благолѣпностями, а музъ отъ Мнемосіны. Приписываютъ ему еще многихъ дѣтей, длятого что онъ родилъ бакхуса отъ Семелы дочери Кадмовой; а Діану и Аполліна отъ Латоны. Говорятъ Піиты, что онъ преображался иногда въ Сатіра лѣснаго бога, дабы изнасильствовать Антіопу дочерь Нiктея беотіческаго Царя; иногда въ вола, чтобъ похитить Европу дочь Агенора Финікійскаго Царя, а сестру Кадмову; иногда въ лебедя, чтобъ обмануть Леду Тіндарову жену, а мать потомъ Касторову и Поллуксову; иногда въ золотый дождь, чтобъ прельстить Данаею дочь Акріза Аргійскаго Царя, отъ которыя онъ родилъ Персея: словомъ, преображался онъ и въ другіе многіе фігуры для удовольствованія своея любви, почему всему мітологія предлагаетъ толкъ. Побилъ онъ перуномъ Тітановъ и Гігантовъ хотѣвшихъ взлѣсть на небо, и былъ отцемъ Меркурію, Мінервѣ, и Прозерпінѣ. Древніи

изображали

изображали Юпитера сидящаго въ креслахъ изъ слоновыя кости, держащего лѣвою рукою скипетръ, а правою поражающаго Перуномъ Гигантовъ; орелъ у него между ногами, на которомъ сидѣлъ Ганимедъ.

РАЗНЫЯ НАИМЕНОВАНІЯ ЮПІТЕРУ.

ЮПІТЕРЪ АММОНЪ.

Почитаемый въ Африкѣ, и называемъ такъ былъ отъ Египтянъ; а слово сіе значитъ, темный и сокровенный.

ЮПІТЕРЪ АНКСУРЪ.

Изображаемъ былъ въ кампаніи Італійской молодымъ молотцомъ и безъ бороды, о которомъ упоминаетъ Віргілий въ Энеідѣ кн. 7. стіх. 799.

ЮПІТЕРЪ АПОМІЙ или МУСКАРІЙ.

Названъ онъ симъ именемъ длятого, что отъ Геркулеса, приносящаго жертву въ Олімпіи Элідскомъ городѣ, прогналъ онъ всѣхъ мухъ за рѣку Алфей, которые очень ему Геркулесу въ то время докучили.

ЮПІТЕРЪ АРБІТРАТОРЪ.

Длятого что онъ все опредѣлялъ съ крайнею правотою.

ЮПІТЕРЪ БЕЛЪ, или ВААЛЪ.

Сему кланялись Вавілоняне и Ассіріане.

ЮПІТЕРЪ КАПІТОЛІНЪ.

Сей былъ названъ такъ въ Римѣ, отъ капища построеннаго въ его имя старшимъ Тарквініемъ, на горѣ Капітоліи въ лѣто Рима 139.

ЮПІТЕРЪ КОНСЕРВАТОРЪ, и КУСТОСЪ.

Назвалъ его такъ Доміціанъ, когда онъ спрятался отъ ярости Вителліевой въ 69 лѣто отъ Хріста; а послѣ увидѣлъ себя въ безопасности, когда Веспасіанъ отецъ его происшелъ въ Імператоры: чегоради и поставилъ жертвенникъ въ честь Юпітеру сохранителю живота своего.

ЮПІТЕРЪ ДАПАЛІСЪ.

Длятого названъ, что приносили ему въ жертву нѣкоторыя кушанія, а не закалали животныхъ.

ЮПІТЕРЪ ДІЕСПІТЕРЪ или ЛУЦЕЦІЙ.

Длятого что онъ отецъ дня и свѣтовъ.

ЮПІТЕРЪ ДОДОНЕЙ.

Такъ названъ отъ капища посвященнаго ему въ Додонскомъ лѣсѣ.

ЮПІТЕРЪ ЭЛІЦІЙ.

Получилъ онъ себѣ сіе имя, послѣ какъ Нума-Помпілій, вторый Римскій Царь привлекъ его къ себѣ съ неба, какъ то онъ говорилъ, дабы научиться отъ него добрымъ и худымъ знакамъ Перуна.

ЮПІТЕРЪ ФЕРЕТРІЙ.

Названъ отъ слова несть: ибо когда Ромулъ побѣдилъ Акрона Ценіненсенскаго Царя, сосѣда Риму; то принесъ онъ корысть взятую съ того Царя на нѣкоторыхъ носилкахъ, которые назывались Феретрумъ, въ 3 лѣто отъ Рима, и посвятилъ оную Юпітеру, привязавъ ея къ нѣкоторому

торому дубу на такомъ мѣстѣ горы Капітолія, гдѣ онъ назначилъ быть капищу въ честь и имя Юпітерово.

ЮПІТЕРЪ ФУЛМІНАТОРЪ.

Длятого что онъ токмо изъ боговъ владѣлъ Перуномъ, и имъ поражалъ.

ЮПІТЕРЪ ІМПЕРАТОРЪ.

Понеже онъ токмо имѣлъ самовластіе надъ всѣми вещами въ свѣтѣ.

ЮПІТЕРЪ ІНВЕНТОРЪ.

Назвалъ его такъ Геркулесъ, послѣ какъ онъ нашелъ воловъ своихъ похищенныхъ Какусомъ, принося ему благодарную жертву.

ЮПІТЕРЪ ЛАЦІАЛІСЪ.

Названъ тогда, когда въ лѣто 221 Рима Латіны заключили союзъ съ Тарквініемъ гордымъ, и выбрали день въ годѣ на принесеніе жертвы Юпітеру.

ЮПІТЕРЪ ОЛИМПІЙ.

Названъ или длятого, что его почитали въ городѣ Олімпіи, или отъ учителя его Олімпа, или отъ горы Олімпа, пріемлемыя за небо.

ЮПІТЕРЪ ОПІТУЛЪ, или ОПІТУЛАТОРЪ.

Тоесть, помощникъ и защитникъ.

ЮПІТЕРЪ ПІСТОРЪ.

Названъ Римлянами, длятого что онъ приказалъ во снѣ напечь хлѣбовъ, и бросить въ лагерь Галловъ, кои осаждали тогда Римъ.

ЮПІТЕРЪ ПЛУВІЙ.

Тоесть, дожденосный. У Аѳинянъ стояла его статуа на горѣ Гіметтѣ.

ЮПІТЕРЪ ПРЕДАТОРЪ.

Названъ длятого, что ему удѣляли въ жертву часть изъ добычь взятыхъ у непріятеля.

ЮПІТЕРЪ КВІРІНЪ.

Симъ именемъ прозвалъ его Виргилій въ Энеидѣ кн. 6. стіх. 859.

ЮПІТЕРЪ СПОНСОРЪ.

Сего Юпітера обыкновенно называли ДІУСЪ ФІДІУСЬ, длятого что его имя призывали въ клятвѣ исполнить какое обѣщ нїе.

ЮПІТЕРЪ СТАТОРЪ.

Онъ былъ почитаемъ подъ симъ именемъ длятого, что остановилъ бѣгущую римскую армею, гонимую Сабїнцами.

ЮПІТЕРЪ УЛТОРЪ.

Прозванъ онъ симъ именемъ длятого, чтобъ означить, что Юпітеръ отмщеваетъ, и казнитъ за злодѣянїе.

Тамже стїх. 2.

ИЛЬ ПЛУТОНЪ ВСЕМѢРНО.

Плутонъ есть братъ Юпітеровъ. Самодержавїе его было въ подземныхъ мѣстахъ; а вмѣсто скипітра имѣлъ онъ острогу. Древнїи язычники изобра-

изображали его на колесницѣ, везомой четырмя вороными лошадями, или иногда мертвецами, а въ правой рукѣ имѣлъ онъ ключи, означая, что онъ имѣетъ ключи смерти. Кони его значили четыре человѣческаго вѣка. Пїиты вымыслили, что онъ похитилъ и женился на Прозерпїнѣ дочери Церериной: ибо ни которая изъ богинь не хотѣла за него вытти, длятого что онъ былъ дуренъ, и въ царствѣ его темно.

Тамже стїх. 3. 4.

КОЙ ЛИ ОКРУЖАЕШЬ ВОЛНАМИ СВѢТЪ, ПРОЛОЖИВЪ ТРЕЗУБЦОМЪ СЛѢДЪ.

Чрезъ сїе изображенїе разумѣется Нептунъ богъ морскїй, сынъ Сатурновъ и Опсїнъ, а братъ Юпїтеровъ и Плутоновъ. Говорятъ баснословцы, что мать его спрятала, какъ скоро родила, отдавъ на сохраненїе пастухамъ, а вмѣсто его подложила мужу своему на пожранїе нѣкоторое животное. Нептунъ пришедъ въ возрастъ женился на Амфїтрїтѣ дочери Нереевѣ, или Океановѣ и Дорїсинѣ. Однако, много онъ имѣлъ и наложницъ, съ которыми многихъ же прижилъ дѣтей. баснословятъ, что будучи согнанъ съ неба съ Аполлїномъ, за злое умышленїе на Юпїтера, построилъ онъ на землѣ Троянскїе стѣны, и учинилъ наказанїе Лаомедонту Фрїгїйскому Царю, который ему не хотѣлъ заплатить за работу по договору. Имѣлъ онъ ссору съ Мїнервою врассужденiи наложенїя имени городу Аѳинамъ, и при семъ случаѣ произвелъ

онъ изъ земли коня, ударивъ въ нея своимъ трезубцомъ, который у него былъ всегда вмѣсто скиптра, и означалъ его удѣлъ самодержавія. Сія есть причина, что Нептуну лошадей въ жертву приносили.

Тамже стіх. 7.

ЖАРКАЯ БЕЛЛОНА ДА БѢЖИТЪ.

Беллона, богиня войны, была или спутница, или сестра Марсу. Имѣла она особливыхъ себѣ жерцовъ называемыхъ беллонаріи, которыи, за честь ея, рѣзали себѣ собственное свое тѣло. Сія богиня была главнѣйшимъ божествомъ у Каппадокіанъ, у которыхъ жерцы беллонины были самыми первыми и знатнѣйшими людьми по Царѣ. Древніи изображали ея различно: иногда съ копьемъ и факеломъ въ рукахъ, а иногда съ нѣкакимъ бичомъ, который былъ весь въ крови; а на самой на ней шлемъ и латы, волосыжъ ея склочены и растрепаны.

XI.

Глав. 5. Числ. 18. Стран. 47. Строк. 12.

ФОРТУНЫ ИГРАЛИЩЕ.

Фортуна есть богиня, которую древніи почитали вмѣсто души при всѣхъ приключеніяхъ. Они думали, что то она, которая раздѣляла

дѣляла по своей угодности богатство и честь; чегоради они ей и дали мѣсто на небѣ. Изображали они ея обыкновенно женщиною слѣпою и плѣшивою, стоящею на колесѣ или шарѣ, и имѣющею на обѣихъ ногахъ крылья. Изображенїе сїе весьма сходствуетъ съ непостоянствомъ и слѣпотою Фортуниною. Римляне называли ея различно: ибо иногда была она у нихъ ДОБРАЯ ФОРТУНА, которая облакачивается правою рукою на колесо, или иногда на небесный шаръ, а лѣвою держитъ рогъ изобилїя. ФОРТУНА ЛЮБВИ, которая представляема была молодою женщиною играющею съ молотцомъ, и держащею рогъ изобилїя. ФОРТУНА ЗЛАЯ, которая изображалась женщиною посаженною въ морское судно безъ парусовъ, и текущее отвсюду. ФОРТУНА ЗОЛОТАЯ, представляема была пригожею крылатою женщиною, лежащею протянувшись, и имѣщею при своихъ ногахъ руль. ФОРТУНА МИРНАЯ, которую изображали стоящею женщиною, облокотившеюся на руль, и имѣющею рогъ изобилїя съ слѣдующими словами: FORTVNA OBSEQVENS, тоесть, Фортуна повинующаяся, или послушливая. Сїяжъ Фортуна вмѣсто рога изобилїя иногда имѣетъ лавровую вѣтьвь. Наконецъ, Римляне много имѣли и другихъ Фортунъ, какъ то ФОРТУНУ БОРОДАТУЮ, ХРАНИТЕЛЬНИЦУ, КОННУЮ, ОСОБЕННУЮ, ПЕРВОРОДНУЮ, ВОЗВРАТИВШУЮСЯ, ОБЩЕНАРОДНУЮ, МАЛУЮ, ЖЕНСКУЮ, ЦАРСКУЮ, СПАСИТЕЛЬНУЮ. Первый былъ Анкъ-Марцїй, который въ Римѣ создалъ сей богинѣ капище, назвавъ ея ФОРТУНОЮ МУЖЕСКОЮ.

XII.

Глав. 5. Числ. 18. Стран. 47. Строк. 30.

ОТВРАЩЕННОЙ ЮНОНѢ.

Юнона есть богиня, которую древніи почитали за властительницу надъ царствами и богатствомъ. Она была дочь Сатурнова и Реина, инако Цібела и Опса. Сказываютъ, что она родилась въ Аргосѣ Греческомъ городѣ, чего ради Піиты и называютъ ея Аргівскою. Иныи утверждаютъ, что родилась въ Самосѣ, отъ чего ей прозваніе Самійская. Вышла она за-мужъ за брата своего Юпітера. Онъ бросился къ персямъ ея подъ образомъ кукушки, и превратившись потомъ въ свое лице получилъ удовольствіе своей страсти съ такимъ договоромъ, чтобъ ему на ней жениться; а сіе онъ и исполнилъ самымъ дѣломъ. Представляется Юнона подъ образомъ богини сидящія на престолѣ, держащія скипетръ въ рукахъ, у котораго на верьху сидитъ кукушка. Баснословіе не согласно въ числѣ ея дѣтей отъ Юпітера, ни въ способѣ, какъ она ихъ понесла. Одни изъ Піитовъ говорятъ, что она прижила съ нимъ МАРСА, ИЛІКІЮ, богиню дородства, МЕНУ, богиню мѣсяцовъ, и ГЕБУ богиню юности: другіи утверждаютъ, что она зачала Марса прикоснувшись къ нѣкоторому цвѣту, показанному ей отъ богини Флоры; а сіе она зделала въ отмщеніе Юпітеру, который произвелъ Мінерву или Палладу безъ жены.

Луціанъ

Луцiанъ сказываетъ въ своихъ разговорахъ, что она зачала Вулкана отъ вѣтра, а Гебу отъ того, что много наѣлась салаты. Юнона была чрезвычайно ревнива, и длятого всегда гнала она Юпiтеровыхъ наложницъ. Пiиты называютъ ея ЛУЦIНОЮ отъ свѣта ощущеннаго родившимися младенцами: ибо родильницы въ помощь себѣ ея призывали: ОПIГЕНОЮ, длятого что она помогала женщинамъ родить: ЮГОЮ, длятого что она начальствовала надъ брачнымъ союзомъ: ДОМIДУКОЮ, длятого что она провожала новобрачную въ домъ новобрачнаго: УНКСIЕЮ, отъ мазанiя пятъ у дверей, которое дѣлалось новобрачною вступающею въ покой мужа своего: ЦIНКСIЕЮ, длятого что она помогала новобрачному скидывать поясъ съ новобрачныя: ФЛУОНIЕЮ, длятого что она останавливала излишнiе крови у родившихъ женщинъ. Называлась она еще и КАПРОТIНОЮ отъ дикiя смоковницы, съ которыя нѣкоторая раба именемъ Фiлотiса усмотрѣла Сабiнцовъ, и другихъ непрiятелей римскихъ, пьянствующихъ, въ которое время римляне на нихъ напали и побѣдили, бывши уже весьма слабы послѣ разоренiя отъ Галловъ. Называлась и МОНЕТОЮ отъ того, что она побудила римлянъ, когда Галлы взяли римъ, принесть ей въ жертву свинью; а другiи говорятъ, что во время страшнаго трясенiя земли въ римѣ, слышимъ былъ голосъ въ капищѣ Юнониномъ, который повелѣвалъ принесть ей помянутую жертву, по исполненiи которыя и перестало трясенiе. Но нѣкоторыи приводятъ названiю сему слѣдующую причину,

именножъ, что, во время войны противъ Пірра, римляне просили сію богиню о ссудѣ, понеже они имѣли крайній тогда недостатокъ въ деньгахъ. Называлась она и СОСПІТОЮ, тоесть спасительницею, и ЦАРИЦЕЮ, и КАЛЕНДАРІСОЮ, длятого что каждый первый день мѣсяца, называемый КАЛЕНДЫ, былъ ей посвященъ. Діонісій Галікарнасскій объявляетъ, что римскій Царь Туллъ повелѣлъ приносить въ капище Юнонино одну не большую монету за каждаго родившагося младенца, такъ какъ носили въ капище Венеры называемыя Лібітіны за каждаго умершаго; а въ капище Юности за каждаго изъ тѣхъ, кои надѣвали на себя мужескую одежду. По сему извѣсно было римлянамъ о числѣ родившихся, умершихъ, и о тѣхъ, кои годны были служить въ армѣ.

XIII.

Глав. 5. Числ. 19. Стран. 49. Строк. 18.

ГЕРКУЛЕСУ ВЪ ФІЛОКТЕТѢ.

О Геркулесѣ смотри изъясненіе VIII. Но Філоктетъ сынъ Пеановъ былъ вѣрный спутникъ Геркулесовъ. Сей умирая обязалъ его клятвою, что онъ никому не укажетъ мѣста, на которомъ Геркулесъ погребенъ, да и подарилъ ему свое оружіе, вымазанное Гідріною кровію. Послѣ сего, когда Греки готовились къ осажденію

Трои, уведомились они отъ божескаго ответа, что невозможно имъ будетъ взять сего города безъ Геркулесовыхъ роковыхъ стрелъ. Тогоради домогались они о томъ всячески, чтобъ узнать место, где погребенъ Геркулесъ: а Філоктетъ, чтобъ ему не преступить клятвы, показалъ имъ оное место, ударивъ по немъ ногою. Но въ отмщенїе за сїе получилъ онъ рану въ ногу, которую ему вылечилъ Махаонъ. Потомъ Улїссъ его паки возвратилъ къ осаде, где онъ убилъ Парїса стрелою. По взятїижъ города Трои, прибылъ онъ въ Калабрїю, и построилъ въ ней городъ Петїлїю.

XIIII.

Глав. 5. Числ. 19. стран. 49. строк. 19.

АХІЛЛЕСУ, ЧТО ОНЪ ЛЮБИЛЪ ПАТРОКЛА.

Ахїллесъ былъ Герой и Князь Греческїй, сынъ Пелеевъ и Тетїдїнъ, родившїйся въ городе Фтїи въ Тессалїи. Онъ былъ еще младенцемъ, когда мать, погружая въ озеро Стїксъ, зделала его не уязвляемымъ по всему телу, кроме токмо что въ пяту, за которую она его держала. Сїе мненїе въ баснословїи есть всеобщее. Другїи утверждаютъ, что она его ежедневно клала на-жаръ, и мазала амброзїею кушанїемъ небеснымъ. Однако многїи пишутъ, что онъ былъ израненъ во многихъ местахъ

тѣла своего. Нѣсколько времени спустя послѣ того, отдала она его въ науку Центавру Хірону, по мнѣнію многихъ писателей, или нѣкоему Феніксу, какъ то Гомеръ утверждаетъ. Хіронъ питалъ его мозжечкомъ львовымъ, по свидѣтельству Лібаніеву, Стацїеву, и Прісціанову: но другіи прибавляютъ къ сему мозжечокъ и оленій, и медвѣжій, и вепревый, а словомъ, мозжечокъ и всѣхъ дикихъ звѣрей. Мать его увѣдавши, что онъ долженствовалъ быть умерщвленъ подъ Троею, и притомъ что Калхантъ прорекъ, что безъ Ахіллеса никогда Грекамъ города того не взять, то чтобъ его спрятать и укрыть, перерядила она его въ дѣвическое платье, когда еще ему было токмо девять лѣтъ, и отослала его во дворецъ къ Царю Лікомеду на островъ Сціросъ. Ахіллесъ названъ тамъ былъ Пірроюо ради бѣлыхъ своихъ волосовъ. Ходящаго въ томъ женскомъ платьѣ, полюбила его Деідамія дочь Лікомеда Царя, которая родила ему сына Пирра. Когда Калхантъ узналъ, гдѣ Ахіллесъ былъ спрятанъ; то тогда послали туда по него Уліса. Сей Улиссъ его узналъ, хотя Ахіллесъ и былъ въ женскомъ платьѣ: ибо когда онъ поднесъ въ подарокъ придворнымъ дѣвицамъ вещи надлежащіе къ ихъ убору, и оружіе; то Ахіллесъ тотчасъ себя показалъ тѣмъ, что онъ взялъ себѣ оружіе, а украшенія пренебрегъ. Симъ образомъ принужденъ онъ былъ слѣдовать съ Греками подъ Трою, и прибывъ туда показалъ великіи опыты храбрости своея, пока Агамемнонъ не отнялъ у него Бризеиды: ибо послѣ того Ахіллесъ заперся въ своемъ шатрѣ,

трѣ, и больше не хотѣлъ сражаться за Грековъ. Патроклъ другъ его, выпросилъ у него себѣ вооруженїе его, когда ужé онъ самъ не хочетъ сражаться; а вооруженїе сїе было не проницаемое, и здѣланное самимъ Вулканомъ. Ахїллесъ оное уступилъ Патроклу. Но когда сей погубилъ то вооруженїе, будучи убитъ Гекторомъ; то Тетїда выпросила новое у Вулкана, въ которомъ Ахїллесъ сражался съ Гекторомъ, и его убилъ. Потóмъ, привязавъ трупъ Гекторовъ къ своей колесницѣ, таскалъ оный кругóмъ Троянскихъ стѣнъ; а за превеликую цену выкупа отдалъ его Прїаму отцу Гекторову. Послѣ сего, влюбившись въ Полїксену дочь Прїамову, присватался за нея; а когда Ахїллесъ былъ ужé въ Аполлїновомъ капищѣ для утвержденїя брака съ Полїксеною; тогда Парїсъ, братъ Гекторовъ, а похититель Еленинъ, пустилъ на него съ тыла стрѣлу, а сїя и поразила его въ оную часть ногú, которая не была неуязвляема. Ахїллесъ умеръ отъ сего пораженїя: а нѣкоторые утверждаютъ, что самъ Аполлїнъ направилъ толь мѣтно Парїсову руку. Погребенъ онъ на мысѣ называемомъ Сїгей. По взятїи Трои, Пїрръ Ахїллесовъ сынъ отсѣкъ голову Полїксенѣ, принося ея въ жертву на гробѣ своего отца. На семъ сáмомъ мѣстѣ поставлена была Ахїллесова статуа, которая имѣла серьгу въ ухѣ. Впрочемъ, Ахїллесъ хотя очень былъ запальчивъ; однако не меньше въ немъ находилось благости, сколько и храбрости.

Чтожъ до Патрокла; сей былъ сынъ Менецїевъ, и Фїломелинъ или Стенелеинъ. Притомъ,

томъ, одинъ изъ тѣхъ Государей, которыи были подъ Троею, гдѣ онъ зделался славнымъ отъ превеликiя дружбы съ Ахiллесомъ, и отъ показанныя храбрости тогда, когда Ахiллесъ, гнѣвенъ будучи на Агамемнона, не выходилъ изъ шатра на сраженiе за Грековъ. Патроклъ сколько ни старался умягчить Ахiллесово сердце; однако въ томъ не получилъ успѣха: чегоради выпросилъ у него воруженiе себѣ, дабы устрашить онымъ Троянъ, которыи обыкновенно трепетали видя Ахiллеса. И подлинно, сей подлогъ ободрилъ Грековъ ослабѣвшихъ; а Патроклъ убилъ на поединкѣ Сарпедона сына Юпитерова, и также Лiкiйскаго Царя: но и самъ былъ онъ побѣжденъ и убитъ отъ Гектора Прiамова сына. Ахiллесъ учинилъ памяти Патрокловой чрезвычайную честь, и отмстилъ за смерть друга своего смертiюжъ, и притомъ крайнею жестокостiю, показанною трупу Гектора, который убилъ Патрокла.

XV.

Глав. 5. числ. 20. стран. 50. строк. 20.

ТВЕРДѢЙШIЯ РАМЕНА, НЕЖЕЛИ КОЛЬ СИЛЬНЫ У НАШЕГО АТЛАНТА.

Атлантъ, или Атласъ, Царь Мавританскiй, братъ Прометеевъ, былъ преискусный Астрономъ. Утверждаютъ, что онъ изобрѣлъ сферу, и прiобрѣлъ себѣ совершенное познанiе звѣздъ,

звѣздъ, и вся небесныя машины. Сїе самое подало причину къ басни, что будто онъ былъ сынъ Юпїтеровъ, прїемлемый за небо, и Клїменинъ, да и говорить, что онъ держитъ небо на своихъ плечахъ. Понеже онъ наблюдалъ всегда звѣзды на Маврїтанскихъ горахъ; то Пїиты вымыслили, что онъ превращенъ въ гору, называемую его именемъ, длятого что онъ презрѣлъ Персея, который прибылъ къ нему по Гесперїдскїя яблока, кои Атлантъ очень хранилъ. Сїе случилось слѣдующимъ образомъ: Атланту сказано божескимъ отвѣтомъ, чтобъ онъ охранялся отъ Юпїтерова сына. Чегоради онъ здѣлался толь угрюмымъ и непреклоннымъ, что не хотѣлъ никого къ себѣ принимать въ гости. Персею, сыну Юпїтерову и Данаеину, стало досадно, что онъ ему отказалъ, и не пустилъ къ себѣ; чегоради показалъ ему Горгону, о которой будетъ ниже. Атлантъ какъ скоро ея увидѣлъ, то и превратился въ оную толь высокую гору, которыя холма око съ земли видѣть не можетъ. Впрочемъ, Атлантъ былъ отецъ Антеевъ. Но нѣкоторыи утверждаютъ, что Антей Гїгантъ Лївїйскїй былъ сынъ Нептуновъ и землинъ. Жилъ онъ въ степяхъ своея страны, и нападая на всѣхъ прохожихъ убивалъ ихъ. Геркулесъ бился съ симъ Гїгантомъ, и повергалъ его трижды на-землю; однако безъ успѣха, длятого что земля, мать его, ему помогала, и ободряла его. Но Геркулесъ, догадавшись, схватилъ его руками, поднялъ въ верьхъ отъ земли, и симъ способомъ его задавилъ.

XVI.

Глав. 6. числ. 27. стран. 69. стіх. 1.

ИЛИ АДЪ ТЕБЯ БОИТСЯ.

Язычники вѣрили, что по смерти всѣ души шли въ адъ; а послѣ часнаго всякой суда опредѣляемы были или на веселіе въ Элісійскія поля, или осуждаемы на муки.

Тамже стіх. 2.

НОВЫЯЛЬ ТЕБЯЖЪ ЗВѢЗДЫ.

Часто у баснослововъ души любезныхъ богамъ превращаемы были въ звѣзды. Сихъ премѣненій всѣ Овідіевы превращенія преисполнены.

XVII.

Глав. 7. числ. 30. стран. 75. строк. 26.

КАКЪ ЧЕРВЛЕНЫЙ И РОКОВЫЙ ВОЛОСЪ У ОТЦА; СЕЙ БУДЕ ОНА ВЫРВЕТЪ, НАПОДОБІЕ СЦІЛЛЫ ЛЮБЯЩІЯ МІНОЯ.

Сцілла, дочь Ніза Царя Мегарскаго въ Ахаіи, влюбившись въ Міноя Критскаго, или Кандійскаго Царя, здѣлалась предательницею города

Мегары,

Мегары, подъ которымъ онъ стоялъ осадою. Сїе она учинила вырвавши, или выстригши у своего отца оный роковый волосъ, отъ котораго зависѣла благополучная участь тоя страны. Мїнобю толь противно стало сїе вѣрности нарушенїе, что онъ ея возненавидѣлъ. Онажъ сама съ горести бросилась въ море, или, по свидѣтельству Овїдїеву, кинулась въ слѣдъ за нимъ на воздухъ, при чемъ и превращена въ жаворонка; а отецъ ея Нїсъ, который прежде ея умеръ съ печали, превращенъ въ ястреба, дабы всегда гоняться за дочерью.

XVIII.

Глав. 7. числ. 31. стран. 78. строк. 1.

О ПЇРАМОВОМЪ ПОГРѢШЕНЇИ.

Тамже строк. 9.

ПЇРАМЪ ТЇСБУ СВОЮ ВВЕРГЪ.

Пїрамъ Вавїлонянинъ. Онъ любилъ чрезвычайною горячестїю нѣкоторую молодую дѣвицу именемъ Тїсбу. Оба сїи любовника зговорились свидѣться между собою подъ шолковицею деревомъ. Туда Тїсба прибыла прежде Пїрама; тамъ на нея напалъ левъ, отъ котораго она бѣгствомъ спаслась, но бѣгучи сронила покровъ свой съ головы. Оный звѣрь ухвативъ тотъ въ пазногти, растерзалъ его и окровавилъ. Но когда Пїрамъ

пришелъ тудажъ, а увидѣвъ покровъ съ головы любовницы своея растерзанный и окровавленный, возмнилъ, что она съѣдена звѣремъ: чегоради самъ себя убилъ съ горести. Тісба, возвратившись туда, и увидѣвши, что ея любезный мертвъ, тѣмже оружїемъ и сама себя заколола. Овідій описывая ихъ любовь говоритъ, что смерть сихъ любовниковъ превратила шолковичные ягоды въ багровый цвѣтъ изъ бѣлыхъ.

XIX.

Глав. 7. числ. 31. стран. 79. строк 14.

ПРИСТАВНЫМЪ ПОЛІАРХОВЫМЪ ДУХОМЪ.

Приставнымъ духомъ я перевелъ Латїнское слово ГЕНІУСЪ. Древнїи язычники вѣрили, что по рожденїи къ каждому человѣку придаются два духа, изъ которыхъ одинъ добрый, а другой злый, обоихъ же АЛАСТОРАМИ называли. Но хотя они и думали, что каждый въ рожденїи своемъ особливаго духа имѣетъ; однако притомъ вѣрили, что одинъ изъ сихъ духовъ другаго былъ сильняе: отъ чего заключали, чего ради въ одномъ человѣкѣ лучшая была природа, нежели въ другомъ. Сей приставный духъ, мною такъ переведенный, можетъ по нашему и ПРИРОДНЫМЪ называться духомъ, какъ то я его и называлъ въ сей же повѣсти на многихъ мѣстахъ.

XX.

XX.

Глав. 8. чис. 33. стран. 82. строк. 11.

ДЕДАЛЪ БУДУЧИ ВЪ ГОСТЯХЪ У КОККАЛА.

Дедалъ Аѳинянинъ, былъ превесьма искусный и славный Механікъ. Онъ изобрѣлъ многіе механіческіе машіны, и подѣлалъ статуи, кои сами ходили. Превеликое искусство его не загладило въ немъ подлыя зависти: ибо опасаясь, чтобъ КАЛУСЪ, или ТАЛУСЪ, племянникъ ему по сестрѣ, который изобрѣлъ нѣкоторое гончарское колесо, не превосшелъ его, бросилъ онъ его въ море и утопилъ, а самъ ушелъ въ Критъ съ сыномъ своимъ Ікаромъ къ Царю Мінбю. У сего точно пребывая Царя здѣлалъ онъ Лабірінтъ, который былъ толь славенъ, и въ коемъ онъ самъ былъ заключенъ, длятого что Ікаръ сынъ его служилъ Пазіфаѣ въ любви ея. Но сеяль ради причины, или была какая другая, толькожъ Дедалъ ушелъ толь хитро съ своимъ сыномъ, что думали, буттобъ онъ улетѣлъ приправивши себѣ и сыну крыла, и что сынъ, не слѣдуя исправно совѣту своего отца въ летѣніи, упалъ въ море и утонулъ. Дедалъ нашелъ себѣ убѣжище у КОККАЛА Сіцілійскаго Царя, жившаго въ баснословныя времена. Но по нѣсколькомъ времени сей Государь велѣлъ его задавить въ банѣ, опасаясь чтобъ Мінбй, который у него сильнымъ образомъ требовалъ своего бѣглеца, не пришелъ съ войною въ его области. Сіе есть, что баснословіе намъ предлагаетъ о Дедалѣ.

Тамже стран. 82. строк. 20.

ПОСРЕДИНѢ ГАЛАТЕЯ.

Галатея была Німфа морская и богиня. Дочь она Нереева и Дорісина. Любилъ ея безмѣрно Ціклопъ Поліфемъ сынъ Нептуновъ; но она къ нему пребыла несклонна, длятого что сердце ея было занято горячестію къ пастушку Аці-су, котораго оный Гігантъ умертвилъ, бросивъ въ него дикій камень оторванный отъ горы.

Тамже стран. 82. строк. 21.

ОБЪ УМЕРШЕМЪ НЕДАВНО АЦІСѢ.

Аціс сынъ Фауновъ и Німфы Сіметеісы, былъ причиною отъ своея красоты любви къ себѣ Німфѣ Галатеѣ, которую любилъ Ціклопъ Поліфемъ. Въ нѣкоторое время, когда Аціс сидѣлъ совокупно съ Галатеею, Ціклопъ оный въ толикую пришелъ ревность, что, оторвавши кусокъ камня отъ горы Этны, убилъ онымъ до смерти бѣднаго Аціса. Німфа Галатея, съ превеликія горести, превратила любезнаго своего друга въ источникъ или рѣку, которая Аціcомъ и называется, и падаетъ въ Сіцілійское море.

Тамже стран. 82. строк. 26.

ИСТУКАНЪ ИЗОБРАЖАЮЩІЙ ПОЛІФЕМА.

Поліфемъ, сынъ Нептуновъ, былъ Ціклопъ, то-есть огромный родъ одноглазаго человѣка, пребывающій въ горѣ Этнѣ, который, по свидѣтельству

дѣтельству Гомерову съѣлъ четырехъ человѣкъ изъ спутниковъ Улиссовыхъ. Сей послѣднiй, напоивъ его до - пьяна, выкололъ ему глазъ, который у него одинъ токмо и былъ посрединѣ чела. Циклопъ сей, не смотря на природную свою грубость, влюбился въ Галатею морскую Нимфу, какъ то я выше недавно объявилъ.

XXI.

Глав. 8. числ. 37. стран. 93. строк. 14.

Въ Палладиномъ храмѣ.

О Палладѣ смотри изъясненiе V.

XXII.

Глав. 8. числ. 37. стран. 93. строк. 25.

При Олимпiи бѣганiемъ.

Олимпiя есть городъ Элидскiй въ Пелопоннесѣ. Славенъ онъ былъ капищемъ посвященнымъ Юпитеру, прозываемому Олимпiйскимъ, и Олимпiйскими играми, которые близъ сего города на берегу рѣки Алфея отправлялись по прошествiи каждыхъ четырехъ лѣтъ, а учрежденными Геркулесомъ въ честь помянутому богу. Нынѣ сей городъ называется Лонганика. Побѣдители на сихъ играхъ назывались Олимпiониками, и были

превесьма почтенны въ своемъ отечествѣ. Пиндаръ Лирическій Піитъ прославлялъ ихъ одами своими. Олимпіады лѣтъ [которые начались почитай за 30 лѣтъ прежде созданія Рима, какъ то свидѣтельствуетъ Евтропій послѣ Варрона; а Римъ начался, въ царство Ахаза Іудейскаго Царя, тоесть въ 4755 лѣто отъ сотворенія по Греческимъ Хронографамъ, а въ 3195 по Римскимъ, за 753 года прежде воплощенія] означались именами Олимпіониковъ. Сперва считали лѣта побѣдителями на борьбѣ; но послѣ всегда уже считали побѣдителями чрезъ бѣганіе. Игры, и всенародныя собранія были въ крайнемъ почтеніи у всѣхъ народовъ. Іудеи ихъ также отправляли, какъ и Египтяне, и другія племена. Сіе обыкновеніе перешло отъ Финикіанъ къ Грекамъ. И какъ оно производило свое начало отъ закона, и отъ нѣкоторыхъ знатныхъ и достопамятныхъ дѣйствій; то причина есть думать, что такіе всемірные и священные игры установлены были въ самыя первыя времена.

Тамже строк. 26.

НА ІСТМІЧЕСКИХЪ ИГРАХЪ борьбою.

Істмъ есть уская земля, лежащая между двумя морями, и соединяющая двѣ земли. Нѣкоторыи по нашему Істмъ называютъ ПЕРЕШЕЙКОМЪ: но мнѣ кажется, что съ ідеею Істма не несвойственножъ соединять слово наше и ВОЛОКЪ. Здѣсь слово идетъ о Коринѳіаческомъ Істмѣ, на которомъ Греки игры свои отправляли

ли по прошествіи каждыхъ трехъ лѣтъ въ честь Мелїцерту, который, по баснословїю, превращенъ въ морскаго бога, послѣ какъ онъ бросился въ море и утонулъ. Кажется, что Плутархъ различаетъ йгры посвященные сему божеству отъ Істмїческихъ, говоря, что сїи послѣднїе уставлены Тезеемъ въ честь Нептуну.

XXIII.

Глав. 9. числ. 38. стран. 96. строк. 30.

САТУРНОВЪ ЛАЦІЙ.

Сатурнъ, коего язычники почитали за отца боговъ, былъ сынъ Целусовъ, тоесть Небовъ, и Вестїнъ, или, по мнѣнїю Платонову, Океановъ и Тетїдїнъ, а братъ Тїтановъ. По баснословїю онъ отецъ Юпїтеровъ, Нептуновъ и Плутоновъ, а братъ же Опсїнъ, на которой онъ женился. Тїтанъ былъ братъ его старшій, который уступилъ ему свое право съ такимъ договоромъ, чтобъ ему никогда не воспитать мужескаго пола младенца. Сатурнъ ему далъ въ томъ обѣщанїе; а съ другой стороны зная, что одинъ изъ его сыновъ долженствовалъ его свергнуть съ престола, воспрїялъ намѣренїе всѣхъ своихъ дѣтей пожирать, какъ скоро мать родитъ на свѣтъ дитя. Но жена его нашла способъ скрывать дѣтей отъ него, и воспитывать ихъ втайнѣ. Тїтанъ, увѣдомившись о семъ жены его подлогѣ, пошелъ съ своими дѣтьми

войною противъ Сатурна; а взявъ въ плѣнъ, держалъ его въ темницѣ, пока ужé Юпiтеръ взмужавъ свободилъ отца своего изъ оныя. Тогда Сатурнъ вспомнивъ, что одинъ изъ его сыновъ долженствовалъ у него отнять Престолъ, старался всячески избыть Юпiтера. Но сей самъ выгналъ его изъ области, и принудилъ убѣжать въ часть Iталiи называемую Лацiй, и въ ней спрятаться отъ него, гдѣ Янусъ Царь, имѣвшiй два лица, напереди и назади, его прiнялъ, а онъ, по баснословiю, принесъ туда ЗОЛОТЫЙ ВѢКЪ, въ коемъ всѣ человѣки были справедливы, и изъ землú все само собою прозябало. Сатурнъ имѣлъ въ знакъ косу: а изображаемъ былъ престарѣлымъ и съ крылами. По Гречески онъ называется Κρόνος, [время]; а Орфей именуетъ его, Παγγενέτωρ и Γενάρχης, [всеродителемъ, и родоначальникомъ].

XXIIII.

Глав. 9. числ. 39. стран. 98. строк. 6.

ЦЕРЦІОНОМЪ, ИЛЬ БУЗІРІДОМЪ ЗДѢЛАЛСЯ?

Церцiонъ былъ славный разбойникъ, который воровалъ въ Аттикѣ, и притомъ, принуждая всѣхъ прохожихъ биться съ собою, убивалъ онъ побѣжденныхъ отъ себя. Сила у него была во всемъ тѣлѣ и въ рукахъ чрезвычайная: онъ нагибалъ вмѣстѣ два претолстыя дéрева, къ которымъ привязывалъ побѣжденныхъ своихъ, и тѣмъ ихъ разрывалъ на ча́сти. Имѣлъ онъ дочь именемъ Алопу, которая преклонившись на прошенiе Нептуну, родила отъ него сына именемъ Гiппо-

Гіппотоона. Церціонъ, увѣдомившись о семъ отъ кормилицы младенцовы, въ толикое пришелъ озлобленіе, что онъ отдалъ младенца на съѣденіе звѣрямъ въ лѣсъ, а мать его умертвилъ голодомъ въ заключеніи. Сего разбойника побѣдилъ Тезей, и замучилъ его тоюжъ самою смертію, которую отъ него толь многіи пострадали.

Бузірідъ былъ Царь Егіпетскій. Баснословіе утверждаетъ, что онъ былъ сынъ Нептуновъ и Лівіинъ, которая была дочь Эпафусова. Притомъ, что Геркулесъ его принесъ въ жертву, длятого что онъ самъ жертвовалъ Юпітеру всѣхъ приходящихъ къ нему пришельцовъ.

Тамже строк. 8.

КУМИРЪ ТАВРІЧЕСКІЯ ДІАНЫ.

Діана была богиня, упражнявшаяся въ псовой охотѣ ходя за звѣрями. Дочь она Юпітерова и Латонина, а сестра Аполлінова. Она имѣетъ обыкновенно три имени: называется она въ подземныхъ адскихъ мѣстахъ Гекатою, на землѣ Діаною, а на небѣ Фебою. Нѣкогда засталъ ея купающуюся нагую въ водѣ Актеонъ охотникъ же: она ему съ досады плеснула въ лице воды, чемъ его и превратила въ оленя, такъ что собственныи его псы, не узнавши того, растерзали онаго. Однако, богиня сія не была толь непреклонна къ Карійскому пастушку́ Эндіміону, для котораго она каждую ночь съ неба сходила. Древніи имѣли многія капища въ ея имя построенныя: но Ефесскій храмъ, который

торый почитается между диковинками свѣта, былъ всѣхъ прочихъ великолѣпнѣйшій. Почитай всѣ Азіатическіе провінціи чрезъ 200 лѣтъ и больше обогащали оный: было въ немъ 127 столповъ поставленныхъ щедростію отъ столькихъ же числомъ Царей. Сжегъ его нѣкто Геростратъ, желая себѣ получить за сіе бессмертное имя, въ тотъ самый день, въ который родился Александръ Великій. Діана обыкновенно была представляема богинею, съ растрепаными волосами, въ косматой одеждѣ порпуроваго цвѣта, застегнутой золотыми пуговицами, которая ей была токмо по колѣна. Въ лѣвой рукѣ у нея лукъ; а назади висѣлъ калчанъ съ стрѣлами. Изображается она и еще на золотой колесницѣ, везомой еленицами. Філософъ Алберікъ въ изображеніяхъ боговъ говоритъ, что Діана представляема была богинею, держащею лукъ и стрѣлы, у которыя на челѣ была луна полукружіемъ изображенная; а около ея множество лѣсныхъ, рѣчныхъ, морскихъ, и горныхъ Німфъ, называемыхъ Дріады, Наіады, Нереіды, и Ореады, также и Сатіровъ, которыи потомужъ лѣсныи и полевыи боги.

Тавріка, или Херсонесъ Таврическій, нынѣ называется Крымомъ. Древніи жители сихъ мѣстъ были толь бесчеловѣчны, что они закалали и приносили въ жертву Діанѣ всѣхъ кто къ нимъ изъ чужихъ ни прибудетъ. Сея самыя ради причины упоминается здѣсь Кумиръ Таврическія Діаны отъ Поліарха, какъ такія богини, которая умилостивляема была кровію пришелческою.

XXV.

XXV.

Глав. 9. числ. 40. стран. 100. строк 28.

САМЪ МАРСЪ, ЗА УБИТАГО ОТЪ СЕБЯ ГАЛІРРОТІЯ, НА АРЕОПАГѢ ПРИНУЖДЕНЪ БЫЛЪ ОТВѢТСТВОВАТЬ.

О Марсѣ смотри изъясненіе IIII. Но Галірротій былъ сынъ Нептуновъ; его убилъ Марсъ. За сіе Нептунъ билчеломъ на Марса въ Аѳинейскомъ главнѣйшемъ судѣ. Марсъ туда сысканъ, допрашиванъ, сужденъ, и оправданъ. Сей былъ самый первый уголовный судъ въ Аѳинахъ: а судебное мѣсто отъ того, что на немъ былъ сужденъ Марсъ, названо Ареопагомъ, тоесть Марсовымъ селомъ, или мѣстомъ, потому что Марсъ по Гречески называется Арисъ, а Пагосъ значитъ село, или мѣсто.

XXVI.

Глав. 9. числ. 41. стран. 102. строк. 18.

РАВНО КАКЪ О ГЕРІОНѢ.

Геріонъ былъ Царь въ трехъ островахъ балеарскихъ, нынѣ называемыхъ Маіорка, Мінорка, и Івіка. Сіе самое дало причину къ басни, что будто Геріонъ имѣлъ три тѣла, и три

и три головы. Другіи утверждаютъ, что у Геріона было два брата, которыи всѣ трое имѣли одно имя, и жили между собою толь согласно, что во всѣхъ въ нихъ троихъ почитай одна душа́ была.

Тамже стран. 103. строк 20.

ОТЪ ХИТРОСТИ ХАМЕЛЕОНТА.

Хамелеонтъ есть не большой звѣрокъ, живущій на каменныхъ горахъ; а походитъ онъ на ящерицу, кромѣ токмо того, что голова его больше и ширѣ. Имѣетъ онъ четыре лапы, на каждой по-три пальца. Хвостъ его плоскій и долгій, коимъ онъ цепляется за деревья, также какъ и лапами. Рыло у него долгое, спина острая, кожа морщиноватая, на которой волосы дыбомъ стоятъ такъ остро, какъ какая пила отъ самаго переда, до послѣдняго хвостоваго прозвонка. Есть у него нѣкоторый гребешокъ на головѣ; а шеи у него нѣтъ, такъ какъ у рыбъ: и родится онъ изъ яица какъ ящерица. Морда у него долговатая. Въ головѣ двѣ небольшіе дирочки, которые у него вмѣсто ноздрей. Обѣ его пащеки сжаты такою лінѣею, которыя почитай не возможно видѣть. Глаза́ у него большіи, и имѣютъ больше пяти лінѣй въ діаметрѣ. Облачко́ въ нихъ соловаго цвѣта, а кругомъ его кольцо, золотаго. Нѣтъ у него ушей. Языкъ его долгій въ десять лінѣй; а шириною въ три, здѣланъ изъ бѣлаго мяса, на концѣ онъ круглъ и сплющенъ; а тут-

же онъ пустъ и покрытъ, какъ трупка какая, или какъ слоновїи хоботъ. Мечетъ онъ его съ великою скоростїю на мухъ. Самъ онъ иногда здѣлается толь тощъ, и худъ, что можно у него способно перещитать ребра. Сказываютъ, что онъ боронится отъ змѣй нѣкоторою палочкою, которую держитъ во-ртѣ. Обыкновенный его цвѣтъ, когда онъ спокоенъ и въ прохлажденїи, сѣро-синеватый. Однако онъ показываетъ на себѣ разныи цвѣты. Говорятъ, что обыкновенная его пища, есть воздухъ. Часто онъ перемѣняетъ на себѣ цвѣтъ; толькожъ не перемѣняется въ тотъ, на который его ставятъ: но примѣчено токмо сїе, что цвѣтъ вещей, на которые его ставятъ, примѣшивается съ другими, и увѣряютъ, что сїи его перемѣны видѣть весьма прїятно. Прибавляютъ объ немъ, что онъ звѣрокъ лѣнивый, угрюмый, глухїй, и нѣмый: но изъ обоихъ своихъ глазъ одинъ держитъ неподвижно, а другимъ смотритъ обращая его или вверьхъ, то другой внизъ, или внизъ, то другой станетъ держать вверьхъ неподвижно.

XXVII.

Глав. 9. числ. 42. стран. 106. стїх. 1.

НАСТАВЛЕННЫ ГОРЫ ТЇФОНА.

Тїфонъ, или Тїфей Гїгантъ, былъ сынъ Тартаровъ и Землинъ, по свидѣтельству Гезїодову, или справедливѣе, сынъ токмо одноя Юно-

ны. Ибо Гомеръ объявляетъ, что сія богиня разгнѣвавшись, что Юпітеръ родилъ Мінерву безъ нея, ударила по землѣ рукою, и получила отъ нея самыя сильныя куренія вышедшія изъ нея, отъ которыхъ родился Тіфонъ. Величина его была ужасная: ибо одною рукою доставалъ онъ до востока, а другою до запада. Голова его возносилась до самыхъ звѣздъ: глаза́ у него были всѣ огненныя: онъ изрыгалъ пламень ртомъ и ноздрями: тѣло его было покрыто перьями, около которыхъ обвились змѣи: а бе́дра его и но́ги изображали два дракона преужасныя огромности. Сіе чудовище, или лучше страшилище, предвоспріяло биться съ богами, и низвергнуть ихъ съ престоловъ, которыхъ оно въ толикій привело страхъ, что они принуждены были съ неба убѣжать въ Егіпетъ, и превратиться въ разныи скоты, дабы укрыться отъ Тіфона. Наконецъ, Аполлінъ его убилъ своими стрѣлами, или, по мнѣнію другихъ Піитовъ, самъ Юпітеръ Перуномъ, и низвергъ его стремглавъ по́дъ-гору Жібель, тоесть Этну. Овідій, описывая преужасную его огромность, говоритъ, что Сіцілія, коя имѣетъ три мыса на трехъ своихъ углахъ, лежитъ вся на его тѣлѣ, такъ что мысъ Пелоръ, или Капо ді Фаро, на правой рукѣ, мысъ Пахінъ, или Капо ді Пассаро, на лѣвой, Лілібей, или Капо ді Коко, на его бедрахъ; а гора Жібель, или Этна, на его головѣ.

Тамже

Тамже стїх. 2.

НИ ЯРКИЙ ГРЕМЯЩУ.

Чрезъ Гремящаго разумѣется здѣсь Юпїтеръ; а о семъ смотри изъясненїе X.

Тамже стїх. 3.

МѢТКИЕ ФЕБУ.

Чрезъ Феба разумѣется Аполлїнъ; а о немъ смотри изъсненїе IIII.

Тамже стїх. 4.

МАРСЪ БЕЗОРУЖЕНЪ БЫЛЪ.

О Марсѣ смотри изъясненїе IIII.

Тамже стїх. 4.

БЕЗЪ ГОРГОНЫ ТАКЖЕ ПАЛЛАДА.

О Палладѣ смотри изъясненїе V. Но что до Горгоны: чрезъ нея разумѣется особливо щитъ, а иногда нагрудникъ Палладинъ. На семъ ея щитѣ была изображена толь страшная голова, что кто на нея ни посмотритъ, тотъ въ камень тотчасъ превратится. Щитъ сей инако называется Эгїда, и Медуза. Баснословїе о семъ слѣдующее предлагаетъ. Медуза

дуза была дочь Цетина, и нѣкотораго морскаго бога именемъ Форкъ, или Горгонъ. Она притомъ была старшая изъ трехъ Горгоновыхъ и Цетиныхъ дочерей. Вcѣ сіи три дѣвицы жили на такъ называемыхъ островахъ Горгонахъ, отъ которыхъ онѣ и прозваны были Горгонами. Медуза обѣихъ сестръ была краше. Красота ея волосовъ прельстила Нептуна, который Медузу восхитилъ силою, и увелъ ея въ капище Мінервино, гдѣ онъ съ нею любодѣйствовалъ; а отъ сего ихъ смѣшенія родился крылатый конь называемый Пегазъ, да Хрїзаоръ. [о семъ Хрїзаорѣ Гезїодъ говоритъ въ Теогоніи, что онъ родился безъ отца отъ Медузины крови]. Мінерва разгнѣвавшись на такое оскверненіе своего храма, превратила Медузины волосы въ ужасныхъ змѣй, и начала́ превращать всѣхъ въ камень, кто на Медузу ни посмотритъ. Персей, имѣя Меркурїевы крыла, и топоръ, коимъ онъ убилъ Аргуса, напалъ на Медузу, и отсѣкъ ей голову при вспоможеніи Мінервиномъ, которая потомъ, содравши съ Медузиной головы кожу, покрыла ею свой щитъ.

Тамже стіх. 7.

А́тласъ морозомъ.

Объ А́тласѣ, или Атлантѣ смотри изъясненіе XV.

XXVIII.

Глав. 10. числ. 43. стран. 111. строк. 9.

НА ЧЕЙ БЫ ВЫ ФАНАРИКЪ.

Здѣсь Авторъ разумѣетъ, что не возможно многихъ сыскать совершеннѣйшихъ въ мудрости и храбрости людей; равно какъ Дiогенъ, Цiническiй Фiлософъ, не могъ сыскать съ фанарикомъ, или со свѣчою, среди бѣла́-дня на цѣлой Аѳинейской площади, одного токмо добраго человѣка. РѢТКА ПТИЦА НА ЗЕМЛѢ!

Тамже стран. 111. строк. 17.

КАКЪ ВЪ СIБАРIТАНСКОМЪ ВОЙСКѢ.

Сiбарiтанцы назывались жители нижнiя Iталiи, нынѣ называемыя Калабрiя. Авторы намъ странныя дѣла́ предлагаютъ объ ихъ нѣгѣ. Говорятъ они, что Сiбарiтанцы за́-годъ звали къ себѣ въ гости, дабы имъ изготовиться роскошно къ ихъ принятiю: что, любя безмѣрно рыбу угоречь, давали всякую льготу, и увольняли отъ всѣхъ податей ловцовъ сея рыбы: что не позволяли никакому художнику жить у себя, который бы стукомъ могъ ихъ обеспокоить, когда они лягутъ опочивать; а Атеней говоритъ, что для сея самыя причины выгнали они всѣхъ пѣтуховъ отъ себя. Сенека объявляетъ о нѣкоторомъ Мiндiрiдѣ, или Смiндiрiдѣ, какъ

Арістотель его называетъ, Сібарітанцѣ, что онъ не могъ въ одну ночь заснуть отъ беспокойства, длятого что нѣсколько розовыхъ листковъ согнувшихся вдвое попало ему подъ-бокъ. Сихъ Сібарітанцовъ кони весьма славны были, длятого что они всѣ были выучены плясать.

Тамже стран. 113. строк. 24.

НЕПРОСТЫХЪ И ОБЩИХЪ МУЗЪ.

Симъ именемъ называются богини Наукъ и Художествъ. Нѣкоторыи Авторы объявляютъ, что онѣ были дочери Юпітеровы и Земляины. Но Діодоръ Сіцілійскій насъ увѣряетъ, что самыи славныи писатели въ древности согласно разумѣютъ, что Музы дочери Юпітеровы и Мнемосінины, тоесть памятины; и что нѣкоторыи полагали ихъ числомъ только всего три, а именно, Мнему, тоесть, память, Аоіду, тоесть, пѣснь, и Меліту, тоесть, размышленіе: но что Гомеръ и Гезіодъ признаваютъ ихъ числомъ девять, именножъ, первая КЛІА, славная; вторая ЭВТЕРПА, благопѣснивая; третія, ТАЛІА, зеленѣющаяся, играющая; четвертая МЕЛПОМЕНА, поющая, восклицающая; пятая ТЕРПСІХОРА, увеселяющая; шестая ЭРАТА, любовная; седмая ПОЛІГІМНІЯ, многопѣснивая; осмая УРАНІЯ, небесная; а девятая КАЛЛІОПА, доброгласная. Кліи приписываютъ они історію; Мелпоменѣ трагедію; Таліи комедію; Эвтерпѣ свирѣли; Терпсіхорѣ арфу; Эратѣ скрипицу;

скрипицу; Каллїопѣ героїческїи стїхи; Уранїи астрономїю; а Полїгїмнии краснорѣчїе. Авзонїй въ 20 Ідїллїи описалъ ихъ всѣ должности Латїнскимъ гексаметромъ, съ котораго я здѣсь копїю предлагаю нашимъ тетраметромъ:

Клїа точны бытїя
Въ память предаетъ поя.
Мелпомена восклицаетъ,
И въ трагедїи рыдаетъ.
Талїя, да будетъ правъ,
Осмѣхаетъ въ людяхъ нравъ.
Пажить, равно жатву серпа,
Во свирѣль гласитъ Эвтерпа.
Гуслей Терпсїхора звукъ
Соглашаетъ разный вдрукъ.
Эрата смычкомъ, ногами,
Скачетъ также и стїхами.
Уранїя звѣздъ предѣлъ,
Знаетъ свойство и раздѣлъ.
Каллїопа всѣхъ трубою
Чтитъ Героевъ всезлатою.
Упражняясь наконецъ
Въ преклоненїи сердецъ,
Полїгїмнїа нарядно,
И вѣщаетъ все, изрядно.
Движетъ превыспреннїй умъ
Музъ сихъ, купно оныхъ шумъ:
Посрединѣ Фебъ самъ внемлетъ,
А собою вся объемлетъ.

баснословїе намъ представляетъ Музъ весьма красноличныхъ, и молодыхъ, украшенныхъ вѣнками и цвѣтками; а жительство ихъ полагаетъ на горахъ Парнассѣ и Геликонѣ, гдѣ у нихъ главнымъ

нымъ предсѣдателемъ всегда Аполлінъ. Посвящены имъ разныи изсточники, какъ то Гіппокрена, тоесть, источникъ Пегаза крылатаго коня; а изъ деревъ фініково дерево, и также лавръ.

Тамже стран 114. строк. 16.

КЪ ОДНИМЪ РОДИЛИСЬ КНИГАМЪ.

Авторъ разумѣетъ чрезъ сіе такихъ ученыхъ людей, которыи сочиняютъ книги до Государственнаго правленія касающіеся, а сами употреблены къ тому никогда не бывали: особливожъ, въ умѣ у него были здѣсь Іезуиты, длятого что они мѣшались въ сіе во Франціи, производя притомъ всякія ухищренія. Онъ ихъ весьма сходно описалъ въ Сатірическомъ своемъ сочинении Эвформіонѣ подъ Ацігніевымъ именемъ: но здѣсь токмо что главное ихъ свойство представляетъ, а именно, что они пишутъ иногда книги не принадлежащіе къ ихъ чину и званію, и что въ нихъ по любви иныхъ хвалятъ, а другихъ по ненависти язвятъ и хулятъ.

XXIX.

Глав. 10. числ. 44. стран. 115. строк. 20.

НЕЖЕЛИ АРОМАТАМИ, И ОРЛОМЪ ВЫЛЕТАЮЩИМЪ ИЗЪ ГОРЯЩАГО ГРОБА.

Сими изображеніями Авторъ дѣлаетъ сравненіе о Царѣ, который бы собралъ къ себѣ многихъ

мудрыхъ

мудрыхъ и храбрыхъ людей, такъ что имѣлъ бы онъ быть славнѣе оныхъ Імператоровъ, коихъ въ древнія времена въ Римѣ обожали великолѣпною церемоніею, называемою АПОТЕОЗІСЪ. Думаютъ, что прежде всѣхъ началъ такое обоженіе Цесарямъ Римскимъ Августъ Цесарь, а совершенно оное уставилъ и утвердилъ Тіберій. Однако, за долго еще прежде Греки обожали изобрѣтателей Наукъ и Механическихъ Художествъ, каковы были Церера, Бакхусъ, и Вулканъ. Притомъ, и у самихъ Римлянъ, во время ихъ Царей, обоженъ также Ромулъ, первый ихъ Царь, по смерти своей: а во время республіки ихъ, обожена токмо одна, по Історіямъ, Анна-Перенна, или Перенніcъ, длятого что Сенатъ опредѣлилъ приносить ей жертву какъ богинѣ. Но потомъ, Імператоръ уже Іулій Цесарь, послѣ Ромула, былъ первый, которому опредѣлена божеская честь оною церемоніею, прозванною Апотеозісъ. Сія церемонія слѣдующимъ производима была образомъ. Послѣ какъ скончается Імператоръ, и будетъ уже погребенъ такимже образомъ какъ и всѣ прочіи; то весь городъ надѣвалъ чорное одѣяніе, и отправлялъ поминовеніе, по обыкновенію, съ крайнимъ великолѣпіемъ. Потомъ дѣлали вощаное изображеніе весьма схожее съ лицемъ умершаго, и поставляли оное на слоновомъ ложѣ, котораго покровъ вышитъ былъ золотомъ. Сіе ложе ставили въ большой прихожей палатѣ, въ которую приходили съ поспѣшеніемъ къ оному вощаному изображенію Сенаторы, и знатные Римскіе госпожи, буттобъ Імператоръ самъ былъ

еще боленъ токмо. Сидѣли они чрезъ нѣсколько часовъ, по обѣимъ сторонамъ ложа, изъ Сенаторовъ по лѣвую, а изъ госпожъ по правую сторону. Приходили туда также и Докторы, и говорили они для церемоніи, что Імператору отчасу хуже становится. Наконецъ, въ осмый уже день, самыи знаменитыи изъ Сенаторовъ, и конныи римскіи дворяне, несли оное ложе и съ изображеніемъ на римскую площадь, по пути называемомъ Священномъ. Новый Імператоръ, съ священноначальниками, съ градоначальниками, и съ прочимъ сінклітомъ, также и съ госпожами римскими, слѣдовалъ пѣшъ за симъ препровожденіемъ. На площади заранѣе еще здѣланъ уже былъ деревянный театръ, выписанъ наподобіе каменнаго, на которомъ состроено было зданіе все кругомъ въ столпахъ, и украшено слоновою костію и золотомъ, также и поставлено тамъ другое ложе, покрытое весьма богатыми покровами. Несшіи вощаное изображеніе, полагали оное на семъ второмъ ложѣ. Імператоръ, градоначальники, и весь сінклітъ садились на площади; а госпожи въ галеріяхъ. Въ то время, два музыкальныи хора играли и пѣли похвалы умершему. По окончаніи сея церемоніи, всѣ они шли на Марсово поле за-городъ; а шествіе сіе было слѣдующимъ порядкомъ. Сперва шли тѣ, которыи несли статуи знатныхъ римскихъ полководцовъ отъ Ромула: потомъ несены были изображенія провінцій, подверженныхъ римской імперіи, которыя были всѣ мѣдныя: за сими несли изображенія людей, прославившихся добродѣте-

, или наукою. После сихъ, шли конныи римскiи дворяне, называемыи Всадниками, римскiи воины, многiи кони бѣгуны, и несены были дары, кои даны отъ народа на украшенiе великолѣпныя сея церемонiи. Напослѣди всѣхъ несенъ былъ жертвенникъ, украшенный слоновою костiю, золотомъ, и драгоценными каменьями. Iмператоръ, преемникъ умершаго, всходилъ тогда на канцель, съ котораго рѣчи говорили въ Римѣ, и произносилъ тамъ похвальное слово умершему: а потомъ со всѣми тѣми, кои съ нимъ слѣдовали, шелъ онъ за ложемъ, несомымъ отъ коннаго римскаго дворянства, а предваряемымъ отъ нѣкоторыя части Сенаторовъ. На Марсовомъ полѣ здѣлано было заблаговременно нѣкоторое зданiе наподобiе сруба, состоящаго изъ пяти, или шести ярусовъ, кои шли вверьхъ отчасу уже, и окончавались нѣкоторымъ родомъ пiрамiды. Внутри оный срубъ наполненъ былъ сухими дровами, и щепами, а снаружи украшенъ онъ былъ золотыми покровами, и фiгурами изъ слоновыя кости. На самомъ послѣднемъ ярусѣ поставлена была золотая умершаго Iмператора колесница. Послѣ какъ конныи дворяне туда придутъ; то отдавали они ложе въ руки священноначальникамъ, которыи ставили оное на второмъ ярусѣ сруба, насыпая и лiя на то мѣсто всякiи ароматы и благовонные масти, самыя дорогiя цены. Потомъ, Iмператоръ и свойственники умершаго разламывали оное вощаное изображенiе, и садились на свои мѣста по чинамъ. Тогда конныи дворяне дѣлали ристанiя на коняхъ около сруба, а пѣхота римская ходила вкругъ

за ними: также бѣгали и многіе колесницы, управляемые возницами одѣтыми въ красное платье. Напослѣдокъ, Імператоръ зажигалъ срубъ факеломъ; а сіе самое дѣлали Консулъ, и Сенаторы. Какъ скоро срубъ весь пламенемъ обнятъ будетъ; то выпускали изъ нутри птицу орла, который испужавшись огня, взвивался высоко, и улеталъ далеко йзъ-виду. Симъ обманывали народъ говоря, что орелъ уносилъ душу Імператорову на небо. Послѣ церемоніи сея, строили капище въ честь имени умершаго, коего тѣмъ образомъ они обожили. Называли уже его ДІВУСЪ, тоесть обоженный, или божественный. Обоженіе Імператріцамъ римскимъ дѣлалось такимъ же образомъ, какъ и Імператорамъ, съ такою токмо разностію, что вмѣсто орла выпускали изъ сруба павлина, или паву. Лівія была первая, которую обожили въ римѣ. Симъ точно образомъ римляне обожали Імператоровъ своихъ какъ добрыхъ, такъ и злыхъ: добрыхъ отъ любви къ добродѣтели; а злыхъ отъ излишняго ласкательства, и слѣдуя введшемуся обыкновенію.

XXX.

Глав. 10 числ. 45. стран. 117. строк. 9.

ЕСТЬ СРЕДНЕЕ СОСТОЯНІЕ, КАКЪ ДРЕВНЕЕ КОННОЕ ДВОРЯНСТВО.

Авторъ разумѣетъ средній нѣкоторый родъ умовъ, которыи выше самыхъ нискихъ, а до

превы-

превысокихъ не достигли, сравнивая ихъ съ римскимъ коннымъ дворянствомъ называемымъ всадниками. Ибо въ древнемъ римѣ было три класса гражданъ римскихъ: Первый былъ Сенаторовъ, называемыхъ отцами, отчего потомки ихъ прозваны были Патрїкїями, для того что отецъ по Латїнски есть ПАТЕРЪ. Вторый Всадниковъ, которыи имѣли право носить золотый перстень, и имѣли даннаго себѣ коня изъ общїя казны, и питаемаго изъ оныяжъ. Сїи были средняго класса изъ гражданъ, такъ что ниже Сенаторовъ, а выше Плебеевъ, которымъ именемъ называемъ былъ третїй и послѣднїй классъ римскихъ гражданъ, состоящихъ изъ простаго народа. Впрочемъ, сей третїй классъ въ римѣ былъ весьма силенъ: ибо никакихъ важныхъ дѣлъ, безъ его опредѣленїя и соизволенїя, не возможно было здѣлать въ республїкѣ римской, такъ что онъ былъ и въ тїтулъ римскаго республїканскаго Величества включенъ симъ слѣдующимъ сократительнымъ изображенїемъ, S.P.Q.R. тоесть: СЕНАТЪ И НАРОДЪ РИМСКІЙ повелѣлъ или опредѣлилъ что нибудь.

XXXI.

Глав. 10. числ. 47. стран. 123. строк. 19.

МУЗЪ, ПОНЕЖЕ ОНИ ЕГО ВОЗЛЮБИЛИ.

О музахъ смотри изъясненїе. XXVIII.

Тамже стран. 123. строк. 25.

КАКЪ КЪ АПОЛЛІНУ.

Объ Аполлінѣ смотри изъясненіе IIII.

Тамже стран. 123. строк. 28.

ЛАВРЪ.

О Лаврѣ, смотри изъясненіе IIII. XXVIII.

Глав. 11. числ. 48. стран. 123. строк. 27.

ПРАЗНИКЪ БЫЛЪ ЦЕРЕРИНЪ.

О Церерѣ смотри изъясненіе VII.

XXXII.

Глав. 15. числ. 70. стран. 182. строк. 22.

НА ДВУХЪ ИЗБРАННИКОВЪ.

Въ древнемъ Римѣ такіи избранники Кандідатами называемы были, когда они начальствованій себѣ у Сената и народа просили. Они назывались Кандідатами отъ бѣлаго одѣянія, [ибо КАНДІДУСЪ есть бѣлый по Латінски] которое тогда на себя надѣвали, означая чрезъ то, что они беспорочно служили республікѣ въ нижайшихъ чинахъ, и что не изъ простыя и народныя черни люди.

XXXIII.

XXXIII.

Глав. 17. числ. 75. стран 195. строк. 12.

Эрїхтонїй лежалъ при ногахъ.

Эрїхтонїй четвертый Аѳинейскїй Царь, о которомъ сказываютъ, что онъ сынъ Вулкановъ, наслѣдникомъ былъ Амфїктїону, и царствовалъ пятьдесятъ лѣтъ. Онъ первый учредилъ игры Панатенаїческїе, отправляемые въ честь Мїнервѣ; а наслѣдникомъ ему былъ Пандїонъ. Пїиты вымышляютъ, что, послѣ какъ родился Эрїхтонїй, Мїнерва заключила его въ ящикѣ, и дала на збереженїе Агравлѣ, Герсѣ, и Пандрозѣ, дочерямъ Цекропа перваго Аѳинейскаго Царя, съ такимъ приказомъ, чтобъ имъ отнюдъ не заглядывать въ оный. Но Агравла и Герса не могли удержаться, чтобъ имъ не посмотрѣть запрещеннаго: а сїе такъ разгнѣвило Мїнерву, что, отмщевая тѣмъ Царевнамъ за любопытство, привела ихъ въ неистовство, такъ что онѣ сами себя убили, бросившись внизъ стремглавъ съ башни. Пандроза, не бывши съ ними собщницею, избавилась отъ сея казни. Сверьхъ сего Пїиты говорятъ, что когда взмужалъ Эрїхтонїй, и увидѣлъ безобразїе своихъ ногъ кои были искривлены какъ змѣи; то онъ изобрѣлъ употребленїе ѣздить въ калясках, дабы тѣмъ укрыть половину своего тѣла.

Тамже стран. 197 стіх. 1.

ЧАСТЬ ЛУЧША ТВОЕГО ОТЦА.

Привѣтъ сей есть Мінервѣ богинѣ: Авторъ такъ ея назвалъ длятого, что она родилась изъ головы своего отца, которая часть есть благороднѣйшая изъ всего тѣла.

Тамже стіх. 2. 3.

О! ТЫ, МІНЕРВА НЕ ПОЗНАЛА МЛЕКА ПРИ ЛАСКѢ ОТЪ СОСЦА.

Длятого что Мінерва родилась отъ отца безъ матери, и сосцовъ не сосала.

Тамже стіх. 4.

СВѢТЪ МУЖЕСТВОМЪ ОБЛИСТАЛА.

Ибо Мінерва выскочила изъ отцовскія головы вооруженная.

Тамже стіх. 9. 10. 11.

О! СЛАВА БРАНЕЙ, и прочая.

Длятого что Мінерва есть богиня войны.

Тамже стіх. 12. 13.

ГОРГОНАЖЪ, и прочая.

О Горгонѣ смотри изъясненіе XXVII.

Тамже стїх. 14. 15.

И МИРА ТЫ, и прочая.

Длятого что Мїнерва есть богиня не токмо войны, но и мира.

Тамже стїх. 16. 17.

ДѢВИЦАМЪ КУПНО И ЖЕНАМЪ.

Ибо Мїнерва почитается богиня всѣхъ наукъ и художествъ; а особливо какъ шить, кружива плесть, ткать, прясть, и прочая.

Тамже стїх. 19.

ТЕБЯ ТРІТОНСКА ЖДЕТЪ ВОДА.

Трїтонъ есть въ Африкѣ рѣка, исходящая изъ ōзера симъ же именемъ называемаго. Рѣка сїя и озеро посвящены Мїнервѣ, и говорятъ, что она при семъ родилась озерѣ, отъ чего и ТРІТОНІЯ называется.

Тамже стїх. 20.

ЗОВЕТЪ ГРАДЪ АРГОСЪ БОГОМѢСНЫЙ.

Сїе значитъ, что въ Аргосѣ, столїчномъ городѣ Арголїды въ Пелопоннесѣ, Мїнерва была почитаема; а богомѣсный онъ названъ длятого, что въ немъ многажды боги гащивали, особливожъ Юпїтеръ, сверьхъ того что, по утвержденїю нѣкоторыхъ, родилась въ немъ Юнона.

Тамже стіх. 21.

И ПАНДІОНЯНЕ ВСЕГДА.

Чрезъ Пандіонянъ разумѣются Аѳиняне, длятого что Пандіонъ былъ пятый Царь по Цекропсѣ въ Аѳинахъ. Слово ВСЕГДА, длятого положено, что Аѳиняне больше прочихъ Грековъ имѣли тщаніе о снисканіи мудрости, такъ что они никогда не хотѣли быть безъ Мінервы; да и самой Мінервѣ по Гречески имя есть АѲИНА. Впрочемъ, о Мінервѣ смотри изъясненіе V, и я уже больше не упомяну объ ней, сколько кратъ ни случится имя ея въ сей повѣсти.

XXXIIII.

Глав. 17. числ. 81. стран. 210. строк. 24.

ЗА СВЯЩЕННУЮ МИРОТВОРИЦУ.

Въ мужескомъ родѣ надлежитъ называть, СВЯЩЕННЫЙ МИРОТВОРЕЦЪ. Здѣсь названъ сей служитель женскимъ родомъ длятого, что Аргеніда, будучи дѣвица, себя самую онымъ почла. Сіи Миротворцы были у древнихъ Римлянъ священнаго чина, и назывались FECIALES. Должность ихъ состояла въ томъ, что они свидѣтелями были при заключаемыхъ союзахъ между народами, и они преднаписывали, какимъ образомъ справедливо союзъ заключенъ быть можетъ, также и взаимной вѣрности въ храненіи союза были споручниками. У Римлянъ былъ и другой родъ ФЕЦІАЛОВЪ, которыхъ должность была

или

или объявлять войну или требовать назадъ взятаго у Римлянъ. Сіи люди по Французски называются ГЕРО-ДАРМЪ, а по нашему развѣ ихъ назвать чужестранными же словомъ ГЕРОЛДАМИ. У Римлянъ не вольно было начать и произвесть войну, прежде нежели четыре человѣка изъ сихъ Геролдовъ, по принесеніи жалобы на учиненную Римлянамъ обиду, и по требованіи удовольствованія за оную, объявятъ войну, бросая на границу непріятельскія землй стрѣлу съ копьецомъ, омоченную въ кровь, и обожженную на одномъ изъ концовъ. Ноній-Марцеллъ говоритъ, что собраніе сихъ Геролдовъ учреждено Нумою-Помпиліемъ, вторымъ Римскимъ Царемъ; а въ собраніи томъ главный называемъ былъ ПАТЕРЪ-ПАТРАТУСЬ, тоесть, отецъ начинатель, или начинающій дѣло.

XXXV.

Глав. 17. числ. 82. стран. 213. строк. 1.

ОТЪ ПРОВОЗВѢСНИКА ПОВЕЛѢНО.

Я здѣсь перевелъ Провозвѣсникомъ того, кого въ древнемъ Римѣ называли ПРЕКО. Сего человѣка въ республікѣ была должность, 1) созывать Сенатъ. 2) конфіскованныи пожитки продавать публічно, и къ покупкѣ призывать. 3) въ играхъ и борьбахъ провозглашать побѣдителей. 4) Сенатскіи указы въ народъ объявлять; и прочее подобное. По сему послѣднему, Римскіи Преконы могли, нѣкоторымъ образомъ, сходствовать

ствовать съ старинными нашими крикунами бирюча.

Тамже стран. 213. строк. 27.

ЧТО ЗА ФУРІИ.

Фуріи были у древнихъ язычниковъ три адскіе богини, дочери Ахероновы и Нощины. Греки ихъ называли Эвменідами и Эрінніами. Имена имъ слѣдующія были: Мегера, или отмстительница, Тізіфона, или беспокойная, Алекта, или ненависная. Должность ихъ была мучить законопреступниковъ. Юпітеръ употреблялъ ихъ чтобъ онѣ мучили живыхъ; а Плутонъ, чтобъ онѣ лютость являли умершимъ злотворцамъ. Піиты изображаютъ ихъ намъ весьма страшными. Говорятъ, что онѣ всѣ въ змѣяхъ, и что въ рукахъ имѣютъ чорные факелы съ огнемъ.

XXXVI.

Глав. 17. числ. 84. стран. 216. строк. 19.

СВЯЩЕННАГО МИРОТВОРЦА ТРЕБУЮЩИХЪ.

О священномъ Миротворцѣ смотри изъясненіе XXXIIII. А симъ изъясненія на первую часть и окончились: но и вторую равнымъ же образомъ изъяснять потщимся.

КОНЕЦЪ ИЗЪЯСНЕНІЙ

НА ПЕРВУЮ ЧАСТЬ.

АРГЕНІДЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

I.

Лікогенъ почелъ за превеликую себѣ побѣду надъ Мелеандромъ, что Поліарха выжилъ изъ Сіциліи : ибо сей , храбрый будучи Герой , и зрѣлаго въ совѣтахъ рассужденія , Царской сторонѣ великое придавалъ преимущество ; а ктомужъ способнѣе могли злодѣйствовать возмутители , когда уже́ онъ умеръ , или хотя выѣхалъ токмо изъ о́строва. Подлинно , мнѣніе объ его смерти не долго пребыло ; но , или дѣло подозрительно было , или отъ свѣдомыхъ открыто , нетайно объ Арсідѣ носилось , что сей того на́суднѣ увезъ и спасъ. Сіе са́мое было

первымъ обвиненiемъ Лiкогену на Царя, когда чрезъ подущенныхъ людей въ народъ онъ разглашалъ, что Мелеандръ непостоянную имѣлъ вѣрность, и Царя недостойную. Ибо по его повелѣнiю послы убиты Полiархомъ; а сей за преступленiе тайно увезенъ отъ ка́зни, который пребывая безопасно въ Iталiи, можетъ быть на равноежъ злодѣйство готовится. О семъ умѣренно сперва говорилъ Лiкогенъ, и только съ тѣми, кои ненавидѣли Мелеандра. Но знакомцы своевольнѣе поносили Царя. Понеже искалась уже́ причина къ новымъ замѣшательствамъ: а нашлись же и такiи, которыи о семъ начинающемся смятенiи донесли Мелеандру. Сей нарочно въ видѣ первыя кротости продолжалъ пребывать, чтобъ тажъ нерадѣнiя поступка, которая прежде дѣламъ его вредъ принесла, непрiятелей обманула. Возбуждалось его сердце, не считая сколько отъ злодѣйствъ Лiкогеновыхъ, и отъ опасности чтобъ всего не погубить, еще больше отъ мужественнаго постоянства въ Аргенидѣ. Ей когда онъ выговаривалъ, что она священнодѣйствiе оставила, и подала къ подозрѣнiю вожделѣнную причину, котороюбъ союзъ разорвать: тогда, ежели я въ чемъ тутъ, отвѣт-

отвѣтствовала она, погрѣшила; то справедливѣе вамъ жаловаться на боговъ. Наглому отъ нихъ возбужденію я какъ противиться, милостивѣйшій Государь родитель, такъ и стерпѣть онаго не могла. Впрочемъ, больше такихъ, которыи удивляются, что вы вступили въ миръ, нежели что я, и боги убѣжали отъ онаго. Прошу не погнѣваться на смѣлость, которую я въ надѣяніи на благость вашу пріемлю: можетъ быть, лучшебъ было однажды храбро погибнуть, нежели, толь многіе претерпѣвая обиды, царствовать прозьбою. Царь рассужденіемъ выше женскаго смысла подвигшись, долго думанныя жестокости намѣреніе, опредѣлилъ произвесть въ дѣйство. Сего са́маго ради полезнѣе рассуждалъ въ Эпеіркту, столицу пристойнѣйшую и для войны и для убѣжанія, перебраться: а въ сію давно уже́ все, что щастію и нещастію приличествовало, подъ разнымъ видомъ привезено было.

2.

Эпеіркта есть гора, стоя́щая въ Панормітанскихъ мѣстахъ, которая нѣсколько не мало верстъ вкругъ заняла.

Самый ея долъ, крутыми и между собою не соединенными дикими каменьями, весь изорванъ; потомъ тотчасъ, послѣ какъ выше нѣсколько неприступныхъ громадъ вышла гора, помалу положистѣе боками она становится, и идетъ такъ до самаго верьха, который не малою плоскостiю выравненъ: а на сей и холмъ весьма пристойно возвышается, буттобъ отъ природы онъ здѣланъ замкомъ. Сей хребетъ оборонами Цари укрѣпили: а оставшiйся горы верьхъ довольнымъ городомъ, и ктомужъ многими и красными зданiями былъ населенъ. Которымъ бокомъ къ морю гора была, съ той стороны заводь, могущая вмѣщать всякiя суда, между каменьями находилась, и имѣла пространный входъ, глубину превеликую, а для окружающiя горы не боялась она и обуреванiй. Надъ сею заводью толь съ великою пользою городъ стоялъ, что противъ воли обывателей ни корабли войти не могли, ни уская дорога быть захвачена, которая отъ моря вела на верьхъ. Но сторона, которая къ острову лежала, съ той двѣмя только дорошками всходить тогда можно было, и по тѣмъ еще равнымъ же образомъ съ превеликою трудностiю. Крайнюю выгоду имѣли Эпеирк-

тическiи

тическіи обыватели, длятого что гдѣ строенія не́-было, тамъ преобильный скотамъ кормъ раждался. Премножество источниковъ и ключей, также благорастворенный воздухъ, въ которомъ никакая ядовитая гадина не водилась, были причиною, что они сіе положеніе мѣста почитали за особливый даръ отъ боговъ. На нижнемъ концѣ доро́ги, которая отъ за́води подымалась, Цереринъ истуканъ, имѣющій на головѣ изъ колосовъ вѣнокъ, а въ рукахъ двѣ змѣи́, къ благоговѣинству приводилъ восходящихъ, чтобъ они не поклонившись богинѣ не проходили, также и не прочетши писаннаго на камнѣ, который неискусною рѣзьбою слѣдующее содержаніе представлялъ такъ, что буттобъ то сама богиня говорила.

Если мнѣ за плодъ земля моремъ окруженна,
Кроткимъ правомъ и страна всяка одолженна;
Если яжъ скитаться запретила по лѣсамъ,
Жолудей не рвать бы въ грубу пищу бѣднымъ тамъ:
То мнѣ, О! народы всѣ, дайте за услуги,
Чтобъ покоили меня Сіцилійски круги.
Въ нихъ мнѣ да бываетъ по́честь должная отъ всѣхъ;
Лютый разоритель никогдабъ не зрился въ тѣхъ.
Мнѣ въ престолъ сія земля отдана предѣломъ;
И угодно са́мымъ въ ней пребывать мнѣ дѣломъ.
Въ сей, кромѣбъ орудій къ пашнѣ годныхъ, не бывать,
И однимъ бы плугомъ язвы только пролагать.
Справедливаго прошу. Но сему противно,

Кто оружїе внесетъ, явно, иль и льстивно;
Тотъ узнаетъ вскорѣ, буду коль ему я врагъ:
Огнь и мечъ всеострый понесу сама въ рукахъ;
И еще Природу всю подниму съ собою,
Будучи Сатурну дочь, Iовiшу женою;
Братъ, кого трепещетъ буйный Океана стонъ,
А владѣтель мрака, хищный, зять мнѣ есть, Плутонъ.

Мелеандръ за долго прежде обыкъ тамъ частое имѣть пребыванїе, буттобъ любя красоту мѣста, также бутто и для псовыя охоты притворностїюжъ показываемыя, которую около тѣхъ мѣстъ изрядно имѣть было можно. Самыи вѣрныи изъ военныхъ людей городовыми полками были. Ежелижъ бы Фортуна споспѣшества казать не восхотѣла; а отъ тогобъ какъ не пресѣклась дорога къ бѣжанїю: то подъ разными предлогами части Царскихъ своихъ кораблей вблизости на якаряхъ стоять повелѣлъ. Ктомужъ, смотря по способности временъ, все что исстари ни собрали Цари, въ оный замокъ свезено. Превеликое множество алмазныхъ вещей; премногїи корольковыи пруты, которыи въ ближнемъ наловлены морѣ. Чужестранныя багряницы отъ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ собранныя, много тудажъ положено, которыя густый багрецъ ничемъ не повредился. Сосуды также золотыи и серебреныи, изъ которыхъ не многїи новымъ художествомъ

жествомъ сіяли: больше ихъ было старинныя работы, которыи тщательнѣе за почтеніе древности хранимы были. Печатныхъ денегъ не весьма великое находилось число, длятого что щедрость Государева истощила казну, которую еще уменьшило примѣчаніе будущихъ случаевъ.

3.

Царь одной Аргенидѣ намѣреніе свое открылъ, а именно, что онъ думаетъ за Царское достоинство мстить: ежели какъ Лікогенъ, такъ и изъ возмутителей лучшіи, подъ различнымъ нуждъ видомъ, могутъ принуждены быть притти во дворецъ; [ибо уже врозь разошлись] то на всѣхъ судъ и казнь опредѣлить онъ имѣетъ. Къ сему Эпеіркта есть удобна, изъ которыябъ и окольную страну подъ руками имѣть, и море въ своей содержать власти. Можетъ быть, говорилъ онъ, наглое средствіе прочихъ испровергнетъ, которыи надѣясь на мою милость законопреступствуютъ. Ежелижъ жесточайшая востанетъ война, и съ намѣреніемъ конецъ сходствовать не будетъ; то оставлю неблагодарнѣйшую землю, и съ вами, богатство въ корабли положивъ, отпра-

влюсь въ Африку. Есть у меня тамъ, кои бѣгущаго меня примутъ охотно: такъ что или я, будучи въ толикой старости, или вы въ лѣтахъ, недостойныхъ тако́ва злоключенія, умилостивимъ Фортуну. Ежели такая напасть случится; то одну Эпеіркту поручу Эвріmеду: сію съ отборнымъ войскомъ пускай онъ до послѣднія капли крови защищаетъ. Между тѣмъ, любезная дочь, претерпитъ за насъ наказаніе Сіцилія, раздираемая жестокою ненавистію другъ на́-друга злоумышленниковъ; а народъ познавши свое погрѣшеніе, что онъ есть, и что мы были, печальнѣйшимъ разсужденіемъ усмотритъ. Ибо ни при раздѣленіи корыстей, полученныхъ злодѣйствомъ, согласиться между собою они не имѣютъ, ни къ Лікогену всѣ пристать не возмогутъ. Впрочемъ, многіи желаютъ токмо меня поразить, а не свергнуть. Симъ образомъ другъ на́-друга они воставши, часть изъ нихъ къ намъ склоняться будетъ; а можетъ быть, что и возвращеніе наше оныхъ благодѣяніемъ учинится, коихъ злодѣйствомъ выгнанныи мы убѣжимъ. Вы между тѣмъ, Аргеніда, отправьтесь въ за́мокъ. Я подлинно боюсь, чтобъ не́-были мы принуждены

нуждены нечаянно или защищать себя войною, или оную сами начать. Сего токмо остерегайтесь, чтобъ вамъ къ дружеству вашему незнаемыхъ не допускать жонокъ. Довольно намъ поврежденія, любезная дочь, и отъ измѣны мужей.

4.

Къ сему Аргеніда, похваливши мужественнѣйшее родительское намѣреніе, и предложивши ему съ прошеніемъ, чтобъ новою войною отвѣдать щастія, присовокупила, что она по сіе время всякое стараніе прилагала, чтобъ незнаемаго нрава бабамъ дружество ея открыто не было. Но послѣ какъ они другъ съ другомъ разстались, начала́ она прилѣжно размышлять, отъ какіябъ женщины Царь ей опасаться приказалъ, и какаябъ у нея жила́ ему ненависная. И тотчасъ начала́ спрашивать у Селеніссы, не зная, что она точно сама и привела Царю, тайнѣйшею клеветою, въ подозрѣніе Тімоклею. А тогда хитрѣйшая старуха хотя и рада была, что коварство ея успѣхъ получило; однако, нарушая вѣрность Аргенідѣ, говорила, что она удивляется, комубъ къ такой предосторожности возбудить Мелеандра.

Но причина, чего ради тайно оболгала Тімоклею, сія была. Увидѣла она, что Аргенідѣ услуги ея къ Поліарху чувствительны были; и боялась, чтобъ какъ та пріятнѣйшею новостію древнія не превосшла дружбы. Тогоради, воспріявши зависть, къ обыкновеннымъ при дворцахъ злодѣйствамъ и ненависти обратилась. Однако ничего явно на Тімоклею она не говорила: ибо хитрость и всебъ стараніе погибло, ежелибъ Аргеніда о коварствѣ дозналась. Ктомужъ, вѣдала она, что женѣ оной быть имѣетъ жесточайшею непріятельницею, если не будетъ явно, что она ея ненавидитъ. Для сего самаго разнымъ образомъ представляла, чемъ бы могла дѣйствительнѣйше къ тому склонить, чтобъ Аргеніда награжденіе ей или вовся остановила, или отложила на время: желаетсяль вамъ, говорила, дабы знала Тімоклеа, что сіе воздаяніе дѣлается за укрытіе Поліарха? Хотитель, чтобъ между вами и имъ о тайномъ залогѣ вѣрности многіи знали? Благоразумнѣе поистиннѣ учинить изволите, буде, какъ бутто по собственной вашей склонности, посредственно ея жаловать имѣете. Пускай она живетъ въ своемъ домѣ: не убѣжитъ отъ подозрѣнія тако-

кое къ комнатѣ вашей присовокупленіе. Извольтежъ положить, [а сіе и да даруютъ боги] что никогда въ народъ съ напастію не выдетъ о спасеніи ею Поліарха: но что сей пріѣжжій гость Архомбротъ? Знаетъ онъ, сколько она тому услуги показала; а награжденія, толь скоро вами ей воздаемаго, часте что не почувствуетъ?

5.

Симъ, и еще многимъ, справедливѣе себя, нежели Царевну предостерегала Селенісса, думая, что всеконечно лишится она милости, въ которой больше всѣхъ прочихъ пребывала, ежели кромѣ ея будетъ другая, отъ коея ничто утаеваемо быть не имѣетъ. Но толь пристойно, и толикимъ обходя кру́гомъ, ухищреніе производила, что бутто ни о чемъ другомъ, какъ токмо объ одной Аргенідѣ попеченіе она имѣла. Всегдашнее сіе и пагубное Государямъ зло, при которыхъ временьщики, подъ видомъ по́мощи или совѣтовъ, насыщаютъ свою зависть; а иногда соперниковъ и похвалами возносятъ, чтобъ потомъ злобно облыгающимъ ихъ скоряе повѣрено было. Того ради также и Селенісса

ленісса состроила тайно подозрѣніе, въ которое Царю Тімоклею привела, а именно, что она прежде доброхотствовала Лікогену, а и нынѣ еще не извѣсно объ ея вѣрности; однако не осторожная Аргеніда ея любитъ. Но напротивъ того, при Аргенідѣ тожъ жены похвалы и заслуги мѣшала съ видомъ бѣдствія, котораго казалось, что надлежало бояться, ежели она ея произведетъ. И понеже отчасти справедливо доказывала; то здѣлалось, что едва лучше жаловала Аргеніда Тімоклею: развѣ токмо, что иногда, какъ обыкла, съ пришедшею ею дружелюбнѣе обходилась, и награждала отходящую нѣсколькими подарками, находя всегда пристойный случай къ щедрости.

II.

6.

Сими днями Аргеніда, какъ ей было повелѣно, при провожденіи Іббуррановомъ, который тогда по случаю за нуждами при дворѣ находился, въ Эпеіркту отправилась. Не много послѣ и Мелеандръ, когда въ тотъ же городъ шествовалъ, въ превеликую - было жи-

вота

вопа напасть попалъ; или онъ умышленно приведенъ къ тому отъ своихъ, или отъ провидѣнія Судебъ, хвалы и милости ищущихъ Архомброту. Озеро было не больше какъ на тысячу саженъ въ окруженіи, у котораго берегá были способныи, и при нихъ вода тихая; но потóмъ ужé превесьма глубокое, и водоворотливое. Къ оному Царскій возница коней держалъ, бутто хотя везть лучшею дорóгою. Множество колесницъ, въ которыхъ тамъ ежедневно ѣздили, многимижъ калеями означенное здѣлало, что не опаснымъ почтенъ тотъ путь. Тогда вдругъ Царскіи кони, или они сами собою испужавшись, или жалами болотныхъ комаровъ возбудившись, или напослѣдокъ измѣною возницыною, замахавши упрямо гривами, и пагубно ударившись скакать, устремились прямо въ озеро: хотя и всѣ, кои слѣдовали за Царемъ, боязливѣйшимъ крикомъ другъ предъ другомъ изрывались; однако не многіи пóмощь подавали, или они не благовременнымъ страхомъ себя самихъ берегли, или нечаянныя великость напасти отняла всѣ силы у опустившихся. Изъ тѣхъ, кои за бѣгущею въ сторону колесницею съ вѣрностію слѣдовали, никто скоростію съ Архомбро-

томъ

томъ не сравнился. То онъ возницѣ кричалъ, чтобъ тотъ сильняе держалъ коней; то Царя просилъ, дабы изъ колесницы изволилъ выскочить въ воду, въ которой еще съ человѣка не́-было глубины. Между тѣмъ неслась колесница, и уже́ переднія коле́са глубочайшая вода потопила. Тогда Архомбротъ на мужественное предпріятіе отважившись, длятого что воспящаемый волнами конь его шелъ медлѣннѣйше, бросился въ озеро пѣшъ. Пото́мъ къ недалекой отъ себя колесницѣ устремляясь, хотящаго Мелеандра, ухвативши съ заднія стороны́ за одежду, толь извлекъ благовременно, что почитай въ тожъ самое время озеро, внезапною водоворотью хлынувши, всѣхъ и съ возко́мъ коней поглотило. Архомброта тягость Царя, изъ колесницы на него обрынувшагося, придавила, также и отъ вяскія глины скольское дно утрудило, а притомъ и са́мое непостоянство воды́ въ бессиліе привело, которая ему по плеча была. Не меньшежъ и Царь трудился, чтобъ ему твердо стать на́ноги. Такимъ образомъ будучи подобнѣйшіи бо́рющимся, оба взаимно безъ всякаго дѣйствія пребывали: тогда почитай уже́ опускающихся въ давящую

ихъ

ихъ воду, поспѣшнѣйшіи изъ ближнихъ выхватываютъ.

7.

Когда на́-берегъ вышелъ Мелеандръ; то толикія напа́сти, отъ которыя спасся, ужаснѣйшій видъ какъ въ его, такъ и въ умѣ вѣрнѣйшихъ ему весь вобразился. Ужасъ увеличивало особливо то, что не умѣющій плавать превесьмабъ скоро онъ могъ потонуть, ежелибъ Архомбротъ, забывши свое здравіе, какъ на себя самого не обратилъ напа́сти: о которомъ когда также стало извѣсно, что онъ плавать не умѣлъ; то всѣ на́чали больше еще удивляться, что сей, видя пагубу Цареву, толь малое о себѣ имѣлъ попеченіе, будучи молодый человѣкъ, чужестранный, и какъ ни благодѣяніемъ, такъ и ни уставами не обязанный; а толь много природныхъ и подданныхъ, О! стыдъ, поджавши руки стояли. больше всѣхъ Царю, какъ и должно, сіе благодѣяніе чувствительно было. Съ великимъ вожделѣніемъ обнявъ его, краснѣющагося отъ приписываемыхъ себѣ похвалъ, крѣпко сжалъ руками: и понеже еще прежде возбужденъ былъ любить толикія его природныя дарованія; то радовался, что сей случай подалъ

далъ ему причину, въ крайнѣйшую, и никому независную, принять его милость. Между тѣмъ, Царскій возница выбившись изъ волнъ, съ поблѣднѣлымъ лицемъ выходилъ на́-берегъ: тогда Эрістенъ, долго прежде словами на него лая, мечъ обнажилъ, и бутт за Царя отмщевая, нечаяннымъ, всѣмъ тамъ бывшимъ, ударомъ не благополучнаго поразилъ. Прободенный до́-смерти, упалъ онъ въ воду, съ великимъ всѣхъ присутствующихъ тутъ молодыхъ людей плесканіемъ: но разумнѣйшимъ сіе не угодно было. Ибо ежели оное не отъ возницы приключилось; то за что бѣдный толь кровавую себѣ казнь получилъ? будежъ онъ въ томъ былъ виноватъ; то длячего не допрошенный, и прежде нежели изъявилъ собщниковъ, скорою смертію отнятъ былъ отъ достойныхъ мукъ? Впрочемъ, одинъ ли Эрістенъ, толь скораго отмщенія услужникъ, который только Царя любилъ? Положили потомъ всѣ своимъ разсужденіемъ, что возница подкупленный отъ собщниковъ Лікогеновыхъ, тѣмъ злодѣйствомъ хотѣлъ Царя живота лишить: а понеже злодѣянія произвесть въ дѣло Судьба не допустила; то, дабы не́-былъ онъ принужденъ объявить всѣхъ злоумышленниковъ,

ковъ, Эрїстеномъ дру́гомъ Лїкогеновымъ смерти преданъ. Но Эрїстенова сила, и еще не приспѣвшее къ отмщенїю время, принудило и не хотящаго Мелеандра къ укрывательству, который толь тихимъ лицемъ себя показывалъ, что Эрїстенъ не могъ почувствовать на себя подозрѣнїя.

8.

Когда прибыли въ Эпеїркту; то городъ наполнился знатными людьми, Царю спасенїемъ поздравляющими: а Мелеандръ совершенно укрывалъ свое намѣренїе, и всячески себя являлъ веселымъ. Были изъ первѣйшихъ Лїкогену други, Олоодемъ и Эрїстенъ, чрезъ него на степень превеликїя силы произведенныи. Ибо Эрїстену всю государственную казну Мелеандръ повѣрилъ, вѣдая, что онъ сїю силу непрїятелю поручилъ: но такъ того времена, и предвосприятое укрывательство требовали. Олоодемъ надъ всѣмъ тѣмъ, что къ Пахїнскому мысу лежало, мѣстоначальникомъ былъ. Сїи между собою злодѣйство по-поламъ раздѣливши, различныи дѣлали промыслы; и съ Лїкогеномъ Олоодемъ, для возмущенїя Сїцїлїи, отъ двора отсут-

ствовалъ: но Эрїстенъ, подъ видомъ своея должности, Царскїя вывѣдывалъ намѣренїя. Извѣсно было, что въ сихъ трехъ вся непрїятельская состояла сила. Царь хотя уже́ твердое имѣлъ намѣренїе; однако восхотѣлъ вѣдать, что рассуждать будетъ о томъ Клеобулъ. Притомъ, весьма часто и у Эврїмеда требовалъ совѣтовъ: также и Архомбротъ въ превеликой пребывалъ у него милости. Сихъ трехъ созвавъ тайно, и подлѣ себя посадивъ Аргенїду, такъ прежде на́чалъ говорить Мелеандръ, что не показывалъ своего мнѣнїя: сїежъ для того, чтобъ чрезъ то не погибла свобода рассужденїя въ боящихся Царю противное говорить, или въ имѣющихъ подумать, что втуне будутъ они ему отговаривать. Показалъ онъ, въ какомъ состоянїи Сїцїлїя находилась; и что вредительнѣйшїй есть оный миръ бывшїя прежде войны. Сїе онъ давно уже́ предусмотрѣлъ, и для того за́мокъ Эпеїркту, въ которомъ тогда пребывали, укрѣпилъ: впрочемъ, знаетъ онъ, что не отъ многихъ важность толь жестокаго смятенїя зависитъ. Теперь требуетъ, что они ему дѣлать присудятъ. Никто не дерзалъ прежде говорить толь о превеликомъ дѣлѣ, пока уже́ для

почтенїя

почтенія лѣтъ, и для извѣснаго благоразумія, Царь повелѣлъ Клеобулу. А онъ: сильно, говорилъ, надлежитъ поступить, всемилостивый Государь; или ждать, какъ на жертву приготовленнымъ, скорыя пагубы. Посредственное мужество порокомъ въ васъ быть имѣетъ. Не извольте думать, что вы славу потеряете, или боговъ раздражите; ежели симъ непріятелямъ здѣлаете отмщеніе. Ибо самъ Лікогенъ прежде нарушилъ союзъ: а смотря на его казнь, тѣ, кои васъ или презираютъ, или ненавидятъ, перемѣнятся. Знаемъ, что возмущены многіи городы; а набранныи военныи люди почитай ужé въ строю стоятъ. Что вы медлите? или, пока ничего не поврежденнаго не останется больше въ Сіциліи? Не боитесь ли помутить еще не созрѣлыя ихъ пріуготовленія; и благоговѣйно ожидать изволите, какъ ужé вамъ повелѣно будетъ прободаему быть оружіемъ? Эрістена здѣсь имѣете: а Лікогену и Олоодему, буттобъ на совѣтъ, о дѣлѣ внезапно приключившемся, сюдажъ быть прикажите. Ежели прибудутъ; то тотчасъ ихъ, за оскорбленіе Величества, на смертную казнь осудите. будежъ за упрямятся; то на нихъ, какъ на преслу-

шниковъ, законною и скорою войною востанете. Къ симъ Клеобуловымъ словамъ прибавилъ Эврімедъ, а именно, что онъ увѣряетъ о шести тысячахъ пѣхоты, да о пяти стахъ человѣкъ конницы, которыи въ вѣрности и послушаніи пребыть имѣютъ. Изъ сихъ часть въ опричныхъ полка́хъ служитъ, а часть въ Эпеірктіческомъ городовомъ войскѣ находится. Нѣкоторыи для защищенія Панорма, и Эпіполя отряжены. Сія старыхъ воиновъ сила хотя и не многолюдна; однако лучше будетъ новонабраннаго Лікогенова войска, сколькобъ его ни́-было. Но когда Царскіи полки́ въ поле выведутся; то безъ сомнѣнія многіи на лучшую передадутся сторону.

9.

Между тѣмъ Архомбротъ радоснѣйшій сталъ, услышавъ припоминовеніе о войнѣ; и рассудилъ, что пристойный былъ случай, дерзнуть о Поліархѣ воспомянуть. Я, говорилъ, какъ чужестранный, и человѣкъ молодый, къ опредѣленію о важномъ дѣлѣ не пріобщаюсь: но ежели вамъ война угодна; то чего ради вы по́мощь вашу отвергаете? чего ради прежде напасти сокрушаете силы?

силы? Поліарха ненавистію Лікогеновою выгнаннаго, понынѣ нѣтъ никого изъ военныхъ людей, который бы не желалъ видѣть возвратившагося. Не считая того, что въ военномъ дѣлѣ онъ искусенъ, и что имя его страшно непріятелямъ, извольте знать, что войско, видя его возвращеннаго, какъ благополучный успѣхъ всѣмъ предпріятіямъ, охотнѣе все исполнять будетъ. Того ради, я рассуждаю, что надобно его искать; а извинивъ нужду временъ, которая его отсюду отлучила, призвать къ новой побѣдоносной почести.

10.

Такъ смѣло на ходатайствующаго за Поліарха, Аргеніда смотрѣла; и тѣмъ больше радоснѣйшая была, что Царь его прилѣжнѣйше слушалъ. Тогоради, чтобъ кто толь необыкновенныя и пространныя рѣчи не перемѣшалъ, сама слѣдующее прибавила, именножъ, что въ одномъ дѣлѣ съ Поліархомъ Арсіда находится, о которомъ всѣ говорятъ, предлагала она, что онъ въ Италіи медлитъ какъ въ ссылкѣ, для того что не-льзя ему въ отечество показаться. Никакова другова преступленія на него не взводятъ,

какъ только что онъ увезъ Поліарха. Объ Арсідиной вѣрности, милостивый Государь родитель, вы сами не изволите сомнѣваться; и можетъ быть, что тѣмъ больше онъ намъ услужилъ, нежели Поліарху. будежъ есть его вина; то прошу мнѣ его пожаловать, даромъ что, коль долго Поліархъ въ осужденныхъ, или ненависныхъ пребудетъ, не можно ему получить прощенія. Понеже Аргеніда сильно за Арсіду стояла, для того что сіе защищеніе съ пользою Поліарховою соединено было: то всѣ, для угожденія Царевнѣ, тожъ са́мое съ великою ревностію утверждали.

11.

Тогда Царь: поистиннѣ, говорилъ, боги о нашемъ дѣлѣ попеченіе имѣютъ; а сіе по сему са́мому я выразумѣлъ, что удивительнымъ мнѣній согласіемъ, какое я самъ въ себѣ намѣреніе положилъ, то дѣлать точно, вы мнѣ присовѣтовали. Тогоради, да будетъ, съ помощію боговъ, опредѣлена противъ Лікогена война, когда онъ безъ смятенія взятъ, и безъ ка́зни возмутителямъ истребленъ быть не можетъ. Поліархажъ и Арсіду я уже́ давно въ себѣ оправдилъ.

оправдилъ. Осталось только вымыслить, какимъ бы способомъ оба сіи дома могли мы съ нами примирить. Всѣ присудили, нѣкотораго вѣрнѣйшаго человѣка послать съ дарами къ Поліарху, и его просить, чтобъ, какъ скоро начнется противъ Лікогена война, благоволилъ онъ возвратиться въ островъ. Послѣ какъ дѣлу такъ быть положено; то Царь совѣтъ распустилъ, приказавши всѣмъ, о чемъ они знали и совѣтовали, молчать всеконечно. Но Аргеніда, по обыкновенію любящихся, всегда или въ безмѣрномъ веселіи, или въ толикой же находясь печали, полученною паче чаянія радостію явно наслаждалась. И понеже отецъ не зналъ тому причины; то, за доброе я, любезная моя дочь, говорилъ, прознаменованіе воспріемлю, что отъ того времени, какъ мы сіе нещастіе претерпѣваемъ, нынѣ я впервые васъ вижу радосную, и лицемъ не пасмурную.

III.

12.

Вечеръ наступалъ; и въ Царскій садъ Архомбротъ, какъ онъ часто обыкъ ходить, вшелъ для гулянія. Тамъ

когда одинъ по дорогамъ между деревами прохаживался, пришла ему на память оная ночь, въ которую у Тімоклеи гостемъ съ Поліархомъ онъ начевалъ. Между прочимъ припамятовалъ о перемѣнѣ лица́ и го́лоса, которая тамъ Поліарха, вопрошеннаго объ Аргенідѣ, въ смятеніе привела. Сіе когда Архомбротъ за знакъ любви принялъ, пото́мъ, премногіе себѣ вещи на умъ приводя, удалился отъ сея мысли, тѣмъ способнѣе, что не взаимною любовію, но юношескимъ въ Поліархѣ то безумствованіемъ быть положилъ. По́слѣ сего, прилѣжнѣе о всемъ на́чалъ размышлять: а именно, что дважды къ припоминовенію объ Аргенідѣ Поліархъ одеревѣнѣлъ; также что дважды о Царевниныхъ лѣтахъ и нравахъ будучи вопрошенъ, отвѣтствовалъ токмо кратко, и такъ, что буттобъ онъ былъ внѣ себя, когда ея имя упоминалось. Въ семъ размышленіи пребывающему пришло на память, что Аргеніда, когда Арсіду предъ отцемъ защищала, говоря сильно, и сильнуюжъ употребляя прозьбу, вся горѣла. Но дѣло Арсідино къ Поліарховой же принадлежало пользѣ. О семъ съ обѣихъ сторонъ совершенно размысливши, воспріялъ Архомбротъ подо-

зрѣніе

зрѣніе о тайной между ними дружбѣ. Тотчасъ представили ему себя достоинства Поліарховы, и все что его къ толикой надеждѣ привесть могло, или преклонить Аргеніду. Чтожъ о родѣ его было не извѣсно; то поистиннѣ нѣчто тутъ есть, можетъ быть, крайно знатное: ибо, говорилъ, я не одинъ, чтобъ другаго о родѣ и великости по сей же личинѣ, кою я на себя воспріялъ, рассуждать было не должно. Но представляя себѣ въ мысль Аргенідину красоту и высокость, и щасливымъ Поліарха сею любовію чрезъ молчащее поздравленіе не единократно называя, то са́мое хвалить, и томужъ дивиться начинаетъ, на что прежде беспристрасно онъ смотрѣлъ. Ибо что Аргеніды умильнѣе? Коей когда къ толикой осанкѣ, и къ толикимъ родителямъ, толь многіе добродѣтели присовокуплены были? Хотябъ и не имѣла она преимущества отъ рода, но изъ Сіцілійскихъ бы дѣвицъ избранію быть надлежало; однакобъ никакія другія при Аргенідѣ на царство выбрать не можно было. Благоразуміе, скромность, слова́, полъ въ ней превосходятъ; а красота ея выше человѣческія. По́слѣ сего, къ себѣ обращался Архомбротъ, и думалъ, что не недо-

стойно толикія надежды, не ложная новому пламени подгнѣта, его благородство. Все сіе сперва не какъ бы любить хотящій, но бутьтобъ имѣя токмо празныя, однакожъ по своей мѣрѣ, желанія. Потомъ отмала помалу началъ быть уловляемъ, и непрестанно въ умѣ содержалъ, въ задумчивомъ ужé увеселеніи, всѣхъ оныхъ пріятностей изображенія: не зная, ежелибъ побѣдителемъ и свободнымъ быть хотѣлъ, что мужественно надлежало сопротивляться сему сáмому любви началу. Коль любезнѣе ему становилась Аргеніда; толь больше отъ дружбы удалялся, которая его съ Поліархомъ соединила, длятого что сперва зависть, а потóмъ и злая ревность въ него вселилась. Итакъ, печаленъ ужé, и отдавъ свое сердце въ плѣнъ, изъ-сада выходитъ, въ который незадолго прежде вшелъ благополученъ и свободенъ. Зло его тѣмъ болѣе увеличилось, что, для облехченія отъ тоя тягости уединенія ища, одинъ токмо ужиналъ. Ибо когда въ молчаніи и втайнѣ ничего кромѣ любви не чувствовалъ, помалу въ оную печаль себя попустилъ, которая, чрезъ прошествіе не многаго времени, пребезмѣрно ужé любящаго не отвѣданнымъ его сожгла томленіемъ.

13.

13.

Въ тожъ время, какъ сіе дѣлалось у Царя, не меньше стараясь съ своими и Лікогенъ, умышленное злодѣйство производилъ въ дѣло. Онъ въ лучшіи городы подъ разнымъ видомъ въѣжжая, градоначальникамъ, созвавъ ихъ къ себѣ кушать, развеселившимся напоминалъ, чтобъ они не допускали общія вольности до истребленія. Пребездѣльныя и вредительныя намѣренія предпріемлются на Сіцілію: памятовалибъ, что они въ царствѣ, а не въ неволѣ живутъ. Впрочемъ, ничего не говорилъ противъ Царя, развѣ такъ скрытно, что и самомубъ Мелеандру могъ онъ въ томъ оправдиться. Когда онъ видѣлъ, что они сими словами возбуждены были; то, буттобъ дружелюбнѣе обходясь, не полное нѣчто съ воздыханіемъ, иногда явно, а иногда лучшимъ нá-ухо шепталъ, такъ что казалось, бутто онъ отъ искренняго усердія бóльшаго вреда боялся, нежели дерзалъ явно выговорить. Чего ради, многіи на него какъ на подпору отечества взирали, и нѣсколько съ печальнымъ сѣтованіемъ отъ Мелеандра отвращались: а особливо, когда разнеслось въ народѣ, что онъ пренебрегши

брегши

брегши своихъ природныхъ, чужестранныхъ къ государственнымъ дѣламъ опредѣлялъ; что по́дати и зборы умножалъ; напослѣдокъ, что ка́зни готовитъ Государь прошедшею войною озлобленный. Сверьхъ сихъ хитростей, жречишки подкупленныи не малою были помощїю: прознаменованїями, и ложными провѣщанїями все къ закону привлекали. Хотябъ всенародная, или чья особенная жертва закалалась, всегда вымышленными дивами смотрители устрашаемы были: ибо то переднїя ча́сти не́-было у печени; то беспорядочно жилки изъ мѣстъ своихъ выходили; и всеконечно новыи приближаются случаи, и лучшїи прошедшихъ: а что тогда дѣлалось, то все богамъ не угодно было. Случились, сверьхъ сихъ обмановъ, не ложныя и не притворныя чудеса, которыми подтверждаемо было наступающее убїйство. Ибо и съ неба падали камни; а въ иныхъ мѣстахъ и два солнца сїяли. Но не многїя сїи чудеса премножеству вымышленнымъ подавали причину, такъ что люди всѣмъ безразбору вѣрили, и всѣхъ боялись. Сїе бѣдныхъ состоянїе, нѣкто изъ Пїитовъ, который и самъ былъ учасникъ всенародному безумствованїю, слѣдующимъ описалъ образомъ.

Гнѣвъ оставьте, Боги! Развѣ годно разорить
Вамъ вещей союзы? Землю страхомъ изнурить?
Неба то не зримъ отъ тучъ; въ воздухѣ то злятся
Всѣ страшилища изъ тьмы; то кометы рдятся:
Нѣтъ зимы; весноюжъ вянетъ цвѣтъ; не зе́ленъ лѣсъ;
Жа́ра звѣздоносный въ лѣтѣ не имѣетъ песъ.
Равно, новое когда солнце появилось,
И надъ мïромъ молодымъ вкругъ свой покатилось,
Часто тамъ не зная должный гдѣ былъ путь и ходъ,
Заблуждало вредно круглый развращая годъ.
Зрите, чорнымъ какъ столбомъ Этна злая пышетъ!
Буря, зрите, коль на насъ всѣмъ и моремъ дышетъ!
Островъ отъ Авзонскихъ отдѣлялся какъ кряжей;
Также убоялся размывающихъ дожжей.
Зѣльны грозы отъ Боговъ! Но еще самъ больше
Мучитъ страхъ сердца́ всего ждущïя впредь горьше:
Каждому убïйство видится и непрïязнь;
Всякъ предощущаетъ уготовленную казнь.
О! самимъ ли отъ себя, богиль повелѣли:
Толькожъ долголь намъ страдать? Что мы ослабѣли?
За ружье, О! мужи. Жертва небу да падетъ,
Коя заслужила, тяжкïй грѣхъ съ насъ да сведетъ:
Должно умолять Боговъ; и по сей причинѣ
Смертïю просить себѣ живота отнынѣ.

14.

Между тѣмъ Царю вѣдомость пришла, что Гïперефаняне вступили съ Ліксеномъ въ тайныи совѣты; и нѣкоторыи опасались, чтобъ онъ, для употребленïя въ свою пользу ихъ силъ, отъ природнаго не отступилъ закона. Когда о семъ по случаю разговаривали всѣ; тогда Архомбротъ съ Іббурраномъ былъ, которому уже́ онъ, по нѣсколькому обхожденïю,

хожденію, а особливо по Цареву выхваленію, начал быть дружен. Оба они в Царском прохаживались присѣнкѣ; и будучи новым человѣком в Сіцилійских дѣлах Архомброт, понеже нѣсколько крат об имени Гіперефанян слышал, спросил, чтоб за различіе между ними, и другими Сіціліанами было? Чего ради имя, промыслы, и силы их разны? Тогда Іббурран, чтоб обстоятельнѣе расказать о всем том молодому человѣку, нѣсколько сам с собою подумав, так начал: Гіперефанян мы от свойства их суевѣрія сим именем прозвали. Возмутительство их, вредительное Владѣющим, от нѣкотораго именем Усінулки в настоящем вѣкѣ заведено. Он пренебрегши богослуженіе, какое в Сіціліи всегда пребывало, дерзнул новый вымыслить закон, и спокойствіе сердец помутить, который от гордости, или от излишнія простоты, могли быть прельщены. Тогоради, нѣкоторыи в славу себѣ ставили, чтоб им от ученія прѣдков своих, онаго предводительством, отступить; а других краснорѣчіе обмануло, с которым благочестія вид был соединен. Сверьх того, помогло и устремительство новости,

вости,

вости, толь великимъ неистовствомъ ослѣпляющее разумы, что ва́рварскіе Усинулкины брѣдни нашли себѣ похвалителей, не изъ самыхъ пространно отдаленныхъ странъ, но, чему не можно надивиться, изъ подданныхъ Сіцілійскихъ; хотя и ничего нѣтъ гну́снѣе сказокъ, которыми онъ училище свое осквернилъ: такъ что я стыжусь расказывать о богохульномъ его безумствованіи. Отрицаетъ, чтобъ кто изъ человѣковъ могъ законопреступствовать, какимъ бы то образомъ ни́-было, ежели онъ не будетъ нуждою опредѣленъ отъ боговъ къ злодѣянію. Но напротивъ того, сколькобъ кто ни сопротивлялся беззаконіямъ; сколькобъ самъ въ себѣ ни́-былъ непороченъ, милосердъ къ людямъ, щедроподателенъ богамъ: споритъ онъ, что ни для толикаго своего благочестія тотъ небожителямъ есть любезнѣйшій. Ибо все сіе, говоритъ, не та есть доброта, которая богамъ угодными дѣлаетъ человѣковъ, но только оныя знакъ есть добродѣтели. Сверьхъ того, нѣтъ между злодѣяніями разности: ибо, которыи богамъ ненависны, тѣ за малѣйшую кражу злака всѣ тѣ заслужили ка́зни, коими у Піитовъ Фуріи мучатъ. Прочіи ни за убійство отца, ни

ни за кровосмѣшеніе не лишаются дружбы, коею они съ бессмертными соединены. Такимъ образомъ изъ тояжъ злодѣяній грязи одни не замаравшись, а другіи всѣ въ скверности вывалявшись, выходятъ. Равно какъ въ воду, ежели что отъ гусинаго рода погружено будетъ; то изъ оныя безъ поврежденія сухости вынято быть имѣетъ: а прочіи птицы, въ тойже водѣ, и часто меньше медливши, состояніе и употребленіе перья портятъ. О прочемъ Усінулкиномъ безуміи я не хочу упоминать. И поистиннѣ, не моглибъ толикіе грѣзы имѣть себѣ чрезъ долгое время и многихъ послѣдователей; ежелибъ не напали онѣ благовременно на малолѣтство Царей, въ которое время, какъ наибольше не спокойное, все гнусное ни запрещено, ни исправлено быть не можетъ. Распространило сію болѣзнь ктомужъ лютость смятѣній: а вельможи по ненависти на тѣхъ, которыи во время малолѣтства Государей всю силу имѣли, пристали къ волнующимся Гіперефанянамъ полководцами. Тогда плачевнѣйшею кометою разнеслось междоусобное оружіе по всей Сіциліи; и всѣ къ Гіперефанянамъ отступили, сколько ихъ ни было, кои самоволіе смятеній любили,

такъ

такъ что на самихъ Царей дерзнули они востать. Ничего бѣшеная ихъ ярость не обошла. Попрали они божескіи жертвенники, испровергли селенія пожарами, и междоусобнымъ кровопролитіемъ новость свою Фуріямъ принесли въ жертву. Хотя ужé и много прошло лѣтъ; однако еще и понынѣ, какъ бы не имѣющіи верьховъ, дляшого что збиты съ храмовъ главы, видимы городы, въ которыхъ они свирѣпствовали. Во время оныхъ смятеній, съ толикимъ разлученіемъ отъ прочихъ они раздѣлились Сіциліанъ, что, какъ буттобъ другое отечество, и другой народъ составляли: ни по заключеніи также союза не возвратились съ искренною вѣрностію къ собщенію всего рода; да и всегда, не согласнымъ духомъ возбуждаемы будучи, оружіемъ или грозятъ, или сами онаго боятся.

15.

При такомъ зараженіи сердецъ, сколькобъ, по вашему мнѣнію, осталось надъ ними свободныя власти Царю? Городами, войскомъ, пристанищами, и только что не цѣлыми завладѣли они областями, изъ которыхъ съ надменіемъ смотрятъ и рассуждаютъ, лучшель,

и полезнѣель есть когда помогать Царю, или его пренебрегать. Сему, какъ онъ войну какую имѣетъ, или въ другихъ важныхъ дѣлахъ упражняется, ежели они вспоможенїе обѣщаютъ; то, буттобъ достойны были возблагодаренїя себѣ, вѣрность сїю увеличиваютъ разглашая повсюду, забывши, что отъ добрыхъ подданныхъ тако́ва тогда обѣщанїя не требуется: да и отъ самихъ бы отъ нихъ толь многократно оныя обѣщаемыя вѣрности не пожелали; будебъ однажды она пребыла непоколебима, такъ чтобъ ея бояться не надлежало. Но они больше по обыкновенїю союзниковъ помощь подаютъ, и Царскихъ повелѣнїй или слушаютъ, или отъ нихъ отвращаются. Такимъ образомъ съ богами и Государями самовласно поступаютъ; и сколько тѣмъ и другимъ должны они отдавать почтенїя, не по отечественному обыкновенїю, но по своему разумѣнїю опредѣляютъ. Коликимижъ бѣдами болѣзнь сїя грозитъ Сїцїлїи; то вы сами, хотябъ вамъ о томъ и никто не сказывалъ, можете понять. Ибо какъ превесьма упрямый есть развратъ, который отъ разности законовъ бываетъ; такъ по достоинству должно бояться, чтобъ когда Гїперефаняне, чего

силами

силами своими получить не могутъ, не начали того искать пагубою отечеству, призвавъ чужестранныхъ, и ненавистниковъ, не больше для войны, сколько къ добычѣ, и какъ къ завладѣнію Сіцілією. Хотяжъ сего либо милостивыи боги и не попустятъ; но уже́ коль вредно есть то, что мы видимъ и чувствуемъ? Ежели дѣти сердятся на родителей, или также вельможи на Царя; то безъ всякаго замедлѣнія къ сему сонмищу, какъ къ нѣкоторой извѣснѣйшей свободѣ, притворно премѣнивши законъ, пристаютъ, зная впрочемъ, что тѣмъ болѣе вреда себѣ самимъ дѣлаютъ. Но угодно имъ и толикою своею пагубою мстить противникамъ! Чтожъ мнѣ должно говорить о Вестальныхъ дѣвицахъ? Что и объ Уединившихся для боговъ? Когда они чистоты своея сохранить больше не могутъ; тогда хулятъ проклиная безопасно свой законъ, и, для беззаконныхъ браковъ, Гіперефанянамъ подвергаются. Сими образцами, и оною самовольностію рассужденія и житія, портится народъ; такъ что сперва онъ сомнѣвается, какихъ бы боговъ, и какимъ бы ихъ способомъ почитать надлежало: потóмъ тотчасъ, съ грубаго или нечестиваго

уничтоженія, ничего за священное не ставитъ, ни о самихъ ужé богахъ ничегожъ достовѣрнаго не имѣетъ. Такимъ образомъ истребленіе богослуженія отъ сего злодѣйства предвоспріятое, совокупно общее спокойствіе въ смятеніе приводитъ, и больныя Сіціліи изнуряетъ силы, которая никогда первыя крѣпости получить себѣ не возможетъ, ежели прежде у Гіперефанянъ, привлеченныхъ къ здравѣйшимъ мыслямъ, рана сія не затворится.

16.

Тогда Архомбротъ: чегожъ ради Сіціліане, говорилъ, медлятъ общимъ множествомъ потушить сей пожаръ? И чего ради не стараются они законнымъ мечемъ сію опасную заразу, вредительнѣйшею прилипчивостію распространяющуюся, всю нá-корень высѣчь? Я самъ, хотя и чужестранный человѣкъ, рýки мои и оружіе на сіе обѣщаю; и не думаю, чтобъ когда пріятнѣйшую могъ я принесть жертву, какъ ежели ихъ кровь богамъ пролью, или моея они, изранивши всего меня, сами напьются. По справедливости должны вы были, священный Іббурранъ, о семъ Мелеандру пред-

предлагать, и понуждать его къ сей войнѣ.

17.

На сіе Іббурранъ: я хвалю устремительство ваше, говорилъ, преизряднымъ жаромъ распалившееся. Однако находятся такіи люди, кои не безъ основанія противное мнѣніе вашему имѣютъ: ибо явно уже́ по успѣхамъ, что какъ нѣкоторыя животныя питаются ядомъ; такъ сіе сонмище укрѣпляется общимъ зломъ, и всегда войною и убійствомъ утучняется. Тогоради другія средствія, и сіи лехчайшія, они изобрѣли, которымибъ скверное пятно съ Сіціліи счистить; и рассудили, что благоразуміемъ Царей, безъ меча и кровопролитія, лютость болѣзни утолить можно. Ежелижъ вопро́сите, какое самъ бы я имѣлъ мнѣніе; то предлагаю, что я ни мира, ни войны съ ними просто не хочу. Ибо, если могутъ они пребыть спокойно; то рассуждаю, что никакимъ на нихъ нападеніемъ не должно ихъ раздражать. Но буде на Царя и общество возмутительнымъ образомъ самовольно они востанутъ; то говорю, что не надобно ихъ щадить, но силою, и мечемъ надлежитъ истреблять безуміе

гордо неистовящихся. Тогда справедливо воспріимется оружіе; и будетъ всякія похвалы достойна жестокость на нихъ. Всѣми государства силами должно будетъ стараться, чтобъ не прошла имъ даромъ на Царя, толико премерскаго образца, продерзость. И толь еще скоряе потребно мстить за злодѣяніе; коль они сами свирѣпѣе обыкли нападать на медлящихъ, и наше терпѣніе принимать съ презрѣніемъ за слабость. Ибо сіе соборище не ищетъ себѣ возращенія терпѣливностію и послушаніемъ, какъ дѣлаютъ лучшія училища: но ссорами, стязаніемъ, и возмущеніемъ злодѣйства свои привыкло оно утверждать. Тогоради, оружіемъ, и больше нежели равною собственной ихъ лютостію, должно оныхъ поражать, сколькократъ своими обидами Царя и отечество ни имѣютъ они озлобить. Но буде отъ бунта и смятеній удержатся, и довольны будутъ кротчайшею своею поступкою; то тогдабъ я съ ними желалъ имѣть миръ. Ибо уже весьма ихъ больше числомъ, которыхъ повредила зараза, нежели чтобъ каждаго по единому осудить было можно, и смертной предавать казни. Сверьхъ же того, молодыхъ людей весьма много во всей

Сіциліи,

Сицилiи, которыхъ то лехкомыслiе, то убожество, то самая охота къ войнѣ, такъ на всѣ преобращаетъ стороны, что не смотря ни на уставы, ни на бесчестiе, къ возмутителямъ они приступаютъ, и войско ихъ умножаютъ, коль ни ненависное богамъ и человѣкамъ. Симъ образомъ многiи, въ военное время, приступаютъ, надѣясь получить себѣ прибытокъ, къ симъ Гiперефанянамъ, которымъ бы ихъ въ мирныя пожирать времена: а Государи, побѣдивши тѣхъ войною, больше изъ нихъ вновь осуждаютъ на смерть, нежели изъ прежнихъ умерщвляютъ. Ктомужъ, ра́вно какъ ни́ти, чрезъ себя самихъ тонкiе и не соединенные, способно прерываются; но буде онѣ совьются между собою, то что больше хотѣлъ бы кто ихъ крутить, то пуще онѣ крѣпнутъ, и дѣлаются толстою верьвiю, которыя никогда уже́ прервать не возможно: такъ сiи, когда по случаю сами собою не столько они бываютъ радѣтельны о своей сторонѣ, увидѣвши висящiи надъ головами своими мечи, которыибъ могли изъ нихъ принужденное, тоесть, какъ они думаютъ, бесчесное вымучить раскаянiе, иногда яроснымъ, и едва расторгаемымъ узломъ соединяются. Того

ради, миромъ, празностію, и благополучными государственными временами [если они докучными смятеніями къ оружію Царя не возбудятъ] препобѣждать и искоренять ихъ должно; для того что въ сіе время ничего они изъ всенародныхъ грабленій не имѣютъ, чемъ бы могли незнаемыхъ и бунтующихъ помощниковъ награждать, и также, не имѣя возбужденія отъ жара противящихся себѣ, не мало и своего собственнаго погубляютъ. Напослѣдокъ, многіи изъ ихъ лучшихъ людей къ Царю являютъ склонность; а на его дружбѣ, въ оное спокойное время, все состоитъ. Онъ, ежели не столько ненавистію, сколько презрѣніемъ имѣетъ испровергать ихъ ученіе; то дѣйствительнѣе всякія войны благородныхъ сердца́ къ раскаянію принудитъ: которыхъ буде злый стыдъ не допуститъ отвергнуться отъ того своего соборища; то, по крайней мѣрѣ, о дѣтяхъ своихъ они порадѣютъ, и отдадутъ ихъ учителямъ, коибъ ихъ обучили по древнему обыкновенію, а онибъ сами могли пребывать государству любезными. Ибо которыи небу, доказательствамъ, и древнимъ наставленіямъ предпочитаютъ одно упрямство, и соединяются твердо съ Уси-

нулкою;

нулкою; тѣ имѣютъ быть побѣждены, повѣрьте мнѣ, когда такой допускъ къ че́сти, и надежда на Царское пожалованіе осторожно заградятся: а особливо, буде сіе наказаніе указомъ на нихъ явно опредѣлено не будетъ, [для того что сего са́маго довольно быть имѣетъ разгнѣваннымъ къ жалобамъ, къ злоумышленію, и къ воспріятію упрямаго оружія] но и́сподоволь, и нѣкоторымъ не спѣшнымъ введеніемъ, и совокупно благорассужденіемъ государевымъ, которомубъ отнюдъ не производить ихъ въ тѣ чины, кои другимъ даны быть могутъ; также и не терпѣть, чтобъ далѣе того позволенія, которое дано уставами, они уходили. Во всемъ прочемъ, да будетъ онъ къ нимъ благосклоненъ; а иногда и дружескими словами да показываетъ имъ себя достойнаго, которомубъ они угодны быть желали. Ибо многіи изъ нихъ, дражайшій Архомбротъ, не своимъ, но сонмища и наставленія своего отъ злобы погрѣшаютъ; безъ чего, былибъ они добросердечны, и моглибъ сравниться съ пре́дками своими. Сихъ, поистиннѣ, исправлять полезнѣе, когда можно, нежели истреблять, или къ вреднѣйшему возбуждать необходимо. Сіи способы, коль ни лехкіи, помалу у

Гіперефанянъ отнимутъ силы: а кои по причинѣ высочайшія премудрости соединились; тѣ потóмъ, въ неповоротливомъ и притомъ въ нераздраженномъ состарѣніи, отвергши и презрѣвши мудрствованіе, которое сначала толикую имѣло высокомѣрность, способно другъ ѿтъ-друга отстанутъ. Но весь сей времени твердѣйшаго мира полезенъ есть промыслъ: его, О! да восставятъ боги въ сей странѣ, и да не попустятъ, чтобъ Гіперефаняне подали помощь Лікогену! Я подлинно не мню, какъ о томъ ни носится слухъ, чтобъ онъ ихъ принялъ законъ, и чтобъ тѣмъ, для угожденія оному возмутительному соборищу, тоесть, едва сороковóй чáсти изъ Сіцíліанъ, всѣхъ прочихъ навелъ на себя ненависть. Выговорившии сіе Іббурранъ, позвалъ Архомброта къ себѣ отужинать; и дружески ему совѣтовалъ, чтобъ и самъ онъ превесьма ласково обходился съ Гіперефанянами. Ибо лучше они, какъ то Сіцілійскія обстоятельства требовали, ласкою, примѣромъ, и трезвымъ разсужденіемъ, нежели явнымъ, и всегда взаимнымъ гнушеніемъ исправляться могутъ.

III.

IIII.

18.

И понеже все уже́ поспѣло у Лікогена; то на злодѣйство день былъ поставленъ, среди весны къ десятому дню мѣсяца, которому имя было Таргеліонъ. Эрістенъ недалеко отъ Эпеіркты село имѣлъ, и звѣринецъ при немъ, въ которомъ, давно уже́ не пужанныхъ, много звѣрей было. Сей, въ опредѣленный на злохитрое коварство день, Мелеандра туда и съ Аргенідою кушать звать намѣрился: и ежели по намѣренію удастся; то Царя и Царевну, будтобъ истукановъ и картинъ смотрѣть, во внутренніи покои съ немногими введши, напасть наглостію на нихъ хотѣлъ, и силою взявъ отослать заднею стороною какъ наискоряе къ Лікогену. Будежъ противиться станетъ Мелеандръ, или помощь упорнѣе будетъ призывать; то положено было его убить: ибо довольно, если только одну Аргеніду получать. Ежелижъ Мелеандра въ тотъ день предзнаменованія, или слабое здоровье въ Эпеірктѣ удержатъ; чтобъ Лікогену прибыть туда съ внезапнымъ войскомъ, и тамъ на него нападеніе учинить. Ибо они положили, чтобъ

ему

ему въ тотъ день быть въ Сіракузахъ, и сходитьсябъ къ нему собщникамъ его, буттобъ именемъ вельможъ и городовъ, въ смятеніи, да и предводителемъ его называть, для всенародныя пользы, на Царя. Потомъ тудажъ подоспѣть должно было Олоодему, съ войскомъ на сіе самое прежде собраннымъ, которомубъ новость дѣла мнѣніемъ своимъ утвердить и силами. Думалось имъ, что многіи отъ Царя отступятъ; а сіе какъ по примѣру прошедшія войны, такъ и отъ обмана мѣстодержцевъ и градоначальниковъ, изъ которыхъ многихъ они къ себѣ прибрали: а напослѣдокъ, что и всѣ сами собою къ возмущенію клонились.

19.

Симъ образомъ положивши съ обѣихъ сторонъ намѣренія, Лікогена Мелеандръ, а сего тотъ захватить старался. Но Аргеніда, двойнымъ раченіемъ возбуждаема будучи, длятого что и о Поліархѣ, и о государствѣ попеченіе имѣла, превеликое показывала раденіе къ понужденію того, о чемъ Царю вѣрныи его присовѣтовали други. Надлежало сыскать даръ къ Поліарху, и Арсиду возвратить: но комубъ о всемъ томъ постараться

стараться, дѣло вѣрнаго требовало человѣка. Никто, кромѣ Архомброта, не усматривалъ въ Царевнѣ собственныхъ ея промысловъ. Но его, свирѣпствующая непрестанно любовь почитай уже преодолѣвала, и Аргенідино о Поліархѣ тщаніе въ чрезвычайной ревности проискивающаго, едва обмануть могли оныя ея намѣренія. Больше всего самъ онъ себя винилъ, что первый совѣтовалъ Царю о возвращеніи назадъ Поліарха; такъ что иногда устремлялся пойти втайнѣ къ Мелеандру, и противный совѣтъ ему предложить: но стыдомъ будучи воспящаемъ, и притомъ опасаясь Аргенідина гнѣва, отъ весьма упорнаго сего намѣренія удержался. Сталось такъ по случаю, что нѣкогда онъ пришелъ къ Мелеандру, когда сей разговаривалъ со дщеріею объ Арсідиномъ возвращеніи. Тогда за недавное благодѣяніе, учиненное похвалою при Царѣ Поліарха, пріятнѣйшій онъ былъ Аргенідѣ; того ради, какъ ходатая своего, дружелюбнѣе обычайнаго она поздравила: а невѣдающаго, чегобъ ради толикая ласка была ему показана, такъ поразила, что онъ съ внезапныя радости пришедъ въ великое смятеніе, какъ наивозможно скоряе въ покои свои ушелъ, чтобъ въ нихъ съ

силами

силами собраться. Тамъ въ излишномъ, но не въ спокойномъ веселіи, пребывая впрочемъ въ превеликомъ недоумѣніи, слѣдующее напослѣдокъ самъ себѣ говорилъ: такъ ты уже щасливъ? Ты милость у любви заслужилъ? Какъ же инакъ думать? не тыль самъ видѣлъ Царевнино чело? Не тыль ея очи? А когда ты пришелъ, не вскочилаль вся она съ стула? О! неблагополучный: превесьма непристойно льщу себя надеждою. Никогда боги толикаго воздаянія, толь способно не даютъ. Простыхъ браковъ никакіе противности, и никакія приключенія не приводятъ въ славу: но знатной любви, сама Фортуна помѣшательство дѣлаетъ, такъ что та за са́мый трудъ бесцѣнна ищущимъ становится. О! да обманусь я, что онымъ поздравленіемъ, онымъ ея взглядомъ, которымъ толь себѣ ласкаю теперь, сама она не благополучный успѣхъ предзнаменовала! Ахъ горе! что едва и мыслить мнѣ сносно, ежели такъ; то сіи благосклонности знаки до Поліарха надлежали? И она длятого ласковѣйшею ко мнѣ была, что ему я у Царя совѣтомъ моимъ помогъ? Но не́-былъ ли лучше просящія видъ, коимъ ходатайства моего паки за него требовала?

Нѣтъ,

Нѣтъ, нѣтъ; ни для Аргеніды: толь дорого не покупается любовь. Я не хочу Аргенідиною склонностію одолженъ быть Поліарху; да и Поліархъ не будетъ же мнѣ обязанъ за Аргеніду. Яль, чужому благополучію услужникъ, такія напасти преоборать сильно не имѣю? Яль, какъ са́мый подлый, почитай для рабскихъ услугъ люби́мъ буду, и Аргеніду уступлю другому? Однако погрѣшаешь ты, Архомбротъ, ежели силою взять думаешь. Прозьбою, терпѣніемъ, послушаніемъ пріобрѣтается любовь. Служить, или повелѣвать Аргенідѣ хочешь? Да и коль бы сія не учтива была рѣчь: не хочу, чтобъ вы любили Поліарха! Едва и жестокій нѣкоторый отецъ такъ бы повелѣть могъ. Коя изъ любезныхъ не достойною почитается, хотябъ она са́маго знаменитаго человѣка любила? Добродѣтелію, славою, честію должно тебѣ бороться съ Поліархомъ. Еще въ томъ твоя и польза, чтобъ ему сюда возвратиться. Ибо всегда объ отсутствующихъ нѣжняе, и съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ мы думаемъ. Но въ присутствіе свое, какъ онъ прежде угодить Аргенідѣ возмогъ; такъ нынѣ или отъ распри, или отъ холодности быть можетъ непріятенъ. Ты высмотришь,

чего

чего ради онъ ей милъ; и потщишся самъ чрезъ тожъ дѣвицу къ себѣ преклонить. Что онъ ни имѣетъ дѣлать; ты са́мымъ то успѣхомъ долженъ будешь превзойти: а если все прочее не благополучно удастся; то онъ оружїемъ низвергнется. Лехко можно будетъ найти къ ссорѣ и поединку случай. Сколько онъ подлинно ни храбръ; однако храбрѣйша есть любовь, которая руку мою́ будетъ направлять. Между тѣмъ чрезъ все сїе время, въ кое мы о возвращенїи его стараем́ся, способна къ разговорамъ будетъ Аргенїда: у меня она слушать, и мнѣ вѣрить привыкнетъ. Часто, когда уже́ возрастетъ усердїе, весьма къ инымъ дѣламъ дѣйствительно бываетъ, нежели для которыхъ оно началось.

20.

Когда Архомбротъ, такое предпрїявъ намѣренїе, успокоилъ противящїйся духъ; то къ Мелеандру возвратился, гдѣ къ печали новаго негодованїя явнѣйшею причиною былъ приведенъ. Ибо Клеобулъ присовѣтовалъ Царю, чтобъ дары, которыи пошлются къ Полїарху, бутто отъ Аргенїды были. Она

не

не имѣетъ участія въ дѣлѣ, говорилъ, которое выгнало его изъ Сіциліи: но попеченіе о государствѣ, по васъ, до нея принадлежитъ. Сверьхъ того, онъ догадается, что подъ ея прозьбою ваша утаена: и можетъ быть, что онъ намъ не столько будетъ склоненъ; однакожъ подлинно не имѣетъ нимало противиться Царевнѣ. Мелеандръ превесьма похваливъ его совѣтъ: теперь, говорилъ, осталось, чтобъ подарокъ, и человѣка для отвезенія его выбрать. Тімонідъ храбрый юноша былъ, и вѣрности къ Поліарху извѣсныя, котораго тотчасъ, по Аргенідину представленію, къ сему тайному посольству Царь опредѣлилъ. Положивши сіе такъ, ужé какой бы послать даръ, между собою рассуждали. По случаю, купецъ нѣкоторый изъ Сіріи, Індійскіи и Аравійскіи тавары, по большой чáсти бесполезную тщеславнымъ народамъ роскошь, тогда въ Сіцілію привезъ. Между прочими было зарукавье шелковое и тканое, которое все разными драгоценными камнями, цвѣтъ къ цвѣту прибранными, такъ было вынизано, что нѣсколько на немъ звѣрей или бѣгство изображали, или ярость, за которыми тутъ съ стрѣлами охотники гнались, а индѣ принимали

ихъ на ко́пья. Цена алмазнымъ вещамъ и работѣ превеликая была, для того что въ пятдесятъ талантовъ поставлена. Многіи изъ Сіцилїанъ оное видѣли: а больше было такихъ, кои слышали ему прославленіе, здѣланное не бесславнаго Піита трудами, котораго своимъ оно блистаніемъ къ сочиненію сихъ слѣдующихъ стіховъ привело.

Вы скажите брега́ пограничны всходящаго Феба,
Коль изъ вашихъ водъ богъ сей прекрасенъ встаетъ!
Онъ зеленитъ когда Смарагды лучами отъ неба;
Схожїй съ своимъ или блескъ Адаманту даетъ;
Онїхъ дабы блѣднѣлъ; Іаспїсъ чтобъ былъ разноличенъ;
Червчетый иль Карбункль имябъ имѣлъ отъ огня:
Былъ бы тотъ синь, тотъ горючь, тотъ съ зависнымъ золотомъ сличенъ,
Равно какъ кругъ свой троитъ радуга тучи гоня.
Камни однакожъ тѣ всѣ въ одной странѣ не родятся:
Щастїемъ коябъ земля толь превосходна была?
Гангесъ сими богатъ, а другїи въ Гїдаспїсѣ зрятся;
Раковина въ Чермномъ морѣ жемчужна свѣтла́.
Всѣ въ зарукавьѣ блестятъ; и одно то равно со всѣми:
Весь положенъ востокъ самъ свѣтозарный на немъ.
Боги! колика цена зарукавью съ богатствами тѣми!
Чьюжъ удостоитъ собой руку въ изяществѣ семъ?
О! какъ играетъ лучъ въ каменьяхъ твердыхъ изрядный!
Лицажъ охотничьи коль сложены живо изъ нихъ!
Стрѣлы богаты здѣсь, и елень убѣгаетъ нарядный;
Зрится и левъ надменъ также въ богатствахъ своихъ.
Что за художникъ ткалъ и низалъ зарукавье надиво?
Іовїшевы руки свѣтлость достойна весьма!
И прервнивая симъ утолилась бы даннымъ въ даръ чиво,
Коль ни богата всѣмъ горда Юнона сама́.
Ты же, правдаль тебѣ, превеликихъ дѣлъ славаль чеснѣйша,

О' на рукѣ кто вещь будешь толику носить:
Сердцемъ драгости всѣ превышай, да честь ихъ малѣйша
Мнится, камню тебѣбъ Пїррїну ниже не быть.

21.

Аргенїда, и Клеобулъ съ Мелеандромъ рассудили, что то зарукавье имѣетъ быть прилично въ даръ Поліарху: ибо оно величиною своею себя не оказывало, а дѣло оное тайно отправлялось. Ежелибъ оружїе, илибъ коней къ нему послать; тобъ сего отъ непрїятельскихъ глазъ утаить было не возможно. Сверьхъ того, сїе украшенїе во многихъ странахъ не больше женское, сколько и мужеское было. Итакъ, весьма благопристойно, что оное отъ женскаго пóла подарено будетъ мужескому. Царь, прежде того времени, когда оно отъ купца было принесено, понеже важнѣйшїя попеченїя имѣлъ, почитай ни зá-что его ставилъ: однако оно у Эрїстена лежало, какъ у главнаго надъ казенными палатами; и приказано ему рассмотрѣть, вѣрностїю и оценкою художниковъ, надлежалоль бы его толь дорого купить для Государя. Но тогда, чтобъ никто не дивился, что оное такъ скоро покупается, Царь шахматъ потребовалъ; а играя съ Аргенїдою, и нарочно проигрався, будто

за проигрышъ въ заплату оное ей пожаловалъ. Чегоради Эрістена призываетъ, и велитъ ему, чтобъ онъ, какъ можно дешевлѣ, для Аргеніды его сторговалъ, и купилъ. Эрістенъ, или по своей прилѣжности, или для того, что еще Фортуна не была добра къ Мелеандру, догадался уже́, что отправляется къ Поліарху нарочный. Думали, что отъ его жены здѣлался поводъ къ подозрѣнію; которая, понеже часто была вмѣстѣ съ Аргенідою и Селеніссою, многажды съ стороны́ слова́ объ Арсідѣ примѣтить могла. Хитрая женщина, и на́-мужа своего совершенно походила нравомъ. Но по́слѣ какъ Царь зарукавье, въ такую скудость казны, повелѣлъ купить; то толикое онъ воспріялъ подозрѣніе, что тотчасъ къ Лікогену отписалъ, а именно, что онъ Эрістенъ опасается, дабы тѣмъ подаркомъ не упрошенъ былъ Поліархъ, и сюдабъ не возвратился. Но Лікогенъ, на лютость всякаго злодѣйства скоръ будучи, къ чему побудилъ его также и Олоодемъ, [ибо сей тогда по случаю у него былъ] въ такой наибольше силѣ ему отвѣтствовалъ письмомъ же, что никакому не можно лучшему найтись средству, какъ чтобъ зарукавье, понеже оно у Эрістена на-

ходилось

ходилось въ рукахъ, ядомъ напоить. Ежели его Поліархъ получитъ; то бессомнѣнія на́-руку надѣть имѣетъ: а зараза жаромъ носящаго и до внутренностей проникнетъ. будежъ Царь пожалуетъ его Аргенідѣ; то со временемъ о томъ можно увѣдомиться. Ибо ядъ не толь скоро былъ смертоносенъ, чтобъ вредилъ и прикоснувшимся только. Тогоради, могутъ они охранить, и сказать, нашедъ нѣкоторый предлогъ, о скрытомъ напоеніи; и тѣмъ великую могутъ получить славу вѣрности, взведши злодѣйство на купца. Отрава у Эрістена была въ домѣ, которую онъ растворилъ превесьма злую на истребленіе непріятелей. Эфіряне, какъ раствореніемъ яда подаемаго въ сосудахъ, такъ и въ напоеніи стрѣлъ онымъ же славнѣйшіи, когда туда прибыли, и селились, также и строили городъ Сіракузы; то по сему, въ тѣ древнія времена, бесчеснѣйшія хитрости искусству, нѣкоторыхъ Сіціліанъ научили. Сею заразою была попытка и на Мелеандра: но вѣрныхъ своихъ попеченіемъ понынѣ спасенъ отъ оныя, которыи пищу Царскую и одежду съ крайнимъ стараніемъ охраняли. Впрочемъ, толикая яда того была лютость, что не токмо онъ прикушаный

убивалъ, но и чрезъ долговременное къ нему прикосновеніе проѣдался сквозь кожу, которую жаръ растворитъ. Эрістенъ къ растворенію яда сего никого не употребилъ; но самъ смѣшавъ оный, во внутреннюю часть зарукавья впустилъ, которая очень была мяхка для шелковыя подклатки, потому что надлежало его на рукѣ носить: а когда рассудилъ, что сила сока довольно туда впилась; то въ ящичкѣ приноситъ его къ Царю, который не зная о толь ужасномъ злодѣйствѣ, и какъ всѣ, кромѣ Аргеніды, отлучились, то призвавъ тайно Тімоніда, приказываетъ ему ту показать вѣрность, которыя онъ найденъ достоинъ. Потомъ сказалъ ему на какую онъ службу выбранъ; и вручаетъ письмо къ Арсідѣ, своеручно написанное въ слѣдующемъ содержаніи: Тімоніда, котораго вы, Арсіда, видите, я къ вамъ послалъ. Воля моя въ семъ состоитъ, чтобъ вы такъ его во всемъ слушали, какъ бы я самъ вамъ изусно приказывалъ. Что онъ ни скажетъ, и что также ни здѣлаетъ; я все то подтвердить имѣю. Однако будьте увѣрены, что коль скоряе съ гостемъ возвратиться имѣете; толь вы пріятнѣйшій будете. Впрочемъ, здравствовать желаю.

Тогда Аргенида нарочно изъ-подъ полы ящичекъ выняла, и, сіе, говорила, зарукавье, дорогой Тімонідъ, извольте свезть къ Поліарху, и поднесите ему отъ меня; а притомъ вручите емужъ и сіе письмо, да сіе другое Арсідѣ. Потомъ отдаетъ Тімоніду письма; однако не тѣ, которыя она казала Мелеандру: ибо холодныя, и дружбы своея съ Поліархомъ недостойныя прочла она отцу, которыя при запечатываніи способно обмѣнила, приготовивши другія, кои она пристойныя взаимной любви написала. И понеже Тімонідина въ Італію пути утаить было не возможно; то, чтобъ укрывательствомъ не умножить подозрѣнія, началъ онъ при своихъ разглашать, по Царскому совѣту, что онъ Італію и Афріку видѣть, получилъ позволеніе отъ двора. Молодый человѣкъ былъ; и удачно случилось, что, прежде еще къ заморскому путешествію охоту имѣя, то свое желаніе сверстникамъ своимъ расславилъ.

22.

Но Эрістену, бодрствующему въ коварствахъ, много вѣдомаго, а все было подозрительно. Тогоради, догады-

ваясь, что тотъ отправится къ Поліарху; то, чтобъ ему довѣдаться о томъ достовѣрно, такой вымыслилъ обманъ. Въ знакомцахъ у него былъ нѣкоторый молодчикъ, который, понеже недавно изъ деревни пріѣхалъ, нé-былъ еще знаемъ при дворѣ. Однако усмотрѣлъ, что онъ былъ хитръ, и повелѣнное прилѣжно исполнялъ. Сему Эрістенъ приказываетъ отъѣжжающаго Тімоніда догнать рѣзво на лошади: потóмъ притвориться, что будто онъ отъ Царя посланъ; да и чтобъ онъ не однократно тому подтвердилъ, дабы никому изъ Сіциліанъ о зарукавьѣ отнюдъ не проговорился. Когдажъ будешь говорить ему, приказывалъ Эрістенъ; то прилѣжно слушающаго лице наблюдай. буде тотъ скажетъ, что добро, или покажется быть въ недоумѣніи; то, какъ довольный приказъ отдавши, тотчасъ отъ него прочъ поскачи. Но ежели чего ты хочешь, онъ не будетъ знать, что лехко усмотрѣть можешь; то, какъ ему имя, будто не вѣдаешь, спроси. Когда онъ назоветъ себя Тімонідомъ; тогда ты проси у него прощенія въ ошибкѣ, длятого что тебѣ другой человѣкъ надобенъ. А оттуду, ежели можно, такъ отъѣжжай, чтобъ онъ не зналъ по ка-

кой

кой ты дорогѣ поѣхалъ. Еслижъ, понеже ты ему незнаемъ, остановится, и кто ты, станетъ спрашивать; то скажись, что ты изъ свойственниковъ Селеніссиныхъ, не давно принятъ ко двору; а именемъ, какое тебѣ тогда вдругъ вздумается, себя назови. Сей, со всякимъ раденіемъ повелѣнное исполняя, какъ не погрѣшилъ въ хитрости, такъ и благополучный въ томъ успѣхъ получилъ. Ибо Тімонідъ, когда услышалъ о зарукавьѣ, о которомъ зналъ, что коль оно было тайною вещію; то дѣтину того за подозрительнаго не принялъ: тогоради, велѣлъ ему назадъ ѣхать, и Царю донесть, что все въ безопасности находится. Довольно ужé ему о томъ тайныхъ было приказовъ.

23.

Такимъ образомъ обманувши Тімоніда, когда ужé стало извѣсно о Царскомъ намѣреніи; то Эрістенъ о всемъ немедлѣнно отписалъ къ Лікогену: особливожъ длятого, чтобъ у него, хотябъ онъ Тімоніда уловить коварствомъ хотѣлъ, илибъ что иное дѣлать рассуждалъ, время ко всему тому не ушло. Долго Лікогенъ думалъ, не зная что

дѣлать, длятого что онъ Царя, не нерадиваго ужé, но подобнымъ же образомъ предпрїемлющаго противъ нихъ самихъ намѣренїя, опаснѣе презиралъ: напослѣдокъ новымъ злодѣйствомъ изобрѣлъ вымыслъ, которымъ бы ему Царя привесть въ ненависть за злодѣянїе отъ себя въ дѣло произведенное. Тогоради, чегобъ никто никогда не подумалъ, самого Полїарха призывать къ союзу, и къ нему писать симъ образомъ предпрїялъ. Государь мой! Сколько вы избранїемъ себѣ прїятелей погрѣшили; то все нынѣшнїй день откроетъ. Правда, вы меня, какъ нé-друга, гонили; однако весьма пристойнѣе было, чтобъ вамъ Мелеандра не больше надлежащаго другомъ почитать. Но оставляю прошедшее. Ибо какъ въ томъ бесчеловѣчїе, чтобъ васъ обвинять; такъ и я не въ такомъ состоянїи, дабы мнѣ себя всячески извинять предъ вами. Я хочу, чтобъ лучше вамъ познать отъ моихъ благодѣянїй, нежели отъ словъ, который изъ насъ, во время прошедшаго раздора, грѣшилъ. Мелеандръ боясь, что вы, за изгнанїе васъ будучи раздражены, имѣете мстить, бездѣльную хитрость предвоспрїялъ, и зделался изъ Царя ядотворцемъ: зарукавье, смертоноснымъ напоенное сокомъ,

комъ, буттобъ въ признаніе раскаянія своего, и какъ въ воздаяніе за обиду, къ вамъ онъ послалъ. Извольте прилѣжно храниться, и онаго на себѣ не носить: ибо смерть нá-руку имѣете надѣть, а не зарукавье. Я не прошу, чтобъ вы, не здѣлавъ прежде опыта, мнѣ въ томъ повѣрили. Чегоради, ежели имѣете осужденнаго раба; или милостивѣе, если хотите умертвить какой скотъ, или какóва пса: то къ голой его кожѣ сей даръ извольте привязать. буде оный въ четыре дня не издохнетъ; то я самъ недостоинъ жизни. Еслижъ угодно вамъ будетъ; то лучше того самого смертоноснаго дара вручителя, того Тімоніда силою принудить, чтобъ онъ самъ смерть на себя облекъ, которую вамъ, будучи о ней свѣдомъ, поднесетъ. Я пожелалъ, чтобъ о семъ тайномъ ухищреніи, о которомъ я съ великимъ довѣдался трудомъ, знать вамъ чрезъ меня: особливожъ длятого, дабы вы, толикаго достоинства юноша, толь мерсскою не скончались смертію, или, чтобъ всеконечно подъ моимъ именемъ не погибли. Ибо кто изъ непріятелей не имѣетъ разглашать, что вы мною, а не Мелеандромъ потреблены? Впрочемъ, какъ вамъ угодно, такъ

мнѣ

мнѣ за сїе благодарите. Ежели противникомъ быть не престанете; то имѣю, чемъ вамъ мстить всенародно. Оружїе, намѣренія, силы, и все въ готовности. боговъ въ предпрїятїи предводителей имѣю. будежъ вамъ, открытое Мелеандрово вѣрности нарушенїе, лучшїй подастъ смыслъ, и рассудите за благо соединенными со мною силами отмщевать за обиду: то увѣряю, что вы ни братнїя любви, и понеже въ такихъ уже я лѣтахъ, ни отцовскія себѣ милости, при моей жизни, не будете лишены. За симъ, здравія желаю, Лїкогенъ.

24.

Толикїя продерзости письмо, извѣсныя вѣрности рабу отдаетъ, приказавъ сїе, а именно, чтобъ онъ, расположивши свой путь, явился Полїарху по прошествїи осми дней отъ того, какъ увѣдомится, что Тїмонїдъ уже туда прибылъ. Сїе не трудно ему здѣлать: ибо въ Мессанѣ, или въ Регїи, на пристани, или въ городѣ, буттобъ за чемъ онъ за инымъ былъ, о прибытїи Тїмонїдовомъ можно спросить. Причина беззаконныя сея хитрости слѣ-

дующая

дующая была, тоесть, чтобъ цѣлыи осмь дней прошли, чрезъ которыи надлежалобъ зараженное тканїе носить на себѣ Полїарху, и тѣмъ бы ему быть истреблену. Ибо, ежели по смерти его сїе письмо прибудетъ; то не весьмаль превеликая ненависть здѣлается на Мелеандра? будежъ, по случаю, Полїархъ толь долго удержится, и не надѣнетъ зарукавья: то какъ по премногу Лїкогену одолженъ быть имѣетъ, отъ блискїя напасти остерегающему; такъ и на Мелеандра жестоко распалится, котораго толикая прилика, хотя и ложнымъ видомъ, имѣлабъ изобличить. Дерзалъ же онъ Царя хульными порицать словами длятого, что сїе письмо едва могло вручено быть Полїарху прежде того времени, къ которому отъ собщниковъ назначена была явная измѣна.

V.

25.

Но Мелеандръ, отпустивъ Тїмонїда, всячески о томъ старался, чтобъ съ Лїкогеномъ Олоодема къ себѣ приманить: тогоради обоихъ письмами призываетъ.

зываетъ. Лїкогенъ, понеже еще не все готово было къ отступству, намѣрился послушаться, и нѣсколько токмо дней пробыть у Царя. Но Олоодемъ, получивъ отъ Царя письмо, не прежде ко двору, да къ Лїкогену отправился. Тамъ увидѣвшимся другъ съ другомъ, подозрительно имъ то стало, что обоихъ зоветъ Мелеандръ. Ежели что онъ жестокое готовитъ; то способнѣе дерзнуть имѣетъ здѣлать съ обоими, нежели съ однимъ. Сего не могло быть безопаснѣе, какъ чтобъ Лїкогену слабостїю своего здоровья отговориться отъ прибытїя къ Царю; а Олоодему, для вывѣданїя намѣренїй, ѣхать ко двору. Итакъ, когда сей отъ Лїкогена поѣхавъ прибылъ въ Эпеїркту; то, по отданїи Мелеандру нижайшаго своего поклона, въ тотъ вечеръ къ ужинѣ прїобщенъ былъ. Вручилъ также и письмо Царю отъ Лїкогена, которымъ тотъ себя извинялъ, потому что болѣзнь его была весьма тяшкая, и воздуха не терпящая. Царь хотя совершенно зналъ, что болѣзнь сїя нарочно вымышлена; однако съ равнымъ же притворствомъ много о родѣ нѣмощи его спрашивалъ. Потóмъ, какъ ужина окончалась, Клеобула, Эврїмеда, и Архомброта къ себѣ призываетъ,

етъ, и спрашиваетъ, что дѣлать съ Лікогеномъ, который прибыть не восхотѣлъ; также и что съ Олоодемомъ и Эрістеномъ, кои съ такимъ же надѣяніемъ, съ какимъ тотъ презрѣлъ повелѣніе, присутствовать для дѣланія вреда не убоялись. Архомбротъ и Эврімедъ рассуждали, что еще надобно было удержаться; а къ Лікогену ещежъ другимъ обманомъ попытаться: ибо пока онъ самъ свободенъ; то тщетно поступлено будетъ съ прочими жестоко. Но Клеобулъ: моежъ мнѣніе есть, говорилъ, что попадшіяся намъ въ ру́ки добычи не надлежитъ опускать. Не думаетель вы, чтобъ Лікогенъ, ежелибъ о предпріятомъ злодѣйствѣ не́-былъ совѣстенъ, толь суетною не́мощи лжею могъ Царя обманывать? Боги да дарують лучшее! Но сколько я самъ примѣчаю, и познаваю вѣрныхъ людей увѣдомленіемъ; то и сіи сами тайно уйдутъ, и мы его воруженнаго увидимъ. Извольтежъ послушать моего совѣта. Чтобъ Царь Лікогена паки письмомъ позвалъ. Отговорку его всеконечно за измѣну поче́сть должно. Между тѣмъ, Олоодема и Эрістена вѣрными людьми полезно будетъ такъ не спускать съ глазъ, чтобъ они не почувствовали быть себя держи-

мыхъ, и что они уже́ въ рукахъ. Когда имѣетъ быть достовѣрно, что Лікогенъ всеконечно не будетъ; то съ ними по силѣ уставовъ поступить надобно. Много у Лікогена силъ убудетъ, ежели толикаго богатства, и толь многаго знакомства вельможи погибнутъ. Сверьхъ того, за жестокостію сею во многихъ сердцахъ почтеніе къ Государю, и страхъ казни, преполезною перемѣною послѣдовать имѣетъ. Показалось всѣмъ, что преизрядно совѣтовалъ Клеобулъ: а въ силу сего рассужденія, Царь спустивъ три дни, къ Лікогену писалъ, и придавъ къ ласкѣ повелѣніе, быть ему къ себѣ указалъ. Тотъ отчасу больше наполняясь подозрѣніемъ, не токмо не послушался; но и чрезъ нарочныхъ началъ побуждать Олоодема и Эрістена, чтобъ они отъ двора уѣхали: ибо благосклонность Царская весьма опасна: а ктомужъ, явныя силы дѣло требовало, для того что опредѣленное время на войну приближалось. Ни который изъ нихъ не презрѣлъ догадки Лікогеновы. Но ни Клеобулова тщанія они не обманули, которому двое изъ Эрістеновыхъ челядинцовъ, за долго прежде деньгами и обѣщаніями подкупленныи, о многомъ, до дѣлъ господина своего касающемся;

щемся, чрезъ взаимную пересылку часто вѣдомость подавали. Тогда онъ чрезъ ихъ довѣдался, что приготовлены при Эпеірктѣ лошади, на которыхъ бы Эрістену ночью уѣхать. Обрадовался Царь, что тайный ихъ уходъ имѣетъ быть прибавленіемъ къ ихъ преступленіямъ, и для того приказалъ Архомброту, чтобъ онъ ихъ, въ са́момъ поимавъ злодѣйствѣ, силою къ нему привлекъ. Сей тотчасъ исполняя повелѣніе, радѣтельно все что надобно было, а особливо по совѣту Эврімедову, изготовилъ. Достовѣрно можно было уповать, что они съ немногими побѣгутъ, дабы смятеніемъ не изъявить бѣгства. Тогоради не больше десяти человѣкъ военныхъ людей взялъ съ собою Архомбротъ, и тѣхъ еще Гішпанцовъ, чтобъ какъ сро́дствомъ языка, такъ и прилипчивостію бунта не могли они соединиться съ вельможами, на которыхъ тогда воружались. Всѣжъ тѣ по одному за за́мокъ, какъ Архомбротъ приказалъ, безъ подозрѣнія выбрались. Пото́мъ и самъ онъ слѣдовалъ за ними; и во всякой готовности находящихся, немного подалѣ отъ доро́ги, подъ ветхимъ и пристойнымъ строеніемъ, поставилъ тамъ, гдѣ неминуемо изъ дворца надлежало мимо ѣхать.

Недолго еще онъ пробылъ въ семъ отрядѣ, какъ Олоодема и Эрїстена отъ свѣта луннаго узналъ, за которымъ всего только три человѣка слугъ слѣдовали; а сами они съ поспѣшенїемъ и потупившись бѣжали. Тогоради къ нимъ, съ десяткомъ своимъ военныхъ людей, на встрѣчу выступилъ: и, куда вы, говорилъ, Олоодемъ? Куда и вы Эрїстенъ? Поистиннѣ, преступническая сїя есть поступка. Длячего ночью? Длячего оба вмѣстѣ? Длячего безъ Царскаго вѣдома уѣхать хотите? Какая причина, что слугъ и прїятелей при васъ мало находится? Тѣ одеревѣнѣли, будучи поиманы. Но онъ ихъ подхвативъ, и еще отъ нечаяннаго страха съ собою не собравшихся, привезъ назадъ. Потомъ отданы они тремъ обыкновеннымъ губнымъ старостамъ, которыибъ ихъ въ темницу заключили. Бѣжанїя ихъ ясныи были знаки: ибо кони недалеко готовы стояли и съ проводниками; а подъ городскою одеждою дорожное надѣто было платье.

26.

По сей причинѣ, крайнее во всѣхъ было смятенїе: а надругой день, когда о томъ сказано Іббуррану и Дуналбїю

[кото-

[которыи тогда по случаю къ Аполлінову храму, недалеко отъ Панорма, отѣхавши для Антенорія Настоятеля въ капищѣ, пріятнѣйшаго обхожденія мужа, долѣе обыкновеннаго тамъ пребывали]; то они безъ всякаго замедлѣнія поспѣшными четвернями къ Царю возвратились. Сей обнявъ приходящихъ, по́слѣжъ какъ все дѣло расказалъ имъ порядкомъ, ежели меня боги любятъ, говорилъ, надъ обоими сими образецъ я хочу здѣлать. По крайней мѣрѣ сіи не могли меня презирать безъ отмщенія. На упрямство беззаконниковъ я не смотрю ни мало, которыи мнѣ подметными пи́сьмами грозить дерзаютъ. Ибо вотъ коль превеликія продерзости листъ, нѣкто изъ моихъ спальниковъ при са́мыхъ дверяхъ сего дня поутру поднялъ. Принявъ ту бумагу Дуналбій, [а Царь тогда къ другимъ отшелъ] отъ чтенія слѣдующихъ стіховъ съ Іббурраномъ совокупно въ превеликій пришелъ ужасъ.

Отдай мужей: почто тіранствуешь толь злосно,
Плѣняя безъ войны коварно и поносно?
Толикихъ ли особъ дерзнулъ ты въ то привесть,
Чтобъ ужъ сквернить твоей темницѣ оныхъ честь?
Отдай мужей: тебѣ порфіра, власть престольна,
И также скипетръ твой, защита не довольна:
Мы слѣпо, весь народъ, какъ буйный валъ течемъ,

Воздвигшись на тебя съ отмстительнымъ мечемъ.
А рушились бы съ мѣстъ и горы наши сами,
Тебябъ имъ одного вдругъ завалить буграми:
Но должный гнѣву ты жестокому всѣхъ насъ,
Такъ здѣсь пострaждешь самъ, какъ помертвѣлъ тотчасъ
Не ўзнанный Пентей, увидѣвъ что своими
На чáсти рвaнъ тамъ былъ Бакхантами троими;
И бѣдно умерщвленъ отъ злобства ихъ того;
А трупъ разметанъ весь растерзанный его
Чтожъ твой пожаромъ домъ презѣльнымъ не пылаетъ,
И въ пепелъ своемъ еще не упадаетъ;
То ты не мни себѣ, что гнѣвъ нашъ утоленъ,
Но, коихъ держишь злый, для нихъ не распаленъ:
Они твой рокъ, пока животъ ихъ здравъ хранится,
Пота жизнь и въ тебѣ съ дыханїемъ продлится:
Та сына мать спастú ужъ больше не могла,
Полѣно рока что въ неистовствѣ сожгла.
Себѣ ты если милъ; храни ихъ какъ залоги:
Но лучше, буде умъ хотятъ тебѣ дать Боги,
Отдай мужей: и тѣмъ къ народу преклонись,
О мирѣ упросить чрезъ сей же даръ потщись.

27.

Въ сихъ движенїяхъ дворъ пребывалъ: но Тїмонїдъ на пути въ другихъ смятенїяхъ обращался. Дорóга его такая, и слѣдующее щастїе было. Отправившись отъ Царя, чрезъ три-дни онъ въ своей деревнѣ по неволѣ пробылъ для предзнаменованїй, которыхъ прорицатель въ кратчайшее время изобрѣсть не возмогъ. Оттуду въ Мессану къ Арсїдиной супругѣ прибылъ. Прежестокая буря тогда

тогда море волновала; а во́ды и вѣтры, въ началѣ весны, сами собою подъимались. Никто не дерзнулъ чрезъ четыре дня отъ пристани отвалить. Между тѣмъ разбивались суда, для того что во́лны одно съ другимъ сражая ихъ ламали, или также выкинутыя на пескѣ они лежали. Тімонідъ, которое судно са́мое цѣлое отъ оныя бури осталось, то немедлѣнно исправить приказалъ, и отвалилъ о́тъ-берега, когда еще не весьма море утихло. Никого, кромѣ своихъ, не посадилъ онъ на́-судно, и былъ уже́ по срединѣ мо́ря. Тогда попалось предъ глаза́ недавнаго потопленія неблагополучное мореплавателямъ зрѣлище. Видимъ былъ корабль съ греблею, вшедшею въ него водою придавлѐнный; однако щегла его сверьхъ воды́ стояла: ибо не опровергнувшись на́-бокъ, но прямо на дно оный сѣлъ. А сіе всего гореснѣйшее было, что стоялъ на райнѣ пловецъ спасшійся отъ потопленія, поблѣднѣлое и помертвѣлое лице имѣя, кромѣ токмо что отъ вѣтра зачернѣлое. Сей рукою и движеніями [ибо во́лны голосъ заглушали своимъ шумомъ] просилъ, чтобъ его выхватить изъ челюстей смерти; да и лехко всѣхъ онъ къ жалости преклонилъ. Того

ради, нѣсколько человѣкъ изъ плавателей кинулись въ ладейку: а когда онъ по щеглѣ на низъ спустился; то они его почитай окостенѣлаго приняли, и привезли къ Тїмонїду. Тамъ лишившись силы, которую прежде превеликїй страхъ напряженну въ немъ содержалъ, полумертвъ на палубахъ судна долго лежалъ, пока виннымъ крѣпкимъ духомъ ужé возбужденный, и по повелѣнїю Тїмонїдову сказывать о себѣ, кто онъ есть, и куда плывущаго его оное постигло нещастїе, слѣдующимъ образомъ нáчалъ: отечество мое есть городъ Регїй; а питаюсь отъ мореплаванїя. Нынѣ въ Галлїю путь мой былъ, куда преизряднаго господина поставить я нанялся. Я видѣлъ, что море было грозящее бурями: ибо по небу небольшїй вѣтръ, но непостоянный, носился; да и воздухъ становился пасмурнѣе. Того ради, отъ пристани отвалить я не хотѣлъ. Но когда не однократно повелѣваемо мнѣ было, и я пустился въ море; то сперва вѣтерки между собою сражающїися насъ съ противныхъ сторонъ подхватили, и носили по противнымъ же волненїямъ: потóмъ всѣ совокупно оставили обманувшееся судно. Я, при толь внезапной тишинѣ, больше, нежели надлежало,

страха

страха имѣя, на́чалъ таварыщевъ просить, чтобъ они преодолѣли ве́слами лѣность мо́ря: понеже тишинѣ сей близкое зло послѣдовать имѣло. Того ради въ Сіцілію, которую въ близости отъ насъ случай намъ подалъ, суднобъ они поставили. Но тотъ, который насъ нанялъ, говорилъ, что ему не угодна Сіцілія: напослѣдокъ, и мечъ онъ обнажилъ, грозя отсѣчь тому руку, кто первый къ той сторонѣ на́чалъ бы править. Между симъ медлѣніемъ, день прошелъ; и тотчасъ луна огненными рогами вѣтръ подняла. Тогда не по степенямъ, какъ обычайно, буря встала; но внезапу помутившійся воздухъ такъ взволновалъ море, что съ са́маго нача́ла весь у меня отнялъ промыслъ. Качались не зная, что съ нами здѣлаетъ вѣтръ, на́-бокъ противными вихрями ло́мящій. Въ сей бѣдѣ препроводили мы ночь; а день еще печальнѣйшее намъ принесъ: тогда мы во́лосы у себя остригаемъ, исполняя безъ пользы законный обрядъ. Вотъ же внезапу на пагубные попали мы мѣли; нанесла песку сила бури, и носъ остановила. Разбивалось уже́ дно; а мы всякими мѣрами по ве́сламъ и шестамъ всѣ шли на́-корму: тогда оный господинъ, у котораго я нанялся, съ

отпущенникомъ своúмъ, и съ двумя, которыи близко его нашлись, мореходцами въ ладейку слѣзъ, и отсѣкши канатъ, въ непреминуемое потопленіе пустился. Подхваченныхъ вихрями невозможно было долго провождать глазами: мѣшали вóлны, которые между нами были: да и нé-было намъ самимъ погибающимъ времени, сожалѣть о чужомъ нещастіи. Ибо раструтившееся у нашего судна дно, отворило водѣ путь, которая во всѣ щели сильно втекала. О! боги: какой поднялся тогда вой! Коль смертоносный у погибающихъ вопль, когда опускающееся судно моремъ покрылось! Я ухожу на щеглу: Ухожу, О! бѣдный, на малое тоесть время отъ смерти избавляясь, пока судно нá-бокъ не опрокинется, и щегла тудажъ. Но паче чаянія боги споспѣшествовали: ибо окружившись пескомъ такъ, бутто на основаніи, остановилось судно, что меня невредна оная соблюла щегла, которая нынѣ не безъ пользы поверьхъ воды́ стоитъ, а именно, показывая плавающимъ, чтобъ они заблаговременно отъ тѣхъ мѣлей удалялись. Двá-дни ужé прошло, какъ я плачевнымъ обнятіемъ дéрева за него держался, съ отчаянія особливо и съ

стужи почитай не́ - живъ: ибо какъ сонъ, такъ и пи́ща на память мнѣ не приходила. Когдажъ божеская умилостивившаяся сила вашу мнѣ по́мощь показала; то только что, обессилѣвшему въ рукахъ, не пришло опуститься въ море.

28.

Сіе расказывающаго всѣ слушали съ слезами. Но Тімонідъ глубочайшимъ попеченіемъ былъ пораженъ; тоесть, не принадлежалаль сія напасть до Поліарха. Ибо кто оный былъ господинъ, толь часто отъ пловца похваляемый? Изъ Італіи ѣхалъ; не хотѣлъ въ Сіцілію: обое сіе сходствовало съ Поліархомъ. Того ради оному мореходцу, тавaрыщевъ своихъ оплакивающему смерть, какъ они бились плавая, какъ, за высочайшіи камни схватившихся, жестокіи во́лны отхватывали, въ смущеніи рѣчь перебилъ: и, какое, говорилъ, тому господину, котораго ты везъ, имя было? Изъ Регіяль онъ житель, или и туда пріѣжжій? Тотъ отвѣтствовалъ, что онъ ничего больше не знаетъ, какъ только что Арсіда Сіціліанинъ, который пребогатые вотчины имѣетъ въ Регіи,

гіи, нанялъ судно, и отъѣжжающаго дру́га до пристани проводилъ. Одеревенѣлъ Тімонідъ! и закрывши голову, чтобъ ему свободнѣе было стенать, сшелъ въ тайнѣйшую часть судна; но гребцамъ повелѣлъ, хотя и благополучный былъ вѣтръ, всѣми силами помогать. Недолго по́слѣ того къ Регію присталъ; а спасшемуся плавателю слѣдовать за собою велѣлъ, и къ Арсідѣ отправился. Сей тогда по случаю въ полдень лежалъ на софѣ, разными мыслями умъ свой смущая въ незнаніи ближайшія горести. Но когда сказано о пришествіи дру́га; тотчасъ онъ вскочилъ, и выбѣжалъ его обнять: при чемъ радосныи привѣты и слова́ распространяющему, Тімонідъ воздыханіемъ только отвѣтствовалъ; и что, говорилъ, Государь мой, здѣлалось съ Поліархомъ? О! бѣдности нашея: или я больше и васъ самихъ знаю? Сіе сказавъ, плавателя ему представилъ, котораго увидѣвъ Арсіда, тотчасъ внезапнымъ страхомъ пагубное приключеніе въ умъ себѣ предвоспріялъ, и уже́ былъ блѣдняе самого Тімоніда, когда говорилъ: Господина, котораго я тебѣ поручилъ, О! ты мореходецъ, благополучно гдѣ нибудь высадилъ ли? Ибо въ намѣрен-

ную

ную Галлїю толь въ краткое время поспѣть не возможно. А сей : меня только одного спасшагося отъ потопленїя изволите видѣть : судно, товарыщевъ, путниковъ, все, лютая буря поглотила. Сїе услышавъ Арсїда, и въ превеликїй плачъ и рыданїе попускаясь, въ покои свои печалящихся ввелъ. Нé было времени, почитай жизни лишившемуся, спрашивать о порятке бѣдствїя; но съ Тїмонїдомъ въ тайномъ покойцѣ затворившись, только что лютый смертный конецъ, злое приключенїе, землю недостойную Полїарха, и другое въ гарячемъ и неистовомъ плачѣ воспоминалъ. Пóслѣ какъ ужé онъ много слезъ пролилъ; а Тїмонїдъ спросилъ, куда былъ оный Полїарховъ отъѣздъ? и, какїя ради причины предвоспрїялъ онъ пагубное намѣренїе моремъ ѣхать? то Арсїда отвѣтствовалъ, что городъ Регїй, для близости къ Сїцїлїи, подозрителенъ былъ Полїарху. Ибо не могъ онъ тутъ утаиться отъ Лїкогена; да и весьма способно съ противнаго бéрега могли быть присланы убїйцы. Тогоради, въ Галлїю онъ отъѣхать намѣрился, въ отечество свое, какъ я думаю: откуду къ намъ вскорѣ хотѣлъ возвратиться. Но однако позавидовала судьба,

чтобъ

чтобъ человѣческій родъ, толь блискимъ къ богамъ мужемъ, болѣе не могъ величаться.

29.

Но Тімонідъ, о Мелеандровомъ къ Поліарху усердіи съ рыданіемъ предлагая, письмо Арсідѣ вручаетъ, и зарукавье показываетъ изъ ящичка вынятое, оный бесполезный Аргенідинъ подарокъ. Работѣ и богатству удивляться не допускала горесть. Весь тотъ вечеръ въ слезахъ отъ нихъ препровожденъ; и оба они намѣрились къ Мелеандру возвратиться, длятого особливо, чтобъ какъ онъ уже́ ничего не надѣялся о Поліархѣ, такъ и имъ бы самимъ не отсутствовать въ са́мыя нужныя времена Царю. Догадывались они, что уже́ конечно вся Сіцілія въ крайнемъ смятеніи находится. Тогоради, такъ они путь свой, вкругъ обѣжжая плаваніемъ, управляли, чтобъ имъ всеконечно при Эпеірктѣ наземлю сойти. Разныи, какъ обыкновенно весною, вѣтры, и неспокойныи были: напослѣдокъ, въ седьмый день увидѣли они Эпеіркту. Но чемъ ближе приплывали къ берегу; тѣмъ гореснѣйшіе слёзы бѣдныи проливали. Желалибъ они, чтобъ отдалилась земля, всѣми

силами гребцовъ взыскуемая. Ибо какими устами толикое злоключенїе возвѣстить имѣютъ? Или кто ихъ не почтетъ за такихъ, которыи нещастїе съ собою принесли? Особливожъ Арсїду не одна сїя, которая Тїмонїду была извѣсна, сокрушала горесть. Нестолько ему болѣзненно было о Мелеандрѣ, сколько объ Аргенїдѣ: можетъ ли онъ ея видѣть умирающую; и, что еще зляе, оную плачевнымъ словомъ убить? Съ какимъ негодованїемъ будетъ она выговаривать, что, отъ Тїмоклеи между непрїятелями благополучно сохраненнаго, онъ на потопленїе отпустилъ? Чего ради отъѣжжать, или чего ради одному ему отъѣхать попустилъ, толь прилѣжно препорученному? О семъ и подобномъ рассуждающему, са́мымъ малымъ ему то казалось, что за вѣрность и за трудъ воздаянїя онъ лишился: боялся наипаче Царевнина гнѣва, которыя по очамъ усмотрѣть онъ имѣетъ, должноль ему больше жить на свѣтѣ. Не можно ея было ни укрывательствомъ провесть, ни медлѣнїемъ успокоить. Ибо что такое быть моглобъ, которое тотчасъ не дошлобъ до ушей Аргенїдиныхъ, о чемъ Мелеандру вѣдать было надобно? Хотяжъ бы онъ

самъ

самъ и молчать сталъ, также и Царю не донесъ печальныя вѣдомости; но что Тїмонїдъ, какъ немогущій содержать молчанїя, такъ и рѣчей за собою отъ превеликїя горести? Чтожъ еще и обоихъ ихъ слуги, которыи поспѣшить имѣютъ, толикїя пагубы новостїю, многихъ себѣ сыскать вопрошателей.

VI.

30.

Въ семъ размышленій его мракѣ, судно къ бéрегу приставшее смущенныхъ отдало ихъ Сїцїлїи. Прежде всего, знакомцамъ своимъ и рабамъ приказываютъ, чтобъ они ничего въ народъ не разглашали, пока они сами не побываютъ у Царя. Тотчасъ восшедши по оной дорожкѣ, которая къ городу вела, пришли во дворецъ; и тамъ [О! судебъ удивительнаго сплетенїя.] всѣхъ прежде Геланора видятъ, который былъ съ двумя Сїцїлїанами, и во всѣ стóроны съ радоснымъ лицемъ прохаживался. Напередъ его Арсїда увидѣлъ, и къ томужъ зрѣнїю Тїмонїда, схвативши его за одежду, самъ не имѣя силъ выговорить,

ворить,

ворить, но рукою только указывая, привлекалъ. Тотчасъ отдохнувши: не чудовищаль насъ обманываютъ, говорилъ? Какое сіе всѣхъ вещей дивное замѣшаніе? Не сей ли есть Геланоръ, отпущеникъ Поліарховъ, которому всеконечно въ потопленіи таварищемъ быть надлежало? Кой его Меркурій извлекъ, и съ живыми поставилъ? Деревенѣлъ Тімонідъ: и ничего Арсідѣ не сказавъ, побѣжалъ къ Геланору, который и самъ, увидѣвъ друговъ, на встрѣчу къ нимъ поспѣшалъ. Но сіи, пребывая безгласны въ изумленіи, только что смотрѣли на него. Напослѣдокъ съ стенаніемъ Арсіда выговорилъ: здраваголь васъ я вижу, Геланоръ? или вы тѣнь, ищущая себѣ, и утопшему господину пустаго гробища? Геланоръ проситъ ихъ отложить сей страхъ: ибо здравствуетъ спасенный отъ волнъ и морскихъ разбойниковъ Поліархъ. Отъ него самого онъ присланъ къ Царю, и только что вчера прибылъ въ Эпеіркту. Съ превеликимъ вожделѣніемъ начали они о всемъ подробно его спрашивать, а именно, что за приключеніе съ ними здѣлалось? какъ они спаслись, и какъ сохранило ихъ сердитое море, разбивши судно? Но Мелеандръ повѣствованіе

пресѣкъ,

пресѣкъ, который изъ окна́ ихъ увидѣлъ, и велѣлъ къ себѣ призвать, для того что, отъ другаго чуда пребывая въ недоумѣніи, надѣялся, что отъ нихъ оному получить имѣетъ изъясненіе.

31.

Ибо какъ судно, на которомъ Поліархъ изъ Регія въ Галлію ѣхалъ, на мѣляхъ расшиблось, и на́чало отъ тягости водъ распадаться; то онъ съ Геланоромъ, и съ двумя мореходцами, въ ладейку кинулся. Вѣтру они не противились; но такъ лопасти у веселъ держали, что не допускали валамъ бить въ бокъ. Симъ способомъ ближній мысъ объѣхавши, ушли и́зъ-вида у того судна, съ котораго утопающаго они збѣжали. Тамъ тише вѣтръ на́чалъ ломить; а они еще по многимъ мѣстамъ качались. Тогда вдругъ ладейка ихъ попала на камни, которыи не высокою водою укрыты были, и всѣхъ бывшихъ въ ней остановила. Того ради, выскочили они посредь мо́ря, на твердыи, но не на равныи камни, которыи такъ ихъ приняли, что вода каждому едва выше колѣна была, а до чрева никому не достала. Берега́ были въ далекомъ разстояніи;

стояніи; не видно никакóва судна: а великость бѣдствія всю надежду къ спасенію отняла. Намѣреніе было у Поліарха, оружіемъ вытти изъ бѣдности; Геланоръ быстрыя водовороти желалъ себѣ въ погибель: но пловцы, не въ надеждѣ живота, но ужасаясь смерти, рассуждали, что на сихъ камняхъ надлежало ожидать отъ естества и Фортуны повелѣнія. Когда они симъ образомъ о смерти совѣтовали; тогда увидѣли вдали судно качающееся на волнахъ, и къ нимъ помалу приближающееся. Разбойническій то стружокъ былъ, который, будучи легокъ, и на бури крѣпко утвержденъ, снесъ лютость мóря: а какъ утихалъ вѣтръ, то нáчалъ кормовому веслу быть послушенъ. Зналъ, кой прáвилъ, что камни тамъ были, которыхъ близость ужé объявлялась чрезъ частую пѣну, и чрезъ шумъ на мѣляхъ всегда жесточайшій. Того ради, отвращалъ оттуду свое судно: но въ тожъ сáмое время увидѣлъ онъ нѣсколько досокъ отъ разбившіяся ладейки, въ коей не задолго предъ тѣмъ ѣхалъ Поліархъ; также появились и бѣдныи просители, которыи, распростертыми руками съ ближнихъ камней, молили проѣжжающихъ о поданіи имъ пóмощи. Сомнѣва-

лись разбойники, надлежалоль бы ихъ снять съ оныхъ. Ибо какое моглобъ быть воздаянїе за показанное благодѣянїе? Также, и какую корысть получить можно было отъ такихъ, коихъ буря разбила? Людскости не имѣли сїи сердца́ отъ лютости своего промысла. Однакожъ, понеже часто путешествующїи дражайшие вещи въ платье зашиваютъ, рассудилось имъ ѣхать по добычу, и тотчасъ подняли греблею стружокъ. Море тогда не толь уже́ свирѣпствовало: а сами они, чтобъ не попасть на камни, потишежъ на́чали гресть, и часто отвѣдывали, на коликой глубинѣ мо́ря были. Просителямъ также сказано, чтобъ, какъ возможно ближе, шли къ стружку́ по камнямъ, и по твердому песку. Напослѣдокъ, ве́сла были мостомъ, которыя положивши на ближайшїй камень, соединили тѣмъ оный съ своимъ судномъ. Но чрезвычайно удивились они, смотря на лице Полїархово и Геланорово; также на красоту ихъ тѣла, и на отмѣну одежды: чегоради, многое о богатой добычѣ между собою шептали.

32.

Едва токмо изъ ладейки въ стружокъ приняты они были; то, съ явнымъ вѣрности нарушенiемъ, какъ плѣнниковъ къ цепямъ приковывать ихъ разбойники дерзнули. Полiархъ, видя сiю чрезвычайность, весьма недоумѣвался; а выхвативши тотчасъ изъ ноженъ мечъ, что вы, братцы, говорилъ? За какое преступленiе? или, за какую противность? также, и чемъ мы васъ толь скоро могли прогнѣвить, которыхъ вы теперь только удостоили выхватить изъ волнъ? Не трусливѣе и Геланоръ оружiе въ рукахъ имѣлъ, и цепи отъ себя прочь отбросилъ. Но когда нимало отъ Полiарховыхъ словъ не смягчившись, свирѣпѣе они въ движенiе приходили, и ужé обнажили мечи; то не замедлилъ Полiархъ оружiе употребить, и узы положить на себя покушающагося такъ поразилъ, что въ сáмую внутреннюю его утробу оружiе свелъ. Къ сему когда онъ другаго прибавилъ равнымъ же пораженiемъ; то Геланоръ, убивши также одного, съ господиномъ соединился ближе. Тогда сомкнувши спину съ спиною, дабы какъ ихъ тѣ не окружили, съ обѣихъ сторонъ къ непрiятелямъ лицемъ

цемъ прямо стали. Отъ переломаныхъ также ве́селъ, лежащихъ безразборно въ суднѣ, схвативши лопасти, ими какъ щитами голову укрывали. Плаватели, которыхъ разбойники взявши съ Поліархомъ въ цепи уже́ сажали, видя толь удачный поводъ, и сами, схвативши шесты, дерзнули противиться. Ктомужъ, нѣсколько человѣкъ изъ плѣненныхъ связаны были ремнями, сверьхъ оныхъ, кои цепями къ греблѣ прикованы: сіи съ радостію на то сраженіе смотрѣли; и видѣлъ Поліархъ по глазамъ сихъ бѣдныхъ, что они ему благопріятствовали. Рассудилъ онъ, что не безъ пользы сія будетъ ему по́мощь; и для-того ремни у нѣкоторыхъ пересѣкъ мечемъ, и пріобщилъ къ благородной противъ злодѣевъ битвѣ. Сіи сами напрерывъ у таварыщевъ своихъ узы разрѣшили; такъ что уже́ почитай ихъ столькожъ числомъ стало, сколько и непріятелей. Тринатцать сихъ человѣкъ всего на́-все было. Изъ нихъ Поліархъ убилъ двоихъ; одного Геланоръ потребилъ: мореходцыжъ, и гребцы Поліархомъ освобожденныи, пятерыхъ на себя обратили. Итакъ дѣло было Поліарху и Геланору съ оставшимися пятерыми. Но и сами злодѣи не даромъ умирали: ибо уже́

одного

одного изъ пловцовъ Поліарховыхъ въ море они бросили. А одинъ изъ нихъ палицею гвоздями набитою, намѣряясь бутто по головѣ ударить Поліарха, внезапнымъ обманомъ въ бокъ его поразилъ. Ежелибъ на немъ брони не-было; то коль многихъ слезъ и горести Аргенідѣ сія палица причиною быть могла! Итакъ, хотя она многими, но не глубокими влѣпилась ранами. Разжигается наглѣе Поліархъ, и немедлѣнно, у непріятеля своего выхвативши палицу, голову ему ею всю въ трѣски разможжилъ: причемъ громкимъ и не устрашимымъ голосомъ Геланора къ побѣдѣ возбуждалъ, который и самъ, уже́ у двоихъ кровь проливши побѣдитель, жестоко разъярившись дѣйствовалъ.

33.

Струсивши, которыи еще въ живыхъ остались, къ другой части сраженія отбѣжали; а именно, гдѣ свобожденныи отъ узъ плѣнники бились. Но и они, ободрившись своея стороны успѣхами, вдвое свирѣпствовали. Схваченыи разбойники отсюду отъ сихъ, а оттуду отъ Поліарха и Геланора, такъ поражаемы быть начали, что едва унялъ

Поліархъ, дабы всѣ не побиты были. Ибо рассудилъ онъ лучше ихъ взять живыхъ, и сохранить до скорыя имъ казни. Того ради, троихъ на колѣна падшихъ, въ желѣза велѣлъ сковать. А при поздравленіи отъ бѣдныхъ, которыи его предводительствомъ свободились отъ разбойническія власти, сладчайшею утѣхою пользовался, думая, что онъ общему спасенію услугу показалъ. Всѣ не умолкая напрерывъ восклицали: онъ хранитель, онъ и мститель есть богъ: выше нежели человѣческою силою поразилъ онъ разбойниковъ: напослѣдокъ, одинъ онъ есть достоинъ, къ которомубъ со всего свѣта бѣднымъ прибѣжище имѣть. Но въ единой всѣхъ радости вопль былъ разногласный. Ибо которыи одними ремнями связаны были, и уже чувствовали свободу, себѣ и защитнику своему безъ изъятія поздравляли. А гребцы, желая полнаго благодѣянія, расковать себя просили; также чтобъ и пущены были паки въ тожъ состояніе, котораго они невольничествомъ лишились.

34.

Поліархъ, чтобъ за благодѣяніе такое потомъ ему не раскаяться, кто оному судну господинъ, кто на немъ управи-

управитель, откуду разбойники, обо всемъ томъ порядочно спросилъ. Закричалъ изъ гребцовъ одинъ: помилуй, ктобъ вы ни-были, О! Герой. Сїе судно я своимъ иждивенїемъ снарядилъ; сему и хозяинъ и управитель я былъ, часто въ Африку и въ Гишпанїю переѣжжая. По случаю къ устью рѣки Бетиса я присталъ: тамъ вынявши грузъ, Гишпанскїи тавары готовилъ. Тогда сїи разбойники, подъ именемъ путниковъ, въ напасть меня ввели. Чтожъ бы число подозрѣнїя не здѣлало; то по-двое и по одному ко мнѣ приходили. Да и не къ одной пристани всѣ желали притворно ѣхать. Сїи въ Адруметъ, другїи въ Клупею, иныи въ Утику хотѣли. Въ платѣ всѣ согласны были. Я не зная нечестиваго ихъ обмана, всѣхъ посадилъ; которыи, чтобъ искуснѣе обмануть, между собою какъ незнакомыи обходились, пока мы еще при пристани были, и пока еще отъ ближняго берега способная могла быть помощь. Но когда уже далеко отъ земли вѣтръ унесъ судно, а на многихъ изъ пловцовъ, при безопасномъ воздухѣ, сонъ напалъ: то они внезапнымъ устремнїемъ на насъ напали; меня отъ кормоваго весла отбили; другихъ сонныхъ къ

насѣстямъ перенесли, и къ нимъ цепями приковали; такъ что разбойническимъ злодѣйствомъ ужé вмѣсто кладчиковъ господáми, по своей власти, быть начали. Ибо нашелся изъ нихъ и такой, который искусно зналъ мореплаваніе: а вмѣсто клади желѣза и цепи они принесли, которыми у всѣхъ нóги сковали. Потóмъ небольшíя суда, кои попадались, часто разбивая, достали себѣ оружіе, невольниковъ, и богатство. Они не токмо что нá-морѣ злодѣйствовали: многажды выходили и нá-землю разбивать; а издобывшихся обильно, къ новому злодѣйству и берегамъ привозило сіе судно. Недавно, когда многихъ изъ нихъ чрезъ трú-дни нé-было, возвратились они изъ Мавританіи на стружокъ съ великимъ имѣніемъ: а сколько я изъ ихъ словъ могъ признать, выкрадши злодѣйски сокровище, которое Мавританской Царицѣ было сáмое любезное.

35.

Выслушавъ сіе Поліархъ, изъ разбойниковъ у одного, кой у него былъ скованъ, спросилъ, правдаль то, что ему мореходецъ сказалъ. Тотъ все сіе молчаніемъ за истинное признавалъ. Но

о послѣ

о послѣднемъ злодѣяніи прилѣжнѣе расказать себѣ принуждалъ Поліархъ; взялиль они добычу изъ сокровища Мавританскія Царицы; какимъ путемъ и способомъ произвели они въ дѣло воровство; и также, въ которомъ мѣстѣ судна спрятали они покраденое. Тотъ отвѣтствовалъ, что поводомъ имъ къ продерзости была слава о множествѣ алмазныхъ вещей. Въ са́мую глухую ночь седмеро изъ нихъ съ оружіемъ стояли на улицѣ, чтобъ изъ ближнихъ переулковъ, буттобъ такъ отъ Царицы были они поставлены, не гускать имъ исходящихъ; а тогда двое другихъ, желѣзную са́мую частую рѣшотку въ окнахъ крюкомъ задѣтую, тайными притомъ орудіями выламывали. Симъ образомъ, говорилъ, мы туда вощли. Получивши желаемое, предъ свѣтомъ къ мо́рю возвратились; но похищенное и понынѣ пребываетъ въ цѣлости: ибо воздержало насъ сперва бѣжаніе отъ того берега, а пото́мъ и буря. Но чтобъ притомъ о толикой корысти не быть между нами ссорѣ; то положили мы ожидать, пока возможемъ въ тихости раздѣлить оную. Тогоради, сшелъ подъ палубы Поліархъ, котораго велъ напередъ разбойникъ; а отомкнувъ ларчикъ, преве-

ликое, а особливо женское, Маврітанское богатство пересмотрѣлъ.

36.

Тогда, какъ бы къ новымъ намѣреніямъ призванный Фортуною, стоялъ задумавшись. Ибо казалось, что боги отправленію въ Галлію препятствуютъ, и оное удерживаютъ. бурею съ плаванія и съ дороги збитъ, получилъ привыкшее къ Афріканскимъ берегамъ судно: и былобъ то бесчеловѣчно, ежелибъ о сысканномъ богатствѣ вскорѣ не увѣдомить Царицы. Можетъ быть еще, одинъ съ собою говорилъ, о славѣ моей боги попеченіе имѣютъ. Сколько я надежды ни получилъ подъ простымъ именемъ въ Сіціліи, не хотятъ они, чтобъ я то въ дѣло производилъ народа моего мужествомъ и оружіемъ: сіежъ для того, дабы не высокой породѣ, не богатству, не войску, но мнѣ самому одолжено было щастіе, которое случится. Пойду за симъ благополучнымъ предводительствомъ. Изъ Афріки весьма способно о Сіцілійскихъ дѣлахъ увѣдомляться можно, также и о моихъ вѣдомость пересылать Аргенидѣ.

37.

Когда сїе опредѣлилъ въ себѣ; то разбойнику онъ такъ говорилъ: поистиннѣ, са́мая справедливость тре́буетъ, чтобъ Царицѣ отдать ея богатство, и чтобъ васъ, воры, предать на мученїе. Надлежитъ плыть въ Мавританїю, дабы не погибло отмщенїе за лютую продерзость: можетъ быть, что нѣсколько тамъ невинныхъ бесчестїе за ваше злодѣйство страждутъ. И тотчасъ, хо- 19
зяина судну, чрезъ кото̂раго о всемъ онъ, до разбойниковъ принадлежащемъ, увѣдомился, расковать повелѣлъ, и стать ему къ кормовому веслу. Прочихъ, которыи были на насѣстяхъ, освободить запретилъ. Ибо и въ гребцахъ ему была нужда, коимъ бы его въ Африку отвезть, и не хотѣлъ притомъ, чтобъ толь многїи незнаемыи, и мо-
жетъ быть узъ своихъ достойныи, 20
могли ему вредъ какой учинить. Того ради, со всякимъ прилѣжанїемъ сысканныи отъ насѣстей и желѣзъ ключи, хранить повелѣлъ Геланору. А чтобъ и они не́-были безъ радости объ его побѣдѣ: ну, гребцы, говорилъ; вы уже́ при са́момъ щастїи находитесь. Довезите меня только до Мавританїи; я

кленусь

кленусь вамъ Отцемъ свѣта, что всѣхъ васъ на волю отпущу. Не великая трудность, что за окупъ краткія, а мнѣ нужныя, услуги требую. Ежели не лжетъ корабельщикъ; то въ два́ - дни поспѣемъ въ Маврітанію. Сія моему плаванію, а вашей неволѣ конецъ положитъ.

38.

Будучи приведены въ толикую надежду гребцы, такъ надлежащіи веселъ порятки исправляютъ, что буттобъ они не въ Афріку, но каждый изъ нихъ въ домъ свой и для своея пользы поспѣшалъ. Но корабельщикъ говорилъ, что не любитъ море, когда мертвыя тѣла́ въ суднѣ находятся: ибо гнѣваются боги морскіи, и часто живущимъ было пагубою такое къ мертвымъ благоговѣніе. Трое лежало на палубахъ стружка отъ разбойниковъ во время боя убитыи. Не дерзнулъ Поліархъ непристойнымъ человѣколюбіемъ противиться примѣтамъ мореплавающихъ. Того ради подземнымъ богамъ благоговѣйно сіе извинилъ, что онъ ихъ не погребенныхъ бросаетъ: ибо какъ скоро онъ въ Афріку прибудетъ; то тѣни ихъ на берегу въ вырытые могилы соберетъ. Итакъ, когда онъ

далъ

далъ позволеніе; то трупы убитыхъ подхватываются. А чтобъ чего напрасно не пропало; то искать на́чали, нѣтъ ли чего дорогаго въ ихъ платьѣ. У двоихъ изъ нихъ найдено весьма не много денегъ: третій, какъ щеголеватѣйшій, но́ги свои покромями у́виты имѣлъ, которые когда одинъ изъ пловцовъ снималъ, тогда выпало письмо, туда, какъ видно было, спрятанное нарочно. Когдажъ Поліархъ велѣлъ пода́ть себѣ оное, и по́слѣ какъ его распечаталъ, то, какъ увидѣвъ какое страшилище, испужался, для того что къ нему послано было оно, и еще отъ Лікогена. Такъ къ Поліарху пишетъ Лікогенъ! Письмо ему чрезъ толь многія чудеса попалось! Вѣрить не хотѣлъ своимъ глазамъ повторяющимъ то, что при окончаніи написано, а именно: за симъ, Поліарху здравствовать желаю, Лікогенъ. Тотчасъ велѣлъ поднять трупъ, и любопытно смотря, употребилъ и Геланорову прилѣжность, не можетъ ли онъ узнать по лицу, отъ свѣжія смерти еще не отекшему. Но подлаго посыльнаго, и изъ рабовъ Лікогеновыхъ, не возможно было обоимъ знать. Когдажъ прилѣжно повсюду его обыскали, не́былоль у него другаго письма́, и не

имѣлъ

имѣлъ ли онъ инаго чуда; то выбросили трупъ и́зъ-судна, не зная, другомъ ли его, или коварникомъ надлежа́ло почитать. былъ то́ подлинно са́мый тотъ, котораго Лікогенъ къ Поліарху послалъ. Въ то время, какъ Тімонідъ медлилъ въ своей деревнѣ, тотъ предупредилъ, и поиманный отъ разбойниковъ, тогда на бою убитъ, буттобъ сомнѣвалась Фортуна, надлежалоль бы, толикаго нечестія письму, отдану быть Поліарху.

39.

Сей ничего того, что ухищреніемъ было здѣлано, не зная, прислонился къ дереву судна; пото́мъ лицемъ и сердцемъ смутившись, отъ всякаго сло́ва приходилъ въ ужасъ. Доносимо было на Мелеандра въ составленіи яда; доносителемъ былъ Лікогенъ. Видѣлъ, что Мелеандръ его смерти предать хочетъ; а Лікогенъ удостовѣрялъ о дружбѣ. Что за зарукавье такое? Кудажъ посланъ къ нему и Тімонідъ? Думалъ, что онъ не письмо читалъ, и что также былъ сонный. Когдажъ пото́мъ медлѣніе умъ его успокоило, и когда вторично все письмо онъ прочелъ; то, нѣчто великое, говорилъ, дѣлается, Геланоръ. Никогда

больше

больше я Лікогена не боялся, какъ нынѣ, когда онъ сталъ охранять мое здравіе. Ежелибъ живъ былъ, кто съ письмомъ посланъ; то можетъ быть онъ бы намъ нѣчто далъ знать, которое моглобъ намъ пода́ть нѣкоторый свѣтъ, пребывающимъ въ толикомъ мракѣ. Теперь, что мнѣ думать, и по какимъ доказательствамъ узнать правду, весьма не извѣсно. Пото́мъ самъ въ себѣ размышлялъ, вѣроятноль то, чтобъ Мелеандръ, подъ видомъ дружбы, неповиннаго меня хотѣлъ погубить. больше сходствовало съ нравами Лікогеновыми лгать на Царя, нежели чтобъ Царь имѣлъ толь проклятую хитрость. Въ семъ и подобномъ его размышленіи день прошелъ; а ночь мечтами и грѣзами умъ его обеспокоила. Различное размышляющему, такъ заблаго рассудилось, именножъ, послать Геланора въ Сіцілію, ничего къ Царю не писавши, но только съ симъ са́мымъ Лікогеновымъ письмомъ, которое вручилъ бы онъ Мелеандру. Не возможно было ничемъ инымъ лучше о правдѣ довѣдаться: ибо хотя объ истинномъ злодѣяніи, хотя о ложномъ, однако весьма будетъ Царь болѣзновать, или о бесчестіи за неполезное и не дѣйствительное злодѣйство, или за неправе-

дную

дную клевету. По его, и по лицу ближайшихъ при немъ, также и изъ разговоровъ, Геланоръ можетъ признать, что надлежитъ думать о семъ Лікогеновомъ доносѣ. Не смотрѣлъ онъ на то, что симъ способомъ раздражитъ Лікогена, которому, хотя и Меландра долженъ будетъ имѣть за врага, другомъ быть никогда не похочетъ. Помогало сему намѣренію превеликое желаніе писать къ Аргенідѣ, къ которой писемъ, кромѣ Геланора и Арсіды, никому онъ не ввѣрялъ.

VII.

40.

Уже́ не токмо Афріка была ввиду, но и Лікса, тогда Мавріtанская столица, которая прекраснымъ положеніемъ мѣста отъ уединенныхъ помышленій на нѣкоторое время Поліарха отвела. Рѣка, коя также Ліксою называлась, не съ сопротивляющимся моремъ струи свои мѣшала, такъ что въ соединеніи обоихъ токовъ разности не́было ни отъ шума, ни отъ пѣны, но токмо отъ цвѣта. Дерева́, которыя при

при рѣкахъ расти любятъ, съ обѣихъ сторонъ, съ прочимъ береговъ изображенїемъ, въ водѣ играли. Городъ большой, и купеческимъ прїѣздомъ многолюдный, по нѣкоторомъ маломъ отъ-моря удаленїи, на одну токмо стадїю отстоитъ отъ рѣки. Съ берега въ городъ идущимъ, на правой рукѣ былъ всѣхъ лучше, изъ находящихся въ Африкѣ, пагорокъ, а на немъ стоялъ Царицынъ увеселительный домъ, называемый: Госпожино село. Тамъ часто любила забавляться Царица, отдыхая отъ попеченїй, и къ множеству дѣлъ, по успокоенїи въ уединенїи, возвращаться веселяе. Въ то время по случаю въ ономъ пребывала она домѣ. О чемъ, когда съ встрѣчавшихся лоточекъ спрашивающему Полїарху сказано; то велѣлъ онъ блиско отъ того мѣста бросить якарь. А чтобъ гребцы, въ его небытность, не здѣлали какова смятенїя, или чтобъ отъ пристани не уѣхали; то спрашиваетъ у Африканцовъ, былъ ли кто, кой бы надзиранїе имѣлъ надъ пристанищемъ, и кому отъ начальствующихъ поручено смотрѣть надъ рѣкою. Тотчасъ цѣловальники предстали, и не знаю кто откупщикъ пристани, которому слѣдующее говорилъ Полїархъ: стружокъ

сей тебѣ въ охраненіе поручаю; всей Африкѣ въ томъ польза и нужда, чтобъ ему быть въ цѣлости, пока я пробуду у Царицы, и увѣдомлю ея о са́момъ нужномъ и важномъ дѣлѣ. Сіе сказавъ, разбойниковъ высадилъ на́-землю; а снятыя съ ногъ желѣза, повелѣлъ положить въ прибавокъ на шеи, и одну вервь, принадлежащую ко всѣмъ цепямъ, отдалъ въ ру́ки кормчію кораблеца, пославъ ихъ напередъ къ оному па́горку.

41.

Самъ съ Геланоромъ слѣдовалъ за ними, красоту мѣ́ста любопытными очами осматривая, которое, съ недавнаго морскаго беспокойства, казалось еще ему пріятнѣйшимъ. Не весьма труднымъ искусствомъ попещались тутъ объ украшеніи: больше само́й природѣ одолжены были, которая способностію и разумомъ весь художества трудъ превзошла. Простый къ дому всходъ [ибо не позволила Царица оный убрать] покатый па́горка бокъ такъ предполагалъ, что буттобъ онъ гору больше окружалъ, нежели шелъ на оную вверьхъ. Лѣвую доро́ги сто́рону густый покрывалъ кустарникъ, и многихъ травъ неравная зелень преизрядно украшала. бугор-

кий не большіи были, и поле подымалось нѣжно, пока долговатый, и частыми затемненный деревами хребетъ горы, во внезапную не возрасъ вышину. По правую руку раздолы видимы были, віноградами и садами насаженныи: а подъ ними, гдѣ мѣста́ полукружіями представлялись, обильныя пажитію поля́, равноюжъ зелени веселостію распространялись. Подъ са́мымъ холмомъ па́горка, высокая, и сама собою распростертая плоскость была; на сей построенъ домъ. При воро́тахъ увеселялъ глаза́ другой мѣста того видъ, который вдаль зрѣніе провождалъ свободнѣйше. Предъ входомъ въ покои пространный былъ дворъ для вмѣщенія людей и колесницъ, не многими, но превеликими усаженный деревами, которыхъ подъ сѣнію скамьи, и каменныи столы военными людьми и караульными поставлены. А понеже высокое мѣсто было; то оно излучины рѣки на низу показывало, также съ противныя стороны́ и го́ры, вельможескими домами различенные. Съ праваго бока видима была са́мая больша́я часть города, возносящаяся своими холмами, и верьхами храмовъ. Когдажъ зрѣніе въ са́мую даль посмотритъ; то гора Атлантъ, заваленная снѣгами, и дикими

камнями, также многими верьшинами въ облакахъ раздѣленная, увеселяла сердце перемѣною зрѣлища; а ближайшую веселость пріятнѣйшею показывала дикости своея изображеніемъ. Палаты Царицыны не велики; но тѣмъ одолжены были художнику, что вѣтры, какіибъ ни вѣяли, будучи впущены, весь свой зной въ умѣренность премѣняли; а храмины такъ свѣтъ могли получать, что солнечныи лучи не вредили. Потóмъ посредственный садъ, и больше вдоль распростертый, поистиннѣ Музъ былъ достойный, и всѣхъ, кои охотно нѣжатъ разныи роды травъ. Въ оный отъ палатъ велъ присѣнокъ, разными истуканами и картинами украшенный: въ семъ обыкновенно Царица кушивала. И ужé лѣвый сада бокъ заключаемъ былъ холмомъ горы́, который не съ симъ токмо садомъ, но съ палатами, и рощею непрерывнымъ соединялся хребтомъ, и только что раздѣляющею стѣною къ нимъ былъ недопускаемъ. Сію часть преизрядный источникъ украшалъ, изъ хобота марморнаго слона въ прудъ, разноцвѣтными камешками выкладенный, воду пуская. Но правая сторона пустоту зрѣнію представляла, гдѣ не высокая стѣна длятого токмо и проведена,

ведена, чтобъ въ глубокую стремнину не можно было упасть; а облегшіися на нея, дабы пользовались видѣніемъ на низу плавающихъ въ водѣ рыбъ: ибо не большое тамъ озерко выкладено было въ округъ кирпичами; рыбыжъ въ немъ были различныя старости, коихъ Царица, бросаніемъ въ воду хлѣба, любила возбуждать къ дракѣ между собою. Отсюду воро́та вели въ рощицу: сію здѣланные доро́шки, и отъ хврастія расчищенные, во всѣ сто́роны рассѣкали. Олени въ ней, и дикіе ко́зы, также и прочія животныя привозныя въ Афріку, кои въ той ча́сти земли́ не родятся, бѣгали: но высѣченныи на Нумідійскомъ марморѣ слѣдующіи стіхи, рощу Діанѣ посвящали.

Красная Фебу сестра! ты все по горамъ и по дебрямъ
Бѣгаешь, а иногда быстролетными ранишь стрѣлами,
Сернуль случай подастъ, твоеголь отъ острѣйшаго гнѣва
Всѣ разбѣгаются, коль ни свирѣпствуютъ, сами львы наши.
О! Божество дубравъ: О! если тебѣ и подру́гамъ
Чистый угоденъ сей домъ, и усердія чистаго роща;
То умоляющихъ насъ услышь, призрѣвъ милосердно:
Здѣсь никогдабъ не быть своевольству мерсскому лѣшихъ.
Рощу сію тебѣ посвящаемъ, и да возрастаетъ
Въ славу твою лѣсъ цѣлъ: пріими ты даръ благосклонно.
А какъ пѣнистыхъ мы вепрей въ тене́та погонимъ,

Купно и жертву тебѣ приносить на поляхъ сихъ имѣемъ;
То къ намъ явно приди: мы будежъ излишняго просимъ,
То прїиди какъ тебѣ угодно, и рыскомъ твоихъ псовъ,
Также и лаяньемъ ихъ наполняй намъ слухи почасту.
Здѣсь караводъ собирай Дрїадъ, и Ореады многи
Да окружаютъ тебя. Вы то подъ сѣнїю лѣса,
То ликовствуйте здѣсь при водахъ, то въ горныхъ пещерахъ,
Гдѣ истекаютъ ключи прохладны изъ камней песчаныхъ;
Тамъ и купаться въ жары вамъ обнаженнымъ пристойно:
Актеонъ въ тѣхъ струяхъ укрываться тайно не будетъ,
И превращать самой въ еленя нѣкого тамо;
Также и ни скорпїй не убьетъ у тебя Орїона,
Коемубъ отъ земли вознестись и быть ужъ звѣздою;
Самъ потомужъ съ твоимъ калчаномъ охотникомъ Іовїтъ
Здѣсь не явится, чтобъ дать другую медвѣдицу небу.
Токмо, богиня, ты причислить къ острову Делу
Рощу сїю удостой, и къ полямъ снѣжистымъ въ Лїкїи;
Чаще и не живи при Эвротѣ, ни больше при Пїндѣ.
А ужъ котора изъ Нїмфъ препроводитъ лѣта довольны,
Въ новый видъ хотя превратиться, и деревомъ будетъ,
Вверьхъ и вѣтьви она вознесетъ опушившись листами,
Дубомъ ли станетъ та, иль лавромъ, то умножать ей
Ты сама повели сей лѣсъ: не ссѣчетъ Эрїзїхтонъ,
И никогда ни чьей не познаетъ роща сѣкиры.

42.

Продолжительнобъ было, ежелибъ все и каждое подробно описывать, какъ природа неравностїю мѣстъ роскошствовала; какъ въ не большое пространство вмѣстила всѣ тѣ виды, коими различаются цѣлые страны; какъ всего почитай лѣса, изъ златояблонныхъ деревъ, изъ

изъ шипковъ бобковыхъ, изъ лавровъ, изъ кедровъ, и изъ па́дубовъ состоящаго, не перемѣнила невредящая имъ зима: также и какъ пещеры то природные, то нарочно вырытые произвели множество ключей, или даровали входящимъ осѣненное прохлажденіе. Особливожъ источникъ былъ тамъ примѣчанія достоинъ, искуснымъ художествомъ такъ украшенный, что казалось все мастерство работы здѣлавшимся отъ природы. Ибо дугою раскопанная гора не большу́ю плоскость имѣла, которая мѣлинькими камешками буттобъ не нарочно была выслана. Но съ обѣихъ сторонъ къ бокамъ превеликіи камни, какъ бы какой крутый яръ такъ самъ собою рожденный, привалены были. Когда сей трудъ на двенатцать лактей вверьхъ взведенъ; то доро́шка здѣлана, по коей все мѣсто способно обойти можно было; пото́мъ на сей огромности вкругъ дерева́ такъ насажены, что нагнутые верьшины надъ подлежащею висѣли плоскостію. Сіи когда растолстѣли; то показывались, что уже́ они тотчасъ упасть имѣютъ, и тягостію своею корени изъ земли́ вырвать. Паденія сего между неопасными угроженіями, пропадалъ подъ вѣтьвями солнечный жаръ; а съ боковъ прежде ва́ломъ, пото́мъ наклоненными

онымъ образомъ деревами, напослѣдокъ возрастающія горы громадою, укрывалась домашняя Царицына забава. Сія источникъ тотъ, чрезъ множество трубокъ падающій, часто съ дѣвицами своими въ веселой празности посѣщала. Мужеска пола людямъ, кромѣ самыхъ знатныхъ, не позволено было въ домъ входить. Не многіи изъ караульныхъ при воротахъ стояли: сіи приказали остановиться съ невольниками своими Поліарху, спрашивая въ военной вольности, кто онъ, и откуду. Онъ отвѣтствовалъ, что ему не возможно, кромѣ Царицы, ничего того обьявить, съ чемъ прибылъ сюда. Дѣло до начальствующаго надъ карауломъ дошло, который самъ поговоривъ прежде съ Поліархомъ, Царицѣ доноситъ, что чужестранный юноша прибылъ, лицемъ, станомъ и одѣяніемъ преизящный, еще нѣсколько невольниковъ онъ съ собою имѣлъ, и требовалъ допущенъ быть до нея. Царица тогда въ ономъ убѣжищѣ пребывала, не для забавы въ празности, но чтобъ въ уединеніи свободнѣе было ей печалиться. Слезъ причина была, выкраденное разбойниками мѣсто, въ которомъ съ сокровищемъ прочіе нѣкоторые тайные вещи были. Не объ алмазныхъ

драго-

драгостяхъ, или о другомъ украденномъ богатствѣ, какое у народа въ славѣ, она сожалѣла: но одинъ токмо ларчикъ, и тотъ еще не богатый, который совокупножъ унесенъ разбойниками, къ онымъ стенаніямъ, и почти къ предпріятію намѣренія лишиться жизни, ея возбуждалъ. Сей былъ ей миляе живота: въ немъ сыновнее благополучіе заключено было; такъ что не умѣреннѣе она на боговъ жалобу приносила, какъ буттобъ они его ужé умертвили. Того ради, когда донесено ей о Поліархѣ; не охотно она объ немъ услышала, котораго надлежало ей принять спокойнымъ лицемъ. Однако повелѣла, чтобъ Міципса, начальствующій въ Царской комнатѣ, ввелъ его предъ нея; а сама между предстоящими госпожами сѣла на престолъ, здѣланный изъ слоновыя кости, который серебреные львы, нагнувши отъ тягости шеи, держали.

43.

Какъ скоро Поліархъ предъ нея предсталъ, къ воспоминовенію объ отсутствующемъ ей сынѣ причину подая [ибо и молодъ и прекрасенъ былъ]; то ко внезапной къ себѣ благосклонно-

сти непомышляющую ея привлекъ. Тотчасъ учтивѣйшій поклонъ отправивъ: хотя, милостивая Государыня, не весьма, говорилъ, сердце ваше сокрушаютъ тѣ вещи, кои пребездѣльными недавно ворами изъ священнаго вашего дома украдены: однако я рассудилъ, что правосуднѣйшей вамъ Государынѣ весьма пріятно быть имѣетъ, чтобъ толикое злодѣяніе безъ отмщенія имъ не прошло. Ихъ я, руководствомъ боговъ, посрединѣ мо́ря поималъ. Многіи изъ нихъ на сраженіи убиты. Троихъ привелъ сюда живыхъ. Они стоя́тъ при воро́тахъ, и ка́зни себѣ отъ вла́сти вашея ожидаютъ. Того ради, вѣрнаго человѣка, милостивая Государыня, благоволите со мною послать: ему я все, что у васъ похищено, возвращу, понынѣ, какъ сами они сказываютъ, въ цѣлости пребывающее. Оное я велѣлъ при са́момъ ближнемъ берегѣ въ суднѣ хранить. Царица услышавши толикую и толь нечаянную радость, съ нетерпѣливости по женскому сво́йству, съ кресель вскочила, и ухвативши незнаемаго за́-руку: О! благопріятнѣйшій изъ всѣхъ въ свѣтѣ человѣковъ, или лучше, токмобъ сіе праведно было, къ богамъ нашимъ присовокупленъ быть достойнѣйшій;

изволыте тотчасъ повесть, говорила, къ судну. Сама я украденное, сама и корысть пересмотрю. Не изволытежъ меня за сіе почитать лакомою: ларчикъ токмо одинъ мнѣ отдайте; прочее все вамъ дарую. Сіе выговоривши, побѣжала напередъ предъ удивляющимся Поліархомъ. Не́-было времени заложить колесницы, ни изготовить качалки. Какъ она была въ простомъ одѣяніи, такъ и бѣжать начала́, себѣ только одной въ толикомъ дѣлѣ вѣрящая. Госпожи и дѣвицы, кои обыкновенно ей служили, также не перемѣнивши платья шли пѣши. Видъ бѣгства возмущеніе скорости показывало. Когдажъ Поліархъ разбойниковъ предъ воро́тами стоящихъ показалъ Царицѣ; то, оставьте, прошу, говорила она, прежде нежели осуждать мнѣ другихъ на казнь, знать еще само́й, свободилаль меня отъ смерти Фортуна. Не́-было никого при дворцѣ, кой бы за поспѣшающею не слѣдовалъ. Не зная по большой ча́сти, какое тобъ дѣло было, удивлялись, и были причиною другимъ къ удивленію. Тотчасъ по всему городу слухъ разнесся; но не достовѣрный, и потому дерзновеннѣйшій: то говорили, что Царицынъ сынъ возвратился; то мертвое его тѣ-

ло судномъ привезено. Иные праведнѣйшее сказывали, что Царица идетъ къ найденому сокровищу. Тогоради всѣ къ рѣкѣ спѣшили, будучи готовы или радосно восплескать, или печальными возопить голосами.

44.

По́слѣ какъ Царица пришла на́-берегъ; то по́-мосту посланному изъ досокъ взошла на кораблецъ. И какъ скоро отпертый отъ Поліарха сундукъ, покраденое все въ невредности показалъ; то она уже́ радоснѣйшіе проливая сле́зы, и ларчикъ, котораго искала, обнявши, вопіяла, что она паки ожила, и что паки Царицею: притомъ, ничто не можетъ быть справедливѣе, какъ чтобъ Поліарха божественною почитать честію. Отрицался Поліархъ, съ умѣренностію улыбаясь, и похваляющую ея удерживалъ. И уже́ качалки, слѣдовавшіе за Царицею коль возможно было, стояли на берегу; также и каляски, въ которыхъ бы ѣхать госпожамъ: а сама она, рассудивши что для торжествованія толь о великой радости, тѣсно есть село; то въ городъ возвращаться повелѣла. Давшижъ за́-руку себя весть Поліарху, [а

степень

степень сія весьма есть высока́ у Царицъ] и при его препровожденіи изволила сѣсть въ качалку, которую тотчасъ осмеро одѣтыхъ въ епанчи подняли на́-руки. Пото́мъ Поліархъ на пріуготовленнаго коня сѣлъ, коего ему подвели изъ Царскихъ стойлъ; и былъ оный не голый по обыкновенію народа, но съ такими украшеніями, съ какими обыкновенно Цари выѣжжаютъ на войну, или на охоту. Напослѣдокъ, Царица чрезъ всю доро́гу, откинувши у качалки за́вѣсы съ нимъ разговаривала; а Африканцы въ тѣснотѣ толпились по пути, и особливо на него смотрѣли. По́слѣ какъ они прибыли во дворецъ; то вельможи, по Царицыну указу, го́стя въ учрежденные храмины вводятъ. Тамъ превеликаго довольства великолѣпіемъ бывши угощенъ, вскорѣ онъ для отдохновенія одинъ съ Геланоромъ былъ оставленъ.

VIII.

45.

Но Когда онъ не много отдохнулъ въ удаленіи отъ смятенія разговаривающихъ съ нимъ, и его похваляющихъ; тотчасъ, воспріявъ прежнія попеченія, и

о Сіці-

о Сіцилійскихъ дѣлахъ зоботясь, намѣрился въ тотъ вечеръ отправить Геланора въ Сіцилію: [ибо какъ любовь, такъ и Лікогеново многотрудное письмо медлѣнія не терпѣли] а самъ въ Клупеѣ, приморскомъ Афрікансокомъ городѣ, пока посланный возвратится отъ Аргеніды, хотѣлъ дожидаться. Тогоради, въ то время, какъ онъ къ Аргенідѣ сталъ писать, велѣлъ мореплавателя позвать къ себѣ, котораго на́-суднѣ онъ приплылъ: а тотъ когда къ нему былъ допущенъ; то, судно твое, говорилъ, не токмо тебѣ отдаю, но сверьхъ того все, что насильствомъ разбойническимъ отнято, возвращу, съ такимъ договоромъ, чтобъ тебѣ сего Геланора до Сіциліи довезть, и оттудубъ паки въ Афрікѣ, на которую онъ пристань захочетъ, высадить. Когдажъ ты возвратишся, то въ са́мой скорости мздовоздаяніе дано тебѣ будетъ. Теперь нужнымъ только на путь снабдѣваю. Изъ гребцовъ и невольниковъ, которыхъ ты самъ знаешь, и сколько ихъ надобно, выбери. Съ ними я здѣлаю такъ, что имъ работы своея не жаль будетъ. Прочимъ всѣмъ цѣлый талантъ раздѣлю, чтобъ ихъ возвращеніе въ отечество не́-было обесчещено прошеніемъ милостыни. Мо-

репла-

реплаватель Государемъ его и благодѣтелемъ называя, за великость пожалованія внѣ себя былъ, и трудъ свой всячески обѣщающій, для пріуготовленія къ той ночи стружка́ отпущенъ.

46.

Вечеръ наступалъ, когда отъ Царицы вельможи къ Поліарху вошли, хотя ему услужить всякимъ родомъ учтивства. Онъ отъ нихъ, въ закрытыхъ разговорахъ, почитай только въ сей силѣ о Царицыныхъ дѣлахъ увѣдомился, именножъ, что имя ей Гіанісба; что Юбѣ брату ея, за́-двадцать лѣтъ отъ сего времени, трое престола преемниками были; что она сама, прежде нежели скипетръ воспріяла, была въ супружествѣ за Сіфаксомъ, по Царяхъ са́мымъ знатнымъ и первымъ человѣкомъ; который въ тожъ время, въ кое Юба скончался, чреватую ея вдовою оставилъ; что Царица, немного по́слѣ того, мужеска по́ла чадо родила, и назвала Гіемпсаломъ, который, поспѣшествомъ боговъ, превосшелъ природою своею желанія гражданъ: но онъ, ради снисканія у чужестранныхъ славы, въ простомъ убранствѣ, и не извѣсно, кромѣ только

что

что одной Царицѣ, въ какіе зе́мли отъѣхалъ. О семъ Маврітаняне сказывая, и сами взаимно, ктобъ былъ Поліархъ, откуду, и куда путешествовалъ, посторонною тонкостію спрашивали. Но сей ухищренныхъ вопрошателей, съ равноюжъ хитростію, бутто самъ того не чувствуя, обыгрывалъ отвѣтомъ. Пото́мъ позванный къ Царской ужинѣ, немалое время препроводилъ съ Царицею: тамъ всѣ его почитай такимъ образомъ чтили, какъ буттобъ онъ въ порфірѣ былъ. По окончаніи ужины, когда онъ, понеже завтра отъѣхать имѣющій, благодарилъ Гіанісбѣ, и взялъ отпускъ, также и возвратился въ свой покой; то прибыли тотчасъ къ нему, кои великолѣпнѣйшія блюда на столъ поставили. были то драгоцѣнныи камни, изъ которыхъ иныи цепями, иныи зарукавьями, а иныи серьгами сложены были; также превеликое множество жемчугу: а кромѣ одного онаго ларчика, многое изъ того, что онъ у разбойниковъ отнялъ. Всѣмъ симъ Царица, или въ воздаяніе за заслугу, или въ залогъ гощенія, дарила Поліарха. Но онъ какъ не привыкъ продавать благодѣянія, такъ и ни быть купленъ дарами, весьма похваливши Царицыну учтивость, говорилъ,

рилъ, что за толь малую услугу, недостоинъ онъ толикаго награжденія; а сверьхъ того, военному человѣку все сіе не прилично: тогоради, чтобъ они назадъ изволили отнести подарки къ Царицѣ, и совокупно донесть ей извиненіе его, также и попремногу благодарить отъ него ей же. Но дабы не принятъ онъ былъ за упрямаго и спесиваго; то перстень, въ которомъ былъ посаженъ Смарагдъ, взялъ себѣ, и надѣвая на́-руку, удостовѣрилъ, что онъ его толь долго будетъ хранить, коль руку, длятого что такъ дарующая заслужила. Спаяный былъ перстень; а на камнѣ Атлантъ изображенъ, который подозрительнаго Персея не пускалъ къ себѣ въ го́сти: также и Персей видѣлся сидящимъ на Пегазѣ крылатомъ конѣ, и Атлантову лицу такъ показывающимъ Медузу, что самъ онъ свое отвращенное имѣлъ, дабы и ему внутренними частями въ камень не претвориться. Но Атлантовъ взоръ былъ негодующій, что онъ превращался. Ожесточались растущіи его волосы въ лѣсные вѣтьви; а лице въ такой видъ окладывалось, какой ужé не человѣка, а не горы́жъ еще былъ.

47.

Между тѣмъ возвратился мореплаватель, и сказывалъ, что способный вѣтръ дуетъ. Ежели готовъ Геланоръ; то отъ Африки чрезъ немногіи часы далеко уйти можно. Тогоради, сего Поліархъ тайными приказаніями вскорѣ наполняетъ, что долженъ онъ возвѣстить Мелеандру, что донесть Аргенідѣ, сказать Селеніссѣ, Архомброту, и прочимъ пріятелямъ. Также навѣдаться, что съ его имѣніемъ Царь здѣлалъ; не проданоль ужé оно изъ казны, и кто взятому на Государя купцы были: а о всемъ томъ чтобъ онъ искусно увѣдомился. Ибо чрезъ сіе можно узнать, какое къ нему Мелеандръ усердіе имѣетъ. Пóслѣ какъ онъ въ Сіціліи положенное на него отправитъ; тобъ въ Клупею, гдѣ онъ его ожидать намѣренъ, поспѣшнѣйшимъ мореплаваніемъ возвратился.

48.

Отпустивши Геланора, также и Маврітанянъ, самъ опочивать утружденный ложился. Но когда легъ онъ на постелю, и ослабѣли его духи, коихъ удерживало разныхъ вещей изображеніе; тогда

тогда раны, кои въ бокъ его морскій разбойникъ вонзилъ, не токмо въ небреженіи оставленные, но и дѣлами и стремительствомъ духа возбужденные, по внезапномъ ознобѣ и жаромъ начали горѣть, да и произвели въ немъ лихорадку. Сей случай удержалъ его отъ пріуготовленнаго къ будущему дню отъѣзда, и испужалъ Царицу не иначе, какъ бы собственный ея сынъ лежалъ въ болѣзни. Ибо сверьхъ превеликаго благодѣянія, которое она отъ Поліарха себѣ получила, видъ природы, все въ рѣчахъ его учтивое, также мнѣніе объ его родѣ, а ктомужъ устремленіе не знаю что провѣщающаго сéрдца, къ благосклонности истиннаго усердія ея привело. Тогоради, болящаго она весьма рано по утру посѣтила, и приставила къ нему своихъ врачей. Вельможи, кои за Царицею были, сѣтующія лица въ печаль прелагали.

49.

Всего того не зная Геланоръ, плылъ въ Сицилію благополучнымъ вѣтромъ. Но хотя пріятнѣйшее время Эпеіркту плавателямъ показывало; однако онъ отъ ея пристани удалился, и присталъ къ незнатному бéрегу: сіежъ длятого,

чтобъ кто пловцовъ, кои его привезли, знать не захотѣлъ, илибъ о Поліархѣ не сталъ ихъ спрашивать. Самъ къ Аполлінову храму отправился, который недалеко отъ-берега къ Панорму стоялъ, и былъ знатняе по славѣ священноначальствующаго, нежели по чести своего бога. Настоятель Антеноріемъ назывался, пребывающій въ спокойнѣйшей старости безъ попеченій, и по своей волѣ благополучно. Ибо какъ онъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ до первыхъ честей способно достигъ, а мнѣніе пріятелей все ему верьховнѣйшее обѣщало; то, будучи наученъ злоключеніями многихъ, коль бѣдно пребывать томясь честолюбивыми желаніями, обратился къ духовной вольности, и желая отлучиться отъ міра по склонности своей, выбралъ Фебовъ храмъ, при которомъ бы ему состарѣться. Понеже сему божеству любилъ онъ служить; то и призванное видать часто сподоблялся: да и толь онъ былъ терпѣливодушенъ, что, хотябъ самъ, илибъ пріятели его нѣчто претерпѣвали, всякое злоключеніе преодолѣвая, въ непоколебимой пребывалъ постоянно веселости. Была ктомужъ въ немъ превеликая наука, острый разумъ, и поспѣшный; что все непорочность нравовъ

украшала

украшала чесно въ пріятнѣйшемъ старичкѣ. Впрочемъ, любилъ онъ Поліарха, и дерзалъ хвалить, еще всенародно не разрѣшеннаго. Геланоръ, зная о крайнѣйшемъ его усердіи, съ пути къ нему уклонился, и засталъ его лежащаго въ присѣнкѣ своего храма [ибо ногами былъ боленъ], тамъ, какъ онъ обыкъ, съ разумнѣйшими изъ своихъ домовныхъ, премудрѣйше забавляющагося.

50.

Пребывающимъ имъ еще въ первыхъ другъ къ другу ласкахъ, помѣшалъ Нікопомпъ. Сей былъ прекрайній другъ Антенорію; а зоботы и придворныхъ суе́тъ исполненный, желалъ, въ разговорахъ съ сладчайшимъ старичкомъ, возмущенное общество нѣсколько изъ памяти выложить. Увидѣвъ его Антенорій, учтиво спросилъ, къ Февулу, или къ нему онъ пожаловалъ. Къ обоимъ, отвѣтствуетъ онъ: но кто сей молебщикъ богу? Такъ вы здѣсь, О! дорогой Геланоръ. Да дарують же боги, чтобъ недалеко былъ и Поліархъ. И хотя, кромѣ Антенорія и Нікопомпа, никого уже́ не́-было; [ибо прочіи всѣ по Антеноріеву приказу отлучились]

однако не рассудилъ за благо Геланоръ увѣдомить, о намѣреніяхъ и случаяхъ своего господина, никого прежде Аргеніды. Тогоради, укрывая сказалъ, что онъ обрѣтается въ Италіи, а его Геланора послалъ къ Царю съ баянскія пристани.

51.

Когда они о семъ такъ между собою разговаривали; то, какъ бы нарочно день Фортуна умножала радостію, Гіеролеандръ, будто по согласію, другимъ путемъ къ храму прибылъ. Онъ былъ грамматописцемъ у Аргеніды, превеликими и самъ добродѣтелями знаменитъ; и мало такихъ, кои подобны ему были ученіемъ: а симъ онъ не меньше и дяди своего процвѣталъ, выключая токмо того высокую степень, потому что священническую багряницу по добродѣтелямъ носилъ. Гіеролеандръ часто для Антенорія посѣщалъ оный храмъ; а тогда туда былъ посланъ отъ Аргеніды для принесенія молитвъ Аполліну. Но какъ скоро онъ увидѣлъ Геланора, и прежде многократнымъ насытился обниманіемъ его; то са́мою почитай бездѣлицею, и не думая, подалъ

далъ ему причину увѣдать оное, чего ради онъ въ Сіцілію прибылъ, а именно, сожалѣніемъ о смерти Алдініной, самъ имѣя покраснѣвшіи глаза́ отъ слезъ. Или онъ симъ способомъ извинялъ себя, понеже совершенно она была у него на рукахъ, или всеконечно болѣзновалъ, что не возмогъ ея сохранить по нещастію. Услышавъ Алдінино имя, нѣсколько былъ тѣмъ пораженъ Геланоръ, и смотрѣлъ на Гіеролеандра. была она са́мая красная изъ су́чекъ, и Поліарху пребезмѣрно любима. Когдажъ Поліархъ выправился изъ Сіциліи; то Гіеролеандръ ея, по приказанію Аргенідину, отъискалъ, и радѣтельно у себя кормилъ: ибо сама Аргеніда не дерзнула наслѣдовать тотъ даръ, дабы или не казалось, что она нѣчто изъ вещей Поліарховыхъ бесчеловѣчно имѣла, илибъ, противнымъ подозрѣніемъ, не сказали, что она вмѣсто отсутствующаго господина любитъ собачку. Сія тогда рода́ми умерла, хотя къ великому, однако къ тайному Аргенідину болѣзнованію. Но Гіеролеандръ, привыкши къ сучкиной себѣ ласкѣ, нетерпѣливно смерть сію понесъ, такъ что для него она стала быть славна и при дворѣ; а особливо многихъ Піитовъ стіхами, кои, хотя

ему услужить, всѣ стрýны, и всѣ Парнасскіе вѣтьви къ песіему погребенію употребили. Тогдажъ, понеже объ ея смерти упоминалось, чувствовалъ Геланоръ, хотя и желалъ бы лучше быть ей живой, что сіе его дѣламъ было полезно: ибо отъ того начáла, могъ онъ спросить, о чемъ приказалъ Поліархъ, а именно, кому его имѣніе, и какъ будто грабленіе какое, досталось. Но когда увѣдалъ, что, надъ неповрежденнымъ ничемъ домомъ смотрѣть, надзиратели отъ Царя опредѣлены, коимъ бы его для господина своего сохранить, и что только одна Алдіна взята была Гіеролеандромъ, дабы ея нѣжняе содержать: то показалось ему, что все по желаніямъ успѣхъ имѣло. Ибо что токмо хотя Алдіна жила въ Аргенідиномъ домѣ; то прямо догадался, что сіе здѣлано было въ память о Поліархѣ. Слышажъ, что и не безъ сокрушенія пробыла Аргеніда объ ея смерти, и зная довольно, отъ чего сіе усердіе и болѣзнованіе происходило, обратился онъ къ Нікопомпу, чтобъ внятнѣе его выслушать читающаго Эпітафій, который, похвалами наполненный Гіеролеандру, и отъ того самого умершей сýчкѣ слѣдующими сочиненъ стіхами.

Отошла!

Отошла! трупъ сучкинъ провожайте въ смертный слѣдъ;
Отошла прекрасна не доживши сучка лѣтъ.
Свѣтъ свой Эрїгонинъ песъ да зальетъ дожжами,
И да страшенъ онъ вытьемъ будетъ межъ звѣздами:
Знаетъ выть, плачъ помня Эрїгоны своея,
Въ струбѣ какъ сжигали мертваго отца ея.
Тыжъ, Венера! какъ тебя не могла Алдїна
Ни чрезъ стонъ въ родахъ смягчить, ни для господина!
Не за толь, что Фебу больше всѣхъ ты прочихъ милъ,
О! любимецъ солнца, нѣжныхъ же богиня силъ
Злясь, что власти ей въ тебѣ, нѣтъ къ тебѣ и дѣла,
То Алдїнѣ ужъ твоей дать смерть захотѣла?
Плачте всѣ бумашки рваны отъ нея въ игрѣ,
Та какъ съ господиномъ пребывала въ мнимой прѣ.
Плачте топтанныя толь ею одѣяла,
Къ дверямъ и назадъ когда тотчасъ отбѣгала.
Плачте всѣ палаты, стулы, всѣ и животы:
Безъ Алдїны сучки нынѣ вы какъ сироты.
Радость токмо вамъ снѣгамъ, ставшимъ всѣхъ цвѣтияе;
По Алдїнѣ на землѣ нѣтъ ужъ васъ бѣляе.

52.

Геланоръ похваливъ, какъ обычайно, стїхи, а дабы то, что о господскомъ имѣнїи, и о самой Алдїнѣ слышалъ, не казалось что приводитъ его въ сокрушенїе, и большимъ еще будущаго примѣчанїемъ наполняетъ его сердце, объ иномъ рѣчь зачалъ: и, радуюсь, говорилъ, прїятели, о семъ всея Сїцїлїи состоянїи, что уже о сучкѣ такъ болѣзновать и писать есть время. Чрезъ сїе самое я догадываюсь, что вы

не имѣете ужé больше преждебывшія войны́, и междоусобнаго неистовства. Нѣтъ, Государь мой; все тому противное, отвѣтствовалъ Нікопомпъ: сіе есть какъ бы нѣкоторое перемиріе, въ которое мы общую горесть иногда услаждаемъ, дабы наложенныя отъ судебъ бремена сильняе мы сносить могли. Тогда Геланоръ нáчалъ пространнѣе спрашивать: пребываетъ ли ненарушимо Лікогенова вѣрность; или, нарушивши миръ, новыми злодѣйствами ожесточилось возмущеніе. Они тотчасъ ему, не дожидаясь отъ него больше, сказывали, что все въ затрудненіи находится; что Эрістенъ и Олоодемъ въ заключеніи сидятъ; что воружается Лікогенъ, и что волнуются подданныи противъ Государя. Потóмъ Нікопомпъ, или съ устремительства отъ жара лѣтъ своихъ, или, понеже частое бѣдствій зрѣніе во дворцѣ негодующаго его наполнило, не токмо Фортуну, но и Царя, и Лікогена за многое винить нáчалъ. Долголь ужъ намъ, говорилъ, за разумъ устремленіе имѣть? и по собственнымъ нашимъ, и отцовъ нашихъ успѣхамъ, не поступать въ предпріятіяхъ? Коль бы полезнѣе было, [при другахъ смѣляе и пространнѣе говорю]

говорю] чтобъ Царю на своихъ предковъ взирать, и предостерегаться отъ зла, смо́тря на ихъ какъ начинанія, такъ и погрѣшенія, нежели получивши язву о лѣкарствѣ стараться? Сіи возмутители на него злясь, како́ва бунту подлога, и како́ва подложнаго имени, такъ что такое прежде сего равнымъ смятеніемъ оскверненное и не бывало, нынѣ не вымыслять? Сколько ни разглашаютъ они, что, то утвердить хотятъ колеблющееся состояніе, то Царямъ показать, какъ надлежитъ почитать боговъ; но не признаваютъ беззаконнаго оружія боги, толь многократно презрѣнныи; также ни отечество, многимъ опустошеніемъ въ безобразіе приведенное: ибо какимъ бы они видомъ злодѣйство защищать и прикрашивать ни силили́сь; давно уже́ его другіи возмутители коварственнымъ показали. Не знаю, какимъ превеликимъ восторгомъ боги сердце мое наполняютъ, а именно, чтобъ мнѣ возгнушаться беспокойными людьми, чтобъ воружиться на злодѣевъ, и чтобъ отмщеніе надъ ними самими получить заблаговременно. А дабы вы не изволили думать, что такое дѣло выше моихъ силъ; то тѣжъ боги оружіе мнѣ наукъ даровали, коими

учинен-

учиненные язвы, толькобъ притомъ умѣренность и правда находилась, ни силами отвращены, ни многими вѣками заглаждены быть не могутъ. Напослѣдокъ, попущусь въ устремленіе сіе, и буду все изображать смѣлымъ перомъ. Опишу, въ чемъ Царь погрѣшилъ, и какое спасеніе ему, почитай погибающему, пода́ть можетъ прошедшихъ временъ історія. Пото́мъ, съ бунтовщиковъ сорву личину, дабы ихъ народъ больше не знать не могъ: также, чего они наипаче надѣются, и чего боятся; какимъ способомъ могутъ возвратиться къ добродѣтели, и какимъ упрямство ихъ задавлено быть можетъ. Напослѣдокъ, не умолчу и о лютомъ бездѣльничествѣ всего народа; поистиннѣ не умолчу, ежели вы мнѣ совѣтуете, священный Антенорій.

53.

Напротивъ того, подхватилъ прорицатель, [и совокупно скорымъ движеніемъ многажды качаясь улыбнулся] буде вы изволите меня послушать; то укротить имѣете сіе подстрѣканіе. Для какія пользы, и кого ради писать сіе будете? Тоесть, способомъ симъ

Царя

Царя научите? Изрядно, еслибъ вы сіе хотя ужъ втайнѣ дѣлали. Но сей коль хорошъ будетъ наставленія способъ, что вы явно, въ чемъ его погрѣшившаго найдете, все то писать станете; и ежели что больше народа въ его поступкахъ усмóтрите, то ужé сáмое къ ненависти на него еще придать имѣете? Что жесточае сего самъ Лікогенъ предпріять возможетъ? А понеже вы искренній Царю; то тѣмъ больше вамъ повѣрятъ, и потому, зляе самихъ непріятелей вредъ ему здѣлаете. Но вы говорите, что возмутительскіи пороки, которыи они тщательно укрываютъ, сорвавши съ нихъ личину, предъ всѣхъ выведете; также по успѣхамъ прошедшихъ временъ пойдете къ ихъ намѣреніямъ, и не благополучный ихъ конецъ предвозвѣстить имѣете. Сіе значитъ, чтобъ имъ всего, что вы ни здѣлаете, бояться: и которыи боговъ презираютъ, которыи надеждою, злодѣйствомъ, оружіемъ въ замѣшательствѣ находятся; тѣмъ бы отъ вашего мудрствованія спокойствіе предпочесть. Лучше оставить трудъ, дражайшій Нікопомпъ. Давно ужé сей родъ мудрованія уничтоженъ. Знаютъ они, что заблуждаютъ; но и наста-

вленіе получивши исправленія не показываютъ. Положимъ же, что вы дѣйствительнаго благоразумія доказательства напишете, что они могутъ читающихъ неистовство укротить; равно какъ нѣкоторые болѣзни, кои мусікіею исцѣляются: сколькожъ ихъ быть имѣетъ, которыи читать станутъ? Тѣ одни будутъ ваши читатели, кои, отъ всегдашнія ненависти велерѣчивы, въ томъ краснорѣчіе полагаютъ, когда что нибудь противъ знатнѣйшихъ людей въ словахъ вашихъ найдется. Или можетъ быть простыи люди въ училищахъ, отъ всѣхъ дѣлъ удаленныи, и пра́вила, къ содержанію общества, только по книгамъ обыкшіи рассуждать. Для сихъ ли вамъ писать? Отъ нихъ ли и совершенныя ожидать вамъ похвалы, дражайшій Нікопомпъ? Умолчеваю о напасти отъ вольности, какую вы употребить хотите. Ибо кои и выразумѣютъ, что вы имъ праведное наставленіе подаете; однако будутъ васъ ненавидѣть, какъ причину своего бесславія.

IX.

54.

Остановился Нікопомпъ, слыша сіи Антенорієвы престереженія; и, самый

бы

бы праведный страхъ, говорилъ, вы мнѣ вложить имѣли, божественнѣйшій изъ провѣщателей, ежелибъ я злословить имѣлъ намѣреніе, илибъ надменіемъ недостойнаго хуленія, вѣдомое ужé, и подлое тщеславіе показать въ себѣ хотѣлъ. У кого не предъ очами, еще недавное, Піитово нечестіе, который Государя поноснѣйшимъ раздражилъ беззаконіемъ, который за продерзость въ награжденіе плаху получилъ, и который славу, злодѣйствомъ исканную, нашелъ себѣ въ смертной кáзни? О прочихъ не воспоминаю, коимъ лехче погрѣшающимъ, или никчему годную мудрость произносящимъ, довольно въ томъ наказанія, что благоразумныи гнушаются ими. Но моего намѣренія способъ, далеко отъ такихъ отстоитъ, Священнѣйшій Антенорій. Или вы не изволите знать, съ какою хитростію больнымъ отрочатамъ лѣкарства подаются? Когда они врача съ напиткомъ видятъ; то нерадятъ о здравіи, которое толь дорого покупать надлежитъ. Но кои объ нихъ сердечное попеченіе имѣютъ; тѣ или сладчайшимъ сокомъ утушаютъ силу непріятнаго вкуса, или награжденіемъ приводятъ къ исцѣленію: а прельстивши очи красотою сосуда, не даютъ ни

видѣть,

видѣть, ни знать, что имъ надобно выпить. Равнымъ образомъ, и я не внезапнымъ и суровымъ укореніемъ, какъ оговоренныхъ, повлеку на судъ тѣхъ, кои общество въ смятеніе приводятъ: не станетъ меня къ претерпѣнію ненависти отъ всѣхъ. Но незнающихъ обведу ихъ по сладчайшимъ округамъ такъ, что самимъ тѣмъ будетъ пріятно, быть осуждаемымъ подъ чужими именами. Возбудившись сими словами Антенорій, и совокупно Гіеролеандръ, сказали, что они желаютъ слышать толь изряднаго вымысла способъ. Тогда онъ: превеликую басню, наподобіе історіи краснымъ слогомъ сочиню. Въ ней удивительныя приключенія сплету; оружіе, супружества, войну, радость ненадѣемыми смѣшаю успѣхами. Увеселитъ читающихъ природная человѣкамъ суета; и тѣмъ бóльшую въ нихъ возбужду охоту, что они меня будто не научающаго и не свирѣпаго читать имѣютъ. Насыщу сердцá разнымъ зрѣніемъ, и какъ живописнымъ изображеніемъ мѣстъ. Потóмъ злоключеній видомъ воздвигну жалость, страхъ, ужасъ; а отчаявающихся послѣ того облехчу, и ясностію разгоню бурю. Коихъ угодно будетъ, отъ смерти свобожду, и предамъ

дамъ

дамъ смерти. Знаю, каковы наши: они будутъ думать, что я играю, тѣмъ всѣхъ ихъ къ себѣ преклоню. Возлюбятъ они сїе какъ театральное, или какое другое зрѣлище. Такимъ образомъ вливши исподоволь любовь къ напитку, придамъ лѣкарственныя злаки. Пороки представлю и добродѣтели; также и воздаянїя обоимъ пристойныя будутъ. Когда станутъ читать, когда какъ на иныхъ будутъ они гнѣваться, или другимъ благопрїятствовать: тогда встрѣтятся сами съ собою, и увидятъ въ зеркалѣ лице и достоинство своея славы. Можетъ быть постыдятся представлять больше въ дѣйствїи такїя лица на театрѣ сея жизни, о которыхъ узнаютъ, что тѣ по правдѣ съ ними сходствуютъ въ басни. А дабы не могли жаловаться, что они обижены; то ни чье изображенїе просто и прямо не представится. Много того найду, чемъ сїе укрыть, и что съ догадками не имѣетъ быть сходно. Ибо не иначе, какъ токмо по правиламъ Їсторїи, вольность сочиненїя сего поступитъ. Симъ способомъ пороки, а не люди оскорблены быть имѣютъ: да и никому не можно будетъ негодовать, развѣ кто оглашенныя злодѣйства на

себя бесчеснымъ признаніемъ сойметъ. Сверьхъ того, вездѣ вымышленныя имена положу, будто для того, чтобъ представить пороки и добродѣтели лицами: такъ что, столькожъ тотъ погрѣшить имѣетъ, который все, сколько и тотъ, кой ничего въ томъ сочиненіи не будетъ прилагать къ правдѣ дѣлъ бывшихъ.

55.

Возбудилъ Антенорія новый родъ писанія, такъ что съ ревности къ оному, долго онъ потиралъ руку о́бъ-руку; и, потрудитесь, говорилъ, симъ образомъ, другъ Нікопомпъ, для всего общества. Ежели вы себѣ, ежели нынѣшнему вѣку добра желаете; то неотмѣнно должны вы сіе здѣлать: пребудетъ долговременно такая книга, и препрославленнаго творца препроводитъ къ са́мымъ потомкамъ. Преизрядная въ томъ польза, чтобъ хитрость у злыхъ отнять, и воружить на нихъ добродѣтель. Тутъ предпріялъ Нікопомпъ: симъ са́мымъ благодѣяніе мнѣ изволите являть, священноначальный Антенорій, что стремительство мое подтверждаете. Исполню, по вашему совѣту. Пока еще дѣло въ свѣжемъ состояніи, пока охота кипитъ;

кипитъ; то трудностями, стіхотворенію подобными, утомлю мой разумъ, и соберу совокупно басню. Въ ней какъ васъ, дорогой Геланоръ, такъ и Поліарха не опущу. Сіе сказавъ, чтобъ не простылъ въ немъ тотъ жаръ, кой боги въ сердцѣ его къ писанію разжигали, когда въ гостиный покой отлучился; то, едва за ужиною возмогши промедлить, бумаги онъ потребовалъ, и уже́ тогда на́чалъ сочинять басню многоразличныя пользы.

56.

Было сіе не непріятно Геланору. Ибо что, какъ токмо преславное о Поліархѣ имѣлъ бы Нікопомпъ писать, будучи ему издавна пріятель, и Лікогеновъ ненависникъ? Назавтрѣе Гіеролеандръ, по принесеніи благополучныя жертвы, Нікопомпа, продолжительнѣе у Антенорія пробыть имѣющаго, оставилъ при храмѣ. Самъ, съ Геланоромъ, въ Эпеірксту отправился. Когдажъ въ радости возвѣстилъ Аргенідѣ, что Аполлінъ, преизрядными внутренностями животныхъ, радосное все обѣщаетъ, и приложилъ, что отпущеникъ Поліарховъ въ присѣнкѣ храма съ нимъ встрѣ-

тился, и что уже́ онъ въ городѣ: то не зналъ, въ коликое смятеніе дѣвицыно сердце сею вѣдомостію онъ приводилъ. Она лехко примѣчая, что благополучною жертвою боги прибытіе Геланорово подтвердили, въ трепетной радости внезапу сомнѣваться начала́: не безъ Поліархаль прибылъ Геланоръ; или, наипаче, онъ укрывается, ища тайнаго къ свиданію способа. По крайней мѣрѣ надѣялась, что отъ Геланора услышать имѣетъ, гдѣ онъ, и здоровъ ли; что или ей дѣлать приказываетъ, или самъ предпріемлетъ. Не меньше и Геланоръ желалъ доступить къ Царевнѣ: но поневже по случаю попался Эвріmеду, и не могъ уже́ укрыть, чтобъ онъ не къ Царю былъ присланъ; то предъ него тотчасъ приведенъ, гдѣ въ лицѣ, какъ надлежало, и не уничиженномъ и не надменномъ, сіе не многое выговорилъ: Поліархъ здравствовать вамъ всемѣрно желаетъ, О! Царь; и сіе письмо, отъ Лікогена къ нему писанное, къ Вашему Величеству особливо посылаетъ, дабы вы не изволили думать, что онъ или не знаетъ, или тому вѣритъ, что о вашихъ на него умышленіяхъ возвѣщается. Посемъ тотчасъ письмо вручаетъ; которое Царь прилѣжно прочетши, и но-

востію

досшпю бесчестія побужденный, призванному Клеобулу и Эвріmеду оное сообщаетъ. Подобнымъ образомъ и сіи ничего другаго не говорили, какъ что дѣло сіе непостижимое и исполненное бѣдствія. Ничего никогда толь труднѣйшаго не́-было, и тѣмъ наипаче, что и самъ Геланоръ, сперва прозьбою, а потóмъ почитай уже́ угроженіями понуждаемый, никакóва свѣта не подавалъ, [да и не могъ] съ какимъ бы дойти до Лікогенова ухищренія. Говорилъ онъ, какъ было, что на убитомъ человѣкѣ то найдено письмо; а больше сего ни онъ самъ, ни Поліархъ ничего не знаетъ. Тогда Царь къ нему: ни я также, Геланоръ, ничего въ семъ мракѣ не вижу. Зарукавье къ Поліарху, по моему велѣнію, Аргеніда послала; а отправленъ съ нимъ Тімонидъ. Но какъ объ отравѣ я не знаю; такъ и о зарукавьѣ почему свѣдалъ Лікогенъ, не могу догадаться. Ты сіе дѣло за собою подержи, чтобъ никто не зналъ съ чемъ ты ко мнѣ пріѣхалъ. боги, и я постараюсь, чтобъ тайнымъ непріятельскимъ злодѣйствамъ наружу выйти. Спрашивающему потóмъ, гдѣ онъ Поліарха и Тімоніда оставилъ, Геланоръ отвѣчалъ, что ни Тімонідъ къ тому не

бывалъ, ни зарукавья не привозилъ: а Поліарха изъ Регія отправившагося, тотчасъ по разнымъ морскимъ заливамъ буря носить стала.

57.

Потомъ отпущенный отъ Царя, къ Селениссѣ онъ пошелъ; гдѣ, когда способно было, при врученіи Аргенидѣ писма́, и о прочемъ всемъ ей объявилъ, которое Поліархъ приказалъ, а именно, что онъ въ Африкѣ, и тамъ будетъ ожидать, пока она приметъ твердое намѣреніе, чего наипаче дѣла́ обоихъ ихъ требовали. Ежели нужно будетъ оружіе; то уже́ онъ не одинъ, и не простымъ человѣкомъ въ Сицилію прибыть имѣетъ: или что способнѣйшее Царевна изволитъ изобрѣсть; тобъ все то благоволила приказать, а памяти союза, чтобъ не попустила между тѣмъ никакимъ отсутствіемъ быть заглажденной. Знакъ любви не послѣдній быть можетъ, ежели утвердитъ она, праведноль ему Ликогенъ напоминаетъ. Аргеніда въ сожалѣніе пришедши, по причинѣ Поліархова страха, и напрасныя клеветы на родителя, свято кленется, что никакое такое злодѣйство не произошло отъ отца ея; и что почитай грѣшитъ Поліархъ,

Поліархъ, недовѣривая, что будебъ нѣчто такое захотѣлъ Царь здѣлать, тобъ она, къ вывѣданію того, и къ увѣдомленію его о томъ, не скоряе Лікогена могла приложить стараніе. Когдажъ Геланоръ о Поліарховой напасти сталъ сказывать, какъ, по разбіеніи судна, на мѣляхъ онъ спасся, какъ было скоряе, нежели въ потопленіи, отъ по́мощи разбойническія погибъ: то она, толь бѣдственнаго вида не возмогши терпѣливно слышать, и молчать Геланору, и говорить повелѣвая, отъ всякаго сло́ва ужасалась, буттобъ не въ отсутствіи будучи, или еще настоящіе напасти слыша.

58.

Царь уже́ печалился, и зарукавье, и Лікогена, и ядъ непрестанно въ умѣ держалъ, о чемъ чрезъ два-дни на́-крѣпко допытывались; когда Арсіда и Тімонідъ во дворецъ прибыли, съ извѣстіемъ о Поліарховомъ потопленіи, о которомъ какъ о непреминуемомъ думали. Тогоради, чая что погибъ же съ Поліархомъ и Геланоръ, а увидѣвши живаго, испужались: тогда тотчасъ отъ Царя позваны были, дабы, ежели они что

къ изъясненію онаго Лікогенова письма́ имѣли, отъ нихъ услышать. Была тутъ и Аргеніда, и съ Клеобуломъ Эврімедъ. Они говорить начавши о своихъ дѣйствіяхъ, прежде всего ящичекъ выняли и положили, а въ немъ зарукавье, причину толь многихъ страшныхъ приключеній. Сказывали, что отбылъ отъ Арсіды Поліархъ, прежде нежели прибылъ Тімонідъ; а твердыми доказательствами обманувшись, говорятъ, уже́ какъ утопшаго мы его оплакали; когда Геланоръ, возвращая намъ здѣсь надежду, утвердилъ, что не токмо живъ его господинъ, но и здоровъ. По́слѣ сего, Царь имъ подаетъ письмо Лікогеново къ Поліарху: которое видя, когда они деревѣнѣли, то Клеобулъ, глубочайшимъ разумомъ о всемъ рассуждая, посмотримъ же, говоритъ, целоль еще отъ яда зарукавье, и можетъ ли довольно ложь отразить не поврежденнымъ тканіемъ; или отравою зараженное къ оболганію причину подало. Разговаривая о семъ, и узлы развязывая, тотчасъ увидѣли, что на шелковой подкладкѣ, къ которой камни серебреными нитками прикрѣплены были, отмѣннымъ цвѣтомъ ядъ не большими крапинками повсюду зеленѣлъ.

нѣлъ. Сіе увидѣвши, чтожъ то есть, говорилъ Клеобулъ, какъ не оный ядъ, о которомъ Лікогенъ объявляетъ? Но рассудимъ, чьимъ злодѣяніемъ сей даръ здѣланъ смертоносный. Никогда мнѣ догадывающемуся впредь не извольте вѣрить, всемилостивый Государь, ежели не Лікогеново, и не его единомышленниковъ сего злодѣянія дѣло. Ибо и Эрістенъ, коего въ темницѣ содéржите, надъ казенными вашими начальство имѣя, долго у себя сіе держалъ зарукавье. Какъ же не думать, что, или собственнымъ своимъ проницаніемъ, или предательствомъ вашихъ подданныхъ, онъ узналъ, что сей подарокъ Поліарху опредѣленъ, а поврежденіемъ зарукавья тому въ животѣ, или напослѣдокъ вамъ въ славѣ, позавидовали беззаконники? Но боговъ призрѣніемъ все воспослѣдовало изрядно: нечестивымъжъ отъ злодѣйствъ своихъ погибнуть. Олоодема и Эрістена, которыхъ лишить жизни, весьма многополезно, хотя и имѣете вы виноватыхъ за тайныя преступленія; но явнымъ злодѣйствомъ, и такимъ, кое народу въ важнымъ казалось, понынѣ еще обличить ихъ невозможно было. Ежели сыщется, что они сему злодѣйству виновны; то ни единаго не найдется, кое-

гобъ голосомъ не осуждены они на казнь быть имѣли. Царь Клеобулу, о чемъ онъ тонко догадывался, изслѣдовать повелѣваетъ, и виноватыми разыскать. Онъ отговорившись, что все отъ Эвріmеда полезнѣе здѣлаться можетъ, краткое подаетъ наставленіе, какъ притомъ поступать надлежало.

59.

Эвріmедъ, исполняя по Царскому указу, пришелъ въ темницу, въ которой содержался Эрістенъ; и только что въ нея переступилъ, [какъ то Клеобулъ основательное наставленіе подалъ] то притворными льясь слезами: Ахъ, говорилъ, получилъ ужé ты торжество надъ Поліархомъ, Эрістенъ! Погибъ онъ отъ прикосновенія къ зарукавью, которое ты смертоноснымъ напиталъ сокомъ. Или и ты, какъ Олоодемъ здѣлалъ, также въ славу себѣ ставишь, что толикое злодѣйство самъ потщался произвесть въ дѣло? Эрістенъ слыша сіе, какъ бы нечаяннымъ ударомъ будучи пораженъ, не зналъ что говорить. Слышалъ, что скончался Поліархъ, чего онъ всеконечно ожидалъ. И ужé совѣсть его мучила о представленномъ явно злодѣяніи. Сверьхъ того, на чтожъ и ему запираться, когда Олоодемъ [ибо

такъ

такъ сказалъ нарочно Эврїмедъ] признался ужé въ растворенїи яда? Впрочемъ, къ должайшему размышленїю, и къ успокоенїю сéрдца, не давалось ему время. Тогоради, какъ бываетъ въ крайнемъ отчаянїи, рассудилъ, что сїе токмо осталось, чтобъ не уныло обращаться, илибъ, запираясь втуне въ злодѣянїи, не показаться, что онъ то бесчеснымъ почитаетъ, въ чемъ бы не хотѣлъ признаться. Итакъ, при понужденїи отъ Эврїмеда, хорошожъ, когда такъ, отвѣчалъ. Со мною что хочетъ судьба, то пусть она и здѣлаетъ: довольно съ меня радости, что я пóслѣ Полїарха, Сїцілїйскаго непрїятеля, живъ былъ. Тогда хитро Эврїмедъ, какъ бы объ извѣсномъ прямо дѣлѣ говоря, вкрадывался въ ихъ намѣренїя. Напослѣдокъ, говорилъ и о Лїкогеновомъ нарушенїи вѣрности, который въ письмѣ къ Полїарху бесчестїемъ своего злодѣйства облыгалъ ему неповиннаго Царя: а понеже Эрїстенъ усмѣхаясь подлогъ признавалъ; то Эврїмедъ, оставивъ его, къ Царю отправился, и не безъ ужаса, въ чемъ тотъ повинился, донесъ о томъ Его Величеству. Осталось, чтобъ и Олоодемъ такимъ же показанїемъ въ томъ признался.

60.

О сысканномъ толь благополучно злодѣйствѣ, радуясь Мелеандръ, расхваленнаго Эврїмеда къ Олоодему послалъ. Но сей, будучи въ совершеннѣйщемъ тогда рассужденїи, и отвергши имя ядотворца, какъ бы впервые о слышимомъ злодѣйствѣ, когда былъ спрашиванъ, самъ больше еще спрашивалъ. Когдажъ сказывалось ему, что Эрїстенъ уже́ въ томъ признался; то думая, что его обманываютъ, отвѣчалъ, что какъ онъ не чаетъ, чтобъ Эрїстенъ могъ быть толь бесчеснѣйшимъ злодѣемъ, такъ буде онъ и таковъ, однако онъ Олоодемъ ничего того не знаетъ ни вѣдаетъ. Наконецъ, преодолѣлъ Эврїмедъ упрямство благоразумною хитростїю: ибо Олоодема въ тайномъ мѣстѣ поставилъ, откудубъ ему можно было слышать Эрїстена, коему онъ самъ, сказанные имъ прежде рѣчи, началъ повторять. А Эрїстенъ, какъ въ знакъ постоянства, ни въ своемъ, ни собщниковъ своихъ въ зломъ умыслѣ, не запирался, пока такъ уже́ онъ Олоодемово терпѣнїе побѣдилъ, что сей устремительно закричать принужденъ былъ: О! какъ ты, или простъ, Эрїстенъ,

или предатель своихъ друговъ. Потóмъ откинувъ завѣсъ, общею своихъ пагубою его называлъ, и говорилъ, что одинъ токмо онъ достоинъ конца, который многимъ съ собою уготовилъ. Поздо ужé выразумѣлъ Эрістенъ, что Эврімедъ его обманулъ тѣмъ, бутто Олоодемъ въ общемъ ихъ признался злодѣйствѣ. Тогоради, словами, какія были времени и горести приличны, погрѣшеніе свое извинить хотѣлъ Олоодему. Но понеже съ довольными ужé обстоятельствами изслѣдовано дѣло, и подтверждено достойными свидѣтелями; то порознь они разведены и посажены въ темницѣ: а по прошествіи двухъ дней выводятся всенародно на судъ; сіежъ длятого, что ежелибъ не быть тому при всемъ народѣ, то потóмъ знакомцами и помощниками винныхъ, слѣдствіе бывшее надъ ними не законнымъ ненависно поносимо быть имѣетъ. Но хотя Эпеіркитанскимъ обывателямъ и вѣрилъ Царь; однако для карáула виннымъ Царскія стражи воины съ оружіемъ на площади поставлены. Судъ былъ учрежденъ на такомъ мѣстѣ, съ котораго способно, ежелибъ смятеніе началóсь, могли быть они подхвачены въ крѣпость, и брошены въ тюрьму. Народъ

родъ на́-площадь чрезъ провозвѣсника созванный въ великомъ множествѣ собрался; а тотъ, которому говорить во всенародномъ собраніи за Царскую сторону по должности надлежало, въ слѣдующемъ содержаніи выговорилъ: знаетъ народъ, сколько его Царь жалуетъ любитъ; да и Царь съ своея стороны́ не сомнѣвается, чтобъ и онъ ему взаимно не́-былъ же безмѣрно люби́мъ. Тогоради, Эрістена и Олоодема, во многихъ противъ его злодѣйствахъ изобличенныхъ, хотя и могъ онъ собственною своею властію осудить; однако не восхотѣлъ того учинить, и подвергъ ихъ всенародному суду, дабы лучше ревность вѣрнѣйшихъ подданныхъ могла за него отмщеніе имъ учинить. Пусть услышитъ народъ, какъ они станутъ себя защищать; и пусть самъ свое, прежде судейскихъ голосовъ, дастъ мнѣніе, что съ ними должно будетъ дѣлать. Тритцать человѣкъ тогда судей объ уголовныхъ дѣлахъ слѣдствіе производили, предъ которыхъ когда Эрістенъ и Олоодемъ приведены были; то доноситель многія ихъ противъ Царя злодѣйства, частое вѣрности нарушеніе, имѣвшіяся съ непріятелями умышленія, вкратцѣ предложилъ. Пространнѣйшее и жесточайшее

шее слово было объ ядѣ, и о вымышленномъ подложно Царю бесчестіи. Когдажъ рѣчи ихъ объявилъ, когда свидѣтелей представилъ, когда и письмо предложилъ: то такъ онъ разжегъ Эпеірктанскій народъ, что, не дождавшись судейскихъ приговоровъ, многіи изъ онаго камнями въ нихъ бросать начали. Но упросилъ ходатай стремительство народа до тѣхъ мѣстъ, какъ судьи мнѣнія свои дадутъ. Весьма надобно, чтобъ имъ всенародно говорить: ибо они больше отъ своихъ словъ, и отъ нечистыя совѣсти, нежели отъ доказательства доносителева, вреда себѣ здѣлаютъ. Притомъ, дважды имъ позволяется отъ Царя, ежели потребуютъ, себя защищать. Выговоривъ сіе, призываетъ виноватыхъ, чтобъ имъ себя словами очищать. Но они, какъ тотъ предсказалъ, не знали что говорить, и ослабѣвали. Подлинно, какъ злодѣйства отъ себя отвесть было не возможно; такъ и весь народъ привесть въ жалость. Тогоради, въ трепетѣ немногое, и то больше противъ Царя, нежели за себя, выговорили. Тогда опустили судьи въ сосудъ, называемый урною, свои мнѣнія, которыя когда предъ всѣмъ народомъ выняты оттуду были; то всѣ

бобы,

бобы, чорными пятнами достойныхъ ка́зни, осудили.

61.

Тотчасъ подхвачены были въ темницу, чтобъ, въ раствореніи яда изобличенныхъ, приличною казнію отраважъ, составленная изъ лютикова сока, умертвила. Тамъ въ печальной и послѣдней вольности пользовались они своею властію, которую такъ умирающимъ уставы позволили. Тогоради, проклинать стали Царя; отмстителя возбуждать Лікогена; молиться богамъ успшихъ, чтобъ непріятели ихъ, къ злѣйшему оставленныи, въ сей ихъ смерти имъ позавидовали. Между тѣмъ, смертоносный напитокъ былъ принесенъ; который прежде Олоодемъ схвативъ изъ рукъ подносящаго мучителя: ну, говорилъ, поднесемъ Мелеандру. Мы уже́ оставляемъ бѣдности, имѣя прежде его нашею смертію погубить, нежели онъ думалъ, что мы живучи хотѣли. Пото́мъ паки наполненный тѣмъ же напиткомъ сосудъ, когда подаваемъ былъ Эрістену; то онъ сморщился, и круго́мъ себя посмотрѣвъ, ктожъ, говорилъ, другамъ моимъ припомнитъ, что они

за сїе должны воздать Мелеандру? Выпившимъ отраву обоимъ мучитель напоминаетъ, чтобъ способнѣе ядъ вшелъ въ жилы, и меньшебъ имъ мучиться, тобъ, сколько во всей тюрьмѣ мѣ́ста было, ходили они не преставая, пока не почувствуютъ, что, при отяжелѣнїи ногъ, нѣтъ уже́ нанизу жара. Послушавшись, услышали, что тотчасъ стали у нихъ но́ги холодны; то и легли на посте́ли. Тамъ, когда пары́ яда подобились сну, расслабѣвали они бесчувственны; а по омертвѣнїи уже́ ледвей, какъ острымъ чемъ пораженныи, впустили смертоносную силу, входящую въ са́мое живое: и недолго по́слѣ того, лишились жизни. Тотчасъ разнеслись стїхи скоростїю Пїитовъ: изъ нихъ иныи въ бездѣльной дерзости сверьхъ надлежащаго поносили умершихъ; другїи, какъ буттобъ еще было тѣмъ время къ раскаянїю, умерщвленнымъ напоминали, и о концѣ, уже́ совершившемся, прорицали поздо. Сїи слѣдующїи стїхи не толь не угодны были, которыи больше бездѣльное превозношенїе, нежели самихъ винныхъ язвили.

Вседолжная тебѣ, О! Гордость, жертва зрится.
Ужъ та потреблена; чтожъ дымъ еще курится!

Грозить намъ перестань : ты долго кровь пила;
Сицілїи то дай, чтобъ въ миръ пожила.
О! многократно гробъ ты трупомъ насыщала;
Какъ государство все вверьхъ дномъ здѣсь обращала,
И лютую войну такъ множила вездѣ,
Что всюду бой, и смерть, и безъ того нигдѣ.
Твои полкй ведетъ невѣрность злая прежде;
Потомъ къ богамъ презоръ, самъ въ алчной весь надеждѣ.
Проклятая тутъ мысль мечтаетъ ужъ пожаръ,
Забывши славу, честь, и клятвы должный даръ:
А беззаконникъ всякъ спѣшитъ къ напасти слѣпо,
И нагло въ ту валясь свирѣпствуетъ не лѣпо.
О! Боги, какъ ужъ, какъ вы можете терпѣть,
Убїйствомъ бы дышать, и бѣшенствомъ слѣпѣть!
Какъ, гибнуть городамъ! какъ, сéламъ раззоряться!
Какъ, множествубъ людей безвинно истребляться!
Какъ, всякой бы женѣ насилїе страдать,
И скаредству войны всечасно подпадать!
Чегожъ такъ ищетъ тѣмъ неистовство при чванствѣ?
Вотъ только, чтобъ не быть ни у кого въ подданствѣ;
Чтобъ отчество топтать, хоть слабое ужъ, смѣло;
Чтобъ по ночамъ томить какъ душу, такъ и тѣло.
Злодѣйство гдѣ найти возможетъ весь покой,
И безопасно жить вѣкъ ненависный свой?
Но вы коснуться чуть къ началамъ дерзнули;
Постигла месть васъ злыхъ: се живота гонзнули.

62.

Но Царь вѣдая, что коль не легокъ остался еще Лїкогенъ, въ тотъ день, въ который осужденныи кáзни предаемы были, послалъ Эврїмеда съ небольшою конницею, который бы подъ него нечаянно подкрасться попытался: понеже Лїкогенъ, по взятїи Эрїстена и Олооде-

Олоодема, явныя войны еще не начиналъ. И хотя онъ многихъ воруженныхъ защитою хранилъ себя; однако къ примиренію надежду иногда подавалъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, хотя подъ видомъ союза взятыхъ вырвать отъ Царя, илибъ, какъ непреклоннаго мучителя, могъ онъ злословить. Но дабы дѣйствительнѣе казалось, что онъ искренно желаетъ мира; то Дуналбія письмомъ просилъ, чтобъ сей отъ жестокихъ намѣреній Царя отвелъ, а тотъ бы разрѣшилъ заключенныхъ, и, сколько ни-было подозрѣнія и неназисти, всебъ то оставилъ ради общія тишины. Дуналбій показываясь, что онъ тому письму прямо повѣрилъ, и что бутто о просимомъ старается у Царя, обманулъ Лікогена егожъ собственнымъ обманомъ. Ибо сей, въ надеждѣ чтобъ обмануть, и пріятелей бы своихъ изъ оковъ свободить, толь не спѣшно предпріятія свой производилъ, что между тѣмъ Царю было время, потщаться о своихъ дѣлахъ. Тогдажъ, когда, для поиманія самого его, Царь Эврімеда послалъ; то нашлись нѣкоторыи изъ единомышленниковъ, которыи прибытіе Эврімедово предупредили, и увѣдомили его о смерти друговъ, да и о висящей надъ нимъ са-

мимъ напасти. Ужинное тогда время было, и за столомъ много военныхъ людей сидѣло. Симъ такъ Лікогенъ говорилъ: не думайте, что вы напрасно собрались, господа́ таварыщи: поминный сей ужинъ Эрістену и Олоодему мы кушали. Мелеандровою лютостію убиты они: и ежели нѣтъ въ васъ никакія по́мощи; то са́мое тожъ бѣдствіе и меня постигаетъ. Поистиннѣ, тиранновы услужники почитай уже́ при воро́тахъ стоя́тъ, коимъ погубить меня поручено. Посему, какое щастіе васъ ожидаетъ, какое знаменитыхъ гражданъ, я твердо знаю, что никто изъ васъ не сомнѣвается. Понеже онъ толикою дерзостію вельможъ убиваетъ; то можетъ ли милостивѣе поступить съ прочими? Я впрочемъ не принуждаю васъ къ охраненію моего живота, господа́ таварыщи; развѣ только вы думаете, что съ собственнымъ вашимъ мой соединенъ твердо. Выговоривъ сіе, вскочилъ съ кресѣлъ. Прочіи, оставивши пированіе, къ оружіюжъ побѣжали. Весь домъ поспѣшностію военныхъ людей, пришедшихъ въ боязнь о себѣ, и о своемъ главномъ, кипѣлъ. Нѣкоторыи посланы были, которымъ бы изъ ближнихъ мѣстъ больше еще привесть силы. Многіи,

подъ

подъ предводительствомъ Менокрітовымъ, выбраны, которымъ бы на встрѣчу итти Эврімеду; а заведши въ способную долину засаду, безопаснаго его, и отъ дороги утружденнаго, поимать бы врасплохъ. Но непорядочная ошибка была: понеже, прежде нежели спрятались въ засаду военныи люди, Эврімедъ подоспѣлъ, и самъ будучи не готовъ къ сраженію. Однако мужественно съ обѣихъ сторонъ бились: особливо Эврімедъ срежеталъ, что увѣдомленнаго Лікогена взять было не возможно. Впрочемъ, хотя былъ и въ непріятельскихъ мѣстахъ, и меньше имѣлъ людей; [ибо Лікогенъ, когда шумъ сражающихся услышалъ, то всѣхъ своихъ вывелъ на́бой] однако не допустилъ, чтобъ признаннымъ бѣгствомъ уступить: а помалу за отступающимъ не погонились и Лікогеновы военныи люди, или они обмана отъ непріятеля, или уже́ помраченнаго неба убоялись.

63.

Не многіи пали въ нощномъ сраженіи: но казалось, что побѣдилъ Лікогенъ, который радуясь объ устремленіи своихъ, созвалъ отвсюду дру-

говъ: прїуготовленное оружїе сшедшимся раздѣлилъ, и въ одной силѣ написалъ ко всѣмъ начальствующимъ въ городахъ, чтобъ они благоволили помогать ему всенародныя вольности защитнику. Скоро отступали отъ предобраго Царя тѣ сами, которыи при его милостивой возрасли державѣ. Сїе для всѣхъ великимъ есть доказательствомъ, что сколькобъ ни превелика въ Царѣ была добродѣтель, ежелижъ не будетъ въ немъ мужества, то можетъ онъ быть презираемъ: такъ что никако́ва Государя народъ не любитъ больше, какъ того, котораго боится. Печальное зрѣлище представляла Сїцилїя: изгнанъ былъ законъ, уставы презрѣны, опасны идущимъ доро́ги; домы и всѣ улицы грабежомъ, неистовствомъ, и пожарами опустошены: одни только полкѝ на нестройныхъ поляхъ блистали. Не чувствовалъ и народъ въ первомъ неистовствѣ, что онъ жесточайшее страждетъ отъ множества тїранновъ, нежели то, за что онъ, какъ бутто отъ Мелеандра учиненное, мстить хотѣлъ, будучи предателемъ себѣ, и за предательство воздаянїемъ. Однако многихъ еще оная буря не отторгла: четыре, кромѣ Эпеїркты, го́рода въ

почтенiи къ Величеству остались, а именно, Мессана, Панормъ, Катана, и въ са́мой срединѣ о́строва, Энна.

64.

И уже́ Лiкогенъ, право владѣющаго Государя, и знаки употребляя, не назывался только Государемъ. Имѣлъ престолъ, когда и за столомъ сидѣлъ; багрянаго цвѣта одѣянiе носилъ въ полка́хъ, и повсюду, гдѣбъ ни-былъ, кинжалъ привѣшивалъ къ бедрѣ. Безмѣрно какъ былъ ласковъ, такъ и свирѣпъ, чтобъ содержать и устрашать непокоривыхъ. Не меньше радѣя о своихъ дѣлахъ и Мелеандръ, поспѣшными наборами много себѣ войска собралъ. Эпеiркта, запасомъ и военными припасами наполненная, выбрана въ крѣпость войны. Изъ Царскихъ кораблей, сколько ихъ ни осталось въ вѣрности, всѣ въ ея за́водь введены. Самъ, какъ по собственной своей склонности, такъ тогда и при печальныхъ обстоятельствахъ, бо́льшее имѣлъ попеченiе о богопочтенiи. И понеже пагубное возмущенiе, наподобiе болѣзни, по всей распространялось Сiцiлiи, такъ что будто въ томъ больше

ше было рока и безумія, нежели злодѣянія; то при всемъ народѣ въ стѣну храма гвоздь вонзилъ, въ знакъ твердости всей Сіциліи, и также древности наслѣдственнаго въ ней правленія. Симъ способомъ надѣялся успокоить сердца́, кои неистовство взволновало. Также, чтобъ и къ его войску тажъ зараза не пристала, рассудилъ заблаго учинить ему смотръ. Того ради, отправился въ главную часть военнаго стана; [ибо подъ горою у Эпеірктпы воины стояли] а оттуду съ полковниками и полководцами, также и съ кумирами боговъ, пошелъ строемъ на́-поле, на которомъ священнодѣйствующій жрецъ учреждалъ жертвенники. Все войско, ополченное и при знаменахъ, для божественныя службы вѣнки себѣ на́-головы положило; ко́пья также и стрѣ́лы обвиты были пращами. Между тѣмъ изъ приносимыхъ жертвъ, всячески украшенныхъ, телецъ, козелъ, и овенъ, съ законными молитвами трижды отъ жерцовъ, благоговѣйно препоясанныхъ, около всего войска будучи обведены, при жертвенникахъ поставляются. Тогда Царь, и самъ обратившись круго́мъ, боговъ призывалъ въ по́мощь: да споспѣшествуютъ они лучшей сторонѣ; и

буде

буде кои по сїе время не́-были благопрїятны, то нынѣ законно умоляемыи, да защищаютъ его. Да будетъ безвредно войско. Силъ, бодрости, разума, да лишится непрїятель. Ежели они споспѣшествомъ, спасенїемъ, и побѣдою снабдятъ; то онъ Iовишу Сохранителю, также Марсу и Мїнервѣ, и всѣмъ сильнымъ на небѣ богамъ, сколько ихъ ни есть, кои о войнѣ или о мирѣ промыслъ имѣютъ, храмъ изъ непрїятельскихъ корыстей создать имѣетъ. Учредитъ онъ также ежегодные игры; за кои на воздаянїяхъ си къ Сїцїлїи боговъ благодѣянїя изображены будутъ. Во время сихъ его обѣтовъ, жертвы закланные падали; а дышущую еще утробу прорицатель наблюдалъ смотря. Сей, когда не поврежденную печень, но толстѣйшими перепонками твердо окруженную, рассматривалъ; то сказалъ, что внутренности изрядны, и предвозвѣщаютъ онѣ великое благополучїе, но косное, и на которое много труда положить будетъ надобно. Послѣ сего воины, пустымъ по наукѣ обращенїемъ, и копьями нѣсколько кратъ ударяя, также и какъ бы предъ непрїятелемъ стоя́ вскрикивая, изобразили видъ сходящагося сраженїя; а безвредно туда и сюда

разбѣгавшись, въ военный станъ возвратились.

X.

65.

Но Мелеандръ, сколько еще осталось дня, употребилъ не многимъ на разнящіяся отъ сего попеченія. Ибо нѣкто изъ Ассиріи пріѣжжій, подъ видомъ снисканія въ разныхъ народахъ премудрости, скитался, а са́мымъ дѣломъ чтобъ своею величаться. Сей тогда въ Сициліи былъ: и будучи искусенъ въ знаніи астрологіческаго неба, продавалъ науки своея игрушки, ежели кто отъ звѣздъ, которые при рожденіи его были, хотѣлъ о благополучіи, какое живущему, какое и умирающему воспослѣдовать имѣло, са́мымъ пустымъ познать вѣроятіемъ. Не́-было еще тогда запрещено подъ смертною казнію и о самихъ Государяхъ толь худую вѣрность звѣздъ вопрошать. Когдажъ онъ похвалялъ сіе знаніе такъ, что едва равное сами боги имѣютъ, и о многихъ лгалъ событіяхъ, что сколько кратъ щастіе, или злоключеніе не втуне предвозвѣщалъ, и коль много такихъ, кои не безъ вреда какъ хулили сіи судьбы, такъ,

такъ и не напрасно ихъ боялись: то случилось, что до Архомброта слава объ немъ дошла. Къ сему будучи призванъ, когда пространно тужъ небеснаго влїянїя силу онъ расхваливалъ; то юношу, и любящаго такъ воздвигъ, что объ успѣхѣ своихъ пристрастїй оную науку спрашивать самъ восхотѣлъ. Халдей обѣщался, что онъ все предвозвѣщаемое звѣздами вѣрно ему объявитъ. Но чего ради только простаго состоянїя люди утруждаютъ, говорилъ, сїю о будущемъ науку? Чего ради самъ не повелитъ Мелеандръ, чтобъ, посмотрѣвъ на небесный порядокъ, познать, въ свою́ль онъ, или въ пользу непрїятелямъ сражается. Подвигла сїя рѣчь Архомброта: а чрезъ него и Царь, въ надеждѣ больше нежели на божескій отвѣтъ, Халдея къ себѣ призвалъ. Сей надѣянїя на мздовоздаянїе исполненъ будучи, и уже́ прибыльняе себѣ, нежели Царю угадывать имѣя, пришелъ во дворецъ: но когда былъ спрошенъ, чрезъ какую науку, и како́ва бога силою, можетъ онъ вперять свои́ глаза́ во мракъ будущихъ приключеній, такъ говорить на́чалъ: не оный насъ духъ къ прорицанїю, О! Царь, возбуждаетъ, котораго провѣщатели изъ пещеръ и язвинъ земныхъ

вызываютъ на смущенное, божества подстрѣканіями, помраченіе умовъ. Но мы и по обыкновенію ихъ темными и сомнительными отвѣтами вопрошающихъ не обманываемъ. Одну небесную силу, одно теченіе звѣздъ наблюдать, нашъ народъ имѣетъ упражненіе. Мы первыи житкіе, и не имѣющіе слѣда, стези небесныхъ свѣтилъ именами назвали, и мѣрами различили, свободнымъ наблюденіемъ въ ясномъ воздухѣ, и тучами никогда не помраченномъ. Ибо у Ассіріанъ рѣтко ненастіе, или пасмурныи изъ тучъ вѣтры небо отнимаютъ. Въ семъ созерцаніи пребывая, опытомъ мы познали, что человѣческое состояніе движеніемъ свѣтилъ управляется; и нѣтъ другихъ роковъ, коимъ бы приключенія раждающимся располагать. Ибо, ежели отъ ихъ между собою взаимнаго дѣйствія вся земля перемѣны получаетъ, и къ плодоносію, или къ утушенію сѣменъ понуждается; то чего ради намъ удивляться, чтобъ и каждое человѣческое тѣлишечко не оттудужъ жизнь, похотѣнія, радость, и печаль себѣ воспріимало? Надлежитъ токмо знать точно са́мое то мгновеніе, въ которое васъ родила матерь. Я изображу на бумагѣ видъ неба, и всѣ домы, сколько мы ихъ свѣти-

свѣти-

свѣтиламъ опредѣляемъ; да и оныя точно въ нихъ поставлю, кои во время вашего рожденія господствовали. Юпитеръ, Солнце и Венера, самые лучшіе изъ планетъ; а самые худые съ Марсомъ Сатурнъ: но Меркурій и Луна добры и худы по различію мѣстъ, на которыхъ они пребываютъ. Которая изъ сихъ планетъ царствовала, когда вы на́ свѣтъ вышли; какою степенью, и какимъ совоззрѣніемъ оную прочіе или умягчили, или ожесточили: тамъ я, не извольте сомнѣваться, все что о васъ ни опредѣлено, прочесть имѣю.

66.

Дерзость такъ предлагающаго, и великость обѣщанія, коснулись Мелеандра. Сверьхъ того, великолѣпіе науки, и буттобъ изъ тайныхъ божескихъ мѣстъ отвѣты слышащимъ недовѣдомыи, придали оной еще больше почтенія. Но когда всѣ великими похвалами шумѣли; тогда Нікопомпъ [ибо по случаю при весьма не многихъ онъ тутъже былъ] смотря на Халдея, и въ свирѣпомъ смѣхѣ: изрядно другъ мой, говорилъ; получилъ ты божескую власть. Пиши надеждѣ и боязни нечестивыи законы: и ежели ко-

торым

торый здѣсь обмануты быть желаютъ, тѣхъ прельщай, понеже того они сами хотятъ. Устремленіе Мелеандрово, и прочихъ, слыша сіи слова́, остановилось. Того ради съ превеликимъ желаніемъ всѣ начали спрашивать, что хотѣлъ бы говорить, и какое имѣлъ бы мнѣніе Нікопомпъ. Самоголь Халдея, или науку его онъ ругалъ. Особливо Мелеандръ сталъ спрашивать, чегобъ ради онъ чужестранному толь сурово говорилъ. Но онъ: длячегожъ бы мнѣ на сего обманщика не нападать, всемилостивѣйшій Государь, который надъ вами весьма себѣ больше власти похищаетъ, нежели сколько оныя свѣтила, ложно отъ него превозносимыя, сами имѣть могутъ? Отъ всего, что онъ лгать ни захочетъ, ослабѣетъ, непрестаннымъ ожиданіемъ событія, се́рдца вашего спокойствіе, котораго никакія свѣтилъ движенія не моглибъ привесть въ колебаніе. Такимъ образомъ сей тираннъ надъ вами, подъ подлогомъ неповиннаго неба, царствовать будетъ, и притомъ, какъ бы Іовішемъ себя учинить хотѣлъ, станетъ думать, что вы многимъ ему одолжены, ежели благополучныя приключенія умоляемыми устами вамъ предвозвѣститъ. Чтожъ, напослѣдокъ, чаете вы

отъ

отъ него услышать? Я, безъ всякаго математіческаго неба, все вамъ раскажу, что онъ будетъ дѣлать. Когда превеликую бумажищу [не безъ собственнаго своего смѣха, буде умъ въ немъ есть] многими чертами и точками всю измараетъ; тогда кроткія предопредѣленія, и верьховности вашея достойныя, важнѣйшимъ посулитъ голосомъ. Ибо онъ знаетъ, что сіе ему и для милости, и ради бездѣльныя корысти полезно. Между тѣмъ, показывая себя, какъ бутто онъ не для прибытка дѣлаетъ, сморщится; въ затрудненіи остановится; то на васъ, то на небо посмотритъ: наконецъ, скажетъ нѣчто страшное, однако сомнительное, и что способно къ различнымъ случаямъ приложить можно будетъ. Въ семъ состоитъ весь сей толикій трудъ; сіи отвѣты онъ продастъ, которыи я теперь даромъ сказываю. Но почто я медлю на самого бездѣльника напасть, понеже сего сраженія какъ молчаніе Вашего Величества, такъ и его на меня вперенное зрѣніе, желаютъ.

67.

Утверждаешь ты, господинъ Астрологъ, что отъ состоянія свѣтилъ, отъ поря-

порядка, отъ силы, какою они вливаются въ исходящихъ на свѣтъ младенцовъ, живота и смерти предопредѣленїе зависитъ; но тыжъ признаваешь, что съ толикою скоростїю всегда обращается небо, что въ са́мое краткое мгновенїе перемѣняется состоянїе свѣтилъ. Того ради, когда такое стремленїе, какое ты едва умомъ понять можешь, небесныя тѣла́ движетъ; а отъ различнаго стоянїя угроженїя ихъ или обѣщанїя ожесточаются и умягчаются: то кому ты изъ людей щастїе его вѣрно сказать можешь, длятого что не извѣсно, въ какую свѣтилъ умѣренность или растворенїе онъ родился? Развѣ ты думаешь, что такъ о семъ стараются повивальные бабки, что всегда онѣ съ солнечными справливаются часами, точно замѣчаютъ каждую точку дня, и для родящихся собственные звѣзды, какъ наслѣдїе, хранятъ. Коль же многажды случается, что бѣдствїе родильницъ не допускаетъ до сего старанїя присутствующихъ? Коль и часто бываетъ, что нѣтъ тамъ ни одного, который бы о семъ суевѣрїи тщанїе имѣлъ? Однако положи, что всегда находится, комубъ о семъ стараться. Но ежели чрезъ долгое время раждается младенецъ; ежели,

какъ

какъ часто случается, за показавшеюся рукою, или за частію головы́, все прочее тѣло не слѣдуетъ: то какое свѣтилъ положеніе вредительно ему будетъ? То ль, которое было при исходящемъ тѣмени; или кое наконецъ на всего рожденнаго дохнуло? Сверьхъ того, понеже многажды погрѣшаютъ солнечныи часы, и многія изъ орудій, кои время означаютъ, отъ сухости или мокроты воздушныя теряютъ исправный ходъ; то по чему познаешь, что то прямое было время, которое при рожденіи младенцовъ любопытныи люди, или пріятели назначили?

68.

Однако положи, что во всемъ томъ нѣтъ погрѣшенія, и что можно постигнуть, въ какомъ состояніи находились звѣзды, и какую имѣли онѣ силу, когда тѣ, о коихъ ищешь, раждались. Но откуду толикая свѣтиламъ надъ тѣлами нашими, еще и надъ умами власть? Отъ нихъ мнѣ, посему, должно ожидать щастія, отъ нихъ жизни состоянія, и отъ нихъ такія смерти, какую дать захотятъ? Тоголь ради, на войнѣ сражающіися, и совокупно уми-

рающіи, всѣ подъ однимъ неба порятկомъ рождены? Или судно, которому потопать придетъ, никакихъ другихъ на себя не посадитъ, какъ токмо коихъ при рожденіи свѣтила утонуть осудили? Напротивъ того, подъ разными свѣтилами рожденныи, совокупляются на одну войну, въ тотъ же корабль садятся, и различныя свои рожденія одною и тоюжъ смертію соединяютъ: и также не всѣ тѣ, кои при томъ же одномъ соединеніи свѣтилъ на свѣтъ выходятъ, однимъ и равнымъ щастіемъ живутъ, и умираютъ. Здѣсь ты видишь Царя: то не думаешь ли, что всѣмъ его сверсникамъ царствовать досталось, или уже́ имѣть толикое богатство, которое показывалобъ благополучное и изобильное положеніе свѣтилъ? Но лучше, не мнишь ли, что и живы они всѣ по сей день? Вотъ Клеобулъ; вотъ и ты. Или всѣ вмѣстѣ съ нимъ родившіися, равножъ съ нимъ и благоразумны, и также у Царей въ милости; такимъ же образомъ которыи и съ тобою, тѣ всѣ [чтобъ не сказать хуже] Астрологами? Чтожъ, когда кто къ разбойнику попадется? Рокъ ему былъ такой, ты говоришь, чтобъ его разбойнику убить. Илижъ, посему, тѣжъ са́мыя свѣтила, кото-

которыя путника при рождени разбойничьему ножу подвергли, и самомý разбойнику, за долго прежде можетъ быть рожденному, умъ и силу дали, чтобъ въ нѣкоторое время того и захотѣлъ, и возмогъ онъ умертвить? Ибо подлинно вы говорите, что не меньше отъ свѣтилъ то бываетъ, чтобъ сей убилъ, коль чтобъ и тотъ былъ умерщвленъ. А когда кто зданія паденіемъ задавленъ будетъ; то для тоголь, понеже звѣзды опредѣлили, чтобъ его свой домъ погрéбъ, обрушилась стѣна? Поистиннѣ не для того; но что обрушилась стѣна, то его подверженнаго громада задавила. Также надлежитъ рассуждать и о достоинствахъ, въ которыя произведеніе бываетъ голосами. Тѣжъ ли звѣзды, кои при рожденіи нѣкотораго свѣтили, и [какъ вы утверждаете] достоинство и честь ему предопредѣлили, другимъ людямъ могли повелѣть, которыи подъ оными не родились, а однако, по силѣ ихъ голосовъ, воспослѣдовало произведеніе въ достоинство?

69.

Я сію пустошь въ никчему годности и безуміи превосходнѣйшеюбъ назвалъ;

звалъ; ежелибъ она еще хуже сихъ именъ не заблуждала. Она есть пребездѣльное суевѣріе. Ибо что будетъ въ самовластіи человѣческомъ, когда оно звѣзднаго предопредѣленія преступить не можетъ? Начто мнѣ стараться о здравіи, на что искать че́сти, начто пороки отвергать, начто къ добродѣтели пріобыкать, когда уже́ на роду сказано, какимъ мнѣ быть должно? Но тольколь, что я гибель человѣческаго самовластія оплакиваю? Са́мое боговъ притомъ дарованіе исчезаетъ. Больше не́длячего мнѣ ладанъ терять, боговъ бояться, и имъ молиться: понеже они не могутъ, или не хотятъ того перемѣнить, что обо мнѣ поставлено. Къ статиль же посему о раждающихся дѣтяхъ просить, чтобъ милостивые имъ звѣзды могли случиться? Не можно мнѣ умолчать того, что я въ Мергании видѣлъ. Нѣкто тамъ симъ суевѣріемъ зараженъ былъ, такъ что ни въ женнину онъ спальню не входилъ, не спросившись прежде съ свѣтилами. Когда или хвостъ драконовъ обвивалъ оныя, или ихъ скорпій опоясывая ногами повреждалъ, или всеконечно какимъ инымъ страшилищемъ угрожало небо: то тотчасъ одинъ ложился спать. Чтожъ больше?

ше? Родилось у него нѣсколько дѣтей, но всѣ были слабаго здоровья.

70.

Въ то время, какъ Мелеандръ, и прочїи нещасливому Мерганянина старанїю смѣялись; Халдей, хотя не ожидаемымъ похуленїемъ въ смятенїе пришелъ, однако ободрился, и показываясь, что онъ сїе нападенїе презираетъ, говорилъ, что ничего не отнимается у боговъ, которыхъ повелѣнїемъ сїя са́мая сила, кою онъ проповѣдывалъ, пребываетъ въ свѣтилахъ, и которыи такъ не лишили себя вла́сти, чтобъ бесчисленнымъ вещамъ не быть, къ коимъ они или милостивыми, или имъ мстителями бываютъ. Наконецъ, не толь Астрологи ума лишились, чтобъ думали, всѣмъ, родившимся съ Царемъ въ одно время, надлежало царствовать. При прорицанїи будущаго, о многихъ еще вещахъ, сверьхъ свѣтилъ, надлежитъ рассуждать, изъ которыхъ главнѣйшїе, а именно, возрастъ лѣтъ, и состоянїе породы. Впрочемъ, ежели кто споритъ, что небо никакїя не имѣетъ силы надъ человѣками; тотъ достоинъ числиться съ малоумными:

ибо всякъ знаетъ, что воздухъ, по состоянію неба или возмущенный, или спокойный, вливается въ человѣческія тѣла́; а отъ вдохновенія пото́мъ сего, заключенный духъ получаетъ пристрастія. Когда онъ симъ образомъ умѣреннѣе уже́ говорилъ; то подхвативъ Нікопомпъ: не все мы, говорилъ, господинъ Астрологъ, отрицаемъ звѣздамъ. Преклоняться человѣку къ лѣности и труду; къ хитрой природѣ, или къ откровенной простотѣ; быть веселу, или къ угрюмому уединенію склоняться; напослѣдокъ, къ порокамъ, или къ добродѣтелямъ нѣкоторою тягостію и устремленіемъ нестись: во всемъ томъ не спо́рю, что оно по небесному повелѣнію случается. Тогоради, въ немногомъ попротивлюсь. Ежели примѣчаешь, что, которыи отъ мягкихъ свѣтилъ получили кропость; и тѣ имѣютъ свою́ жизнь препровождать разнымъ щастіемъ отъ такихъ, коихъ тяжелые и неспокойные планеты къ жарчайшей охотѣ привлекаютъ: или, коимъ тихое небо веселость влило; тѣ пріятнѣйшимъ обходительствомъ больше понравятся, нежели люди, кои наполнившись Сатурномъ, во всегдашномъ и скучномъ уединеніи пребываютъ. Такихъ наставленій, хотя не достовѣрныя науки,

но

но какъ преизряднаго благоразумія правилъ я не охуждаю. Другое есть, за что я на тебя нападаю; а особливо сіи четыре вещи. Первое, я вѣрю, что свѣтила побуждаютъ, а не принуждаютъ, какъ ты думаешь, къ праведнымъ пожеланіямъ, или къ нечестивымъ. Потомъ, отъ смотрѣнія на звѣзды, или на пожеланія, не возможно прямо и достовѣрно предсказать, что человѣка въ жизни ожидаетъ, или какой ему конецъ боги опредѣлили. Третіе, нельзя довольно узнать, которыя свѣтила сіи особливо пристрастія въ младенцовъ влагаютъ. Напослѣдокъ, дѣйствія вольныя, или случайныя, сей необходимости звѣздъ приписываются или по пустому, или безбожно.

71.

О всемъ бы я томъ пространнѣе поговорилъ; но вижу, что вы, всемилостивѣйшій Государь, утрудившись къ Клеобулу обращаетесь, отъ котораго, признаваю, полезнѣйшее о войнѣ, нежели отъ меня, или отъ Астролога услышать имѣете. Подлинно, говорилъ Царь; но вкратцѣ о томъ желаю отъ васъ слышать. Тогда онъ: что не принуждаютъ насъ звѣзды; то и отъ сего

явно, что многіи изъ насъ стремленіе отъ нихъ возбужденное разумомъ преодолѣваютъ, и ни чемъ больше нашъ родъ отъ скотовъ не разнится, какъ самовластія дарованіемъ; а оно подзываемо только подчиненными и кипящими движеніями, но къ порокамъ или къ добродѣтелямъ принуждено быть по неволѣ не можетъ. Сія есть причина, что въ Філософскихъ училищахъ нѣтъ сего обыкновеннѣе, и всѣмъ больше вѣдомаго, какъ что премудраго разумъ не подверженъ есть порабощенію, и что са́мымъ звѣздамъ онъ повелѣваетъ. Для сегожъ и всегдашніе онымъ дѣлаются похвалы, которыи умѣютъ успокоевать гнѣвъ, любовь, и прочіе жаркіе стра́сти, которыми тѣ звѣзды въ сердцахъ нашихъ волнуются. Сегобъ всеконечно ничего не́-было, ежелибъ полученныхъ отъ звѣздъ повелѣній умъ нашъ не могъ или презирать, или отвергать. Ктомужъ, какъ солнце во всемъ томъ, что однимъ свѣтомъ, и тѣмижъ лучами преобращаетъ, не одни и тѣжъ производитъ дѣйства: [ибо согрѣетъ иныя сѣмена, а другія засушитъ; сожжетъ тончайшіи злаки, а иныи защитятся густѣйшимъ сокомъ] такъ, понеже толь многихъ раждаемыхъ младенцовъ какъ бы нѣкоторое поле различнѣй-

личнѣйшимъ способомъ учрежденное, отъ разныя родителей природы, крѣпости, и состоянія, одна оная сила, которая съ неба на многихъ совокупно проліется, не можетъ одного во всѣхъ произвесть дѣйствія. Ежели соглашающуюся себѣ природу найдетъ во младенцѣ; то въ ней воцарится: но буде сопротивляющуюся; то едва что здѣлаетъ иное, какъ токмо исправитъ. Такъ что, когда о нравахъ младенца како́ва и о жизни хочешь сказать; то не на небо только смотрѣть тебѣ должно, но еще притомъ на родителей, на околичности, въ которыхъ чреватая мать пребывала, но на многое и разное иное, и по большой ча́сти тебѣ невѣдомое. Изъ сего всего, втораго положеннаго отъ меня предложенія, доказательство само собою происходитъ; а именно, по звѣздамъ не возможно положить достовѣрно, что люди дѣйствовать имѣютъ, или страдать. Ибо, когда можемъ воздерживать природныя пристрастія; то для́чегожъ и отъ того не удаляться, что оныябъ пристрастія произвели, ежели мы когда были имъ подвержены? И понеже для различныхъ причинъ то лехче, то тяжелѣ въ сердце раждающагося человѣка впадаетъ оное жмущаго

неба состоянiе: то чего ради думать, что оно будетъ одною во всѣхъ силою дѣйствительно, которое не во всѣхъ одною и тоюжъ властiю утвердилось?

72.

Прибавилъ я, что съ довольною достовѣрностiю узнать не возмо́жно, какое былобъ оное соединенiе, или отвращенiе свѣтилъ, кои во младенцовъ сѣмена будущихъ пожеланiй всѣваютъ. Вы оное наблюдаете, кое при са́момъ рожденiи пребываетъ. А чегожъ ради и не оное, которое тогда было, когда одушевлялся плодъ во чревѣ? Чегожъ ради и не всѣ прочiя, отъ коихъ нѣжное тѣло, и жизнь не знающая еще себя, въ утробѣ матерней прiобучаема была къ терпѣнiю житiя? Ибо я твердо вѣрю, что не больше отъ состоянiя тѣхъ свѣтилъ, сколько и отъ самихъ родителей зависитъ младенецъ.

73.

Сiе положилъ я послѣднее, что дѣйствiя вольныя, или случайныя, сей звѣздъ власти не безъ нечестiя и безбожiя приписываются: что са́мое ревнительнѣй-

тельнѣйшебъ я изъяснилъ, ежелибъ не боялся, что продолжительностїю моею Царя я къ тебѣ преклоню. Однако скажу; да и вы сїе утверждаете, а утверждать безъ законопреступленїя, или безъ лишенїя разума, не можете. Что сего вольняе, какъ жену понять? Сей, или тотъ родъ житїя избрать? Или что случайнѣе, какъ человѣку умерщвлену быть оружїемъ, или потонуть въ водѣ; недругомъ кому здѣлаться, въ нѣкоторый житїя годъ немоществовать; быть знатнымъ любиму, достоинствомъ знамениту, или напрасное претерпѣвать поношенїе? Однако все сїе вы господа́ Астрологи обыкновенно прорицаете: тутъ ваша продерзость, тутъ и корысть ваша. Недавно нѣкоторый слуга воровство здѣлалъ: ушелъ онъ; а господинъ вездѣ его искалъ. Ничему не можно быть случайнѣйшему, какъ чтобъ или попасться ему пойманному въ ру́ки, или уйти безвредну. Сталось такъ, что онъ не попался: тотчасъ одинъ изъ вашихъ таварыщевъ, достовѣрный о прошедшемъ провѣщатель, сказалъ намъ, что для того воръ безъ отмщенїя ушелъ, понеже Луна соединилась съ Меркурїемъ, защитникомъ воровъ, и его покрыла. Едва я могъ повѣ-

повѣрить, что онъ намъ сію басню не играя сказываетъ. Тогоради, не зависѣло сіе ни отъ промысла боговъ, ни отъ господскаго прилѣжанія, ни отъ досужства самого вора, чтобъ не быть ему пойману, и безвредно укрыться; но все сіе здѣлалось по повелѣнію звѣздъ: отъ которыхъ ежели все сіе человѣческое такъ управляемо бываетъ; то напрасно мы всѣ о дѣлахъ нашихъ и нуждахъ толикое стараніе имѣемъ. Ибо то будетъ, хотябъ мы и поджавъ руки сидѣли, что они преднаписали: а чему быть запрещено отъ нихъ; то ни отъ какова радѣнія нашего въ дѣло не произойдетъ. Но чтобъ о всемъ прочемъ умолчать, чемъ можетъ отражена быть сія, которую вы дѣлаете, богамъ и естеству обида; то скажи мнѣ, господинъ Халдей: та сила, коя щасливую раждающемуся младенцу жизнь предвозвѣщаетъ, или наглыя смерти случай на тритцатый можетъ быть, или далѣе, житія годъ опредѣлила: та сила, говорю я, которая сіи случаи и оное щастіе въ движеніе привесть имѣетъ, пребываетъ ли въ цѣлости на небѣ, опредѣленнаго времени ожидая, въ которое на-землю упадаючи, принуждаетъ къ необходимому произве-

произведенію необходимыя также орудія; или вливается въ самого младенца, такъ что, какъ бы унѣженная, и помалу возрастающая, въ опредѣленное время выникаетъ, и исполняетъ то, что свѣтила повелѣли? буде скажешь, что она на небѣ пребываетъ; то явно покажешь, что нѣтъ въ тебѣ смысла. Ибо когда щастіе младенцово состоитъ, какъ вы утверждаете, на способѣ, какимъ свѣтила, во время его рожденія, между собою соединены были; а послѣ какъ оный способъ на небѣ загладило уже тѣхже звѣздъ теченіе, и другой, можетъ быть противный первому способу, здѣлало: то въ какомъ ковчегѣ, или въ какомъ небесномъ хранилищѣ спрятана будетъ первѣйшая оная сила, которой по прошествіи многихъ лѣтъ отъ того времени, надлежитъ явиться и на театръ выйти? Ежелижъ думаешь, что соединяется съ самимъ младенцомъ тотъ рокъ, которомубъ во время мужескаго его возраста потомъ быть дѣйствительну: то еще бездѣльнѣе перваго бредите. Сіе не тожъ ли, какъ и говорить, что причина пребываетъ въ самомъ потопленіи, чего ради вѣтры востаютъ, чего ради позабывшись кормчій посадитъ носъ на-мѣли? Также и обы-

и обыватель самъ причина есть войны, которая его въ нищету приводитъ, или милостивѣйшаго воздушнаго благорастворенія, кое плоды ему умножаетъ? А коихъ расступающаяся земля пожираетъ; то тѣ самижъ твердыя оныя естества нѣдра сокрушаютъ наглостію своего рока, чтобъ имъ определенною отъ звѣздъ смертію скончаться? Больше противъ всепагубнаго безумія не хочу говорить, которое боговъ и человѣковъ въ одну неволю осуждаетъ, и которое всякаго основанія будучи лишено, и тщетными успѣхами многократно осмѣяно, однако пустую, а иногда и богопротивную надежду влагаетъ въ сердца спрашивающихъ, или въ напрасный страхъ приводитъ ихъ неосторожныхъ.

74.

Однако, величаются они нѣкоторыми своихъ астрологовъ отвѣтами, которыи случаемъ получили событіе; и сими къ вѣроятію силятся привесть, какъ бы непрезираемой наукѣ. Вопервыхъ, ежели такіи збывшіися отвѣты находятся, я отвергаю, чтобъ они по необходимости роковъ случились, и по принужденію отъ

отъ звѣздъ. Скорѣе повѣрилъ бы я, что есть нѣкоторая божія сила, которая, въ отмщеніе за нечестивую вѣроятность, иногда показываетъ людямъ то са́мое, чего они не отъ боговъ, но отъ звѣздъ боялись. Пото́мъ, какъ сны, хотя и не нарочно, и безъ всякаго руководства заблуждающіи, однако иногда случайныи будущихъ вещей виды изображаютъ: равнымъ образомъ и слѣпецъ, ежели часто и много камней бросаетъ; то иногда не думая попадаетъ въ цель. Такимъ же способомъ, понеже много и всегда, господинъ Халдей, вы лжете; то не дивно, что иногда щастіе продерзости вашей служитъ, а вы чванитесь, что сами совершенную правду сказали. Сверьхъ того, и не многіи оныи збывшіися отвѣты, кои въ народѣ славятся, суету сея науки также уничтожаютъ. Ибо какой ясняе сего знакъ быть можетъ, что нѣтъ въ васъ правды, какъ величаться и разглашать, будтобъ какое чудо, когда на оную по случаю игрушка ваша нападетъ? Но и не столько еще я имѣю надежды на славу, чтобъ тому, что она о прорицаніяхъ вашихъ сказываетъ, подлинно могъ я вѣрить. Когда о дивныхъ нѣкоторыхъ приключеніяхъ сказывается; то съ благо-

пріят-

пріятствомъ отъ удивляющихся обыкновенно принимаются: и хотяжъ невесьма такимъ они образомъ были, какимъ сказываются, но ежели одного писателя себѣ найдутъ, то многими уже́ подтверждаются, почтеніемъ возрастаютъ, а древностію препоручаются. Я думаю, что и ваши басни такимъ же способомъ усилились: развѣ токмо такъ еще скажешь, что съ нечестивою наукою въ согласіи пребываютъ проклятыи ду́хи: ибо сіи человѣческія дѣла́ и тайны прилѣжно наблюдаютъ, и хитро о будущемъ догадываются. Того ради, не дивно, что ваша братья Халдеи, буде въ бесчесное съ ними дружество когда вступили, получивши отъ нихъ наставленіе и показаніе того, что выше понятія человѣческаго было, иногда прославились. Весьма я долго съ тобою медлю. Ежели ты знаешь, что здѣлаться имѣетъ съ Сициліею; то чегожъ ради, господинъ астрологъ, не справился ты съ небомъ и о своихъ собственныхъ нещастіяхъ? Для́чего ты не зналъ, что сего дня я нападу на тебя? Для́чего, ради бо́льшія вѣроятности твоей наукѣ, не сказалъ ты напередъ, что есть здѣсь такой, который тебѣ мѣшать будетъ, и приведетъ

въ

въ смятеніе. Напослѣдокъ, когда можеть узнать, что будетъ ли Царь торжествовать надъ непріятелями; то прежде надлежало сіе узнать, повѣритъ ли еще онъ въ томъ тебѣ. Но тебѣль толикій Царь повѣритъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, и по такой наукѣ, которая когда и объ обыкновенныхъ бездѣлицахъ дерзаетъ прорицать, то за пустый успѣхъ у всѣхъ въ посмѣяніи бываетъ? Ибо что ясныи или пасмурныи дни, сильныи дожди, вихри, вѣтры посылаются къ человѣческому роду, отъ взаимнаго между собою свѣтилъ состоянія; то также и вы разглашаете, какъ и мы отчасти признаваемъ. Однако, и въ семъ толь часто погрѣшаете, когда по звѣздамъ или обѣщаете солнце, или дожди, что въ присловіе вошла оная вашихъ игрушекъ и лжей своевольность. Самъ ты наблюдай небо; слѣдуй за лүннымъ теченіемъ; войну или миръ небесныхъ свѣтилъ означай въ граняхъ. Изъ того, ежели можешь, предвозвѣщай красныи дни, мрачныи показывай. Ежели не погрѣшишь, ежели тебя успѣхъ не обличитъ; то я самъ себя отдать головою твоей наукѣ, которую ругаю, не отрицаюсь. Однако столькожъ надъ воздухомъ, надъ об-

лаками, надъ ве́дромъ звѣ́зды силы имѣютъ по твоей скаскѣ, сколько и надъ тѣломъ и щастіемъ человѣческимъ. Того ради, когда ты того всего подлинно не знаешь; то какъ намъ думать, что ты о семъ другомъ можешь предвозвѣстить? Узнаешь тоесть по звѣздамъ, чемъ окончается война, и какая у́часть Сіцілійскія сердца́ въ движеніе приводить станетъ: а не будешь знать, когда огородишку твоему дождь, когда скотинкѣ солнце тѣжъ звѣзды пода́ть имѣютъ. Лучше признаться, что вы, для сего невѣденія временъ, или не знаете, чего хотятъ, и что звѣ́зды повелѣваютъ; или есть сверьхъ всего того иная Сила, о которой вы не извѣсны, а она по своему самовластію сіи звѣздныя предопредѣленія и повелѣнія уничтожаетъ.

75.

И понеже ты о всенародныхъ и царственныхъ дѣлахъ толь способное имѣешь знаніе; то чего ради тоюжъ наукою самъ себѣ щастія не сыскиваешь? Чего ради, предусмотрѣвши прежде все что случиться долженствуетъ, отъ противнаго не удаляешся,

ешся , а за пріятнымъ не слѣдуешь ? Когда я былъ во Фрїгіи ; то находилась въ то время тамъ старуха , великая мастерица брать деньги за угадываніе. Случилось , что въ домѣ нѣкотораго богатаго обывателя украдено блюдо , которое хорошія цѣны стоило. На кого положено было домостройства смотрѣть ; тотъ , совокупно съ своимъ пріятелемъ , пошелъ къ сей колдуньѣ съ платою , и , думая что ужé онъ вора поималъ , что ужé паки въ рукахъ у него блюдо , сею превесьма тщетною надеждою льстился. Утро было ; а когда сіи къ ней приходили , то впервые еще старуха двери отворять стала , кои , будучи по случаю вымараны всѣ скаредствомъ , далеко скверную вонь пускали. Не знаю кто изъ сосѣдовъ тайно оною обидою старущенкѣ насмѣялся. Того ради остановилась она осердившись : и , ежелибъ я знала , говорила , кто бездѣльникъ употребилъ ночь на сіе своевольство ; тобъ назадъ отбросила , подлиннобъ отбросила въ нечистую его харю всю гнусность , коею онъ вымазалъ мои двери. Услышавъ сіе тотъ , который пришелъ спрашиваться , а взглянувъ на пріятеля : на чтожъ намъ , говорилъ , деньги терять ? Ибо гдѣ старухѣ вора

узнать, кто насъ покралъ, которая сама у себя ни о чемъ не вѣдая, а мерзости почитай по́дъ-носъ ей накладено, еще не знаетъ, на кого ей сердиться должно? Сказавъ сїе, какъ пришелъ, такъ тотчасъ и назадъ пошелъ отъ ворожеи. Сей случай эпїграммою расславилъ не знаю кто изъ Пїитовъ, которую я и понынѣ помню: а понеже она короте́нька, то, ежели угодно, прочту.

О! звѣ́зды, Божески отвѣты!
И птичїй вѣщїй родъ судебъ!
Васъ баба морскла чрезъ привѣты,
Колдовскихъ коя цвѣтъ потребъ,
Зоветъ къ себѣ, бьючи зло но́ги,
Луна какъ будто згибла съ глазъ.
Та царску мысль, грозятъ чемъ боги,
И всякъ что думаетъ изъ насъ,
Узна́етъ, и тому доро́ги
Покажетъ вточъ за грошъ тотчасъ.
Одно скажите, ахъ! не знаетъ,
Кто скве́рно двери замаралъ?
Какой вѣдунъ то угадаетъ,
Насмѣшникъ тайно что сыгралъ?
Но всуе весь тайтикъ Пїтїйскїй
Тебѣ, Яга, въ томъ утруждать:
Самъ сильный фебъ, отецъ Делфїйскїй
Далъ носу твоему то знать.

XI.

76.

Еще-было много говорить имѣющаго Нїкопомпа, Царь оперши́сь на Клеобула

обула оставляетъ. Прочіи всѣ, надрывая свой животъ съ смѣха, за нимъ послѣдовали. Клеобулъ Царю напоминалъ, что хотя и обманщикъ былъ тотъ пріѣжжій; однако опасно отъ него, и для того безъ обиды надлежало его отпустить. Ибо раздраженный лехко вредительные звѣзды вымыслитъ; такъ что тотчасъ войско суевѣріемъ заразиться можетъ. Того ради, ужé печальнаго, призываютъ, и благодарятъ за обѣщанный его трудъ. Но время не допускаетъ, чтобъ оный въ дѣло произвесть. Притомъ, и не пристойно Царскому Величеству, чтобъ, какъ бутто сомнѣвающемуся о побѣдѣ, съ великою зоботою на судьбу своего рожденія взирать. Однако, за показанное доброхотство, награжденіе дано ему будетъ. И тотчасъ, полталанта льстецу, въ откупленіе обиды, которыя боялись, посылаютъ. Потóмъ къ важнѣйшимъ дѣламъ обратились: ибо новые часто вѣдомости о пріуготовленіи Лікогеновомъ не радосное сказывали. Въ войскѣ у Царя не больше десяти тысячъ человѣкъ было пѣхоты. Двѣ тысячи конницы считалось. Пращниковъ и стрѣлковъ три тысячи пятьсотъ. Тритцать колесницъ съ косами. Десять кораблей

воруженныхъ: а другихъ судовъ, для военныхъ потребъ, число было вдвое. Гіперефаняне съ общаго совѣта не отступили; но каждый изъ нихъ по своей охотѣ поступалъ: иныи въ Царскомъ находились войскѣ, а иныи въ непріятельскомъ. Но къ Лікогену какъ всего прочаго, такъ и людей буря смятенія бо́льшую прибила силу. Осмотрѣнное неподалеку отъ Сіракузъ воинство по полководцамъ онъ раздѣлилъ. Тритцать тысячъ человѣкъ пѣхоты, да шесть тысячь конницы у него находилось. Но чтобъ не лишиться добраго предзнаменованія; то кто первый у него записанъ, тому имя было Ніконъ [побѣда], что народное суевѣріе, какъ нарочную вещь, въ знакъ щастія приняло. Зналъ совершенно Лікогенъ, что толь долго онъ повелителемъ быть имѣетъ, коль долго они пребудутъ въ неистовствѣ. Того ради, пока дѣло кипѣло, всею силою войска двигнулся противъ Царя. Царь на встрѣчу пошелъ къ незнатной рѣчкѣ, которая, на многіи потоки по землѣ разлившись, сама текла въ яристыхъ берегахъ. Вяское вкругъ было все мѣсто, для того что вода въ жилахъ земныхъ была, и притомъ отъ того, что и сама оная рѣчка недавно изъ

береговъ своихъ разливалась. Съ симъ загражденiемъ и не многiи могли стоять противъ Лiкогена. Но храбро и онъ поспѣшалъ; а старающагося обойти трудныя мѣста, гдѣ можно было, поставленныи отъ Царя не допускали. Онъ, чтобъ ему между тѣмъ не опустить времени, Анаксiмандра племянника своего, и брата Олоодемова Менокрiта отправилъ осадить одного изъ нихъ Энну, а другаго Катану, давъ имъ нѣсколько войска. Изъ егожъ и Царскаго военнаго стана, многiи непрестанными сшибками сражаясь, съ разнымъ ежедневно благополучiемъ къ своимъ возвращались.

77.

Ктобъ подумалъ, что при толь ужасныхъ смятенiяхъ, и при са́момъ напасти пораженiи, пристрастiя другихъ вещей могли пребывать? Но зляе Архомброта и Аргенiду тайныя попеченiя, нежели кои явно казались, сокрушали. Она, только что любя однѣ Полiарховы добродѣтели, все свое тѣло блѣдностiю изнуряла, а душевныхъ ужѐ силъ въ уединенныхъ слезахъ лишилась; и не переставая говорила, что не медлѣнно надлежало возвратить стараго

Лїкогенова непрїятеля, и торжествовать надъ нимъ привыкшаго. Но весьма иное мучило Архомброта. Беспокоясь бѣднѣйшею не извѣсныя надежды сладостїю, то проклиналъ онъ войну, что обращаясь при полкáхъ не получилъ себѣ времени къ объявленїю любви; то радовался, что здѣлался случай къ показанїю мужества: а для обѣихъ сихъ причинъ возбуждаемъ былъ на непрїятеля. Однако, часто самъ себя винилъ, что одинъ былъ во время толикїя Мелеандровы и Аргенїдины напáсти. Думалъ, что надлежалобъ собрать войско; а великостїю благодѣянїя показать какъ свою любовь, такъ и свѣтлость своея породы. И поистиннѣ, ничегобъ онъ изъ сего не оставилъ. Но дѣло долгаго требовало времени, чтобъ дать знать отечеству о семъ Сїцилїйскомъ состоянїи; также чтобъ набрать тамъ войско, и перевезть оттуду: а отъ Лїкогена устремительная бѣда настояла, который толь медлѣнныя пóмощи ожидать не имѣетъ. Не меньше онъ и для Полїарха крушился, котораго всегда, уязвленному сердцу неистовою ревностїю, попадшагося, укрывая зависть, такъ оглашалъ при Царѣ, что казалось, будто нимало онъ не для себя то дѣлалъ.

Того

Того ради, въ презрѣніе отъ него ставилъ, что тотъ, когда послалъ Лікогеново письмо, самъ ничего не написалъ къ Царю. Себя онъ и Царя позабылъ въ ономъ или нерадѣніи, или надменіи; и для того не благопристойно Величеству учинитъ Царь, ежели къ нему самъ прежде писать имѣетъ. Такимъ образомъ къ злобнымъ и ежедневнымъ рѣчей навѣтамъ, исподоволь Царскіи слухи привыкали, и тѣмъ способнѣе, что не́-было у Архомброта ссоры съ Поліархомъ по видимому. И отъ Геланора не утаилось, что Архомбротъ другое имѣлъ на умѣ, нежели какъ отъѣжжающій Поліархъ оставилъ. Но понеже онъ его видѣлъ при дворѣ въ милости; то способно сея спеси Фортуну причиною почелъ, которая древнюю дружбу, будто настоящія поступи недостойную, или ей докучную, часто опасается признавать. Между тѣмъ, домашнихъ своего господина [ибо сихъ отъ надзирателей, по Царскому повелѣнію, принялъ на свои руки] такъ по Аргенідину совѣту нарядилъ, что всѣ догадывались о скоромъ того возвращеніи.

78.

Впрочемъ, поспѣшалъ возвратиться въ Афріку; и такъ уже́ онъ долго медлилъ, откладывая день за́-день свой путь напрасно. Напослѣдокъ, по Архомбротову наставленію, Царь не подаривши ничемъ его, и по крайней мѣрѣ ни ласковѣе не принявши, повелѣваетъ сказать Поліарху, что онъ Царь, а не ядотворецъ; Олоодемова и Эрістенова казнь совершенно оправдила его дѣло. Не способнѣе онъ и самъ находитъ причину, чего ради къ нему не писалъ Поліархъ, какъ что писалъ Лікогенъ къ Поліарху. Геланоръ, не ожидаемою жестокостію пораженъ будучи, едва могъ удержаться отъ гнѣва. Однако, памятуя, что онъ съ Царемъ разговаривалъ, и что не столько у него Геланора въ готовности слова́, сколько у того отмщеніе, ничего другаго на то не отвѣтствовалъ, какъ только, что не токмо будетъ писать Поліархъ, но и самъ неукоснительно прибудетъ, чтобъ, ежели онъ въ чемъ погрѣшилъ, оправдиться ему самому́ можно было. Сими словами Мелеандра, уже́ добровольно всего боящагося, въ различныя ввергнувъ помышленія, оставляетъ, и увѣдомляетъ

ляетъ Аргеніду, что коль немилостиво Царь говорилъ о Поліархѣ. Но она, едва удерживая сле́зы: ничего боги, говорила, не оставили, другъ мой Геланоръ, чемъ бы мнѣ и Поліарху вредъ можно дѣлать. Въ разлукѣ, и потому не щасливы, другъ о́-другѣ сердце мы сокрушаемъ. Ктомужъ, и отъ Лікогена для царства мнѣ напасть, понеже я ему любезна, то тѣмъ са́мымъ печальнѣйшая и для него. Чтожъ пользы, прибавить ему и еще сверьхъ того горести, ежели ему дать знать о гнѣвѣ родителя моего на него? Но я думаю, что Царя не злость; но нещастіе перемѣнило. Ежели мнѣ можно въ чемъ нибудь тебя упросить; то, для меня и для него, здѣлай такъ, другъ мой Геланоръ, чтобъ онъ того не зналъ. Я постараюсь, что въ погрѣшеніи своемъ раскается мой отецъ, и будетъ любить Поліарха. За молчаніе такое тебѣ будетъ воздаяніе, како́ва ты самъ, по состоянію твоему, пожелаешь. Ты напрасно будешь чаять, ежели о томъ господина твоего увѣдомишь, что отъ меня то будетъ тайно. Какъ бы онъ тебѣ ни обѣщалъ, что то сокровенно всегда быть имѣетъ; но какъ скоро судьба мнѣ его отдастъ,

то

то преодолѣю молчание, и узнаю, коль ты много былъ мнѣ вѣренъ. Сколькожъ я въ немъ силы имѣю; то больше тебя никто о томъ не знаетъ. Когда обѣщался Геланоръ, что онъ не преминетъ послушенъ быть Аргенідѣ; то она ему письмо къ Поліарху вручаетъ. Онымъ превесьма сильно его просила, чтобъ въ са́мой возможной скорости въ Сіцілію онъ прибыть потщался. Ежели опредѣлено, чтобъ Лікогену быть побѣждену; то особливобъ отъ него былъ онъ побѣжденъ. Но буде боги готовятъ печальнѣйшее; тобъ онъ укрылъ бѣгущихъ. Одареннаго пото́мъ отпустила къ мо́рю.

79.

Уже́ другой тому былъ мѣсяцъ, какъ Энна осаду претерпѣвала. Не стало въ ней съѣсныхъ припасовъ; а надежды ни малыя не́-было на по́мощь отъ Царя. Того ради, лишившись всего, кромѣ вѣрности, пословъ къ Лікогену о здачѣ посылаютъ. Возрадовавшись онъ, для того что тѣмъ желалъ показать образецъ побѣды и милосердія, отвѣтствовалъ, что ничего онъ больше не желаетъ, какъ токмо, чтобъ имъ хотѣть быть щасливыми; для того только онъ

и силу употребилъ. Чтобъ они возвратились къ Сіцілийскому обществу, котораго согласію на Мелеандра нерассудно противились. Но многіи изъ нихъ просили, чтобъ ихъ безвредно отпустить къ Царскому военому стану. И понеже сіе позволено было; то отъ того больше страха Мелеандрову войску здѣлалось, нежели по́мощи, когда сіи бѣдность Энны, и осаждающихъ силу, въ извиненіе отданнаго го́рода, расширяли. Взявъ Энну, своевольнѣе радоваться на́чалъ Лікогенъ; и всякимъ способомъ пытаться искать того, чемъ бы ему рѣчку и болота, на которыхъ стоялъ Царь, преодолѣть. А Мелеандръ не надѣясь, чтобъ можно ему было долѣе на тѣхъ мѣстахъ удержаться, въ са́мый первый разводъ нощнаго караула, по всему военному стану огни зажегъ, дабы не догадался непріятель, что оставляется то мѣсто; также, не давъ и знака трубою, отвелъ назадъ войско на́-поле, которое при Эпеірктѣ было. Погнавшись назавтрѣе Лікогенъ, всю свою силу распространилъ по полямъ. Страшно было ихъ видѣть; а военныи люди надѣяніе свое ва́рварскимъ и грубымъ крикомъ показывали.

80.

Но Царь, всѣ ночи препровождая безъ сна съ печали, то желалъ сразиться, то градскою крѣпостію себя защитить: иногдажъ, какъ буттобъ всего уже́ лишенъ, помышлялъ о бѣжаніи въ Афріку. Случилось такъ, что не хотя опочивать, и ни единаго человѣка не имѣя за собою, въ садъ при рассвѣтаніи сшелъ. Высокое было мѣсто, съ котораго все море вблизи качающееся видѣть можно было. Рассуждающему, что въ той крайности чесняе быть бы могло, то приходило на умъ не трусливое къ сраженію намѣреніе, то престарѣлаго человѣка и отца попеченіе о дщери къ осторожнѣйшимъ предпріятіямъ приводило. Такъ побѣдителюль въ корысть имѣетъ быть сія дѣвица? и которая къ воспріятію скиптра рождена, той придетъ ужъ лишиться и вольности? Иногда размышлялъ о трудностяхъ бѣжанія, иногда о гнѣвѣ боговъ, и, что въ незаслуженомъ бѣдствіи са́мое печальное есть, о благополучіи прошедшихъ временъ. Въ семъ беспокойнѣйшихъ помышленій волнованіи, удивляющіяся свои́ очи возводитъ на́-море. А туманъ, съ ближнихъ горъ подымался, высо-

чайшимъ

чайшимъ солнцемъ будучи разгнанъ, открылъ и́сподоволь видъ вещей пораженному и ужасающемуся удивительный. Все море покрыто было судами, недалеко уже́ отъ пристани; а на нихъ прапоры и хоругви извивающіеся показывали, что новую войну и новый страхъ приносятъ. Мореходный строй былъ превеликій, который всѣми бѣжалъ парусами. Сверьхъ того, блистаніе отъ оружія, и мельканіе отъ множества людей сверкало. Когдажъ не много подалѣе, нежели выстрѣломъ и́зъ-лука достать можно, съ внезапнымъ плавателей крикомъ, брошенныи съ кормъ якари все оное корабельное ополченіе остановили; тогда недолго рассуждая въ себѣ Царь, что за́-люди, и откуду прибыли, но въ горшій страхъ добровольно впадши, и нѣсколько разъ ногою по землѣ топая: Охъ, говорилъ, такъ уже́ и бѣжанія у меня способъ у́часть злая отняла! Вотъ Лікогеновъ мореходный строй, вотъ и войско, которое имѣетъ наблюдать всѣ пристани. Но по достоинству сіе приключилось: принудитъ тебя сей случай, нерадивый старикъ, къ должному военному мужеству, и что добровольно дѣлать было тебѣ надлежало, то вотъ самъ непріятель

непріятель показалъ. Толь малое мое корабельное ополченіе надлежитъ ли мнѣ выслать на сопротивленіе, щастіемъ, судами и войскомъ равенства не имѣющему? Или, оставивъ суда, что и полезнѣе, обращусь я на Лікогена сухопутнымъ сраженіемъ, и хотя ужé въ Сіціліи моей умру? Въ превеликомъ пребывая смущеніи, и ничего больше не желая, какъ чесно пасть, ближнихъ къ себѣ призываетъ. Симъ показываетъ онъ ужасный мóря видъ; и повелѣваетъ послать объѣзное судно, которое развѣдавъ прямо увѣдомилобъ о подозрительномъ мореходномъ нарядѣ. Архомбротъ на всякое бѣдствіе скоръ, проситъ послать себя толь въ опасный отрядъ: но лѣтами и мужествомъ кипящему, Царь велитъ ожидать достойнѣйшаго подвига. Между тѣмъ видятъ, что отъ противнаго корабельнаго ополченія гребетъ въ нѣсколькихъ людяхъ прямо къ пристани кораблецъ; а посланный Тімонідъ, которомубъ пріѣжжающихъ встрѣтить, и спросить, что должно было вѣдать, первый о милостивѣйшей Фортунѣ предзнаменованіе получилъ. Въ кораблецѣ вѣстникъ былъ. А чтобъ не казалось, что онъ съ противною вѣдомостію ѣхалъ; то жезлъ и голову

масличиною увѣнчалъ. Но кто онъ былъ, и съ чемъ посланъ, не сказалъ Тїмонїду. И понеже видѣть желалъ самого Царя; то Мелеандръ тотчасъ, при умаленїи уже́ боязни, велѣлъ пустить его предъ себя. Но предвозвѣсникъ: Радїробанъ Сардїнскїй и балеарскїй Царь, говорилъ, сей вамъ гостю и гостопрїимцу Мелеандру, Сїцилїйскому Царю, залогъ посылаетъ. Ежели изволите оный сложить; то познаете, что точно есть тотъ, который взаимно былъ данъ отъ вашихъ и его родителей. Сїе выговоривъ, половину перстня подаетъ; у котораго на са́момъ верьху маленькая золотая рука была, коя, когда съ другою половиною сложится, то съ подобноюжъ рукою, и также съ распростертою, какъ въ знакъ согласїя, встрѣтится. Тогда паки предвозвѣсникъ: изволитель признавать, О! Царь, взаимное гощенїе, сказалъ. И понеже Царь утвердилъ, что другая перстня половина у него хранится; то, присутствуетъ, говорилъ тотъ, на́-морѣ вашемъ гость Радїробанъ, съ лучшими царства своего силами, кои въ мореходный нарядъ собраны. Совокупленїю сему такая есть причина, понеже какъ скоро славою онъ увѣдомленъ, что вы отъ измѣны злыхъ подданныхъ

страждете; что не возмогъ потерпѣть, чтобъ сему пребездѣльному примѣру, превеликій гостопріимецъ, быть показану надъ Царями. Молчалъ Мелеандръ, божескихъ толь нечаянныхъ благодѣяній почитай въ умъ не вмѣщая. Но видъ сей надобенъ былъ для постоянства, дабы лице его не измѣнилось. Донеси, говорилъ, Царю твоему, О! вѣсникъ, что я прощаю неистовство моихъ, коихъ нѣкакій дружный богъ воздвигъ на злодѣйство. чтобъ намъ толикаго гостя благодѣяніемъ и зрѣніемъ пользоваться. Да будетъ ему угодно, сшедъ вступить нынѣ въ Сіцілію, и дознать, что мы не меньше тщанія покажемъ, дабы его достойно принять, коль онъ самъ много приложилъ, чтобъ намъ услугу здѣлать.

81.

Тотчасъ послѣ сего, предвозвѣсникъ отведенъ для отдохновенія, и предстаьленъ ему столъ. Между тѣмъ Мелеандръ, созвавъ своихъ на совѣтъ, спрашивать у нихъ началъ, самомуль ему надлежало къ Радіробану ѣхать, или испытать вѣрности твердѣйшій залогъ чрезъ знатнѣйшихъ особъ. Разно они рассу-

рассуждали, не дерзая толикому благополучїю и не вѣрить, и также вѣрить довольно. Ибо чегобъ ради Радїробанъ толикое иждивенїе, и трудъ на чужую употреблялъ пользу? А особливо, что ни по прошенїю, ни напредь сего по причинѣ взаимныя дружбы? Всякая излишняя милость, есть подозрительна. Едва можно повѣрить, чтобъ онъ сїе корабельное ополченїе больше для Мелеандра, нежели для себя воружилъ. Ибо, говорилъ Царь, и мой отецъ часто, какъ знаете, имѣлъ войну съ Радїробановымъ отцомъ; по причинѣ ксея были союзы, и тѣнь дружбы, справедливѣе между утрудившимися ими войною, нежели вражду разрушающими. Теперь, что мнѣ думать, пóмощь ли сїя прибыла, или подлогъ, еще не извѣсно. Но Клеобулъ утверждалъ, что безъ всякаго сомнѣнїя надобно было Царю отправиться къ Радїробану: ибо, ежели онъ другомъ прибылъ; то поистиннѣ пóмощь благовременно пришла: и потому нѣтъ въ немъ никакóва излишняго благопрїятства. Будежъ, или онъ самъ собою Царя ненавидитъ, или Лїкогену доброжелательствуетъ; то не можетъ Мелеандръ на землѣ и нá морѣ усилившимся противиться: но однако имѣетъ быть

пристойно Величеству Царскому, ежели оно больше подлогомъ притворныя вѣрности обмануто покажется, а не силою побѣждено. Впрочемъ, скажете, откуду толикая къ Мелеандру Радіробанова любовь? Можетъ быть обманываюсь, что Царь, будучи молодъ, и, какъ слышу, въ пожеланіи славы неимѣющій мѣры, сей случай поималъ, которымъ бы ему, сверьхъ военнаго прославленія, всемилостивый Государь, бракъ дщери вашея, такъ заслужившему, получить. Того ради, будетъ онъ сражаться какъ за свое; и толь дружественнѣе къ Сіциліи, и къ Вашему Величеству съ бо́льшимъ почтеніемъ, коль ближе уповать имѣетъ, что въ свойство вступитъ съ вами.

XII.

82.

И поистиннѣ, Клеобулъ справедливо рассуждалъ. Ибо слава объ Аргенідѣ, и также о Сіцілійскомъ государствѣ, которому Царевна наслѣдница была, желаніе сіе Радіробану въ умъ вложила. Суда къ походу на Мавританянъ, который онъ тайно производилъ, въ готовности имѣлъ; а получивши вѣ-

домость о Сіцілийской войнѣ, на малое время отложилъ Афріку, и похвальнѣйшимъ предпріятіемъ къ Мелеандру приплылъ. Но Архомбротъ [ибо тогда присутствовалъ же въ томъ Мелеандровомъ совѣтѣ] са́мымъ именемъ Аргенідина брака раздражившись, такъ на Радіробана и Клеобула разъярился, что едва сердечная премѣна въ очахъ могла быть утаена. Однако не посмѣлъ противиться, или что нибудь всеконечно выговорить. И понеже Клеобулово мнѣніе Царь похвалилъ; то немедлѣнно посланы на при́стань, которымъ бы Царскую ладейку убрать и изготовить. Въ спокойное время Царь обыкновенно въ ней гулялъ къ безопаснымъ берегамъ. Невеличка она была; и больше осми человѣкъ гребцовъ, столькожъ и садящихся, не вмѣщала. Но золотою и серебреною живописью будучи вся расписана, во всей вкругъ водѣ сіяніемъ изображеній играла: а не подалеку отъ кормы́ мѣлкими золотымижъ писменами слѣдующіи стіхи написаны были.

Суднышко сіе тебя, Цітерея красна!
Порожденная въ волнахъ! всюдужъ самовласна!
Кое раковинкѣ уподобилось твоей,
Проситъ, чтобъ защитѣ отъ тебя ему быть всей.
Нѣтъ въ немъ столько силъ, стерпѣть Марсовы удары,
Ежели

Ежели Беллона зла воспалитъ пожары,
На-морѣ бурливомъ истребляя корабли.
Ни Бореямъ наглымъ разбивать не повели:
И отъ нихъ не устоитъ, страшными волнами
Тѣ какъ взносятъ понтъ, средѣжъ свистомъ злятся сами.
При способныхъ только берешкахъ есть ходъ его.
А дождей какъ съ Австра не явится ничего,
И Нептунова когда на яру супруга
Цїмотоя сядетъ ужъ, въ ясность жарка круга,
И свои зелены станетъ волосы чесать;
То тогда имѣетъ судныщко сїе летать
Къ дальнымъ берегамъ, тогдажъ вся ему причина
Ввѣрить не многимъ гребцамъ сильна господина.
Тыжъ! мы если должно Эрїкса чтимъ не въ простыхъ;
Вѣтромъ, хоть и лехкимъ, скоро относи прочъ злыхъ,
И всѣ шестики сама ты держи рукою,
Глаткїй путь стели сверьхъ водъ тихою волною:
А съ тобой два братїа былибъ тутже въ двухъ звѣздахъ,
Ихъ сестра Елена съ нимижъ перва въ красотахъ.
О! всегда терпѣла власть злое въ волны горе,
И всегда большимъ главамъ вѣтристо есть море!

Тогдажъ багряными коврами покрыли насѣсти; а на кормѣ было здѣлано мѣсто наподобїе престола, на которомъ больше двоихъ не можно сѣсть. Эврїмедъ для храненїя замка оставленъ; но Арсїда въ небольшомъ суденкѣ напередъ посланъ, который бы Радїробану возвѣстилъ, что изволитъ къ нему шествовать Мелеандръ. Тотчасъ по всей Эпеїрктѣ слава разнеслась, что прибыли съ сильнымъ вспомогательнымъ войскомъ Сардїнцы, союзной Сїцилїи помощь подать имѣющїи.

щїи. Но немедлѣннѣежъ тому слуху и вѣрили. Того ради внезапная радость, и не токмо надежда, но и надѣянїе побѣдить, недавно прежде отчаянныхъ премѣнивши воздвигли. На всю площадь збѣгались, и руки другъ другу, какъ кто скоро прибѣжалъ, дая, спасенїемъ себѣ поздравляли. Не умѣреннѣйше и тѣ, которыи на стѣнахъ караульными стояли, веселились. Когдажъ Царь на прїстань прибылъ; то восклицанїя народнаго, и тотчасъ трубнаго, также и всякїя мусїкїи, какою тогда сердца къ сраженїю возбуждали, воздухъ наполняющїя, голосъ въ непрїятельскїи полки дошелъ. И понеже военный былъ звукъ; то Лїкогенъ дерзнулъ думать, что Царское войско лишившись надежды, разгорѣлось послѣднимъ устремленїемъ, и желая смерти, на него хочетъ напасть. Того ради, сказываютъ, что онъ къ ближнимъ такъ говорилъ: сей день трудамъ нашимъ послѣднїй есть; только чтобъ мы дали имъ способъ умирать, которыхъ привели къ тому, что уже они жить не могутъ. Подите къ воинамъ, и къ добычѣ ихъ зовите почитай заслужившихъ. Всѣ боги, дабы прїятнѣйшею быть побѣдѣ, нечаянно ея поспѣшнѣйшую подали. Сїе

сказавъ, и распоряжая воинскіи ряды́, какъ лицемъ, такъ и голосомъ всѣхъ къ мужеству возбуждалъ, и междужъ тѣмъ послалъ напередъ подзорщиковъ, которыибъ прямо о приходѣ непріятелей довѣдались. А они, рассѣявшись по всей дорогѣ, и понеже ничего непріятельскаго имъ ни гдѣ не попадалось, то въ военный станъ назадъ возвратились, сказывая что никакихъ воруженныхъ людей на всѣхъ поляхъ нѣтъ; однакожъ слышится почитай неистовящихся шумъ въ городѣ, такъ что трубный и бубенный звукъ по всѣмъ окольнымъ мѣстамъ разносится. Хотя и пораженъ по достоинству Лікогенъ уходящаго отъ него благополучія предзнаменованіями; однако строемъ поставляетъ войско, и другихъ, ужé не въ воинской одеждѣ, но буттобъ изъ ближнихъ деревень были они поселяне, посылаетъ, чтобъ имъ все опаснѣе высмотрѣть.

83.

И ужé Арсíда Радíробану о прибытіи донесши, отъѣхавшія отъ пристани суда, на которыхъ Мелеандръ съ своими ѣхалъ, показываетъ. Ибо многіе

ладейки

ладейки въ слѣдъ за Царемъ гребли въ море, и шумомъ, также и ревностію гребцовъ, какъ что бываетъ при внезапной радости, гремѣли. Главнѣйшее Радіробаново судно, Царскія верьховности богатствомъ знаменитое, стояло на трехъ якаряхъ. На всѣхъ парусахъ ненадобные, и для одного токмо роскошнаго великолѣпія висѣли бахрамы, которые, вѣтромъ будучи подхвачены, играли на воздухѣ. На райнахъ, трепещущіеся хоругви и прапоры, вѣющему въ нихъ вѣтру буйно, послушны были; а отъ трехъ щеглъ снасти привязанные къ бокамъ судна, издалека смотрящимъ показывали видъ или превеликія мрежи, или открытаго шатра. Корму Елена съ братьями украшала золотыми тремя звѣздами. Но и плаватели въ тотъ день не гнусны казались, и были въ платьѣ синяго цвѣта, которыи или съ охотою исправляли должности свои, или по райнамъ и снастямъ, въ показаніе своего досужства, какъ крылами летали. Тогожъ цвѣта одежда и гребцовъ на насѣстяхъ сидящихъ украшала. На воинахъ какъ оружіе, такъ и брони дражайшіе были. Царь также, переѣжжая часто въ Лігурію, научился отъ Гетрусковъ благолѣ-

голѣпію Величества, и имѣлъ на носу поставленныхъ приставовъ съ тростями и пуками батоговъ, будто какъ бы они воду отгоняли прочь. Деревянные ступени съ боку судна до са́маго мо́ря висѣли, и были синими покрыты коврами, при которыхъ на верьху, имѣя принять Мелеандра, стоялъ Радіробанъ, въ Царской одеждѣ, кою золотомъ съ шелкомъ тканый поясъ препоясывалъ. Мечь на немъ висѣлъ, рѣзныхъ ноженъ работою знаменитый. У самого волосы распущенные лежали по плечамъ, и нѣсколько дороже убраны были, нежели съ пристойностію надлежало воину. Въ превеликой у себя милости содержалъ онъ состарѣвшагося уже́ человѣка, родомъ изъ Лігуріи, которому порученъ былъ въ малолѣтствѣ; а пришедши въ возрастъ, не больше совѣтамъ его слѣдовалъ, сколько давалъ ему токмо знать, что онъ дѣлать намѣренъ. Оный Віртіганомъ назывался. Съ симъ тогда, и съ Арсідою разговаривая, смотрѣлъ на Сіцілійскій край, и на положеніе мѣста: а невѣдомое еще добро, излишною учтивостію похвалялъ.

84.

Напослѣдокъ, ладейка Мелеандрова къ судну приспала; а сей на уготовленные ступени вышедъ, и идучи вверьхъ опирался объ Архомброта, пока уже толь высоко восшелъ, что Радіробанъ ему руку подать могъ. Тогда, будто издавна знакомыи пріятели, обнялись другъ съ другомъ: а когда благодарилъ Мелеандръ, что онъ ему восхотѣлъ помощь учинить; то тотъ благодѣяніе учтивѣйшими словами расширялъ. Потомъ, не много между собою поговоривши, одинъ къ поздравленію вельможъ Сіцилійскихъ, а тотъ Сардінскихъ допустилъ. Другами и гостями назывались. Тотчасъ Радіробанъ, не будучи и прошенъ, сшелъ въ Мелеандрову ладейку, который себя прежде, будучи на его суднѣ, власти его препоручилъ. Гремѣло по всему берегу, и по всѣмъ судамъ, мусікійское согласіе, и совокупно гласили воины и гребцы восклицаніемъ, прославляя взаимную Царей вѣрность; понеже тѣ ни оружіемъ, ни обороною, и ни тѣлохранительными воинами не защищали себя, но въ простомъ усердіи, и по праву гощенія, между собою пріятно обходились. О! почитай всегда

бѣдная

бѣдная власть, которой рѣтко сіе случается щастіе, чтобъ она могла достигнуть до удовольствія простыхъ людей, и до учтивства не подозрительнаго усердія! Цари вышедши на́-берегъ, паки обнялись, паки другъ другу ласку показывали. Пото́мъ Радіробана, когда онъ, вышедши токмо на первый песокъ, Сіцілійскимъ богамъ поклонился, Мелеандръ, будучи отъ него нѣсколько впереди, къ конямъ привелъ, которыи недалеко обоихъ ожидали. Оттуду, при окруженіи ближнихъ, сперва въ городъ, а пото́мъ и въ за́мокъ прибыли. Знатныи съ Мелеандровы стороны́ о томъ токмо и старались, чтобъ Сардінскимъ вельможамъ въ тотъ вечеръ было всякое угощеніе. Представляли напрерывъ учрежденія, толь всякими услугами прикрашенныя, что едва о войнѣ, которая тогда са́мая трудная настояла, памятовала радость.

85.

Но Архомброту все сіе не радосно было, думающему, что ему такой прибылъ соперникъ, которому не возможно не быть любиму отъ Царя и Аргеніды. Того ради, въ то время, какъ

прочіи

прочіи Радіробановыхъ принимали пріятелей, онъ подъ видомъ полезнѣйшаго попеченія отправился на́ - стѣны, будто для осмотрѣнія, по Царскому указу, во всѣхъ буткахъ часовыхъ, дабы они слабѣе не поступили при караулахъ, въ надеждѣ на помощниковъ: ибо многажды предускорительная радость способъ непріятелямъ къ поврежденію подавала. А какъ скоро отъ людей, кои ему давно уже́ докучны были, ушелъ; то на́чалъ по долгому и пустому валу ходить, задумавшись потупилъ голову, и сплетши ру́ки крѣпко къ груди прижалъ. То, какъ ума лишенный, деревѣнѣлъ; то совокупно многое приходило ему на умъ: а недоумѣваясь о чемъ больше думать, и чемъ начать болѣзнованіе свое, О! боги, говорилъ, отмстители! Ибо ты Поліарха возненавидѣлъ; ты человѣку, котораго въ са́мыхъ любезныхъ себѣ имѣлъ, къ возвращенію способъ пресѣкъ, дабы несноснѣйшаго соперника себѣ имѣть. О! коль хуже Радіробанъ наступилъ на Поліархово мѣсто, которому сія грудь, сіи ру́ки, но больше любовь, сравнить бы меня могли. Но съ Радіробаномъ какое меня устремленіе, и какое мужество сверстать можетъ? Онъ не токмо

самъ

самъ на себя надѣясь, но со всею государства своего силою выходитъ на сраженіе, справедливѣе противъ меня, нежели за Мелеандра, или съ Лікогеномъ. И понеже я Аргеніду люблю; то отъ сего, О! горесть, самую нужную приносящаго помощь, отвращаться не должно. Ты, нерадивый любитель! не умѣлъ то заслужить, чего себѣ желалъ: а онъ нашелъ, длятого что прежде благодѣяніе показываетъ, нежели его требуетъ.

86.

При окончаніи сего, самъ себя не помня, и скорѣйшими шагами свирѣпо ступая, въ молчаніи на малое время пребылъ; потомъ, возобновивши нареканіе на Фортуну, сіе въ жестокомъ насмѣяніи: вотъ уже, говорилъ, трое мы объ Аргенідѣ трудимся, трое благополучія, которое одному только достаться можетъ, мы ожидаемъ; а именно, Я, Поліархъ, Радіробанъ, неупоминая о тѣхъ, которыхъ не здоровѣйшихъ меня еще не знаю. Бѣдный! или ты не видишь, что ежедневно многіи пріобрѣтенія сего желать себѣ имѣютъ? Развѣ можетъ быть, или она не

не достойна, чтобъ была любима, или ты только одинъ глаза́ имѣешь. Но къ отлученію прочихъ, свое время придетъ. Теперь смотри, чтобъ сія отъ Радіробана волна судна твоего не опровергла. Пока еще въ состояніи Лікогенъ; то непристойно начать съ Радіробаномъ недружбу. Поистиннѣ, не получитъ онъ награжденія прежде побѣды. Но коль много въ оружіи премѣнъ? Коль часто случалось, что въ краткое оное время, Фортуна себя въ различнѣйшіи преобращала виды? Чтожъ, ежели храбрости оказатель падетъ на сраженіи? Чтожъ, буде и Мелеандру несносенъ будетъ, совѣсному о чрезвычайно великомъ его благодѣяніи? Надобно всячески потщаться, чтобъ сія противъ Лікогена война мнѣ была въ честь у Мелеандра, а противъ Радіробана нача́ломъ. Укрывать между тѣмъ должно сердечное устремленіе, такъ что съ кѣмъ думаешь ссориться, съ тѣмъ ласково обходись. Такимъ образомъ намѣреніе свое нѣкакъ не твердо положивъ, пришелъ къ часовымъ, и отдалъ приказъ, чтобъ помутившись радостію должности своея они не пренебрегали. О томъ са́момъ и Эврімелъ старался; о томъ же и прочіи всѣ полководцы. Но въ воинахъ

хотя

хотя уже была и наставленная безопасность, однако по большой части при вінѣ и ликованіи она бодрствовала.

87.

На другой день по утру о способѣ войны съ знатнѣйшими своими Цари рассуждали. Радіробаново войско еще было на судахъ: зналъ онъ и самъ, что подозрительно, ежелибъ пожелалъ сильнѣйшіи полки въ городъ ввесть, и для того облехчилъ сими словами стыдъ Мелеандровъ, который учтиво укрывалъ, что того опасается. Въ семъ мореходномъ нарядѣ, который стоитъ на якаряхъ; любезнѣйшій дому владыка, восемь тысячъ человѣкъ тяжелаго воруженія я привезъ; пращниковъ и стрѣлковъ, около четырехъ тысячъ. Есть у меня и конныи молодцы; но тягости и расстоянія опасшись, не многихъ лошадей ввелъ я въ суда. Ежели вы больше ихъ дадите; то всадниковъ себѣ у насъ найдутъ. Впрочемъ, чтобъ недолѣе быть безъ отмщенія Лікогену, то, ежели угодно, на-землю ихъ высадимъ. И понеже весь берегъ не гладокъ отъ превеликихъ дикихъ камней, и подаетъ токмо одну сквозь городъ дорогу; то

по сотенно станемъ ихъ вводить внутрь го́рода. Откуду, когда другими воро́тами и́зъ-города выдутъ, и въ военный станъ, который поставимъ подъ горою, придутъ; то другiе и третьи съ бе́регу въ городъ входить станутъ. Въ обоихъ воро́тахъ, какъ въ тѣхъ, коими войско входить будетъ, такъ и въ оныхъ, которыми станетъ выходить, защита ваша стоять долженствуетъ. Мелеандръ отвѣтствовалъ, что нѣтъ нужды въ толикой зоботѣ: ибо ничего не должно опасаться отъ воиновъ, кои Радiробану повинуются. Охранителей при воро́тахъ, ежели ему Радiробану угодно, да поставитъ поистиннѣ изъ своихъ. Онъ Мелеандръ будетъ думать, что никогда не можетъ быть безопаснѣе, какъ при охраненiи его войска. Такимъ съ обѣихъ сторонъ разговоромъ, продолжительное препиранiе было объ учтивствѣ между Царями.

88.

Но какъ скоро Сардiнцы и балеарцы, изъ судовъ на́-берегъ высажены; то для смотрѣнiя и возбужденiя воиновъ, оба на коняхъ на́-площадь выѣхали. Радiробанъ золотую броню,

багрянымъ сверьхъ короткимъ платьемъ, не со всѣмъ закрылъ. Голову имѣлъ не покрытую, кромѣ токмо что гдѣ широкая лента, называемая діадимою, окружена. Мелеандръ, и самъ воруженъ, весьма постояннѣйшимъ величествомъ всѣхъ очи на себя, и сердце къ себѣ привлекалъ. Прежде всѣхъ пращники въ городъ вошли: изъ балеарцовъ всѣ они были, каждый тремя пращами воруженъ. Никакой тогда народъ толикаго искусства въ метаніи пращей не имѣлъ, для того что они тому съ отрочества обучались. Сказывали, что они убивали птицу на полетѣ; и въ бесчестіе тому ставилось изъ нихъ, который бы пораженіемъ своимъ въ намѣренное не попалъ мѣсто. За ними слѣдовали полкú Сардінскіи, которыи, по обыкновенію Пуніческому, для близости къ тому народу, будучи воружены, глаткими и превеликими щитами укрывались. Коротинькіи мечи на перевязяхъ висѣли, кои, разбросавши стрѣлы, они употребляли: шлемы на нихъ по большой чáсти мѣдныи были, которыхъ верьхи медвѣдицъ и львовъ зѣвомъ ужасны казались. Толикое войско едва въ оный день перебраться могло. Архомбротъ и Тімонідъ въ Мелеандровомъ военномъ станѣ

ждали, которыи гостей и́зъ-города выходящихъ въ уготовленныи принимали таборы. Новый пришельцы валъ обвели, и шанцами военный станъ, кой Мелеандровы воины уступили, окопали увеличенный. Обильныи были отъ Царя съѣсныи запасы; и повелѣно Сіціліанамъ отчасти къ Сардінскому кушанью ходить, а отчасти ихъ въ свои ставки звать кушать.

XIII.

89.

Весьма иной видъ былъ въ Лікогеновомъ военномъ станѣ. Ибо, по́слѣ какъ о Радіробановомъ, и вспомогательнаго войска о прибытіи достовѣрно стало быть извѣсно; то отъ многихъ страхъ безумствованіе отогналъ. Какую они противъ Царя продерзость показали, тогда совершенно стали видѣть. Горесть показывала боящимся, что присутствуютъ уже́ боги мстители за озлобленное Величество: а устрашеніе сердечное отъ всего, ра́вно и въ неважныхъ вещахъ лютое все находило. Умножила сей страхъ смѣлость Царей, которыи превесьма на силы свои́ уповали. Ибо постыдились

они, какъ осажденныи, въ городѣ запершись сидѣть. Того ради, двигнули военный станъ изъ подъ-горы ближе къ непріятелю, такъ что, ежелибъ онъ не хотѣлъ дать бою, тобъ илибъ выбить его изъ шанецъ, или рвами окопать. Праведная причина, и военачальниковъ Величество, часто превеликою на войнѣ важностію бываютъ. Царскіи военныи станы благополучнѣйшимъ предзнаменованіемъ почтеніе себѣ получили, длятого что Мелеандрова и Радіробанова ставки, знаки на верьху имѣя верьховнѣйшія власти, далеко видимы были. Отъ сего воинамъ ихъ сильнѣйшая надежда подавалась; отъ сегожъ и непріятели, на незнатность своего войска, ужé при ослабѣніи сердецъ, взирали. Зналъ и Лікогенъ, что не могло ему быть полезнѣйшаго, какъ сраженіемъ испытать щастіе, прежде нежели бóльшій страхъ нападетъ на его воиновъ; и радовался, что тогожъ сáмаго и Цари хотятъ. Еще почти не рассвѣтало, когда лазутчики ему сказали, что войско изъ Царскихъ военныхъ становъ выходитъ. Того ради, чтобъ не замедлить проворному человѣку, на верьхъ шатра своего выкинулъ краснаго цвѣта знамя, въ знакъ сраженія.

женія. Потомъ по всему военному стану носился; то воинамъ, то начальствующимъ надежду и бодрость придая лицемъ, словами, и всего тѣла движеніемъ. Чего имъ бояться, толь многими побѣдами знаменитымъ? Мелеандраль, который какъ отъ бѣгства удержанъ? или грабительскаго Сардінцовъ неистовства? которыи не столько для помощи Мелеандру въ Сіцілію прибыли, сколько ради того, чтобъ нажиться отъ войны. Ежели побѣда склонится къ намъ, говорилъ; то тотчасъ изрядныи помощники поспѣшатъ расхищать Эпеіркту; а потомъ ушедши на свои суда, поѣдутъ другихъ обманывать. Но пускай вѣрность ихъ будетъ непорочна: однако можетъ ли статься, чтобъ они за незнаемыхъ и чужихъ кровь свою щедро проливать стали; а особливо для того, что отъ насъ, съ кѣмъ имъ сражаться надлежитъ, никакою противностію не раздраженныи? Оставятъ бѣгствомъ своимъ Мелеандра, когда почувствуютъ мужество ваше; когда чемъ сами грозятъ, то отъ васъ претерпѣвать будутъ. Напослѣдокъ, ежели помыслите, что на всякой войнѣ не безъ напасти; однако рѣтко толикія славы случается вещество, чтобъ двухъ совокупно Царей

въ корысть, или въ плѣнѣ имѣть можно было.

90.

Сіе выговоривъ, когда уже́ полкі́ вышли за́-валъ, песьяго щенка, по Спартанскому обыкновенію [ибо показывалъ онъ воинамъ первоначаліе ихъ] Эніалійскому Марсу принесъ въ жертву; и что хорошее было предзнаменованіе, подкупленный провѣщатель по полка́мъ разгласилъ. Но строй слѣдующимъ образомъ былъ учрежденъ: правое крыло братъ Олоодемовъ Менокрітъ велъ, будучи Царю, по пріятству къ возмутителямъ, и по собственной себѣ отъ него болѣзненной обидѣ, непріятель. На лѣвомъ, которое болотисто было, новонабранныхъ, и подозрительныхъ изъ наемныхъ поставилъ Лікогенъ, надъ коими начальствовалъ Набідъ: сіежъ въ такомъ рассужденіи, чтобъ пресѣченіемъ бѣгства сердца́ въ нихъ возбудить къ побѣдѣ. Но самъ, съ выборною своею силою, посрединѣ былъ, на конѣ, и лицемъ страшенъ, которое еще толь многими совокупно пристрастіями, будучи въ безъизвѣстіи о скипрѣ, или о смерти, горѣло. Ожидалъ, чтобъ непріятель войско, какъ казалось, по-

строенное

строенное вывелъ; а когда изъ Мелеандровыхъ полковъ показался одинъ на конѣ, за которымъ, не весьма издалека, нѣсколько воиновъ, какъ для защиты, слѣдовало. Сей, переѣхавъ больше половины по́ля, далеко отъ прочихъ сталъ одинъ, и показывалъ разнымъ движенїемъ тѣла, что онъ требовалъ на разговоръ. Послалъ также и Лїкогенъ столькожъ человѣкъ, а одного напередъ, способнаго или договариваться, или сражаться. Усмотрѣлъ онъ, что то нѣкто былъ изъ Мелеандровыхъ молодцовъ, который поединкомъ, можетъ быть, хотя начать бой, равнаго себѣ отъ непрїятелей спесиво вызывалъ; а въ то время изъ посланныхъ, коимъ бы высмотрѣть точно, одинъ къ нему возвратился, и явно увѣдомляетъ, что сей отъ Мелеандра съ посольскимъ жезломъ, и въ такой же шапкѣ, есть провозвѣсникъ. Въ удивительное ожиданїе весь строй пришелъ: о чемъ непрїятель воруженный увѣдомляетъ; какой союзъ, и какое согласїе тогда, когда оружїе поднято на взаимное убійство. Но провозвѣсникъ, когда уже́ было кому выслушать: Царь, въ прошедшемъ неистовствѣ, говорилъ, прощаетъ, ежели которыи, раскаявшись объ измѣнѣ, предъ вечеромъ въ его

военный станъ возвратятся. За все, какое понынѣ ни учинено преступленіе, никакой судъ, и никакая казнь мстить не будетъ. Сіе отпущеніе винъ, вѣрностію своею всенародно утверждаетъ. Сказавъ то, ярлычки, на которыхъ тожъ са́мое написано было, полною рукою разбросалъ, и обратившись къ свои́мъ, которыи неподалеку ожидали, назадъ возвратился. больше дватцати человѣкъ изъ воиновъ то слышали: которыи когда къ свои́мъ рядамъ возвратились; то тотчасъ шумъ по полка́мъ поднялся спрашивающихъ, и другимъ ближнимъ о томъ сказывающихъ, съ чемъ пріѣжжалъ провозвѣстникъ. Но Лікогенъ, понеже паче чаянія его многіи о томъ съ охотою слышали, и слышать желали, хотя и скрежеталъ; однако, не показывая страха, надобно Мелеандра, говорилъ, послушаться, О! воины: къ нему, но вооруженнымъ должно намъ итти. Я сіе за благополучный знакъ воспріемлю, что въ свой военный станъ наше онъ зоветъ войско. Есть надежда, что въ немъ мы сего дня, побѣдивши, будемъ начевать. Симъ образомъ войско свое побуждающему сказано, что Цари въ тотъ день не хотятъ дать бою; но что они часть изъ своихъ

своихъ отрядили и поставили на кургане, который предъ военнымъ станомъ былъ, для принятія тѣхъ, кои отъ него Лікогена передадутся. Но онъ: я вызову, говорилъ, на сраженіе искусителей вѣрности нашея; и имѣю уже принудить силами, а не хитростію вступить въ бой. Ступайте, каждый при своихъ знаменахъ, ступайте, воины, по изволенію боговъ; и уже собственнымъ своимъ признаніемъ не могущихъ вамъ противиться, опровергните.

91.

Но не столь уже охотно воины исполняли повелѣнное. Видѣлъ онъ, что многіи между собою шептали, и что во многихъ же устремленіе ослабѣло, послѣ какъ первый Ацегоръ осмѣлился къ Царю передаться, и опытомъ познать его вѣрность. Человѣкъ сей довольно былъ славный, знакомцами и породою знатный, который не больше по собственному своему злому намѣренію, сколько по злости временъ, слѣдовалъ за Лікогеномъ. Того ради, зная, что къ полученію превеликія милости есть ему надежда предупреждающему, взявъ съ собою съ сорокъ человѣкъ воиновъ, и

нѣсколако пріятелей, убѣжалъ, и перебѣжавъ лежащее между ними поле, при первомъ Мелеандровомъ отводномъ караулѣ положилъ оружїе. Потомъ приведенный предъ Царя: измѣнническаго имени, говорилъ, для сея поступки я не боюсь, всемилостивый Государь: ибо я ушелъ отъ беззаконнаго войска къ праведной вла́сти; а за преступленїе мое предъ Вашимъ Величествомъ сїе меня обнадеживаетъ, что поздо съ отступниками соединившись, возвращаюсь прежде всѣхъ къ должности. Царь въ короткихъ словахъ его похвалилъ; и сказавъ, понеже онъ прочимъ путь показалъ, чтобъ онъ ожидалъ себѣ награжденїя, къ Архомброту его отослалъ. Сему было приказано блюстись, чтобъ подъ видомъ покоренїя, злѣйшаго чего не воспослѣдовало. Того ради онъ, на́ поле ихъ выведши, которое было занято Царскимъ военнымъ станомъ, и утвердивши вѣрностїю, что имъ никако́ва вреда не будетъ, снимаетъ съ нихъ оружїе. Однако Ацегору, и съ нимъ двумъ еще, въ честь породы отданы мечи, и они къ ближнимъ при Царѣ прїобщены вельможамъ.

92.

Впрочемъ, у Лїкогена явно всѣхъ полковъ вѣрность колебалась. Многїи кругомъ обходя уходили. Сїи за таварыщами слѣдовали; другїи привлекали. Напослѣдокъ, Лїкогенъ, смотря по состоянїю тѣхъ обстоятельствъ, на здѣланный на́-скоро изъ дерна курганъ восшелъ, и приказалъ, чтобъ хотя помолчали они слушая его рѣчи. Да и тотчасъ: какимъ васъ, говорилъ, я именемъ назову? Таварыщамиль? или, отъ чего отвращаюсь, непрїятелями? Но какою васъ тїтлою ни должно справедливо назвать; однако, чтобъ васъ кто непотребными бездѣльниками, и переметчиками не могъ обругать, волю вамъ я самъ даю. Скидайте воинскїй поясъ; ступайте по домамъ, О! граждане. Вы не для меня на войну собрались; но токмо пожелали трудомъ моимъ и совѣтами пользоваться. Я уже́ уничтожаю обѣщанїе и присягу, и притомъ перестаю промышлять о вашей невредности: ибо благодѣянїе дѣлать нехотящимъ, часто почитается за тїранство. Я хотѣлъ, чтобъ вамъ быть въ цѣлости, и побѣдителямъ; да уже́ тѣми почитай вы и были. Нынѣ, бесчеснымъ признанїемъ трусо-

сти, пораженному страхомъ непрїятелю и раздраженному, сами шеи простираете. Что за Лѣшїй, что за Фурїя разумы ваши ослѣпила? О! воины. безвинными васъ показывала справедливѣйшая причина, коихъ добровольное нынѣ раскаянїе преступниками дѣлаетъ. Я больше сожалѣю о вашемъ нещастїи, нежели стыжусь отъ вашего непостоянства. Часъ же добрый, ступайте; ступайте наподобїе закалаемыхъ на жертву: Мелеандръ, въ свѣжей ярости или велитъ васъ погубить, или сохранитъ къ безопаснѣйшему отмщенїю. Я, непорочныя вѣрности съ людьми, общества не оставлю; и буду мстить Мелеандру за обманъ къ вамъ, не памятуя, что вы сего дня заслужили. Съ другой стороны́, я благодарю богамъ, что прежде сраженїя восхотѣли они отлучить отъ мужественныхъ людей непостоянную вашу вѣрность: выбъ могли въ са́момъ дѣйствїи добрыхъ воиновъ преклонить, которыхъ уже́ отступленїемъ вашимъ осквернить не можете. Не думайте, что толь бесчасна Сїцїлїя, чтобъ еще у многихъ непоколебимому не быть сердцу. Сихъ я по лицу, сихъ и по охотѣ распознаваю; и вижу, что они больше отъ негодованїя на ваше

ше заблужденіе, нежели отъ убыли такихъ таварыщевъ въ сожалѣніе приходятъ.

93.

Тогда сшедъ съ кургана, паки далъ волю всѣмъ, которыи хотѣлибъ итти. Толикая вольность, данная недавно прежде отъ любезнѣйшаго военачальника, многихъ въ стыдъ привела. Того ради, многіижъ при его сторонѣ упрямо остались; а особливо такіи, кои еще знали за собою что нибудь, сверьхъ междоусобныя измѣны, или, коихъ бѣдность вмѣсто ка́зни боялась бескорыснаго мира. Между тѣмъ, другіи вездѣ выходили изъ полковъ; и то сторонами обходя, то явно, и по ближайшей дорогѣ, къ Царскимъ знаменамъ прибѣгали. Не меньше пятнатцати тысячъ человѣкъ такимъ образомъ передалось; а Мелеандръ не переставая утверждалъ, что не хотѣлъ бы онъ смертію толь многихъ подданныхъ побѣду себѣ купить, сколько ихъ въ тотъ день къ нему перешло. Толь вредительнымъ ущербомъ пораженъ будучи Лікогенъ, возвращается въ военный станъ съ тѣми, коихъ вѣрность подтверждена чрезъ прочихъ отступленіе. Но Царей бескровопро-

липтнымъ благополучіемъ пользующихся, едва столько стало, чтобъ принимать поздравленія себѣ: ибо всѣ то руку, то одежду, то коня, то самыи ихъ слѣды, каждый по состоянію своему, цѣловали.

XIIII.

94.

Возвращающимся въ военный станъ предзнаменованіе случилось, которое превесьма прорицателямъ угодно было. Ибо когда ставку Мелеандрову, на неспособномъ поставленную мѣстѣ, слуги на высочайшее положеніе переносили, и рыли не большіе яминки для коловъ, къ которымъ привязанная палатка, твердо стать могла; то нашлось нѣсколько костей, тѣла, какъ казалось, человѣческаго, но превесьма обыкновенную того вѣка людей мѣру превосходящаго. Нѣ-было сомнѣнія, чтобъ тѣмъ костямъ не быть нѣкотораго отъ Ціклопскія породы. Тотчасъ прорицатели истолковали, что по сей причинѣ всѣ Сіцілійскіе силы поддадутся Мелеандру: понеже сказывается, что никого нѣ-было Ціклоповъ въ ней сильняе, кои, находясь подъ Царскою ставкою, напослѣдокъ и себя самихъ

михъ емужъ предавали. Еще за окопъ Мелеандръ и Радіробанъ не переѣхали, когда имъ оные безмѣрныхъ тѣлъ части поздравляющихъ провѣщателей ласкательство показывало. Больше тому удивлялся Радіробанъ, нежели Мелеандръ, не впервые тогда видящій Ціклопскіе кости. Но Радіробанъ, который прежде и са́мую о Ціклопахъ память въ басняхъ токмо слыхалъ, когдажъ и кости ихъ руками держалъ, и видѣлъ, что Мелеандръ, смо́тря на тѣ, едва, какъ бутто не весьма чрезвычайному, удивлялся, съ великою охотою спрашивать на́чалъ, что за родъ былъ Ціклопскій, и какіи имѣлъ нравы; также, откуду происшелъ, и какъ онъ пропалъ. Тогда Мелеандръ, поручивши попеченіе о войнѣ, и о военномъ станѣ Эврімеду, для вида безопасности Царскія, различными радосно словами забавлялся; и будучи по большой части окруженъ Сардінцами, радовался, что о достопамятныхъ вещахъ своея Сіціліи былъ вопрошаемъ. Того ради, когда въ военный станъ они приходили, такъ на́чалъ: нѣкоторыи говорятъ, что Ціклопскій весь родъ былъ дикій и лѣсный; а другіи, что онъ не токмо чтитель боговъ, но и отъ крови ихъ рожденъ. Они первыи

жили въ сихъ странахъ; и не ухищренными уставами жизнь свою́ между собою управляли. Въ семъ токмо всѣ согласны, что они превзошли мѣру человѣческаго тѣла. Можетъ быть, сїе са́мое и подало иностраннымъ причину къ заблужденїю, когда они на сей прїѣзжали островъ, что, видя преогромныя тѣла́, рассудили въ нихъ быть нечестивымъ нравамъ, или еще не дерзнувши съ ними и поговорить, всѣми силами убѣгали о́тъ берега. Не упоминая всего прочаго, что не допускаетъ къ похуленїю ихъ нравовъ, препятствїемъ есть древнее къ нимъ отъ Грековъ благоговѣинство: ибо у нихъ на Корїнѳїаческомъ Їстмѣ, при са́момъ старинномъ жертвенникѣ, Цїклопамъ, какъ небеснымъ богамъ, жертва была приносима. Но откуду они произошли, какїи имѣли законы, и какїя показали дѣйствїя; то все грубый вѣкъ погре́бъ, кромѣ токмо что они по большой ча́сти жили при Этническихъ и Леонтїйскихъ пещерахъ: и расславлено, что они рождены Нептуномъ, котораго почитай всѣмъ превеликимъ людямъ отцемъ пре́дки наши здѣлали. Не извольте удивляться, что толь мало слѣдовъ осталось объ нихъ отъ са́мыя внутреннѣйшїя

древности:

древности: ибо они прежде еще Сатурна здѣсь царствовали, отъ котораго толь много прошло лѣтъ, что и Хамазена лучшаго го́рода, который отъ него былъ созданъ, давно уже́ позабыты развалины. Одни токмо Ціклопскія кладбища остались; но и тѣ по большой части въ пещерахъ, у которыхъ усья или трясеніями измѣнены, или буграми завалены паденій. Однако часто на нихъ не нарочно нападаемъ. Ужасно, какіи то огромныи трупы! какая на умершихъ лицахъ живность! или напослѣдокъ, коль достойны басенъ своихъ люди! Нѣкогда не подалеку отъ Сіракузъ былъ я на охотѣ. Тогда на́ полѣ, называемомъ Гереатъ, досужливый песъ, ищучи звѣря, къ усью нѣкоторыя не знаемыя пещеры забѣжалъ. Когдажъ и насъ, непрестаннымъ своимъ лаяніемъ, туда привлекъ; то вижу вертепа не поврежденный ужасъ, такъ что я какъ при священномъ какомъ въ великій пришелъ страхъ. Пото́мъ, пришло мнѣ въ умъ, посмотрѣть далѣе то, что боги показывали; и длятого всю густую траву нѣкоторымъ образомъ обломавъ, осматриваю отъ дверей, сколько можно было видѣть за слабымъ свѣтомъ, и въ оное токмо отверстіе

входящимъ. Мѣсто оное было въ глубину опустившееся; а на низъ вели каменные ступени. Того ради, засвѣтивъ большíе свѣчи, весьма съ немногими людьми сшелъ я по́дъ-землю, отъ стужи и пустоты тяжелымъ нѣчемъ дышущую. Перешедши ускіе сѣни, пото́мъ пришли мы въ пространнѣйшій покой. Вертепъ былъ очень великій: въ немъ дикіи камни высокіи стояли, а выгибъ потѣющихъ боковъ свѣтился прозрачною плѣснію, лежащею кудряво, наподобіе замерзлыя воды́. Посрединѣ былъ превеликій камень, который тамъ, какъ по коренямъ видно было, сама природа положила. На семъ лежало престрашное диво. боюсь выговорить, дражайшій мой гость. Ибо какъ надѣяться, чтобъ вы мнѣ повѣрили, для того что симъ моимъ глазамъ и рукамъ едва я самъ вѣрю? Однако скажу, чтобъ хотя ужé мнѣ самого себя удостовѣрить, что я самъ же видѣлъ. Лежала на камнѣ страшная громада, по о́бразу человѣческихъ членовъ здѣланная: одна токмо великость запрещала оную за человѣческій почéсть трупъ. Того ради, съ великою мы опасностію и медлѣніемъ подошли; да и долго, чудовищель то какое было, или кто нибудь изъ боговъ,

руками

руками не прикасались. Не токмо на головѣ не поврежденныи волосы, но и лице также было въ цѣлости. Свирѣпая борода протянулась до́-груди, и по щекамъ съ обѣихъ сторонъ равный имѣла волосъ. Чтожъ были голени? что ру́ки? что наподобіе бревенъ но́ги? Я думалъ, что ежели отъ художника здѣлано; то нѣкакій преогромный истуканъ былъ: будежъ сработала сіе сама природа; то отъ чего мы слабыи, отъ чего, такіи будучи карлы, лишились мы оныя великости? Когдажъ тотчасъ пото́мъ, какъ обыкновенно, удивляться мы перестали; то я прежде всѣхъ, наложивъ руку, осмѣлился отвѣдывать, что то было. Но къ чему я ни прикасался; то вижу, что въ прахъ обращалось. По сему са́мому сомнѣвающіися мы повѣрили, что то прямое человѣческое было тѣло. А чтобъ не пропала мѣра, прежде нежели отъ прикосновеній рассыплется, сняли мы длину съ онаго трупа. Всѣ согласно нашли, что та была почитай дватцати лактей. Хотѣлъ я, какъ Герою, жертву ему принесть, и невреднаго оставить. Но когда я пребывалъ въ семъ помышленіи; то подъ моими руками во мгновеніе ока въ пепелъ онъ превратился.

Остался только одинъ затылокъ, также ре́бра, и голени совершенно въ той са́мой величинѣ, каковы онѣ были. Всему сему, такъ я велѣлъ, сохраненному, и при дверяхъ Нептунова храма въ Сїракузахъ привѣшенному, вы удивиться имѣете, дражайшїй мой гость. Я не сомнѣваюсь, чтобъ то не́былъ кто нибудь изъ Цїклоповъ, а больше, что сею са́мою мѣрою иногда поселяне находятъ въ пещерахъ цѣлыи трупы, или, копая землю, кости вырываютъ. Однако я лучше рассудилъ, то са́мое вамъ донесть, при чемъ я самъ былъ. Но Сїцїлїане мои, можетъ быть какъ вы думаете, кости вырытые теперь, сколько онѣ ни огромны, не для того къ намъ принесли, чтобъ они не знали, что ко мнѣ часто больше сихъ, при разныхъ случаяхъ, приносимы были; но для сего, что показалось провѣщателямъ радоснѣйшимъ видомъ, понеже онѣ въ той найдены землѣ, которая подъ мою ставку была занимаема.

95.

Въ сихъ словахъ, прибыли они къ тому мѣсту, гдѣ оные кости вынятыы были. Ужиналъ въ тотъ вечеръ Радїробанъ

бань у Мелеандра; и пріобщены были къ столу лучшіи съ обѣихъ сторонъ люди. Вотъ же, когда они раскаяніе толь многихъ подданныхъ, кои возвратились къ Царю, и все благополучіе того дня прославляли, входитъ съ письмомъ къ Мелеандру воинъ. Сей отъ Катанскаго градоначальника присланъ съ вѣдомостію о необыкновенномъ щастіи. Понеже Катану, вѣрнѣйшій городъ Царю, Анаксімандръ, племянникъ Лікогеновъ, въ осадѣ держалъ; но когда уже́ осажденныи почитай въ са́мой крайней бѣдности и бѣдѣ находились: то Этна гора, внезапною ярост1ю распалившись, не считая премножества камней, и превеликія громады пепелу, три текущіе огненные рѣки́ изрыгнула, которые, какъ нарочно нанявшись, на Анаксіимандровъ военный станъ нахлынули. Злое сіе нещастіе ночью случилось. Лежали попаленныи люди и скотъ; также орудія, cтавки, оружіе, и все что лющемуся огню на дорогѣ попалось. Сія зараза три́-ста человѣкъ воиновъ умертвила. Анаксімандръ, и самъ будучи тѣмъ зломъ поврежденъ, лишившись всего, что нужно было къ предпріятію, оставилъ осаду: а когда его въ качалкѣ уносили къ Лікогену; то выбѣжали въ слѣдъ

Катанцы, и порубивши всѣхъ, кои ни дерзнули сопротивляться, самого его взяли. Того ради, требовали у Царя повелѣнія, что съ нимъ дѣлать. Вѣдомость сію не однажды выслушавши, въ толикую тотчасъ какъ кушающіи, такъ и служащіи, радость пришли, что ни восклицать, ни руками плескать не переставали. А когда тожъ начали дѣлать, кои при дверяхъ на часахъ стояли; то разносящаяся по всюду радость, весь военный станъ собою наполнила. Всѣ гласили, что нѣтъ нужды ни въ оружіи, ни въ силахъ: сами боги, сами за Царей стіхіи сражаются. Потóмъ вездѣ принесены вѣнцы къ истуканамъ изображающимъ боговъ, и на нихъ возложены были: также обоихъ Царей цвѣтами засыпали, и толпящимся устремленіемъ дерзнули многіи изъ военныхъ людей, не токмо въ переднюю, но и въ столовую войти палатку.

96.

Потóмъ, когда успокоилась радость; то Радіробанъ съ любопытною охотою у Мелеандра спрашивалъ: отчего оная изъ Этны противъ Анаксімандра пóмощь здѣлалась? и возможно ль тому

тому статься, чтобъ изъ твердыя горы́ толикому множеству огня быть выброшену? Что за жаръ во внутренностяхъ ея? Тогда вкратцѣ на́чалъ ему сказывать Мелеандръ, что сея горы́ нѣтъ во всей Сїцилїи выше, которая природною сѣрою, и воспрїятымъ во внутренности вѣтромъ разгараясь, не терпящїй заключенїя пламень, изъ разинувшïяся на верьху рассѣлины выбрасываетъ. Однако, говорилъ, холмъ сей не ежедневно горитъ огнемъ: весьма чаще чорный дымъ выходитъ, долгими столбами небо закрывающїй; а иногда искры съ тѣмъ мракомъ смѣшенные зрятся. Напослѣдокъ, рѣже случается, что вихръ, устремительнѣйшїй себя самого, съ вырвавшимся пламенемъ, окольныя мѣста́ такъ опустошаетъ, что жалко смотрѣть. Ибо са́мый густый огонь выскочивъ ве́рьхомъ, ра́вно какъ кипящими ручьями, на низъ проливается, попаляя все что ни попадется. Пото́мъ, страшнѣйшїй небеснаго громъ слѣдуетъ; а на весь народъ ужасъ нападаетъ, чтобъ, коль ни превелика есть Этна, не разорвала она себя самы́я, и не задавилабъ Сїцилїи. Также не съ ме́ньшимъ, при толикомъ страхѣ, смятенїемъ, превеликїи камни изъ внутренностей горы́,

симъ огнестрѣльнымъ орудіемъ на поля выбрасываются, которыя и по сіе время пренаполнены будучи сажею, всѣмъ своимъ цвѣтомъ показываютъ, что они послѣ пожара остались. Потомъ, пепелу толикое множество изъ огненнаго онаго хребта выкидывается, что премногихъ верстъ на разстояніе, сперва собственнымъ своимъ стремленіемъ, и тотчасъ вѣтромъ подхваченное, засыпаетъ глубоко нивы, и всю жатву убиваетъ, также и землю повреждаетъ къ засѣванію послѣ сего не способную. Итакъ, камнями, золою, а особливо пламенемъ, не только скотъ поглощается, или пастушескіи пожигаются шалаши; но и всѣ лѣса, на которыи нападетъ, сія зараза убиваетъ: такимъ же образомъ и цѣлыи городы иногда погибли. Катана, едва многотруднымъ валомъ себя защищаетъ; а сей городъ стоя между горою и моремъ на способномъ мѣстѣ, ежелибъ сея не-было напасти, отъ Лікогенова войска былъ осажденъ. Но, какъ вы изволите слышать, боги оный огонь изъ Этны, прежде сего въ казнь нашу, а нынѣ въ благодѣяніе намъ, выслали.

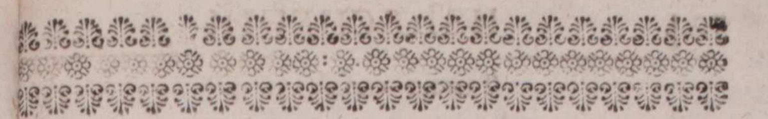
97.

Послѣ какъ перестал Мелеандръ говорить; то самый случай, и веселіе пированія, подали причину къ разнымъ разговорамъ. Все что въ Сіциліи ни-было достойное, о чемъ бы знать чужестраннымъ, тогда упоминаемо было. Потомъ, сладость басенъ прямую історію прогнала. Что за псы лаяніемъ Сціллу окружаютъ; что за прожорливость у Харібды, и что за не насытимые челюсти разбиваемыми кораблями? Кто былъ Аціс неблагополучный любовникъ, который изъ гарячія раны пускалъ самую студеную воду? бѣжала Галатея отъ Ціклопова камня, не безъ нѣкотораго повѣствующихъ страха. Изъ Элідскихъ странъ другой любовникъ, именемъ Алфей, сквозь море, не повредя сладости въ своей водѣ, протекалъ, и за Аретузіною скоростію до Сіциліи гнался. Убиваемъ былъ отъ Геркулеса Эріксъ; а булаву его проклинала Венера. Упоминали они также и до закона ихъ касающееся, въ способномъ при пированіи къ богамъ усердіи: а именно, въ которой острова части выбѣжалъ изъ-подъ земли къ сочетанію Плутонъ? Какіи были ужасныя колесницы слѣды? Гдѣ расступились,

не стерпя его устремленія, дикіи камни? Гдѣ похищена Прозерпіна, гдѣ вѣнцы, и гдѣ поясъ ей выпалъ? По какой травѣ Ціана, текущей себѣ сперва удивилась? Напрасно Элевзінцы присвояютъ себѣ чужія достопамятныя дѣла́: ибо не при Цефіссѣ, но изъ Сіциліи былъ путь Плутону, по которому онъ везъ на своихъ тѣняхъ невѣсту. Пото́мъ, страхи Церерiны сказывались, и нощное благоговѣинство, которое большiе свѣчи и тайное рыданіе посвященнымъ имѣть повелѣваетъ. Первый разводъ ночи въ сихъ словахъ за ужиною былъ препровожденъ: о чемъ когда трубою дано знать; то повелѣлъ Мелеандръ заѣдки снимать. Но встающихъ изъ-за стола, и уже́ за честь Меркурія піющихъ, нечаянно жестокій вопль, равнымъ вездѣ смятеніемъ по всему военному стану разносясь ужасно, весьма инымъ и превеликимъ возмущеніемъ наполнилъ.

КОНЕЦЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ.

ИЗЪЯСНЕНІЯ
НА МІТОЛОГІЧЕСКІЯ МѢСТА́ НАХОДЯЩІЯСЯ ВЪ АРГЕНІДѢ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXXVII.

Глав. 1. числ. 2. стран. 293. строк. 10.

ЦЕРЕРІНЪ ИСТУКАНЪ

О Церерѣ смотри изъясненіе VII.

Тамже стіх. 1.

ЕСЛИ МНѢ ЗА ПЛОДЪ ЗЕМЛЯ.

Для того что Церера первая научила землю пахать, и сѣмена сѣять, по баснословію.

Тамже стіх. 2.

КРОТКИМЪ ПРАВОМЪ И СТРАНА ВСЯКА ОДОЛЖЕННА.

Ибо Церера, обходя всю землю, ввела уставы правосудія, и распорядила общество сожитія.

Тамже

Тамже стіхъ 3. 4.

ЕСЛИ ЯЖЪ СКИТАТЬСЯ ЗАПРЕТИЛА ПО ЛѢСАМЪ ЖОЛУДЕЙ НЕ РВАТЬ БЫ ВЪ ГРУБУ ПИЩУ БѢДНЫМЪ ТАМЪ.

Потому, что Церера, по свидѣтельству Овідіеву, учредила общество сожитія, и научила человѣковъ ѣсть хлѣбъ, вмѣсто лѣсныхъ жолудей, которыми нынѣ питаются токмо такія животныя, коихъ имя у насъ въ великомъ презрѣніи.

Тамже стіх. 18.

БУДУЧИ САТУРНУ ДОЧЬ.

О сатурнѣ смотри изъясненіе XXIII.

Тамже стіх. 19. 20.

БРАТЪ, КОГО ТРЕПЕЩЕТЪ ОКЕАНА СТОНЪ, А ВЛАДѢТЕЛЪ МРАКА, ЗЯТЬ МНѢ ПЛУТОНЪ.

Чрезъ первый стіхъ разумѣется Нептунъ, о которомъ смотри Изъясненіе X. также и о братѣ его родномъ Плутонѣ.

XXXVIII.

Глав. 3. числ. 13. стран. 317. стіх. 11.

ЭТНА ЗЛАЯ ПЫШЕТЪ.

Объ Этнѣ горѣ Сицилійской смотри изъясненіе VII.

Тамже

Тамже стих. 13.

ОСТРОВЪ ОТЪ АВЗОНСКИХЪ ОТДѢЛЯЛСЯ КРЯЖЕЙ.

Чрезъ Авзонскїи кряжи разумѣется Iталїя, называемая Авзонїею: а разумъ сего стїха есть такой, что Сїцїлїя, по самымъ древнимъ преданїямъ, была одна земля съ Iталїею, и съ нею соединена; но, при востанїи нѣкогда пресильныя бури, море бутто тамъ, совокупно съ превеликими дождями, промыло проливъ между Iталїею и Сїцїлїею, и сильнымъ образомъ оторвало сїю послѣднюю отъ Iталїи.

Глав. 3. числ. 14. стран. 319. строк. 29.

КОИМИ У ТИТОВЪ ФУРIИ МУЧАТЪ.

О Фурїяхъ смотри изъясненїе XXXV.

XXXIX.

Глав. 3. числ. 15. стран. 323. строк. 19.

О ВЕСТАЛЬНЫХЪ ДѢВИЦАХЪ.

Авторъ здѣсь чрезъ Вестальныхъ дѣвицъ языческихъ, и чрезъ уединившихся для боговъ, разумѣетъ монахинь и монаховъ. Вестали у древнихъ Римлянъ были дѣвицы, названные или отъ начальницы ихъ чина богини Весты [дочери Сатурна и богини Опсы, изображаемыя съ бубномъ,

номъ, и пріемлемыя за священный огонь] или отъ того, что онѣ были посвящены въ служеніе сей богинѣ. Всѣ утверждаютъ, что сей чинъ, и ихъ всѣ обряды произошли изъ-города Трои: ибо Эней привезъ съ собою въ Італію оный священный огонь, который изображалъ богиню Весту. Асканій, сынъ Энеевъ, также и наслѣдники по немъ, содержали Весталей въ великомъ почтеніи, потому что Реа-Сілвія, которая была внука Царская, носила сама такой чинъ. Сей уставъ учрежденъ у Римлянъ Нумою-Помпіліемъ вторымъ Римскимъ Царемъ, для почтенія богини Весты, и для храненія въ капищѣ ея священнаго огня. Не принимались въ оный ниже шести лѣтъ, также ни выше десяти. Выборъ, который дѣлался дѣвицамъ въ сей чинъ, былъ толикія важности, что весь Римъ приходилъ въ движеніе для сего. Дѣвицы долженствовали имѣть отца и мать вживѣ, которыибъ не-были ни когда рабскаго состоянія. Самая первая Весталь была выбрана самимъ Нумою: потомъ уже выбираемы онѣ были отъ верьховнаго священноначальника жеребьемъ; а избравши, увольнялъ онъ ихъ отъ отеческія власти. Выборъ дѣлался симъ образомъ: верьховный священноначальникъ бралъ выбранную за-руку; а поставивъ ея на колѣна, произносилъ слѣдующія слова надъ нею: Sacerdotalem Veſtalem, quae ſacra faciat, quae iuſſi et ſacerdotalem Veſtalem ſacere pro populo romano Quiritibus, vti quod optima lege fiat, ita te amata capio. Тоесть: Священни-
„цу Весталь, которой бы службу совершать,
„повелѣнную отъ меня Священницѣ Весталѣ дѣй-
„ствоватъ

„ствовать за народъ Римскій богамъ Римскимъ.
„и дабы сіе какъ по преизрядному чиноположе-
„нію было, такъ тебя возлюбленную пріемлю.„
Сей обрядъ назывался, captio virginis, и capere Vestalem, тоесть, принятіе дѣвицы, и принять Весталь. Вступая въ сей уставъ, остригали онѣ себѣ волосы, и вѣшали оныи на вощаный болванъ, или на деревцо Лотосъ, тоесть, Греческій бобъ. было сіе знакомъ вольности, по примѣру невольниковъ, кои остригали себѣ у Римлянъ волосы, когда будутъ отпущены отъ господъ своихъ на волю. Число Весталямъ было положено Нумою, чтобъ имъ быть токмо четыремъ, а именно, первая была Гегамія, или Геганія, вторая беренія, или Веренія, третія Камілера, а четвертая Тарпеія. Тарквіній-Прискъ, или, по мнѣнію другихъ, Сервій-Туллъ прибавилъ ихъ еще двѣ, такъ что уже никогда послѣ сего больше шести ихъ не бывало, коль долго продолжалась Римская Імперія; однакожъ, хотя и безъ твердаго свидѣтельства, святый Амвросій счисляетъ ихъ седьмь, а Александръ Неаполітанскій до двадцати. Въ Албѣ городѣ Вестали дѣлали обѣщаніе, вѣчно хранить свое дѣвство: но въ Римѣ принуждены онѣ были токмо къ тритцатилѣтному воздержанію. Десять лѣтъ обучались онѣ своей службѣ, а другія десять лѣтъ исправляли свою должность, но послѣдния десять же обучали сами новопріемныхъ. По прошествіи тѣхъ тритцати лѣтъ, вольно имъ было за-мужъ итти. Но которые оставались тамже неисходно, тѣ были въ превеликомъ почтеніи, толькожъ онѣ не имѣли уже участія въ

въ служеніи. Чтобъ облехчить суровое Весталь-ское житіе, позволены имъ были нѣкоторые вольности, которые могли быть весьма вредительными ихъ состоянію: ибо попускали имъ жить роскошно и въ нѣгѣ. Входъ къ нимъ былъ свободный: мужескаго пола люди ходили къ нимъ днемъ, а женскаго днемъ и ночью. Вольно имъ было ходить и самимъ смотрѣть представляемыя зрѣлища, на коихъ имѣли онѣ особливое мѣсто. Отлучались онѣ на ужину, и на пиры къ своей фамиліи. И понеже одна изъ нихъ была нѣкогда изнасильствована, возвращаясь въ обитель свою ночью; то, для отвращенія подобнаго злоключенія, приданъ къ нимъ нѣкоторый родъ пристава, который шелъ предъ ними, дабы чрезъ то привесть ихъ въ почтеніе. Но напротивъ того, ежели которая изъ нихъ согрѣшитъ противъ чистоты; то зарывали ея живую въ землю, близъ воротъ называемыхъ КОЛЛІНСКИМИ, на мѣстѣ именовавшемся ſceleratus campus, тоесть, злодѣйственное поле. Когда придетъ день казни; то священноначальникъ снималъ съ нея чинъ, и одѣяніе, которое она лобызала со слезами. Клали ея въ нѣкоторый ящикъ, поставленный на носилки, или сіи носилки были закрыты со всѣхъ сторонъ. Несли ея такъ закрытую по площади; а пришедши на мѣсто мученія, вынимали ея оттуду. Тогда священноначальникъ, накрывъ себѣ голову, приносилъ молитвы богамъ; и потомъ отходилъ прочь. Въ сіе время сводили ея въ яму, въ которую ставили нѣсколько не много воды и молока; а послѣ сего зарывали ту яму. Симъ

образомъ

образомъ потребали ея живую. Но „ мужа, кой „ падется съ Весталью, засѣкали до смерти роз„ гами, „ какъ то намъ объявляетъ Катонъ говоря, Vir, qui eam incestauisset, verberibus necaretur. Вестали, подъ видомъ примиренія между ссорящимися, получили себѣ право вступать въ дѣла́ обывательскія, да и великое онѣ притомъ имѣли участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Вестальское одѣяніе не имѣло ничего гнуснаго: на головѣ онѣ носили уборъ, который прикрывалъ имъ токмо уши, а съ него висѣли премногіе ленты. Платье ихъ было нѣкоторый родъ ферезей сшитыхъ изъ бѣлаго тонкаго полотна́, а сверьху епанечка пурпуроваго цвѣта. Въ праздничныи дни надѣвали онѣ нѣкоторое особливое украшеніе. Ежели у нихъ погаснетъ огонь отъ ихъ нерадѣнія; то за преступленіе сіе жестоко онѣ наказываны были: римляне почитали сіе приключеніе за са́мое неблагополучное прознаменованіе. Объявляютъ, что оный огонь погасъ не задолго предъ войною съ Митридатомъ Понтийскимъ Царемъ; а въ другой разъ предъ згорѣніемъ капища Апполінова. Однако сіи предзнаменованія были токмо суевѣрныя: ибо погасъ также оный огонь въ то са́мое время, когда Сціпіонъ побѣждалъ въ Гішпаніи, и утверждалъ римское состояніе. Толькожъ, когда разгласится въ римѣ, что нѣкоторая изъ Вестальныхъ дѣвицъ дала погаснуть огню; то страхъ и ужасъ нападалъ на всѣхъ обще, такъ что всѣ дѣла́ отлагаемы были. Священноначальникъ чинилъ наказаніе Весталѣ, которую надлежало бить, по уставамъ, лозами; а дѣлалось сіе въ тай-

номъ мѣстѣ, такъ что наготы ея никто, кромѣ священноначальника, видѣть не могъ. Засвѣчали они паки погаслый огонь съ великими обрядами; да и надлежало его засвѣтить отъ солнца собравши лучи въ зажигательное стекло. Главная Весталъская должность состояла въ томъ, чтобъ имъ хранить тотъ огонь: онѣ стерегли его днемъ и ночью; а часы у нихъ были раздѣлены между собою, и друшка друшку по чередамъ смѣняли. Хранили онѣ священный огонь въ горнѣ, который былъ нѣкоторый глиняный сосудъ. Но Еллины, тоесть Греки, берегли оный же въ лампадѣ. Сіе употребленіе священнаго огня учреждено было почитай повсюду въ язычествѣ; а видно, что взято сіе отъ Жидовъ, кои принуждены были, по силѣ устава всесожженій, содержать всегда священный огонь. Въ городѣ Делфахъ, содержали священный огонь въ Аполліновомъ капищѣ; въ Аѳинахъ въ Мінервіномъ; въ Матінеѣ въ Церерiномъ; а въ Римѣ въ Вестіномъ. Въ капищѣ Юпітера-Аммона также горѣла не угасимая лампада. Сверьхъ сея должности, Вестали притомъ и священнодѣйствовали, и приносили непрестанные молитвы о спасеніи імперіи. Въ празникъ Вестінъ, капище ихъ было отворено, въ которое всякъ могъ входить, кромѣ токмо олтаря, въ коемъ Вестали хранили такъ называемый Pignus salutis Imperii, тоесть, залогъ спасенія государственнаго. Понынѣ никто достовѣрно не знаетъ, что то былъ за залогъ оный. Нѣкоторыи думаютъ, что то были Кумиры Нептуновъ и Аполліновъ, или Касторовъ и Поллуксовъ. Повѣствуютъ, что

что когда загорѣлось Вестино капище; то Цецилий-Метеллъ, бросившись туда, чтобъ выхватить священные вещи, былъ пораженъ слѣпотою въ казнь за продерзость. Находятся нѣкоторыи, кои утверждаютъ, что оный залогъ были два бочонка, изъ которыхъ одинъ открытъ, а другой запертъ былъ. Сiе весьма сходствуетъ съ тѣмъ, что говоритъ Гомеръ, а именно, что при входѣ въ Юпитерову палату лежали два бочонка, въ коихъ заключено было добро и зло случающiяся человѣческому роду. Сiе токмо одно извѣсно, что оный залогъ не-былъ Вестинъ кумиръ, длятого что въ законѣ богини сея написано было, чтобъ ея не представлять ни какимъ изображенiемъ. Римляне отдавали крайнее почтенiе Вестальнымъ дѣвицамъ. Консулы и Преторы уступали имъ мѣсто. Онѣ имѣли право завѣщанiе свое дѣлать при животѣ родителей своихъ. буде кто ихъ словомъ обесчеститъ; то тотъ былъ казнимъ смертiю. Еслижъ, по случаю, встрѣтится какая изъ Весталей съ ведомымъ на казнь; то для сего, виннаго освобождали. Онѣ хранили у себя обыкновенно завѣщанiя всѣхъ, кто ни напишетъ; и требовались у нихъ совѣты врассужденiи самыхъ важныхъ дѣлъ. Священство ихъ продолжалось до временъ Өеодосiя великаго, который оное уничтожилъ, равно какъ и всѣ прочiя богослуженiя языческiя, не смотря на Сенатъ, какъ то явствуетъ изъ посланiй Сiммаховыхъ, и святаго Амвросiя.

XXXX.

Глав. 4. числ. 18. стран. 331 строк. 4.

ИМЯ БЫЛО ТАРГЕЛІОНЪ.

Сіе имя мѣсяцу есть Греческое. Онъ сходствовалъ съ нашимъ Апрѣлемъ: а названъ отъ праздника уставленнаго въ честь Аполлїну и Дїанѣ, который торжествовали Аѳиняне, называя его Θαργήλια, Ѳаргилія.

XXXXI.

Глав. 4. числ. 20. стран. 338 стіх. 1.

ВСХОДЯЩАГО ФЕБА.

О Фебѣ смотри изъясненіе IIII.

Тамже стіхъ 11.

ГАНГЕСЪ СИМИ БОГАТЪ, А ДРУГІИ ВЪ ГІДАСПІСѢ ЗРЯТСЯ.

Гангесъ есть рѣка Індїйская весьма большая; она имѣетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сто стадїй, тоесть, двацать верстъ ширины. Находятся въ ней дорогїи камни и жемчугъ, также и много золота. Лѣтомъ она, наподобїе Егіпетскаго Нїла, наводняется, и смачиваетъ поля. Мултанцы, кои въ Астрахани живутъ,

называютъ ея Ганга. Но Гідаспесъ есть также Індійская рѣка, текущая въ Поровомъ царствѣ между Індомъ и Ацесіномъ рѣками, коя потомъ съ другими также въ Індъ рѣку впала. Індъ рѣку помянутыи Мултанцы называютъ Сіндусомъ. Есть Гідаспесъ рѣка и въ Персіи, или Мидіи, буде вѣрить Віргілію и Курцію. Впрочемъ, понеже Горацій сію рѣку называетъ баснословною; то кажется, что Римляне ничего достовѣрнаго объ ней не знали, такъ что какъ во многомъ къ географіи надлежащемъ, такъ и врассужденіи сея рѣки они погрѣшали. Можетъ быть Віргілій и Курцій думали о Хоаспѣ, для того что симъ именемъ есть рѣка и въ Індіи, и въ Персіи въ Сусіанской провінціи, или по нынѣшнему въ Сусістанской. Географы о Гідаспісѣ Персідскомъ всѣ обще молчатъ.

Тамже стіх. 22.

ІОВІШЕВЫ РУКИ.

Объ Іовішѣ смотри изъясненіе X.

Тамже стіх. 24.

ГОРДА ЮНОНА.

Объ Юнонѣ смотри изъясненіе XII.

Тамже стіх. 28.

КАМНЮ ТЕБЕБЪ ПІРРІНУ.

Пірра была у баснословцовъ дочь Эпіметеева, а двоюродная сестра Девкаліону сыну Прометееву Тессалійскому Царю. Во время сего

Девкаліона случилось превеликое наводненіе, отъ котораго піиты взяли случай говорить, что весь тогда человѣческій родъ потонулъ въ водахъ. Но чтобъ возобновить оный по уступленіи воды; то Девкаліонъ и Пірра спрашивались у отвѣта Темідіна, коя есть богиня правосудія и справедливости, а сестра Юпітерова. По силѣжъ приказанія сея богини, бросали они назадъ чрезъ себя камни, такъ что Девкаліоновы камни обращались въ мужескій полъ, а Пірріны въ женскій. Но что здѣсь Поліархъ называется камнемъ Пірріньімъ, а не Девкаліоновымъ; то Аргеніда чрезъ Пірру себя разумѣетъ, и подъ симъ покровомъ называетъ въ любовницыной ласкѣ Поліарха своимъ.

XXXXII.

Глав. 4. числ. 21. стран. 341 строк. 17.

ЭФІРЯНЕ.

Чрезъ Эфірянъ разумѣются Корінѳяне: ибо они прежде тѣмъ назывались именемъ отъ Эфіры дочери Океановы и нѣкоторыя Німфы. Сія Эфіра, какъ сказываютъ Піиты, прозвала своимъ именемъ городъ Корінѳъ, и назывался онъ такъ прежде нежели получилъ себѣ сіе послѣднее имя, тоесть Корінѳъ.

XXXXIII.

XXXXIII.

Глав. 5. числ. 26. стран. 356 стiх. 13. 14. 15 16.

НЕУЗНАННЫЙ ПЕНТЕЙ и прочая.

Пентей, сынъ Эхiоновъ и Агавы дочери Кадмовы, былъ Царь Тебанскiй, и поругался надъ обрядами отправляющимися при праздновании бакхусовомъ. Сей богъ, хотя ему за то мстить, вложилъ толь сильное остервѣненiе въ Агаву, дочь Царя Кадма, а мать Пентееву, что, имѣя еще при себѣ двухъ Менадъ, или бакхантъ, кинулась она на своего сына, думая что то былъ вепрь, да и растерзала его на части.

Бакхантами называемы были женщины, кои слѣдовали за бакхусомъ хотящимъ покорить Індiю, а въ рукахъ имѣли онѣ тiрсы, тоесть палки обвитые вiноградным листомъ, вiноградомъ, и травою блющемъ, и притомъ не лѣпо кричали прославляя побѣды того побѣдителя. Потомъ, отправляли онѣ въ честь бакхусу празднованiе, кое называлось бакханалами, или Оргiями. Сiи бакханты, или жрицы бога имѣющаго власть надъ вiномъ, во время праздничныхъ церемонiй бѣгали повсюду покрывшись тiгровыми кожами, растрепавши волосы, въ рукахъ имѣя тiрсы, и факелы, и притомъ крича, ЭВОГЕ, или ЭВГОЕ - ЭВАНЪ! ЭВОГЕ - БАКХЕ! тоесть, добрый родъ Эванъ, добрый сынъ бакхусъ: ибо сiе прозванiе дано ему отъ Юпiтера, когда, во время войны съ Гiгантами, бакхусъ, превратившись во льва, бросился бѣшенымъ на нихъ, и оныхъ растерзалъ.

Тамже

Тамже стіх. 23.

ОНИ ТВОЙ РОКЪ.

Чрезъ слово сіе рокъ, древніи язычники разумѣли богиню, кою они изображали такъ, что у нея былъ подъ ногами глобусъ всего міра: ибо они вѣрили, что все находящееся въ свѣтѣ, есть подвержено ея законамъ. Въ рукахъ у нея былъ сосудъ, который не что иное, какъ оный смертоносный кувшинъ, въ которомъ, по митическимъ баснямъ, всѣ имена земнородныхъ обрѣтаются. Въ надгробныхъ языческихъ надписяхъ весьма часто жалобы приносимы были на злость, зависть, и на лютость рока, который есть неумолимый, и на слёзы не преклонный. Ежелижъ бы кто захотѣлъ предложить въ сопротивленіе, что древнимъ не надлежало изображать РОКА богинею, длятого что Латинское слово FATUM не женскаго есть рода: то сему въ отвѣтъ скажется, что нѣтъ въ его сопротивленіи большія силы, длятого что мы знаемъ, что многіе богини и боги, какъ то Венера, Луна, и Бакхусъ были почитаемы обоего рода. Кажется, что сіе взято отъ філософовъ стоическаго мнѣнія, которыи говорили, что боги были обоего пола. Впрочемъ Греки, отъ которыхъ римляне взяли почитай всѣ свои суевѣрія, именовали РОКЪ Ε'ιμαρμένη женскимъ родомъ, и потому и изображали ея женщиною; а римляне имъ въ томъ слѣдовали.

Тамже

Тамже стих. 23. 24.

ТА СЫНА МАТЬ СПАСТИ УЖЪ БОЛЬШЕ НЕ МОГЛА, ПОЛѢНО РОКА ЧТО ВЪ НЕИСТОВСТВѢ СОЖГЛА.

Оба сїи стїха означаютъ Мелеагра сына Оенея Калїдонскаго Царя, и Алтеи дочери Тестїевы. Пїиты говорятъ, что какъ скоро мать его родила, то она увидѣла при огнѣ трехъ адскихъ богинь, называемыхъ ПАРКИ, о которыхъ предложится въ своемъ мѣстѣ, что буттобы онѣ клали въ огонь нѣкоторое полѣно говоря: МЛАДЕНЕЦЬ СЕЙ ТОЛЪ ДОЛГО БУДЕТЪ ЖИТЬ, КОЛЬ ДОЛГО ПРЕБУДЕТЪ СІЕ ПОЛѢНО, ИЛИ ГОЛОВНЯ. Сказавши сїи слова, Парки стали быть невидимы. Тогда Алтея встала, взяла оную головню, и хранила ея у себя съ великимъ старанїемъ. Когдажъ Мелеагръ взмужалъ; то онъ показалъ свою храбрость, бьючись съ славнымъ вепремъ Калїдонскаго лѣса, и котораго онъ убилъ. На семъ сраженїи съ нимъ были многїи господа, которыи собрались для истребленїя того звѣря. Аталанта, дочь Іазїя Царя Аргїйскаго, которая восхотѣла себя прославить при томъ случаѣ, поразила прежде всѣхъ вепря: чегоради, Мелеагръ ей отдалъ голову, какъ лучшую часть корысти съ того животнаго. Братья Алтеины, Плексїпъ и Токсей, были тѣмъ недовольны, и хотѣли сами себѣ получить оную голову: но Мелеагръ ихъ побилъ, а Аталанту взялъ за себя, и родилъ отъ нея сына Партенопея. Алтея какъ скоро

увѣдомилась объ убійствѣ обоихъ своихъ братовъ; то, пришедъ въ великую ярость, и хотя отмстить за то, бросила роковое полѣно или головню въ огонь, гдѣ она ея сжигала помалу. Сіе было причиною не скорыя смерти Мелеагру, такъ что онъ долго чувствовалъ, что утроба его грызется несноснымъ жаромъ.

XXXXIIII.

Глав. 6. числ. 30. стран. 367 строк. 8.

КОЙ ЕГО МЕРКУРІЙ ИЗВЛЕКЪ.

Меркурій, богъ языческій, былъ сынъ Юпітеровъ и Маіинъ, а родился въ Аркадіи на горѣ Ціллені. баснословіе дѣлаетъ его посланникомъ и вѣсникомъ боговъ, и изображаетъ съ крылами на шапочкѣ и на ногахъ, а въ рукахъ имѣющимъ кадуцей, тоесть жезлъ посольскій. Онъ провождалъ души умершихъ въ адъ, и имѣлъ власть извлекать оные оттуду. Съ другой стороны, онъ почитаемъ былъ за изобрѣтателя многихъ наукъ, какъ то за бога краснорѣчія, купечества и воровства. Приписываютъ ему также изобрѣтеніе Ліры, или лютни, равно какъ и борьбы, писанія, жертвъ, согласія и музыки. Меркурій убилъ Аргуса Стоокаго по Юпітерову указу; похитилъ воловъ у Аполліна, когда сей былъ пастухомъ у Адмета; превратилъ батта въ Оселку, и родилъ многихъ дѣтей отъ разныхъ женъ,

женъ, какъ то Гермафродита отъ Венеры. Онъ свободилъ бога Марса изъ темницы, въ коей сей былъ держанъ чрезъ долгое время, и приковалъ Прометея къ горѣ Кавказу.

XXXXV.

Глав. 7. числ. 41. стран. 389 стїх. 1.

КРАСНАЯ ФЕБУ СЕСТРА.

Фебова сестра есть Дїана охотница; а объ ней смотри изъясненїе XXIIII.

Тамже стїх. 8.

СВОЕВОЛЬСТВУ МЕРСКОМУ ЛѢШИХЪ.

Чрезъ Лѣшихъ разумѣются Сатїры. Они отъ Пїитовъ называются полубогами; а живутъ въ лѣсахъ и на горахъ, и будто превеликую имѣютъ склонность къ женскому полу. Изображаются они обыкновенно съ верьху до-пояса людьми, и съ небольшими рогами на головѣ; а отъ-пояса съ козьими ногами.

Тамже стїх. 16. 17.

. . . . . КАРАВОДЪ СОБИРАЙ ДРЇАДЪ,
И ОРЕАДЫ МНОГИ ДА ОКРУЖАЮТЪ ТЕБЯ.

Чрезъ Дрїадъ рарумѣются Нїмфы лѣсные, а чрезъ Ореадъ горные.

Тамже

Тамже стіх. 21. 22.

АКТЕОНЪ ВЪ ТѢХЪ СТРУАХЪ УКРЫВАТЬСЯ ТАЙНО НЕ БУДЕТЪ, И ПРЕВРАЩАТЬ САМОЙ ВЪ ЕЛЕНЯ НѢКОГО ТАМО.

Актеонъ былъ сынъ Арістеевъ и Автоноинъ, а внукъ Кадмовъ, и воспитанъ Хірономъ. Онъ весьма возлюбилъ псовую охоту; и былъ растерзанъ отъ собственныхъ своихъ собакъ, длятого что, по свидѣтельству Овідієву, Діана его превратила въ оленя, и потому собаки его не узнали. Но превратила она его за то, что онъ ея увидѣлъ нагую, купающуюся въ водѣ, которая съ досады плеснула въ него водою, а онъ и обратился чрезъ сіе тотчасъ въ оленя.

Тамже стіх. 23.

ТАКЖЕ И НИ СКОРПІЙ НЕ УБЬЕТЪ У ТЕБЯ ОРІОНА.

Оріонъ, по баснословію, былъ сынъ Юпітеровъ, Нептуновъ, и Меркурієвъ; а другіи вмѣсто Меркурія полагаютъ Аполліна. Въ нѣкоторое время, когда сіи три бога путешествовали по землѣ, пришли они въ самую бѣдную деревенскую хижинку, коея хозяинъ назывался Гіріей. Сей Гіріей принялъ ихъ такъ, какъ ему возможно было лучше, и представилъ имъ кушать цѣлаго вола, въ которомъ состояло все его богатство. боги оныи удивились его благоговѣнію, и желая его наградить, дали ему самому выбирать, чегобъ онъ ни пожелалъ, увѣривши его притомъ, что онъ все то получить имѣетъ.

етъ. Онъ имъ сказалъ, что ему больше всего хочется сына, однако такъ, чтобъ ему не быть принуждену жениться: ибо не хотѣлъ онъ обѣщанія нарушить, даннаго своей женѣ прежде ея смерти. Тотчасъ тѣ боги велѣли ему принесть кожу съ вола, представленнаго имъ на столѣ. Тогда всѣ тѣ боги выпустили свою урину на нея, и приказали Гірїею, зарыть ея въ землю, съ такимъ притомъ запрещенїемъ, чтобъ ея не ворошить съ мѣста, ни смотрѣть чрезъ цѣлыи девять мѣсяцовъ, еще нѣсколько и побольше. По прошествїи сего времени, родился мальчикъ, котораго Гірїей назвалъ Урїономъ, и котораго потомъ стали называть, премѣнивъ (У) въ (О), Орїономъ. Сей возлюбилъ быть охотникомъ; и началъ потомъ такъ жестоко чваниться, что онъ всякихъ звѣрей можетъ изловить, сколькобъ ни были они дики. Земля, принявши оное его чванство въ досаду себѣ, произвела Скорпїю, которыя отъ угрызенія онъ умеръ. Но Дїана, богиня псовыя охоты, перенесла Орїона на небо, и вмѣстила его тамъ близъ знака Тельца. Пїиты говорятъ, что сїе созвѣздие, положенное отъ Астрономовъ при Южномъ полусѣ, и состоящее изъ 16. или 17. звѣздъ, подобно есть человѣку, который имѣетъ въ рукахъ ножъ. Сей знакъ при своемъ восхожденїи подымаетъ превеликїе бури и ненасье, чегоради и называютъ его дождливымъ; а нѣкоторыи производятъ его имя отъ ὀρίνω, тоесть, возмущаю. Но когда онъ всходитъ свѣтелъ и ясенъ; то знакъ, что время будетъ хорошее.

Также

Тамже стіх. 25. 26.

САМЪ ПОТОМУЖЪ СЪ ТВОИМЪ КАЛЧАНОМЪ ОХОТНИКОМЪ ІОВИШЪ ЗДѢСЬ НЕ ЯВИТСЯ, ЧТОБЪ ДАТЬ ДРУГУЮ МЕДВѢДИЦУ НЕБУ.

Чрезъ сію медвѢдицу разумѢется Каліста, или Калліста, дочь Лікаона Аркадійскаго Царя, и бывшая попремногу любимая Нимфа ДіанѢ, отъ ненависти Юнониной превращенная въ медвѢдицу. Пііты баснословятъ, что сіе случилось слѢдующимъ образомъ. НѢкогда Німфа Каліста бывши на охотѢ весьма утрудилась, такъ что принуждена была, скинувши съ себя калчанъ, и положивши вголовы, лечь на уединеніи отдыхать. Юпітеръ, влюбившись въ ея красоту, преобразился въ Діану, и пришедъ обманомъ къ уединенной НімфѢ, преодолѢлъ ея, и удовольствовалъ свою страсть; отъ чего Каліста очреватѢла. Между тѢмъ нѢкоторый источникъ ДіанѢ полюбился, такъ что она восхотѢла въ немъ мыться. ВсѢ прочіе Німфы тотчасъ раздѢлись; одна токмо Каліста меллила долго и не обнажалась, боясь что Діана увидитъ ея состояніе. Однако надобно стало необходимо и ей тожъ учинить. Какъ скоро она раздѢлась; то тотчасъ Діана увидѢла ея чревату: чегоради согнала ея съ глазъ долой, и лишила ея своея милости. Каліста скитаясь по лѢсамъ одна, родила тамъ сына именемъ Аркаса. Она принуждена претерпѢвать не отъ одноя Діаны немилость къ себѢ, но гоненіе и лютость отъ Юноны. Сія, свѢдавши о любви мужа своего къ ней, превратила ея въ медвѢдицу и съ сыномъ ея

Аркасомъ.

Аркасомъ. Но Юпітеръ, сжалившись объ ней, взялъ ея на небо, и здѣлалъ изъ нея созвѣдіе, называемое БОЛЬШАЯ УРСА, тоесть МЕДВѢДИЦА БОЛЬШАЯ; а изъ сына ея обращеннаго въ медвѣдицужъ, здѣлалъ созвѣдіе именуемое МАЛАЯ УРСА.

Тамже стіх. 27.

КЪ ОСТРОВУ ДЕЛУ.

Островъ Делосъ есть на Архіпелагѣ близъ Европы, на полдень отъ Тіна. баснословіе утверждаетъ, что Латона какъ Аполліна, такъ и Діану сестру его родила на семъ островѣ, и что прежде онъ былъ ходячій, а послѣ Латоніныхъ родинъ на одномъ мѣстѣ остановился.

Тамже стіх. 29.

ЧАЩЕ И НЕ ЖИВИ ПРИ ЭВРОТѢ, НИ БОЛЬШЕ ПРИ ПІНДѢ.

Сперва здѣсь слово идетъ объ Эвротѣ Пелопонесской рѣкѣ, которая имѣетъ свою вершину въ Аркадіи, а претекая Лаконію идетъ мимо самыхъ стѣнъ города Спарты, и впала потомъ въ проливъ Лаконіческій. Нынѣ она называется ВАСІЛІ-ПОТАМОСЪ, то есть Царская рѣка. Она была весьма славна Піитіческими описаніями: ибо Піиты говорятъ, что по обѣ стороны украшена она деревомъ Смірною, Лавромъ, и Оліврою; что при ней Касторъ и Поллуксъ любили

били обыкновенно разъѣжжать и забавляться; что сестра ихъ Елена при ней похищена; и что при ней же больше Дiана хаживала на охоту.

Но Пиндъ есть гора Эпiрская, или Тессалiйская, которая густымъ лѣсомъ была покрыта. Одна ея часть называлась Парнассомъ, а другая Геликономъ. Сiя точно есть причина, что всѣ сiи три имени часто сливаются въ одно у Пiитовъ, кои говорятъ о сей горѣ посвященной Музамъ.

Тамже стiх. 34.

НЕ ССѢЧЕТЪ ЭРIЗIХТОНЪ.

Эрiзiхтонъ, былъ знатный Тессалiйскiй господинъ, который имѣлъ у себя дочь именемъ Метра, а она превращалась во всякiи образы. Сей Эрiзiхтонъ срубилъ целый лѣсъ посвященный Церерѣ. богиня сiя толь на него за то разгнѣвалась, что она въ казнь ему наслала на него превеликую жадность, такъ что онъ все свое имѣнiе проѣлъ, и наконецъ принужденъ былъ дочь свою отдать на блудодѣянiе, и кормить себя ея прiобрѣтенiемъ получаемымъ ею отъ своихъ любовниковъ. Но напослѣдокъ, въ толикую онъ пришелъ крайность, что самъ у себя объѣлъ руки, и въ сей бѣдности и въ отчаянiи умеръ.

XXXXVI

XXXXVI.

Глав. 8. числ. 46. стран. 401. строк. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23.

НА КАМНѢ АТЛАНТЪ ИЗОБРАЖЕНЪ, КОТОРЫЙ ПОДОЗРИТЕЛЬНАГО ПЕРСЕЯ НЕ ПУСКАЛЪ КЪ СЕБѢ ВЪ ГОСТИ; ТАКЖЕ И ПЕРСЕЙ ВИДѢЛСЯ СИДЯЩИМЪ НА ПЕГАЗѢ КРЫЛАТОМЪ КОНѢ, И АТЛАНТОВУ ЛИЦУ ТАКЪ ПОКАЗЫВАЮЩИМЪ МЕДУЗУ, ЧТО САМЪ ОНЪ СВОЕ ОТВРАЩЕННОЕ ИМѢЛЪ, ДАБЫ И ЕМУ ВНУТРЕННИМИ ЧАСТЯМИ ВЪ КАМЕНЬ НЕ ПРЕТВОРИТЬСЯ.

Объ Атлантѣ, или Атласѣ, смотри изъясненіе XV.

Персей, сынъ Юпітеровъ и Данаеинъ, былъ женатъ на Андромедѣ, съ которою онъ прижилъ Алцея, Стенела, Геласа, Местора, и Электріона, и прославилъ свое имя храбрыми дѣлами. Древнѣйшіи Піиты слѣдующимъ образомъ обьявляютъ объ его рожденіи. Акрізій увѣдомившись отъ божескаго отвѣта, что собственный внукъ умертвитъ его, заключилъ дочь свою Данаею въ нѣкоторую крѣпость, хранимую вѣрнѣйшими ему людьми. Юпітеръ крайно влюбившись въ Данаею, превратился въ золотый дождь, и нашелъ себѣ способъ вкрасться къ Данаеѣ. Тамъ преклонилъ ея къ себѣ, и родилъ отъ нея сына Персея. Акрізій извѣстившись, что дочь его родила сына, повелѣлъ ея бросить въ море, уповая что она потонетъ и съ сыномъ. Но случай не своденъ былъ съ надѣяніемъ Акрізіевымъ:

вымъ: ибо волны выбросили благополучно на берегъ Данаею и Персея. Нѣкто изъ мореплавателей нашелъ ихъ, и привелъ къ Царю тоя земли. Царь увѣдомившись какова была рода Данаея, взялъ ея за себя, и поручилъ воспитать Персея Діктісу. И какъ Персей былъ благоразуменъ и храбръ; то Пііты вымыслили, что будто Мінерва дала ему свой щитъ. Онъ побѣдилъ Медузу, и преодолѣлъ народы жившіи на горѣ Атласѣ; а сіе самое и означается, что будто онъ превратилъ Атланта въ гору его имени, показавъ ему Медузу. Потомъ свободилъ онъ Андромеду отъ морскаго звѣря, и отъ нападокъ Фінеевыхъ. По возвращеніи своемъ, убилъ онъ ненарочно дѣда своего Акрізія. Пришедъ въ крайнее сожалѣніе о семъ злоключеніи, оставилъ онъ городъ Аргосъ, и началъ пребывать въ Тірінтѣ, коего на земляхъ построилъ онъ городъ Міцену; а въ семъ его порода царствовала больше ста лѣтъ. Персей весьма любилъ ученыхъ людей, и основалъ нѣкоторое училище. Пііты здѣлали изъ него созвѣздіе, какъ изъ самаго знатнаго героя баснословныхъ временъ.

Пегазъ есть конь крылатый. Онъ былъ произведенъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ Пііитовъ, отъ Нептуна; а по утвержденію другихъ, родился онъ отъ Медузіной крови, когда Персей отрубилъ ей голову. Сей конь, ударивъ копытомъ въ землю, произвелъ источникъ, называемый Гіппокренъ. беллерофонтъ сѣлъ на сего коня, дабы убить Хімеру, въ чемъ ему и удалось.

Славнаго

Славнаго сего коня Пїиты вмѣстили между звѣздами.

О Медузѣ, или Горгонѣ, смотри изъясненїе XXVII.

XXXXVII.

Глав. 8. числ. 51. стран. 408. строк. 2.

ПАРНАССКИЕ ВѢТЬВИ.

Парнассъ есть гора въ Тессалїи, или точняе въ Фоцїдѣ, нынѣ называемая Лїакура. Она имѣетъ два холма, и была посвящена музамъ, кои, по опредѣленїю Пїитовъ, обыкновенное свое пребыванїе имѣли на ней. О сей горѣ всѣ Пїиты весьма часто упоминаютъ.

Тамже стїх. 3. 4. 5. 6.

СВѢТЪ СВОЙ ЭРИГОНИНЪ ПЕСЪ.

Эрїгона, была дочь Ікарїева, которая сама себя повѣсила съ отчаянїя, когда она увѣдомилась о смерти своего отца. Сказываютъ Пїиты, что баккусъ научилъ Ікарїя какъ дѣлать вїно, и далъ ему въ подарокъ полный мѣхъ онаго, изъ самаго лучшаго. Нѣсколько пастуховъ изъ Аттїки, прїятелей Ікарїевыхъ,

напившись віна того излишно, стали быть пьяны, и подѣлали премножество шалостей. Другіи, видя ихъ въ семъ состояніи, подумали, что они ядомъ опоены. Въ семъ мнѣніи умертвили они Ікарія, и бросили его тѣло въ преглубокій ровъ, засыпавъ оное въ немъ землею. Сучка Ікаріева, кличемая Мера, указала своимъ скукомъ мѣсто, гдѣ былъ зарытъ ея господинъ; а дочь его, нашедши тѣло своего отца тѣмъ способомъ, повѣсилась на́ - деревѣ. Нѣсколько спустя времени случилось, что дѣвицы и женщины Аѳинейскіе пришли толь въ великое неистовство, что они стали вѣшаться. О семъ когда спрошенъ былъ богъ; то онъ отвѣтствовалъ, что злоключеніе сіе съ того дѣлалось, что за смерть Ікаріеву и Эрігонину отмщенія не учинено, и что, для пресѣченія толикаго зла, надлежитъ уставить игры въ ихъ честь. Тогоради изобрѣтена была потѣха, на коей женскій полъ дѣлалъ качели, прицепивши верьвь къ дереву, и на нихъ качался. баснословятъ, что злоключеніе оное тотчасъ унялось. Юпітеръ, въ награжденіе за толикое усердіе оныя дочери къ своему отцу, и за вѣрность помянутыя сучки, превратилъ Эрігону, и поставилъ ея между звѣздами въ созвѣздіи называемомъ Дѣвою; а Меру сучку также въ звѣзду, называемую Канікула: но Ікарія въ звѣздужъ именуемую Арктофілаксъ, или Арктуръ, или иногда боотесъ.

XXXXVIII.

XXXXVIII.

Глав. 9. числ. 60. стран. 431. строк. 28.

СОСУДЪ НАЗЫВАЕМЫЙ УРНОЮ.

Сей сосудъ, называемый Урна, былъ у древнихъ изъ разныхъ матерїй, и употребляемъ на разныежъ потребы. Иногда вынимали изъ него имена тѣхъ, коимъ надлежало биться на всенародныхъ играхъ; иногда опускали въ оный бобы бѣлымъ и чорнымъ запятнанныи, а сїе дѣлалъ каждый изъ судей въ знакъ своего голоса, даннаго къ оправданїю, или къ обвиненїю кого на судѣ: напослѣдокъ, иногда заключали въ него пепелъ сожженныхъ умершихъ тѣлъ, и зарывали оный въ землю. Какъ золотыхъ и серебреныхъ такихъ погребательныхъ урнъ находится не много; такъ стекляныхъ и глиняныхъ довольно.

XXXXIX.

Глав. 10. числ. 65. стран. 442. строк. 11.

ВЪ ЗНАНІИ АСТРОЛОГІЧЕСКАГО НЕБА.

Чрезъ сїи слова разумѣется Астрологїя прорицательная. Сїя мнимая наука рассуждаетъ о будущихъ приключенїяхъ по звѣздамъ. Упражняющїися въ сей наукѣ утверждаютъ, что сколько ни есть звѣздъ, всѣ онѣ какъ нѣкоторыя въ толикомъ же числѣ разныя начертанїя,

которыя, по силѣ различнаго ихъ между собою соединенія, предувѣдомляютъ о будущемъ, и что твердь есть какъ небесная книга, въ которой, имѣющіи даръ читать, могутъ прочесть всѣ будущія приключенія: какъ напримѣръ, будетъ ли война благополучна, или нещаслива; не грозитъ ли голодъ, или моровая язва какому государству; и всякій изъ людей, какое имѣть будетъ щастіе, доброе или худое. Первыи, кои расславили сію науку, были Халдеи: ибо нѣкоторыи изъ нихъ не захотѣли быть Астрономами [наука, которая предлагаетъ токмо объ естествѣ небесъ и звѣздъ, а особливо, о движеніи свѣтилъ] толь наипаче, что Астрономія не приносила никакія прибыли: чегоради вымыслили они другую, и на́чали обманывать ею знатныхъ людей и народъ, а чрезъ то себя обогащать. Ученіе Халдейское разсѣялось потóмъ въ Египтѣ, и въ Греціи, а наконецъ и во всей вселенной толь съ большею способностію, что она подтверждаема была отъ владѣтельныхъ особъ, кои употребили ея въ пóмощь своей политікѣ, также отъ языческихъ жерцовъ, для утвержденія ихъ закона, и напослѣдокъ отъ історіковъ, дабы имъ писать въ угодность народу. Ученыи люди опровергаютъ сіе заблужденіе премногими непреоборимыми доказательствами, о которыхъ излишнобъ было мнѣ воспоминать, понеже они почитай всѣ отъ Автора моего въ сей десятой главѣ, въ числахъ 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. и 75 исчислены и предложены толь твердо, и толь сладко. Довольно токмо упомянуть, что

что сія наука есть токмо убѣжище незнанію и суевѣрію, толь наипаче, что не имѣетъ она ни основанія вѣроятнаго, и что нѣтъ обмана, который бы достойнѣшій былъ смѣха.

Тамже стран. 443. строк: 19.

БОЛЬШЕ НЕЖЕЛИ НА БОЖЕСКІЙ ОТВѢТЪ.

Чрезъ божескій отвѣтъ я разумѣю въ переводѣ то, что древніи Греки изображали чрезъ χρησμὸς и μαντεῖον, а старинныи римляне чрезъ Oraculum, которое слово нынѣ у Французовъ употребляется Oracle съ малымъ поврежденіемъ Латінскаго. По словамъ оно значитъ: достовѣрное божеское слово; а въ самомъ дѣлѣ, прорицательный отвѣтъ отъ какова бога, или кумира покланяемаго отъ язычниковъ. Начало языческихъ божескихъ отвѣтовъ есть очень древнее, длятого что Гомеръ въ Одиссеѣ кн. 14 упоминаетъ объ отвѣтѣ, который былъ даванъ Юпітеромъ Додонейскимъ. Когда разсматриваются повѣствованія, коими утверждаются сіи отвѣты; то ясно показывается, что они весьма больше походятъ на басни, нежели на правду. Лехко можно доказать, что всѣ почти такіи отвѣты, приписываемыи демонамъ, были токмо обманъ жерцовъ языческихъ, кои отвѣтствовали сами вкрадшись въ кумиры, и обманывали простый народъ говоря, что выговоренъ тотъ или другой отвѣтъ богомъ самимъ. Мнѣніе сіе подтверждается свидѣтельствомъ многихъ великихъ людей, какъ изъ христіанъ,

такЪ и изЪ язычниковЪ. Славнѣйшiи сiи отвѣты были слѣдующiи. Первый Аполлiновъ. Сей былЪ даванЪ вЪ ДелфахЪ вЪ капищѣ отЪ жрицы Аполлiновы называемыя Пiтонiсса: онЪ былЪ изЪ самыхЪ первыхЪ. Вторый Юпiтера Додонскаго: городЪ сей стоялЪ вЪ Эпiрѣ вЪ Молосской землѣ. ближнiй лѣсЪ кЪ сему городу былЪ симЪ отвѣтомЪ славенЪ, вЪ коемЪ онЪ былЪ даемЪ. Третiй Аполлiна Кларiйскаго; сей городЪ былЪ вЪ Iонiи, во владѣнiи КолофонцовЪ. Четвертый Юпiтера-Аммона вЪ Африкѣ. Пятый СерапiсовЪ вЪ Египетской Александрiи; шестый ТрофонiевЪ вЪ Беоцiи; седьмый Куманскiя Сiвиллы вЪ Iталiи.

L.

Глав. 10. числ. 75. стран. 468 стих. 1. 2.

О! звѣзды, божески отвѣты! и птичiй вѣщiй рокЪ судебЪ.

ЧрезЪ звѣзды разумѣется Астрологiя прорицательная, о которой смотри изъясненiе XXXXIX.

ЧрезЪ божескiи отвѣты разумѣются Оракулы; а обЪ нихЪ также смотри изъясненiе XXXXIX.

ЧрезЪ птичiй вѣщiй родЪ разумѣется то, что у древнихЪ римлянЪ называемо было AVSPICIVM. Сiе было нѣкоторое угадыванiе по птичьему летанiю, будетЪ ли напримѣрЪ какое предпрiятiе благополучно, или оно имѣетЪ

быть

быть нещасливо. Плиній приписываетъ изобрѣтеніе сего угадыванія Терезію Тебанскому, который научился рассуждать летаніе птицъ: а называется AVSPICIVM отъ Auium aſpectu, тоесть, отъ зрѣнія на птицы, такъ какъ AVGVRIVM отъ Auium garritu, тоесть, отъ кричанія птицъ. Святый Климентъ Александрійскій объявляетъ, что первыи были Фрігіане, кои начали наблюдать летаніе птицъ, называемыхъ Praepetes, тоесть быстролетные, также и крикъ птицъ называемыхъ Oſcines, тоесть поющіе, или гла-сящіе. Знатнѣйшіе изъ птицъ, по котор... узнавали, были вороны, вороны, совы ... лины; притомъ также орлы, гіпы или ... и напослѣдокъ коршуны. Угадывал... по курячьимъ цыплятамъ, ко... кормъ, такъ что ежели он... охотою, и ронять кормъ... то сіе у нихъ было ве... называлось оно Terrip... liſtimum, длятого чи... бился объ нея, и ... буде куры ничего ... очень не скоро; ... самое худое про...

Чрезъ Судьб... смотри изъясн...

САМЪ СИ...

О Фебѣ см... званъ Де...

давалъ отвѣты въ Делфахъ; о семъ смотри изъясненіе XXXXIX.

LI.

Глав. 12. числ. 82. стран. 485. стих. 1. 2.

СУДНЫШКО СІЕ ТЕБЯ ЦІТЕРЕЯ.

Цітерееею называема была Венера отъ острова Цітеры, лежащаго на полдень отъ Пелопонне-
...Сей островъ называемъ былъ и Порфіріс. По
...овію, Венера близко сего острова родилась
...кія пѣны. Обыватели сего острова по-
...ей въ пребогатомъ капищѣ подъ име-
...Ураніи, или Небесныя.

...е стих. 5.

...ъ УДАРЫ.

...іе IIII.

...6.

...НА.

...Х.

...

сѣверный,
и сухій.
Піиты

Піиты намъ его представляютъ съ змѣинымъ хвостомъ; а борода его и волосы покрыты снѣгомъ и льдомъ.

Тамже стїх. 12.

А ДОЖДЕЙ КАКЪ СЪ АВСТРА.

Австръ, или Нотъ есть полуденный вѣтръ дождливый. Овїдїй, превращенїй своихъ въ книгѣ 1. представляетъ намъ его, что бутто онъ имѣетъ влажныя крыла; лице его закрыто чорнымъ мракомъ; борода вся въ дождяхъ; съ волосъ головныхъ текутъ ручьи; а на челѣ у него сидятъ тучи.

Тамже стїх. 13. 14.

И НЕПТУНОВА КОГДА СУПРУГА ЦІМОТОЯ.

О Нептунѣ смотри изъясненїе X. Но о Цімотоѣ никто изъ писателей баснословїя не говоритъ, чтобъ она его была жена: ибо жена у него была Амфїтріта. Однако Віргілїй упоминаетъ объ ней говоря Энеїды кн. 1. стїх. 144. Cymothoe ſimul et Triton adnixus acuto, тоесть, Цімотоя, купно и Трїтонъ оперщись на острый камень. Можетъ быть, что она его была наложница, а имѣя зеленыи волосы, оставлена въ морѣ: ибо прочїе Нїмфы, кои не имѣли зеленыхъ волосовъ, взяты на небо. По словамъ значитъ она теченїе волнъ ἀπὸ τȣ̃ θέειν, καὶ κῦμα.

Тамже стіх. 19.

ЭРІКСА ЧТИМЪ НЕ ВЪ ПРОСТЫХЪ.

Объ Эріксѣ смотри изъясненіе III.

Тамже стіх. 23.

А СЪ ТОБОЙ ДВА БРАТА.

Чрезъ сихъ двухъ братовъ означаются Касторъ и Поллуксъ; а объ нихъ смотри изъясненіе IIII.

Тамже стіх. 24.

ИХЪ СЕСТРА ЕЛЕНА.

Елена, славная въ древности красавица, была дочь Тіндарова и Ледіна, а жена Менелая Царя Спартанскаго. Піиты баснословятъ, что Леда, имѣвши любовную дружбу съ Юпітеромъ, который съ нею любодѣйствовалъ подъ образомъ Лебедя, родила два яица, изъ которыхъ въ одномъ заключена была Елена и Поллуксъ, а въ другомъ Касторъ и Клітемнестра. Елену, которая была чрезвычайно хороша, полюбилъ сперва Тезей, который ея похитилъ, и потомъ отдалъ ея опять назадъ братьямъ. Они ея выдали за Менелая Спартанскаго Царя, съ которымъ она родила дочь Герміону. была она похищена и въ другой разъ отъ молодаго Париса, сына Пріама Троянскаго Царя: ибо сей Парісъ прибылъ нарочно изъ малыя Фрігіи въ Грецію, слыша

слыша объ ея converter превеликой красотѣ. Сїе похищенїе было причиною славныя Троянскїя войны, продолжавшїяся десять лѣтъ. По смерти Парїсовой, вышла она за брата Парїсова Деифоба, коего истребилъ Менелай, будучи введенъ въ его покой Еленою: послѣ чего, слѣдовала она за своимъ мужемъ. По смертижъ и сего, ушла она на островъ Родосъ къ Царицѣ Полїксѣ. Но вмѣсто чтобъ тамъ себѣ получить чаемую помощь отъ своея свойственницы, сїя повелѣла Елену повѣсить на дерevѣ. Поносная ея казнь, и многїя любодѣйства, не возмогли быть однако препятствїемъ къ засвидѣтельствованїю ей божескїя чести.

LII.

Глав. 12. числ. 83. стран. 490. строк. 1. 2. 3. 4.

ИМѢЛЪ ПОСТАВЛЕННЫХЪ ПРИСТАВОВЪ СЪ ТРОСТЯМИ И ПУКАМИ БАТОГОВЪ, БУТТО КАКЪ БЫ ОНИ ВОДУ ОТГОНЯЛИ ПРОЧЬ.

Латїнскаго слова Lictor, я не могъ выдумать перевесть сходственнѣе, какъ чрезъ слово Приставъ: ибо Лїкторы у Римлянъ были нѣсколько похожи должностїю своею на старинныхъ нашихъ приставовъ. Впрочемъ, Лїкторовъ было въ Римѣ числомъ двенатцать человѣкъ: прежде всѣхъ учредилъ ихъ Ромулъ первый Римскїй Царь, и основатель Рима. Должность ихъ состояла

стояла воперьвыхъ въ томъ, чтобъ несть пукъ батоговъ, котораго въ средину топоръ былъ ввязанъ такъ, что желѣзо его было видимо: а носили они сіи пуки прутовъ предъ Царями для того, чтобъ показать народу Царскую власть, могущую тотчасъ какъ наказать на тѣлѣ прутьями, такъ и отсѣчь голову топоромъ, и притомъ дать ему знать, что идетъ Царь, и чтобъ онъ СТАЛЪ ГАРАЗДО, тоесть, чтобъ сталъ благочинно и хорошенько, да и уступалъ бы мѣсто идущему Царю. Въ республикѣжъ потомъ римской, предъ Діктаторами, Преторами, и другими градоначальниками, которыи имѣли право коммандовать армеями, и казнить смертію, Ліктторы также ходили: предъ Консулами и Діктаторами по двенатцати человѣкъ, а предъ Преторами по шести. Во время тріумфа, Ліктторы шли предъ колесницею торжествующаго побѣдителя, а пуки ихъ были увязаны лавромъ, да и въ рукѣ имѣли они лавровуюжъ вѣтьвь. Наказывали они и казнили винныхъ тотчасъ, какъ приказъ получатъ. Обыкновенно приказъ имъ былъ слѣдующими словами: I Lictor, colliga manus, expedi virgas, plecte securi; тоесть, ну, Ліктторъ, вяжи рýки, готовь батоги, руби топоромъ. Называли ихъ Ліктторами отъ Ligando, тоесть отъ вязанія: для того что они вязали нóги и рýки осужденнымъ прежде казненія. Выбирали ихъ обыкновенно изъ людей вольныхъ, такъ что никогда невольникъ не-былъ опредѣленъ въ сей Ліктторскій чинъ. брали ихъ изъ оныя чáсти народа, кою Римляне называли Quirites.

LIII.

LIII.

Глав. 13. числ. 90. стран: 502. строк. 7.

ЭНІАЛІЙСКОМУ МАРСУ.

Сей былъ богъ Сабінскій, отъ сихъ и отъ римлянъ называемый Квірінъ. И хотя Авторъ называетъ его Марсомъ; однако не весьма извѣсно изъ баснословныхъ древностей, его ль Сабінцы и римляне разумѣли, или какое другое божество равномощное Марсу. Въ капищѣ сего Квірина обыкновенно плясали Жерцы при служеніи ему.

LIIII.

Глав. 13. числ. 92. стран. 508. строк. 3.

ЧТО ЗА ЛѢШІЙ, ЧТО ЗА ФУРІЯ.

Чрезъ Лѣшаго разумѣется Сатиръ; а объ немъ смотри изъясненіе XXXXV. Но о Фуріяхъ XXXV.

LV.

Глав. 14. числ. 94. стран. 510. строк. 24.

ЦІКЛОПОВЪ ВЪ НЕЙ СИЛЬНЯЕ.

Ціклопы были самыи первыи Сіцілійскіи жители. По Гезіодову баснословію, они были дѣти Небовы и Землины; а по Эвріпідову, Нептуновы

птуновы и Амфітрітины. Сказываютъ, что у нихъ былъ токмо одинъ круглый глазъ посрединѣ лба; отъ чего они Ціклопами и названы. басниж говорятъ, что они были кузнецы Вулкановы, и ковали всегда перуны Юпітеру. Главнѣйшіи изъ нихъ называются отъ Піитовъ: Бронтесъ, Стеропесъ, и Піракмонъ; сей послѣдній у Овідія называется Акмонідъ. Повѣствуется въ басняхъ, что Аполлінъ ихъ убилъ стрѣлами, мстя за смерть сына своего Эскулапія, коего Юпітеръ убилъ перуномъ, скованнымъ отъ Ціклоповъ. Поліфемъ, Любовникъ Галатеинъ, коему Улиссъ выкололъ глазъ, есть также славенъ между Ціклопами въ Піитіческихъ басняхъ. Возрастомъ описываютъ ихъ чрезвычайно огромнымъ; а сіе ради бывшія въ нихъ силы.

LVI.

Глав 14. числ. 97. стран. 521. строк. 8. 9. 10. 11.

ЧТО ЗА ПСЫ ЛАЯНІЕМЪ СЦІЛЛУ ОКРУЖАЮТЪ! ЧТО ЗА ПРОЖОРЛИВОСТЬ У ХАРІБДЫ, И ЧТО ЗА НЕНАСЫТИМЫЕ ЧЕЛЮСТИ РАЗБИВАЕМЫМИ КОРАБЛЯМИ.

Сцілла дочь Форцісова, была любима Главку, который, не возмогши преклонить ея къ себѣ, прибѣгнулъ къ Циркѣ славной колдовкѣ, и просилъ ея, чтобъ она своимъ колдовствомъ Сціллино умягчила сердце. Но Цірка, влюбившись сама въ Главка, ничего того не захотѣла

здѣлать. Напротивъ того, повредила она ядомъ источникъ, въ коемъ Сцилла обыкновенно мылась, такъ что искупавшись въ немъ нѣкогда, превратилась отъ пояса до ногъ въ разныи виды псовъ. Увидѣвши сїе, такъ она сама собою возгнушалась, что тотчасъ бросилась въ Сїцїлїйское море въ проливѣ Мессїнскомъ, между городомъ Мессїною и регїемъ. Въ самой вещи, находится тамъ очень опасный для судовъ камень, о который они часто разбиваются. Вода, которая изрыгается изъ внутреннихъ нѣдръ сего камня, такой ужасный шумъ дѣлаетъ, что кажется, бутто то собаки лаютъ. Сїе самое и подало причину къ басни.

Харїбда есть преглубокая бездна или пропасть при Сїцїлїйскомъ берегѣ, въ Мессїнскомъ проливѣ, находящаяся къ полудню близъ Сциллы, которыя камень лежитъ въ Сѣверѣ къ Iталїанскимъ берегамъ. Обѣ онѣ весьма опасны кораблямъ, такъ что вошло въ присловие, НАДОБНО БЕРЕЧИСЬ, ЧТОБЪ НЕ ПОПАСТЬ ИЗЪ СЦИЛЛЫ ВЪ ХАРІБДУ; тоесть изъ зла въ зло. баснословїе вымыслило, что бутто Харїбда была непотребная и злая жонка, и бутто она украла воловъ у Геркулеса, за что ея Юпїтеръ и превратилъ въ оную пропасть. Вїргїлїй весьма изрядно описываетъ ея въ 3 книгѣ Энеїды, и говоритъ, что волны обѣихъ сихъ пропастей сражаются между собою, такъ что онѣ чрезъ то очень подымаются высоко. Горацїй, въ кн. 1. од. 27. стїх. 19. называетъ Харїбдами непотребныхъ жонокъ, кои, не смотря на любовь къ себѣ, истощеваютъ силы и имѣнїе у своихъ любовииковъ. Нынѣ Харїбду назы-

ваютъ КАПО ДІ ФАРО. бошартъ говоритъ, что сїе имя происходитъ отъ Финікійскаго языка, ХАРЬ-ОБДАНЪ, тоесть, бездна погубленія; а Сцілла отъ ШОЛЛЪ, тоесть, пагуба, напасть. Есть на Латинскомъ языкѣ и присловїе: Incidit in Scyllam, cupiens vitare Charybdin, тоесть, попалъ въ Сциллу, желая уйти отъ Харібды.

Тамже строк. 11. 12. 13. 14. 15. 16.

КТО БЫЛЪ АЦІСЪ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЙ ЛЮБОВНИКЪ, КОТОРЫЙ ИЗЪ ГАРЯЧІЯ РАНЫ ПУСКАЛЪ САМУЮ СТУДЕНУЮ ВОДУ? БѢЖАЛА ГАЛАТЕЯ ОТЪ ЦІКЛОПОВА КАМНЯ НЕ БЕЗЪ НѢКОТОРАГО ПОВѢСТВУЮЩИХЪ СТРАХА.

Объ Ацісѣ, и о Галатеѣ смотри изъясненїе XX; а о Ціклопѣ Поліфемѣ вопервыхъ тамже, а потомъ изъясненїе LV.

Тамже строк. 16. 17. 18. 19. 20.

ИЗЪ ЭЛІДСКИХЪ СТРАНЪ ДРУГОЙ ЛЮБОВНИКЪ, ИМЕНЕМЪ АЛФЕЙ, СКВОЗЬ МОРЕ, НЕ ПОВРЕДИВЪ СЛАДОСТИ ВЪ СВОЕЙ ВОДѢ, ПРОТЕКАЛЪ, И ЗА АРЕТУЗІЮЮ СКОРОСТІЮ ДО СІЦІЛІИ ГНАЛСЯ.

Алфей есть рѣка Пелопоннесская, кою Морейскіи жители нынѣ называютъ Орфеа, и Рофеа;

феа; а мореплаватели Італіанскіи, Карбонъ. Она течетъ въ Элідской землѣ. Піиты вымыслили, что Алфей, будучи охотникъ ходить съ собаки за звѣрьми, влюбился въ Аретузу Діанїну Нїмфу; а гонясь за нею до самыхъ Сіракузъ въ Сіцїліи, хотѣлъ ея изнасильствовать. Но оная Нїмфа возопила молитвою къ Діанѣ, которая и превратила ея въ источникъ. Алфей также превращенъ въ рѣку. И понеже онъ не могъ позабыть любви своея къ Аретузѣ; то баснословіе говоритъ, что онъ ея засвидѣтельствуетъ ей тѣмъ, что совокупляетъ свою воду съ водами источника Аретузїна, протекая изъ Пелопоннеса посрединѣ моря, не соединяя своихъ струй; а дѣлаетъ сїе до самыя Сіцїліи, въ коей сопрягается съ Аретузою.

Тамже строк. 20. 21. 22.

УБИВАЕМЪ БЫЛЪ ОТЪ ГЕРКУЛЕСА ЭРІКСЪ, А БУЛАВУ ЕГО ПРОКЛИНАЛА ВЕНЕРА.

О Геркулесѣ смотри изъясненїе VIII. а объ Эрїксѣ и Венерѣ III.

Тамже строк. 26. 27.

ВЫБѢЖАЛЪ ИЗЪ-ПОДЪ ЗЕМЛИ КЪ СОЧЕТАНІЮ ПЛУТОНЪ.

О Плутонѣ смотри изъясненїе X.

Тамже стран. 522. строк. 2.

ГДѢ ПОХИЩЕНА ПРОЗЕРПІНА.

Выше уже объявлено, что Прозерпіна была дочь Церерина; что мать ея искала по всей вселенной; и что по возвращеніи ея въ Сіцилію увѣдомилась она отъ Німфы Аретузы, или, по мнѣнію другихъ, отъ Німфы Ціаны, кѣмъ и какъ похищена Прозерпіна. Но о мѣстѣ похищенія ея писатели не соглашаются: одни говорятъ, что было въ Сіциліи на Эннейскихъ поляхъ, когда Прозерпіна тамъ цвѣтки брала; другіи, что то въ Аттікѣ; третьиже, что то во Ѳракіи.

Тамже строк. 3. 4. 5.

ПО КАКОЙ ТРАВѢ ЦІАНА ТЕКУЩЕЙ СЕБѢ СПЕРВА УДИВИЛАСЬ.

Ціана была Сіцилійская Німфа, любовница Анапісова, которая хотѣла воспротивиться похищенію Плутонову; а за то превращена въ источникъ тогожъ имени.

Тамже строк. 5. 6 .7 .8.

НАПРАСНО ЭЛЕВЗІНЦЫ ПРИСВОЯЮТЪ СЕБѢ ЧУЖІЯ ДОСТОПАМЯТНЫЯ ДѢЛА: ИБО НЕ ПРИ ЦЕФІССѢ, НО ИЗЪ СІЦІЛІИ БЫЛЪ ПУТЬ ПЛУТОНУ.

Элевзінцы названы отъ Элевзіса древняго Аттіческаго города, стоявшаго между Мегарою,

и портомъ

и портомъ Пірейскимъ. Сей городъ нынѣ называется Лептіна; а былъ онъ са́мый славный въ Греціи ради капища Цереры, называемыя Элевзінскія, посвященнаго тайнамъ сея богини, которыхъ не́-было во всемъ язычествѣ чесняе; такъ что сіи токмо тайны по превосходству называемы были тайнами.

Цефиссъ есть Фоцідская рѣка, которыя на берегу стоялъ отвѣтъ Темідінъ, тоесть богини првосудія и справедливости, вопрошенный Девкаліономъ и Пиррою послѣ великаго піитіческаго потопа. Но здѣсь не о сей рѣкѣ есть слово: ибо были другіе рѣки симъ же именемъ называемые въ Греціи, а именно въ Аргосѣ, въ Сіціонѣ, и блиско Аѳинъ. О сей то рѣкѣ Цефіссѣ, которая недалеко отъ Аѳинъ, идетъ здѣсь дѣло.

Тамже строк. 9. 10. 11. 12. 13.

ПОТОМЪ, СТРАХИ ЦЕРЕРІНЫ СКАЗЫВАЛИСЬ, И НОЩНОЕ БЛАГОГОВѢИНСТВО, КОТОРОЕ БОЛЬШІЕ СВѢЧИ, И ТАЙНОЕ РЫДАНІЕ ПОСВЯЩЕННЫМЪ ИМѢТЬ ПОВЕЛѢВАЕТЪ.

Чрезъ сіе описывается то, что дѣлалось при празнованіи таинъ Церерінымхъ помянутыхъ выше. Въ тайнахъ сихъ надлежало имѣть крайнее молчаніе; такъ что ежели кто ихъ откроетъ, тотъ былъ казненъ смертію. Удивительно, тайны сіи отправляемы были женскимъ токмо поломъ; а онѣ въ сіе время всюду бѣгали

съ факелами ночью, длятого что, по Прозерпінином похищеніи, Церера сама бѣгала по всему свѣту ищучи дочери своея. Впрочемъ, женскій полъ тогда самое бесчесное употреблялъ своеволіе; однако о всемъ томъ, что тамъ дѣлалось, всѣ онѣ молчали, приводя въ причину, что сама Церера укрывала свое намѣреніе, пока не получила извѣстія о своей дочери. Нынѣ всякъ бы съ стыда одеревѣнѣлъ, ежелибъ сказать, что дѣлали Римскіе госпожи при празнованіи Церерѣ, Венерѣ и Пріапу. Цереріны тайны были двои, и назывались большими и малыми. большіе были въ честь самой Церерѣ; а малые дочери ея Прозерпінѣ. Но мы изъясненія на вторую часть здѣсь симъ и окончаваемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

ВЪ ПРЕДУВѢДОМЛЕНІИ

Стран:	Напечатано.	Читай:
IIII	regii amores	regii amores,
XVI	для украшенія	на украшеніе
XXII	Ібурранъ	Іббурранъ
XXII	Ібуррановы	Іббуррановы
XXXXVIII	и порученною имъ	порученною облада-телямъ
L	Ібурранѣ	Іббурранѣ
LXXXII	безъ прикладное	бесприкладное
XCVIII	еще и не безъ слав-ныхъ.	еще и небесслав-ныхъ.
CIII	по грѣшностяхъ	погрѣшностяхъ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

25	Ібурранъ	Іббурранъ
30	исканы были.	были исканы.
33	О! зла неровия, о!	О! злый, и не верста,
67	къ Магеллу	въ Магеллу
76	глухіи Аргенідины	глухія Аргенідины
101	Галліротія	Галірротія
103	пребездѣльнѣйшаго	пребездѣлвнаго
119	предостойнѣйшихъ	предостойныхъ
124	въ гербъ свой	въ знаменіе рода своего
163	быть думаетъ;	быть думаетъ,
214	Восхить, богиня, о!	Восхить, о! божество,

ВЪ ИЗЪЯСНЕНІЯХЪ.

232	дочери Діонеевой	дочери Деіонеевой
248	двревніи	древніи
276	и гогорили они	и говорили они
278	разныи изсточники	разныи источники

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Стран:	Напечатано.	Читай.
315	и самомубъ	и самомубъ
329	не своимъ, но	не своимъ порокомъ, но
342	къ растворенію	къ составленію
348	и рассудите	и рассудите
361	жестокіи волны	жестокіе волны
375	а на многихъ сонъ	а многихъ сонъ
375	сонъ напалъ	сонъ одолѣлъ
378	а особливо	и особливо
429	уготовилъ,	уготовилъ.
446	всемилостивѣйшій	всемилостивый
455	всемилостивѣйшій	всемилостивый
468	помню	помню
472	котораго всегда	коего всегда
475	родителя моего	моего родителя
483	чегобъ ради радіробанъ	для чегобъ радіробанъ
483	нежели для себя	нежели ради себя
521	не повредя	не повредивъ

ВЪ ИЗЪЯСНЕНІЯХЪ

539	мерскому	мерсскому
540	струахъ	струяхъ.

УКАЗАНІЕ
на
ПЕРВЫЙ ТОМЪ БАРКЛАІЕВЫ АРГЕНІДЫ.

Ацегоръ

Дуналбiй

Перстень

Р.

С.

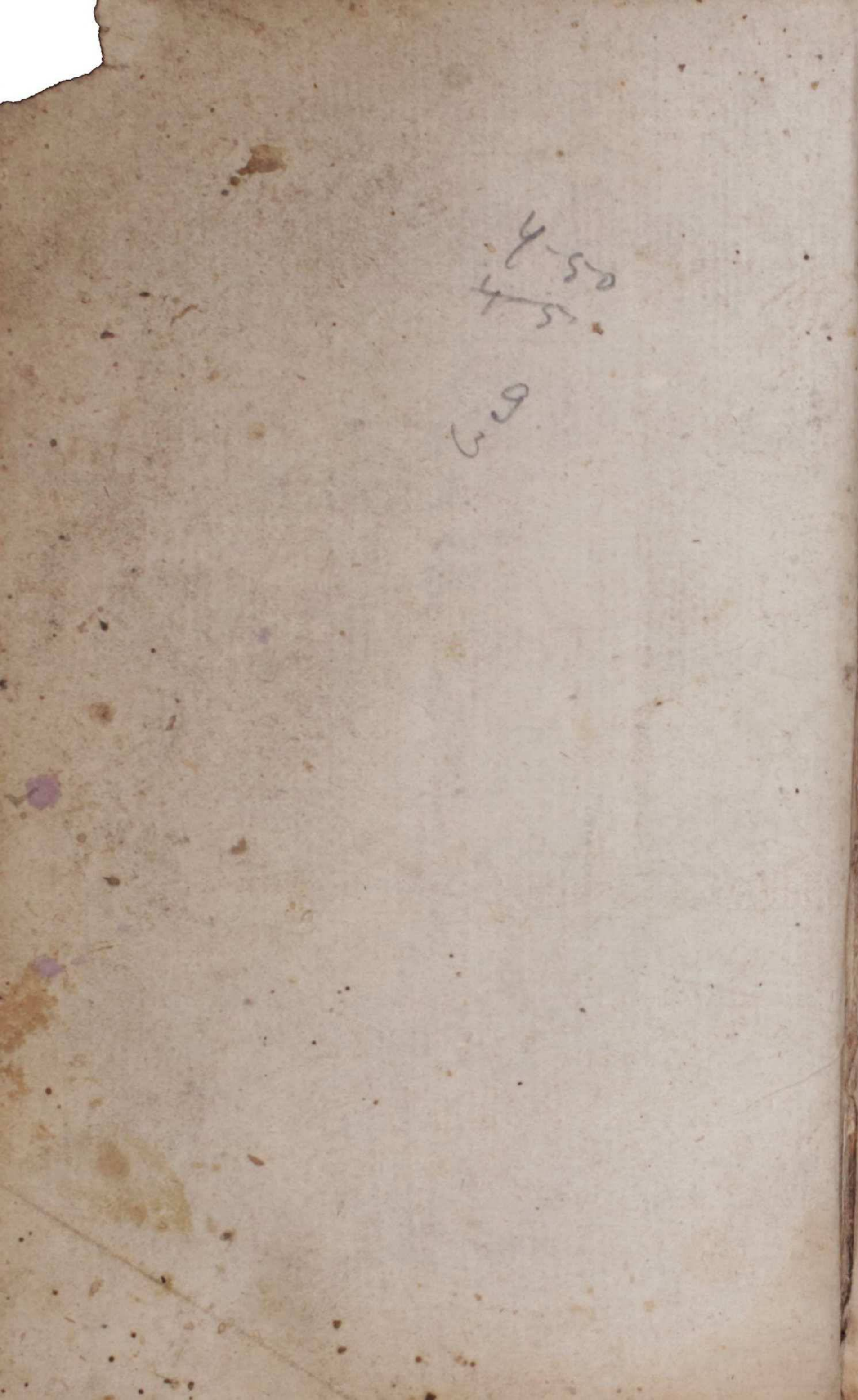
Т.

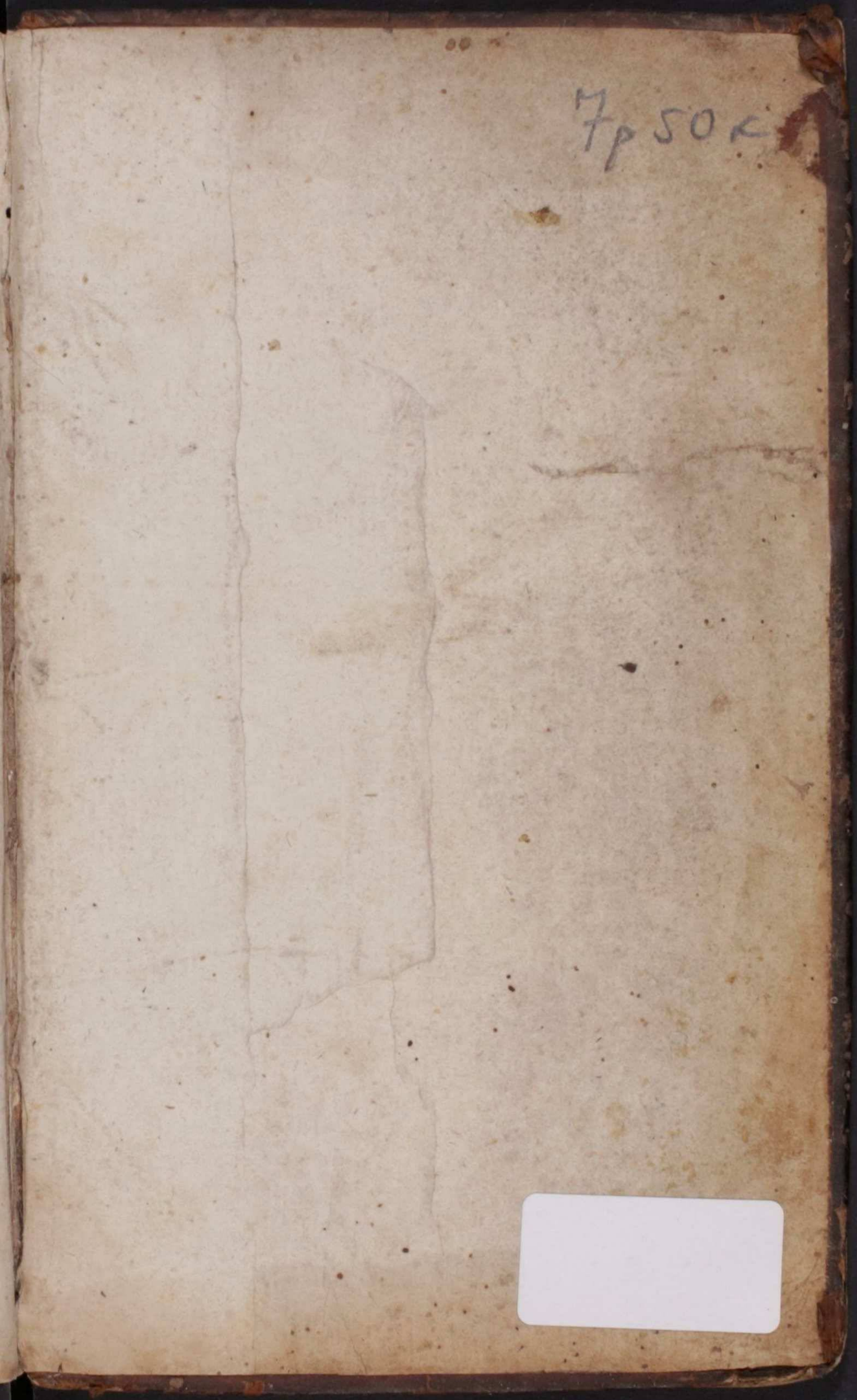
У.

Эрісте-

4-50
4-5
39

7р 50к

